

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ им. А.А. ПОТЕБНИ

Г.Д. Басова, Т.М. Голосова,
Ю.С. Лазебник, Н.Г. Озерова, И.А. Сеница,
Л.М. Стоян, А.Н. Тупицкая

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА

РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Киев
Издательский дом Дмитрия Бурого
2014

УДК 615.851(081)

ББК 53.57я44

П43

Ответственный редактор:

Н.Г. Озерова

У монографії представлено системний опис функціональних стилів сучасної російської та української мов, стилістичну характеристику стилістичних засобів досліджуваних мов, взаємодію функціональних стилів, специфіку стилістичних систем споріднених мов.

Г.Д. Басова, Т.М. Голосова, Ю.С. Лазебник, Н.Г. Озерова,

И.А. Сеница, Л.М. Стоян, А.Н. Тупицкая

П43 Сопоставительная стилистика русского и украинского языков : монография / Басова Г.Д., Голосова Т.М., Лазебник Ю.С., Озерова Н.Г., Сеница И.А., Стоян Л.М., Тупицкая А.Н.; отв. ред. Н.Г. Озерова. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2014. – 384 с.

ISBN 978-966-489-268-8

В монографіи представлено системное описание функциональных стилей современного русского и украинского языков, стилистическая характеристика стилистических средств исследуемых языков, взаимодействие функциональных стилей, специфика стилистических систем родственных языков.

УДК 615.851(081)

ББК 53.57я44

ISBN 978-966-489-268-8

© Басова Г.Д., Голосова Т.М.,
Лазебник Ю.С., Озерова Н.Г.,
Сеница И.А., Стоян Л.М.,
Тупицкая А.Н., 2014

© Издательский дом
Дмитрия Бурого, 2014

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение	6
Сопоставительная характеристика лексико-грамматических средств русского и украинского языков	14
Стилистические функции лексических синонимов в русском и украинском языках	15
Стилистическое использование антонимов в русском и украинском языках	28
Термины и терминологические сочетания в публицистике и художественной литературе	37
Употребление в художественных текстах терминологических слов и словосочетаний в номинативной функции	41
Метафоризация терминов	46
Метафоризация как стилистический приём	52
Стилистические ресурсы окказионализмов	62
Сопоставительная характеристика фразеологических средств в русском и украинском языках	71
Стилистические особенности употребления нейтральных фразеологизмов в русском и украинском языках	74
Стилистические особенности употребления книжных фразеологизмов в русском и украинском языках	79
Разговорная фразеология и её стилистические функции в русском и украинском языках	86
Структурно-семантическое преобразование фразеологизмов в русском и украинском языках как стилистический приём	95

Газетно-публицистический стиль русского и украинского языков	105
Неофициально-информативный подстиль газетной речи . . .	128
Информативно-экспрессивный подстиль	132
Неглубокая экспрессивная метафора	135
Активность эмоционально-оценочных средств	136
Экспрессивно-публицистический подстиль	140
Репортажный подстиль	145
Обиходно-литературный стиль в русской и украинской стилистических системах	160
Обиходно-литературный стиль	160
Релевантные языковые характеристики обиходно-литературного стиля	179
Метаязык науки как гуманитарная проблема	210
Функциональный аспект исследования стилистики и научных текстов близкородственных языков	219
Функциональные семантико-стилистические категории и способы их представления в научных текстах	229
<i>Категория обобщённости (абстрактности)</i>	232
<i>Категория авторизации</i>	236
<i>Категория акцентности</i>	242
<i>Категория лаконичности</i>	249
<i>Категория логичности</i>	252
<i>Категория модальности</i>	261
<i>Категория оценки</i>	272
<i>Категория экспрессивности</i>	279
<i>Категория гипотетичности</i>	286
Производственно-технический стиль	294
Определение понятия <i>производственная сфера</i> . Регламентация структуры сферы производства	297
Лексика производственно-технических стилей современных русского и украинского языков	301

<i>Состав и источники формирования</i>	301
<i>Экономическая терминология отраслевых производств</i>	307

Теоретические предпосылки

**сопоставительно-стилистического исследования русской
и украинской поэзии** 312

Место художественного стиля в общей стилистической
системе языка 312

Универсальные поэтические структуры как объект
сопоставительно-стилистического исследования 323

Поэтическое слово 323

Типы ПС 326

Структура поэтической модели мира 332

Поэтический язык 335

**Специфика внешнетемпоральной транспозиции
в русском и украинском художественном стиле (тексте)** 340

Взаимодействие стилей русского и украинского языков 353

ВВЕДЕНИЕ

Отправная точка практически всех современных сопоставительных исследований – лингвофилософская концепция Гумбольдта, в соответствии с которой разные языки – это различные видения мира, а сам процесс познания мира, соответственно, осуществляется посредством познания «языковой стихии».

В целом, в лингвистике выделяются три сферы анализа языка, использующие сравнение:

1. Сравнительно-историческая лингвистика, изучающая генетическую общность языков в их развитии;

2. Ареальная лингвистика, рассматривающая вторичное родство языков, языковые союзы, общность языковых явлений независимо от степени их генетической общности;

3. Типологическая лингвистика, изучающая схождения и расхождения между языками, независимо от степени их генетической близости¹

Один из ведущих исследователей-лингвистов в этой области В.Г. Гак рассматривает такие ЗАДАЧИ контрастивного изучения языков:

* Выявление схождения и расхождения в использовании языковых средств различными языками.

* Определение особенностей каждого из сопоставляемых языков, которые могут ускользать от внимания исследователей при одном лишь «внутреннем» изучении языка.

* Выявление непосредственной связи с различными видами прикладного языкознания, прежде всего с преподаванием неродного языка, поскольку сопоставительное исследование позволяет предвидеть и преодолевать нежелательную интерференцию в процессе обучения. А также выявление связи с теорией переводов, для которой сопоставительное исследование дает надежную лингвистическую базу².

---

¹ Гак В.Г. О контрастивной лингвистике. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV, Контрастивная лингвистика. – М., 1989. – С. 7.

² Гак В.Г. – Указ. раб. – С. 9.

На сегодняшний день можно говорить о двух подходах в рассмотрении проблем сопоставительной лингвистики:

(1) Семасиологический подход:

сопоставляемые факты рассматриваются в направлении от формы к содержанию (или к функции).

(2) Ономасиологический подход:

сопоставление ведется от содержания к выражающим это содержание языковым формам.

Несомненным является то, что в основе любого сопоставления – контрастная категория. Однако смысловое наполнение понятия «контрастная категория» находится в зависимости от того, какого из вышеназванных подходов придерживается автор.

Если речь идет о семасиологическом подходе, то эта категория имеет формальный характер, объединяя определенную форму с определенным содержанием.

При ономасиологическом подходе, который иногда называют функциональным, категория сопоставления носит чисто семантический или функциональный характер. Это может быть понятийная категория (причинность, принадлежность, собирательность и др.)³.

Помимо классификации разделов языкознания, применяющих сопоставление как метод, приведенных в работах В.Г. Гака, в лингвистике принято такое наиболее обобщенное деление: контрастная лингвистика занимается анализом генетически неродственных языков, тогда как сопоставительная лингвистика рассматривает близкородственные языки. И если генетически неродственные языки можно сопоставлять с точки зрения их формальных характеристик – с точки зрения их внешней формы, то для близкородственных языков актуально сравнение с точки зрения их содержательных параметров, можно сказать – их внутренней формы.

К содержательным параметрам текста, достойным стать предметом сопоставительного анализа, можно отнести: использование гиперонимических и гипонимических номинаций, использование переносных номинаций (метафоры, синекдохи, метонимии), соотнесенность высказывания с участниками коммуникативного акта (его направленность на первое лицо, на второе лицо или безличная форма), формирование модальной, эмоциональной, дискурсивной рамки высказывания, особенность форм внутри текстовой связи. Эти и подобные им вопросы

---

³ Там же. – С.10.

затрагиваются в сопоставительных стилистиках, которые пока еще не получили широкого распространения, несмотря на их исключительную полезность в практическом плане и стимулирующую способность в плане теоретическом.

Важным аспектом сопоставительного анализа текста является также изучение соотношения поверхностной структуры и пресуппозиции, а в связи с этим – фактов относительной избыточности и экономии текста⁴.

А.А.Реформатский, прибегая к иной терминологии и ссылаясь на А.Чикобаву, Б.А. Серебренникова и других, предлагает такую типологию принципов сопоставления – сравнительный и сопоставительный методы.

Сравнительный метод направлен на поиск в языках схожего, для чего следует отсеивать различное. Его цель – реконструкция бывшего через преодоление существующего. Сравнительный метод принципиально историчен. Его основной прием: используя вспомогательную диахронию, установить несколько срезов синхронии. «Сравнительный метод должен принципиально деиндивидуализировать исследуемые языки в поисках реконструкции протореалии»⁵.

В отличие от сравнительного метода сопоставительный метод принципиально прагматичен, он направлен на определенные прикладные и практические цели, что отнюдь не снимает теоретического аспекта рассмотрения его проблематики⁶.

Как и все глобальные проблемы в области языкознания, проблема стиля решается на различных уровнях языка по-разному, в зависимости от их специфики. Поскольку «подобно тому, как в разных поступках и суждениях человека проявляется его глубинный характер, так и в разных явлениях языка, относящихся к различным уровням, отражаются его глубинные тенденции»⁷.

Как и большинство ученых-стилистов, А.В. Федоров рассматривает стилистические проблемы с точки зрения соотношения элементов языковой формы и осуществляемой ими стилистической функции. Это соотношение «в разных языках может быть чрезвычайно различным, не совпадая, а, напротив, варьируясь в самых широких пределах»⁸.

---

⁴ Гак В.Г. – Указ. раб. – С.14–15.

⁵ Реформатский А.А. О сопоставительном методе. – В кн.: Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М., 1987. – С.40.

⁶ Там же. – С. 41.

⁷ Гак В.Г. – Указ. раб. – С.9.

⁸ Фёдоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. – М., 1977. – С. 108.

Что касается истории вопроса, то одна из первых концепций сопоставительной стилистики восточнославянских близкородственных языков была провозглашена А.И. Ефимовым в докладе на V Международном конгрессе славистов в 1963 г. в Софии⁹. В основе этой концепции лежала мысль о том, что предметом сопоставительного изучения являются не отдельные компоненты, а стилистические ресурсы в их системе. К аналогичному выводу пришел И.К.Белодед¹⁰.

В последующие годы к проблемам сопоставительной стилистики обращались как фрагментарно, в отдельных статьях, так и посвящали решению этих проблем специализированные издания. Одно из них – коллективная монография «Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков» (К.,1981), среди авторов которой – В.И. Кононенко, Г.П. Ижакевич, В.М. Брицын, Г.П.Пивторак. В монографии приводится как общетеоретический материал по проблемам лексических и грамматических средств стилистики, так и материал практического плана, из рубрики «Стилистика в школе».

Если на первых порах контрастивный (сопоставительный) анализ занимался в основном фактами языковой системы, то теперь он все больше обращается к тексту, к речевым актам, к реализации, следуя общему направлению развития современной лингвистики.

Сопоставительное исследование на уровне художественных текстов – это всегда диалог культур. А если рассматривать культуру как структурированную систему моделированного поведения¹¹, то становится очевидным, что сопоставительный подход не может не затрагивать другие языковедческие направления. Он втягивает в сферу своих интересов самые различные аспекты лингвистики: этнолингвистику, социолингвистику, психолингвистику, лингвистическую семиотику и др.¹²

Что же касается взаимодействия с другими гуманитарными науками, то тут существуют определенные проблемы. Сложность анализа художественного творчества в контексте диалога культур связана, на наш взгляд, именно с разобщенностью гуманитарных наук с присущей им самостоятельностью «отработки» своей, узко профессиональной части:

---

⁹ *Ефимов А.И.* Задачи сравнительной стилистики восточнославянских языков. – М.,1963. – С.6.

¹⁰ *Белодед И.К.* – О сопоставительной стилистике восточнославянских языков. – В кн.: Теоретичні проблеми лінгвістичної стилістики. – К., 1972. – С. 3–21.

¹¹ *Ладо Р.* – Лингвистика поверх границ культур. – Новое в зарубежной лингвистике. – XXV, 1989. – С. 50.

¹² *Гак В.Г.* – Указ. раб. – С. 17.

истории культуры, теории культуры, философии, эстетики, психологии творчества. Заявленная интегративность подхода – всего лишь теоретическая идея, которая чрезвычайно сложно вплетается в практические процессы¹³.

В сопоставительном изучении языка сопоставительная стилистика является как бы завершением контрастивных исследований.

Это подтверждается и самой историей науки: сопоставительные студии в области грамматики, фонологии, словообразования стали появляться одновременно с разработкой самой грамматики языка, тогда как стилистика как наука оформилась в начале XX века и только в 1909 г. появился первый опыт сопоставления двух языков в сфере стилистики (Ш. Балли).

В *зарубежном языкознании* можно выделить 3 сопоставительно-стилистических направления:

- * изучение характерологии языка, то есть выявление его специфических средств, отличающих его от сопоставляемых с ними языков;

- * изучение сопоставительной стилистики в связи с особенностями психологии определенного народа. Поскольку стилистика представляет собой науку об отборе средств выражения среди возможных синонимических средств языка, предполагается, что в этом отборе проявляется психология народа – носителя языка, его система мышления, его взгляд на мир и т.п. вплоть до особенностей психического склада нации;

- * изучение сопоставительной стилистики как основы для теории перевода и совершенствования преподавания языка.

Работы *отечественных исследователей* примыкают к характерологическому и прикладному типам исследований¹⁴. Только в последние годы появляются исследования этнопсихологического плана.

Весь языковой пласт включает в себя: языковые элементы (лексемы, словоформы, конструкции), несущие определенные стилистические коннотации, и нейтральные в стилистическом отношении элементы.

С этой точки зрения очень важно такое понятие, как «жанр», которое объединяет тексты с общим содержанием и некоторыми общими особенностями своей организации: жанры – это более или менее стандартизированные и имеющие общую цель разновидности коммуникации.

---

¹³ Левчук Л.Т., Рубан Л.П. *Художественное творчество в контексте диалога культур*. – В кн.: Диалог украинской и русской культур. – К., 1997. – С. 25.

¹⁴ Так В.Г. – О сопоставительной стилистике. – В кн.: Методы сопоставительного изучения языков. – М., 1988. – С. 49.

Понятие **функциональный стиль** дает общее представление о специфике и некоторых основных особенностях использования языка в определенной функционально-коммуникативной сфере». Функциональность» стиля напрямую связана с другим актуальнейшим для стилистики понятием – понятием «коннотация». Коннотации могут быть выражающими экспрессивность, эмоциональность, оценочность (связаны с особенностями использования языковых элементов); территориальными, социальными, стилистическими (связаны с языковой ситуацией)¹⁵.

Однако в сопоставительных стилистических исследованиях «сопоставляются» не только и не столько коннотации, которые в качестве со значений иногда совпадают в разных языках, сколько самостоятельные значения, обладающие ярко выраженной национальной спецификой. Это область изучения контрастивной лексикологии.

В целом, характерологический анализ представляет собой системный поиск лексико-семантических значимостей в языках с учетом иерархии элементов и уровней сопоставляемых языков. Определение и анализ отличий сопоставляемых систем должно проводиться через призму нейтральной системы общего семантического поля, которое реально воплощается в семах.

Проявление национальной специфики связано с комбинированием сем в лексических значениях слов различных языков, а также своеобразием способов номинации¹⁶. В этом аспекте значение слова можно оценивать в качестве источников проникновения как в индивидуальные, так и в национально-когнитивные континуумы. Соответственно, универсальное свойство словесного значения состоит в его неповторимой индивидуальности в конкретном национально-языковом измерении¹⁷.

Предлагается выделение таких типов семантических соответствий лексических единиц – эквивалентность, отношение включения (гиперонимия), отношение пересечения (гетеронимия), безэквивалентность, наиболее показательная с точки зрения выявления различий.

Однако лексикографические источники, на которые в первую очередь ссылаются лексикологи, могут достаточно полно отражать лексические

---

¹⁵ Семенюк Н.Н. – Статус и некоторые проблемы стилистического варьирования: исторический аспект. -- В кн.: Языки мира. Проблемы языковой вариативности. – М., 1990. – С. 42.

¹⁶ Манакін В.М. Зміст та принципи контрастивної лексикології близькоспоріднених мов.–АДД. – К.,1994. – С. 10.

¹⁷ Там же. – С. 15.

значения слов, но не их смыслы, поскольку словарь отражает только их вероятностные модели. Этим объясняется частое обращение исследователей к текстам, особенно к текстам художественным, богатым образностью. А поскольку «чем более образ индивидуален, контекстуален (смысл его не обобщен и не зафиксирован словарями), тем более требуется знаний экстралингвистических и собственно лингвистических»¹⁸. С этим связана специфика сопоставительно-стилистических методик анализа художественных текстов.

Соответственно одной из новейших доминант современного языкознания, предполагающей укрупнение объектов лингвистического анализа, трансформируется и парадигма сопоставительной стилистики. Современной лингвистической методологией обусловлена и необходимость сопоставления не стилей внутри различных уровней языка, не способов стилистического воплощения отдельных семантических (понятийных) полей, но – идиостилей в целом.

При этом структура идиостиля (в совокупности его проявлений – от слова до текста) должна соответствовать идее целостного сопоставления языковых феноменов. То есть идиостиль понимается не как производное от языковой системы, не как результат проекции уровней языка на совокупность текстов одного автора, но как сложное когнитивно-семантическое целое – модель мира. Последняя оказывается сферой взаимодействия различных факторов – онтологического, когнитивного, вербального и лингво-рефлексивного. В связи с этим в идиолекте выделяется четыре уровня универсально-поэтический, антропо- и логоморфный, индивидуально-языковой и метасемантический.

Таким образом, сопоставительно-семантическое исследование осознается как процесс сопоставления идиостилевых моделей мира. Так возникает проблема конституирования конкретных объектов сопоставительного анализа. Она может быть разрешена путем последовательного описания всех уровней идиостиля, что в итоге приведет к созданию основных теоретических предпосылок сопоставительного изучения индивидуальных поэтических систем.

В последнее время заметно усилился интерес лингвистов к вопросам связей между языком и культурой, языком и этносом. Это объяснимо: среди национально-специфических компонентов культуры язык

---

¹⁸ Брагина А.А. К сопоставительному изучению языковой образности. – В кн.: Методы сопоставительного изучения языков. – М., 1988. – С.47.

занимает главное место, является одним из наиболее выразительных репрезентантов национальной самобытности личности.

Общеизвестно, что «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь всегда одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культур... Сравнивая детально языки, мы разбиваем иллюзии, к которым нас причащает знание лишь одного языка, . – иллюзию, будто бы существуют незыблемые понятия, которые одинаковы для всех времен и народов. В результате получается освобождение мысли из плена слова, из плена языка и придание ей истинной диалектической научности»¹⁹. Замеченный Л.В.Щербой феномен может быть освещен, проанализирован при сопоставлении языков.

Несовпадение «картин мира», отраженных в сопоставляемых языках, проявляется и в лексике, и в грамматике, и в принципах категоризации. Оно создает множество различий в номинации одних и тех же объектов действительности, языки выделяют в действительности не однотипные признаки, пользуются разными «внутренними формами», и семантическое содержание даже весьма эквивалентных единиц так же, как и материальная форма, оказывается несовпадающим²⁰.

Ю. С. Лазебник

---

¹⁹ Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. –Л., 1974. – С.69, 316–317.

²⁰ Сопоставительная грамматика русского и украинского языков. – К., 2003. – С. 7.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

В практике сопоставительно-семантических исследований существенным моментом является выбор языковых объектов, ибо сопоставляются не просто языковые системы, а отдельные языковые единицы или совокупности единиц того или иного уровня. Так, при описании стилистических особенностей языковых единиц на лексическом уровне объектом сопоставительного исследования могут быть отдельные слова, синонимические, антонимические ряды, лексико-семантические группы (далее – ЛСГ). Воспользуемся аргументацией В.П. Сидельникова²¹ в пользу рассмотрения ЛСГ как материала исследования русской и украинской лексики.

Обращение к последним при сопоставительно-стилистическом исследовании является наиболее плодотворным в силу следующих причин:

1) ЛСГ представляют собой системно-структурные образования, что дает возможность в плане стилистического исследования применить системный подход, а следовательно, избежать фрагментарности и описательности, которые могут сопутствовать исследованию отдельных слов;

---

²¹ Сидельников В.П. Стилистические особенности лексико-семантических групп русского и украинского языков // Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков. Тезисы докл. Всесоюзной научн. конф. – Донецк. – 1977. – К., – С.94.

2) ЛСГ – это своеобразные микросистемы в лексике, которые, как правило, количественно исчислимы; это относительно замкнутые классы элементов с определенной внутренней организацией;

3) ЛСГ как системно-структурные образования дают возможность проследить взаимодействие семантики и стилистики в пределах одной микросистемы.

Стилистические функции лексических синонимов в русском и украинском языках

Каждый уровень языка в силу своей специфики по-своему выявляет стилистическую парадигматику. Больше таких возможностей в лексике. Богатый материал для изучения стилистических ресурсов русского и украинского языков в сопоставительном плане представляют лексические синонимы. Вопросы синонимии имеют исключительное значение для стилистики, поскольку многообразие стилей языка, речи опирается на синонимику.

Академик Л.В.Щерба, говоря о структуре стилистики русского языка, уточнял: «Развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимических средств выражения, так или иначе соотносенных друг с другом»²². Р.А.Будагов отмечал, что «синонимы – признак не слабости, а силы языка, его больших выразительных возможностей», и подчеркивал, что «основная функция большинства синонимов любого развитого языка – дифференцирующая»²³. Общепринято мнение, что стилиевой отбор основан на синонимии, а синонимия есть главное понятие стилистики. В последнее время все большее число ученых склоняется к признанию синонимии чисто семантическим явлением²⁴.

---

²² Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С.121.

²³ Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования. – М., 1963. – С.185.

²⁴ Ср.: «Синонимы –это семантические ряды слов» (Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. – М., 1986. – М. 16); «Семантические (шире – семантико-стилистические) факторы определяют и очерчивают явление синонимии, его сущность, объем, функции, связи с другими уровнями языка» (Ващенко В.С.

Лексические синонимы можно определить как «слова или эквивалентные им устойчивые словосочетания, тождественные по номинативной функции (денотативному значению), но различающиеся по их интеллектуальным (смысловым), формальным и реляционным (структурным) свойствам»²⁵. В самом определении синонима (тождество значения, сходства значений, близость их оттенков) заключен учет парадигматических и синтагматических отношений смысловой структуры языковых знаков, сопоставляемых в качестве синонимов. Семантический критерий оказывается тесно связанным со стилистической дифференциацией синонимов, так как именно в ней находят выражение «экспрессивные эмоциональные или оттеночные (т.е. смысловые) особенности»²⁶.

Тонкие наблюдения относительно роли мотивированности значения слова при установлении синонимических отношений находим в работе Е.А.Иванниковой: «Мотивированность вне всякого сомнения входит в лексическое значение слов, причем она отражается не только на смысловой стороне лексического значения, но и на других сторонах его, а именно, на сочетаемости с другими словами и стилистическом употреблении»²⁷. Так, например, в синонимическом ряду с доминантой **войти** некоторые лексемы выделяются своей образной мотивированностью, указывая на градацию семы передвижения. Глагол **вваливаться** указывает на шумное действие множества людей; **вкатиться** – называет быструю ходьбу полного невысокого человека; **вплыть** подчеркивает медленный, плавный характер движения при ходьбе. Ср.: Шумно **ввалился** в столовую доктор в шапке и шубе, засыпанный снегом (А.Толстой); В коридор **ввалилась** толпа солдат (Авдеев); Из боковой двери, слева от зрителей, на сцену **вкатывается** кругленькая, небольшого роста пожи-

---

Синоніми та значення їх у мовному житті // Українська народна лексика. – Дніпропетровськ, 1973. – С. 60.

²⁵ Васильев Л.М. Проблема лексического значения и вопросы синонимии // Лексическая синонимия. Сб. статей. – М., 1967. – С. 26.

²⁶ Словарь синонимов русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. Введение. – Л., 1970. – С.10.

²⁷ Иванникова Е.А. О роли мотивированности значения в синонимических отношениях слов // Лексическая синонимия. Сб. статей. – М., 1967. – С.120.

лая женщина (Юрьев); Решительно кашляя, она **вплыла** в приемную /больницы/ и села, сплетя руки на коленях (Л.Леонов)²⁸. Ср. в украинском тексте: Зі сходів зі свічкою зійшов дід Василь, а за ним поважно **впливла** баба Наталя (В.Шевчук).

Синонимия – явление синхронного порядка, поэтому «каждой определенной эпохе развития в жизни языка соответствует система синонимических средств, отличающаяся от предшествующей ей системы не столько новым составом слов, сколько стилистической перегруппировкой уже имеющегося в языке материала»²⁹. Этого же мнения придерживается Ю.Д. Апресян, определяя синонимический ряд как исторически сложившуюся группировку слов (и выражений), которая носит системный характер³⁰. «Эмоциональность слова, – по справедливому замечанию В.В.Колесова, – определяется местом его в стилевом ряду»³¹.

Экспрессия книжности наглядно видна при сопоставлении стилистических синонимов. В ряду **думать – мыслить – помышлять** экспрессивная окраска двух последних глаголов очевидна, поскольку глагол **думать** относится к нейтральному пласту лексики, **мыслить** же – архаизированное слово. Ср. у А.Пушкина:

«Гляжу ль на дуб уединенный,
Я **мыслю**: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный».

Квалифицирующую оценку глагола **мыслить** наблюдаем в контексте современной художественной прозы: «Всем в дивизии было известно: Прищемихин не «думает», не «предполагает», а – «мыслит». Даже к ординарцу своему обращается он так: «Ты насчет ужина сегодня как мыслишь?!» (Г.Бакланов). Налицо – иронически-оценочный стилистический оттенок.

---

²⁸ Примеры Е.А. Иванниковой. – Указ.соч. – С.122.

²⁹ Палевская М.Ф. Проблема синонимического ряда, его границ и возможностей выделения доминанты // Лексическая синонимия. – М., 1967. – С. 100.

³⁰ Апресян Ю.Д. Проблемы синонима // Вопросы языкознания. – 1957. – № 6.

³¹ Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. – СПб., 1998. – С.131.

Характеристику семантико-стилистических проявлений синонимов в русском и украинском языках на лексическом уровне следует начать с указания на общие и отличительные черты их проявлений в разножанровых текстах. «Общность происхождения, постоянное взаимодействие двух языков, обусловившие сходство словарных составов, определили и параллелизм синонимической организации, полное совпадение ряда звеньев их синонимических систем»³².

В обоих языках наличествуют многочисленные примеры тождественных синонимических пар и рядов; особенно много таких лексических дублетов в терминологии, где один из синонимов часто оказывается заимствованным: **языкознание – лингвистика // мовознавство – лінгвістика; чувство – эмоция // почуття – емоція; неологизмы – новообразования // неологізми – новоутворення; орфография – правописание // орфографія – правопис** и др.

В составе рядов может быть иностранное слово, поскольку заимствование шло из общего источника либо входило в лексический состав одного языка через посредничество другого. Ср.: **чудо – феномен – уникум // чудо – феномен – унікум; основоположник – основатель – зачинатель – родоначальник – отец – патриарх – инициатор // засновник – основоположник – зачинатель – починатель – родоначальник – батько – патріарх – ініціатор; аномалия – отклонение – неправильность – ненормальность – патология – аномальность (книжн.) // аномалія – ненормальність – відхилення – неправильність – патологія – аномальність (книжн.); анализировать – разбирать – рассматривать // аналізувати – розглядати – розбирати; узаконивать – легализовать // узаконювати – легалізувати** и др.

Опорные лексические элементы (доминанты) рядов как правило стилистически нейтральны в обоих языках. Ср. **отверстие – дыра (разг.) // отвір – відтулина – діра – дірка; переселиться (переместить свое местожительство) – переехать – перебраться (разг.)** –

---

³² Ижакевич Г.П., Кононенко В.И., Пилинский Н.Н., Сиротина В.А. Сопоставительная стилистика русского и украинского языков. – К., 1980. – С. 60–61.

перекочевать (разг.) // **переселиться – переїхати – перебраться – перекочувати** (розм.) – **спровадитися** (діал.) и др.³³

Некоторые соотносительные синонимические ряды в русском и украинском языках отмечены экспрессивно-образным или оценочным элементом, выраженным разговорными или просторечными лексемами. Напр., много специфического включают в себя ряды: со значением «быстро передвигаться» **бежать – нестись** (усилит.) – **мчаться** (усилит.) – **мчать** (усилит.) **лететь** (усилит.) – **дуть – чесать** (прост.) // **бігти – летіти** (підсил.) – **мчати** (підсил.) – **мчатися** (підсил.) – **нестися** (підсил.) – **гнати** (розм., підсил.) – **гнатися** (розм., підсил.) – **чесати** (розм.) – **чухрати** (розм.) – **шкварити** (розм.) – **шпарити** (розм.); **браниться – ругаться – выражаться** (обих., разг.) – **чертыхаться** (разг.) – **лаяться** (груб.-прост.) – **собачиться** (груб.-прост.) – **сволочиться** (груб.-прост.) // **лаяться – чортыхатися** (розм.) – **сипати чортами** (чортів) (розм.) – **батькуватися** (розм.).

В составе синонимических рядов могут быть диалектные лексемы. Напр.: **бродяга – шатун** (презр.) – **подзаборник** (прост.) – **зимогор** (прост., устар.) // **бродяга – волоцюга** (зневажл.) – **мандрюха** (зневажл.) – **пройдисвіт** (зневажл.) – **приблуда** (зневажл.) – **бурлака** (заст.) – **блудяга** (діал.) – **галайда** (діал.) и др. Экспрессивная образность наречия **вокруг** передана через существительные, положенные в основу образованных наречий в русском и украинском языках. Ср. **вокруг – кругом – округ – окрест** // **навколо – довоккола – навкруги – навкруг – довкіл – наоколо – доокола – вколо – наокоури – наокоури – довокруг** (діал.) – **кругом**.

С точки зрения стилистической маркировки синонимические ряды русского и украинского языков имеют в своих составах лексемы, принадлежащие к трем основным пластам: нейтральному, книжному, разговорному. Отмечается, что пополнение рядов за счет книжной лексики активнее шло в XIX веке. Ср. **слушать – внимать** (книжн.) // **слухати; целовать – лобзать** (книжн.) // **цілувати; взгляд – взор** (книжн.) // **погляд – зір**. «Бабушка иногда жалуется,

---

³³ Примеры взяты из «Русско-украинского словаря синонимов» (под ред. Н.Н.Пилинского). – К., 1995.

что не управится с гостями, **ропщет** на Веру, что не хочет помочь» (И.Гончаров).

Многие синонимические ряды при формальной эквивалентности лексем, входящих в их состав, в сопоставляемых языках обнаруживают различную стилистическую окраску. Ср.: **наказание – кара** (*возвыш.*) // **кара** (*нейтр.*) . – **покарання – карання – скарання** (*рідко*) – **покута** (*церк.*) – **укарання** (*діал.*); **муштровать** воспитывать, обучать кого-л., придерживаясь излишне строгого, сурового метода – **школить** (*разг.*) – **дрессировать** (*разг.*) // **муштрувати – школити – дресировати**; **мысль – дума – размышление** // **дума – мисль** (*рідше*) – **міркування**; **лгать – обманывать – врать** (*разг.*) – **сочинять** (*разг.*) – **брехать** (*груб.-прост.*) – **заливать** (*прост.*) – **лить пули** (*прост.*) // **брехати – обманювати – оманювати** (*розм.*) – **підманювати** (*розм.*) – **вигадувати – видумувати – виплітати** (*розм.*) – **брехні точити – дзвін великий лити** и др. Ср. «Лгал он ей наивно, как говорят **неправду** не подготовленные ко лжи» (Ю.Бондарев); «Я не требую любви, но зачем же этот гнусный **обман**? За что же эта **ложь**?» (А. Чехов); «Саша тоже смеется над ним, а сама все слушает его **брехню**» (Д. Мамин-Сибиряк).

Расхождения в стилистической окраске компонентов, общих для обоих языков, наблюдаем на примере синонимических рядов: **глаза – очи** (*высок.*) – **вежды** (*поэт.*) – **буркалы** (*разг.*) – **гляделки** (*прост.*) – **бельма** (*груб.*) – **зенки** (*прост.*) // **очі – баньки** (*розм.*) – **балухи** (*розм.*) – **сліпаки** (*розм.*) – **вирла** (*вульг.*). Лексема **очи** в русском языке употребляется в высоком книжном стиле, а в украинском она принадлежит к нейтральному. Ср.: «Но теперь я отчетливо вижу, Различаю все четче и четче, Как **глаза** превращаются в **очи**, Как в уста превращаются губы» (Л.Мартынов); «У Ули были не **глаза**, а **очи**» (А. Фадеев); «Ой **очі, очі, очі** дівочі? Хто в них задивиться, сонця не схоче» (И. Франко). Эти ряды названий органов зрения в исследуемых языках пополняются метафизированной заимствованной экспрессивной лексемой **фары // фари** с отрицательной коннотацией, что свидетельствует о сходных процессах номинации в них.

Нейтральная лексема служит фоном, на котором проявляется экспрессивно-эмоциональная и /или оценочная характеристика

разговорных, просторечных и книжных слов, объединяемых в синонимические ряды для выполнения стилистических функций – функция замещения предупреждает повтор лексических единиц в тексте; функция уточнения позволяет более четко передать мысль, описать нужную жизненную ситуацию; экспрессивно-стилистическая функция выполняет задачу интенсификации либо градации признака, действия.

«Наращивание количества эмоционально-оценочных синонимов – результат коллективного языкового творчества», – замечает В.А. Чабаненко³⁴. Проследим это явление на материале синонимии.

Синонимы, обозначающие процесс речи, широко представлены в украинских пословицах. Выстраивается синонимический ряд с опорными словами **говорити – казати**. Ср.: **говорити – казати – мовити – балакати – гомоніти – белькотати – лепетати – торочити – базікати – верзти – городити – плести – молоти – ляпати – бовкати – плескати – гоготати** и др. Отмечено, что в ряду преобладают синонимы с негативной оценочностью; синонимы положительной оценочности как правило нейтральны, оттеняют семантические нюансы разговорных лексем ряда. Ср.: Не діло багато **говорити**; Не **говори** пишно, щоб на зле не вийшло; Сміх людям **казати**; Не до ладу **сказати**, ліпше змовчати. Лексема **мовити** иногда может иметь окраску торжественности: Що **вимовиш** язиком, то не витягнеш і колом. Синоним **гомоніти** указывает на оценочный аспект говорения. Ср.: На інших **гомонять**, а самі все лихо творять. С негативной оценочностью выступает глагол **лепетати, белькотати** «говорить неразборчиво». Ср.: Не тямить голова, що язик **лепече** дива. **Лопотати, молоти** – «вести бесконечные пустые разговоры. Ср.: Язык без кісток: що хоче – **лопоче**; **Меле**, як порожній млин; **торочити** – «настойчиво повторять одно и то же». Ср.: Дурний дурне й **торочить**. **Бовкнути** – «сказать что-л. необдуманно» Ср.: Язык **бовкне**, а по спині дадуть. **Плескати** – «говорить вздор, выдумывать» Ср.: Не все то правда, що на весіллі **плещуть**.

О богатстве языка писателя, его стилистическом чутье можно судить по уместности и целесообразности использованных им

³⁴ Чабаненко В.А. Основи мовної експресії. – К., 1984. – С.13.

синонимов. К слову **поговорить** в произведениях Н.Салтыкова-Щедрина А.И. Ефимов насчитал более тридцати синонимов, а именно: **брякнуть, буркнуть, воскликнуть, выдавить из себя, загвоздить, залаять, пустить шип по-змеиному, стонать, курлыкать, ржать, рявкнуть, калякать, повествовать, обратиться, заикнуться, заметить, рассуждать, подхватить, сказать, сболтнуть** и др.³⁵ Однако наличие разветвленных синонимических рядов в художественном языке не единственный показатель стилистического богатства произведения. Д.М. Поцепня наблюдала нераспространенный рисунок синонимии горя и скорби в автобиографической трилогии М.Горького, что обусловлено сдержанным характером повествования. Напр.: **тоска, уныние, печаль; злость, злоба; обида, досада**. Стилистический эффект достигается добавлением красочных, «говорящих» эпитетов (**лютая тоска, злая тоска, волчья злоба, бешеная обида**) и словосочетаний (**окаменел в тоске**)³⁶. Действие «говорение» представлено у М. Шолохова рядом: **говорить, болтать, лопотать, лепетать, тараторить, гудорить, стрекотать**.

В рассказах А.Грина: **сообщить, заявить, сказать, протянуть, ответить, закричать, прошептать, шепнуть, произнести, подтвердить, возразить, пробормотать, воскликнуть, вскричать, вставить, пробурчать, перебить, прибавить, крикнуть, подхватить** и др.

В синонимическом ряду с доминантой **есть** («принимать пищу») – большинство лексем – идеографические синонимы: **кушать, груб.-прост. жрать, лопать, трескать, разг. уписывать** (со сл.за обе щеки) («есть много с удовольствием и аппетитом»), **разг. уплетать, прост. уминать, убирать, усиживать, заворачивать, глотать** («есть спеша и плохо пережевывая»), **проглатывать, поглощать, уничтожать, поедать** («съесть все жадно, не разбирая что»), **усилит. пожирать, прост. рубать, жарг. шамать // їсти, споживати, у(в)живати, їстки, їстоньки, їсточки** (ласковое приглашение детей к столу), **вульг. жерти, лягати, лопати, тріскати, троцити**

---

³⁵ Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. – М., 1961. – С.263.

³⁶ Поцепня Д.М. Синонимия горя и скорби в автобиографической трилогии М.Горького // Словоупотребление и стиль М.Горького. – Л., 1968. – С.102–111.

(«есть много и жадно»), *разг.* **у(в)минати, вбирати, прост. навертати** («есть с аппетитом»), **глитати, поглинати** («есть поспешно, не пережевывая как следует»), *прост.* **рубати** («есть жадно все, не разбирая»).

Картина синонимических ситуаций может быть продемонстрирована на примерах стилистических рядов со значением глаголов речевых действий в обоих языках, напр.: **разговаривать** («вести разговор»): **говорить, беседовать, разг. толковать, болтать, прост. калякать, растабарывать, прост. точить лясы, чесать (трепать) языком // розмовляти, говорити, балакати, плести, разг. бесідувати, просторікувати, базікати, жебоніти, торочити, молоти (языком), теревенити, торохтіти, цокотіти, шамкотіти, ляпати (языком), верзти, точити ляси (баляси)**; глаголов движения: («идти, делая шаги, передвигаться»), **шагать, ступать, прост. топать; вышагивать** («идти медленно, широкими шагами»), **выступать, шествовать** («идти важно, с достоинством»); *прост.* **переть** (обычно «идти на большое расстояние или трудным путем»), *прост.* **переться // іти, крокувати, виступати, ступати, тупати, простувати, дріботіти, проходити, прост. перти.** Ср.: «...а в перелуках и закоулках... все **ходят** и, как летучие мыши, **шныряют** по перекресткам (Н.Гоголь); «Він не питає, куди ти **йдеш** і чому ти **йдеш**. Він просто зауважить твою ганебну втечу з цеху безбарвним, ввічливим голосом: – Ви **йдете**. Він отак собі глянє, як ти по-зłodійському **вшиваєшся** з цеху, і спокійно промовить: «Ви **йдете**». І нікуди ти не **підеш**, знову надягнеш спецівку і знову станеш поряд з Євгеном (який теж хотів **дати драла**); «Ми стоїмо посеред лабораторії, огинаємося, ніяковіємо, нам кортить **дремнути** звідси, але ж що подумає про нас Шляхтич» (П.Загребельный); «Довго **кralися** селом, городами, поза хатами. Потім **ішли**, нагнувшись, високим житом.» Коли стало зовсім темно, **ступили** в ліс. Марійка **подріботіла** туди, звідки подав голос кінв» (В.Кава).

Ряд со значением «стать сумасшедшим» стилистически разнообразен в обоих языках: **лишиться рассудка (ума, разума, потеряют рассудок, помешаться (умом, рассудком), тронуться (умом, рассудком), разг. свихнуться (умом, разумом, с ума, с разума),**

прост. рехнуться, сбрендить (с ума) // збожеволіти, втратити (стратити) розум, *розм.* знавісніти, зійти з ума, стеряти розум, з'їхати з глузду, *прост.* здуріти): «– Да что же он? Спятил? – Рехнулся» (М.Булгаков).

Многочисленным в обоих языках является ряд глагольных синонимов со значением «смотреть» («направлять взгляд на кого-, что-либо или куда-либо») *глядеть, взирать, прост. глазеть, тарашить глаза, пялить глаза // дивитися, поглядати, глядіти, розм. зорити, глипати, видивлятися, визиратися, прост. витріщатися, витріщати (п'ясти, пнути, лунити, вирячувати) очі, діал. солопіти.* Напр.: «Мама повела доквуж очима»; «Марійка дивилася у присинене ніччю вікно»; «Припала до лісу очима. Десь там наші бійці, тато» (В. Кава).

В русских и украинских текстах представлены синонимы со значением «напиться», «пить спиртное»: «Он еще свечера **нахлестался**, так что сегодня не в своей тарелке» (устная речь); «– Боже, как **нарезался!**.. Как **надрался!**» (М.Булгаков); «Свято, Сергійку, святом, Але ж і сліпому видно, що **випив**, чимало **випив**, гарно **вмазав**, так що зранку перегар на гектар» (из газет); в последнем примере отмечается параллельное употребление нейтральной лексисемы (**випив**) и стилистически маркированной (**вмазав**).

Функция уточнения получает распространение в обоих языках при использовании синонимических средств в художественной и публицистической речи. Она заключается «в увеличении, нагнетании экспрессии высказывания, а эстетические качества последнего являются лишь следствием этой основной функции»³⁷. «И понял я, что клятвы не нарушу, А захочу нарушить – не смогу. Что я вовеки не **сбрешу**, не **струшу**, не **сдрейфлю**, не **совру** и не **солгу**» (Б.Слуцкий); «Нет, о вкусах спорят. За вкусы **борются! Дерутся! Сражаются!** (из газет); «**Скупий** був небіжчик. **Жмикрут! Скнара!** Все життя недоідав і складав гроші» (Ю. Мокрієв); «Я вам іще, хлопці, скажу, щоб ніколи не були **скупи, жадібні**» (Є.Гуцало).

---

³⁷ *Винокур Т.Г.* Синонимия и контекст // Вопросы культуры речи. – Вып.5. – М., 1964. – С.31.

«Синонимический ряд позволяет передать градацию в выражении мыслей, чувств, в характеристике вещей и явлений»³⁸. Экспрессивные синонимы выстраиваются в синонимические ряды в художественных контекстах, способствуя передаче градуальной семантики и тем самым обеспечивая усилительную-уточнительную функцию языка. Отбор наиболее ярких, выразительных образных определений качеств и действий наблюдаем в синонимических цепочках. Ср.: «Ні, не **пропив**, не **прогайнував**, не **промантачив**, не **проциндри**в без пуття» (П. Куліш); «А Настя, нашвидку перодягнувшись, вже **бігла**, **мчала** до Соні, зараз же **влетіла** в хату, як вітер» (С. Васильченко); «Ми, **любили** театр по-справжньому! Ми **любили**, ні, ми **боготворили** його акторів» (О. Вишня); «**Недобрий** чоловік, **лихий!**» (Т. Шевченко); «А **шануйте**, **чтіте**, **Поважайте** його, діти. Бо то батько сивий» (Т. Шевченко); «А що ми, хлоп'ята, вважаємо дядька Романа **чародієм**, **чаклуном**, **характерником**, це, видно, тішить його самого» (О. Гончар); «Ми повинні **поїхати** звідси! **Рвонем** якнайдалі!»; «Держикрай майже не щодня після роботи літав на своїй машині десь за місто... Як він встигав відвернути машину, **проскочити**, **прослизнути**, **прострибнути**, **пролетіти**, **врятуватися**, **вціліти**, **зберегтися**, – це переходило межі людського розуму» (П. Загребельный).

Образ морской стихии в романах Ю. Яновского «Вершники» и «Майстер корабля» становится «зримым», «слышимым», благодаря своеобразным синонимическим рядам с доминантой **шум** и **шуметь**. Ср. именные названия с эмоционально-экспрессивной семантикой: **шерхіт**, **хлюпіт**, **плескіт**, **сплеск**, **рокіт**, **шторм**, **рев**. Общее лексическое значение у слов «производит шум», но степень интенсивности его членов неодинакова; лексемы синонимического ряда передают разную степень градации: слова **шерхіт**, **хлюпіт** передают нулевой градационный признак. Лексемам **сплеск**, **плескіт** присущ более интенсивный признак и, наконец, максимальная степень признака выражается словами **рокіт**, **рев**, **шторм**. Ср. контексты: «Сутеніло над морем, і на березі **хлюпіт** хвиль і запах вечірнього степу; Людина билася з **штормом** груди в груди, а на березі лише

³⁸ Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. – М., 1986. – С.11.

шерхіт хвиль; Половець прислухався до **плескоту** хвиль об камінці; **Сплески** вилітали так високо, що ми крізь них дихали подвійною вогкістю **шторму**; Чути **шум** і **рокіт**. Він розлягається по березі, впивається в землю й росте з неї, як трава – густа, висока й страшна; **Шторм** розлютився надвечір, докочуючи хвилі дужчі й вищі; Рибалки... ніяк не могли перекричати **реву** штормової хвилі; Голова гула від **реву** морських хвиль».

Глагольний синонимический ряд починається стилістически нейтральним глаголом **шуметь** («Море набігає на берег і **шумить** пустельно й задумливо»), нейтрален і парний синонім («Море **вурчить** і **гуде**»); далі інтенсивність дії підвищується («Море **билося** сказано й грізно; Море зажерливо **ревло**, схопивши Мусія»). Таким образом, содержание лексем доповнюється новими оттенками, что позволяет увидеть градацію експресивного дії.

Не всякий синонимический ряд фіксується словарями: в обоих языках доволно розповсюджене явлення ситуативної або контекстуальної синонімії. Контекстуальні синоніми породжуються ситуацією³⁹ і утворюються в процесі індивідуального речевого акту, коли носителю мови треба визначити додаткові значення і стилістическі (часто – оцінні) нюанси. При цьому можливо появлення в мові синонімів-сравнень, синонімів-аналогій. Синонімія в цьому випадку виникає внаслідок семантичної близькості в стилістическій співвідносності слів. Контекстуальна синонімія активно функціонує в художній літературі.

Значення стилістических перетворень контекстуальної синонімії може бути розкрито тільки в мовному оточенні, бо в ньому розкривається семантична причина синонімізації.

В такому синонимическом ряду можуть бути представлені лексеми термінологіческі (в тому числі іноземного походження); для підвищення стилістического ефекту в тексті слово може уточнюватися розмовними елементами. Ср. в контекстах:

---

³⁹ *Винокур Т.Г.* Синонімія і контекст // *Вопросы культуры речи.* – Вип. V. – М., 1965. – С.31.

«**Віковічна** боротьба двох станів, панського й мужичого, боротьба **хронічна**, що часом приймала гострі форми й бурею проносилась над нещасним краєм, – ніколи не кінчалась» (М. Коцюбинский); «**Шантажує? Залякує**, чи чого він хоче, цей садист»; «Де їй [дорозі – Л.С.] початок? Де буде **кінець?** Все на світі десь-таки свої початки бере і десь мусить мати свої **фінали**» (О. Гончар); «Все в ньому **роблене**. В жодному слові немає ширості, все наносне, **фальшиве**» (А.Хижняк).

Введенная в художественный контекст терминологическая лексема может быть дополнена авторским объяснением: «На зміну рикшам-пішоходам майже всюди пройшли так звані **бечаки, рикші-велосипедисти**»; «Сидимо утрюх за столиком, знічев'я оглядаємо незнайомих людей. Люди типово сучасних трас: притомлені дорогою, **неговірки** або, як тепер кажуть, **мало комунікабельні**» (О. Гончар).

В языке художественной и публицистической литературы сатирический или хронический эффект может достигаться путем стилистического сдвига в лексическом ненормативном словоупотреблении. Ср. «расшифровку» книжного (инострannого по происхождению) слова разговорной либо нейтральной лексемой: «Жизнь полна **камуфлетов**, а проще говоря **превратностей судьбы**» (А. Лацис); «Мы с тобою вместе мечтали пошляться **по Таврии** (ну, **по Крыму** по-русски) (П. Коган); « – Вчений каже: **параметри**, а я просто: **показники**»; «...**емпірично**, тобто **напомацки**» (П. Загребельный); «З першого ряду охорона виводить делегата, що наївно сплутає відкриття зборів із **фуршетом (випивомом)** по їх закінченню»; «Особисто я проповідую такий підхід – ти влізь в шкуру кожного учасника якоїсь із подій, отоді й суди, а не з висоти своїх великомудрих інтелектуальних **принципів**, які називаються **прибабаками**» (газ. «Сільські вісті», 2003).

Во взаимодействующих языках происходит процесс обогащения синонимических рядов – русского языка украинским, а украинского языка – русскими словами. Синонимическими являются пары слов в русском языке **жито – рожь, стерня – жнивье, шлях – дорога, ділянка – участок, землероб – земледелец, хлебороб –**

хлебопашец, в которых первые слова – заимствования из украинского. Ср.: «Путь **землероба** . – не лукавый путь. Земля от века учит жить правдиво» (В. Рыленков); «Что-то шепчут вербы у **криницы**, Да курлычат у небе журавли...» (А. Кубарев).

В русском и украинском языках идет непрерывный процесс пополнения синонимических рядов неологизмами, метафоризированными терминами, в художественной речи происходит сближение книжной и разговорной лексики. В то же время активизируются национально-специфические элементы языка.

Наряду с общими чертами в структуре, лексическом составе и даже стилистических характеристиках синонимических рядов русского и украинского языков в них проявляется ярко выраженное отличие прежде всего в национальном своеобразии лексического состава. Это своеобразие находит отражение в логико-понятийных и экспрессивно-оценочных возможностях каждого из близкородственных языков, что в свою очередь связано с историко-этнографическими, культурно-бытовыми и психологическими особенностями народов.

При различной структуре лексемы синонимического ряда в обоих языках сближаются смыслообъединяющимися признаками: семантическим параллелизмом, симметрией смысловой структуры, градацией экспрессии и стилистической окраской.

Стилистическое использование антонимов в русском и украинском языках

Антонимы – выразительные средства языка, активно используемые в стилистике языка и речи. Возможности их стилистического использования заложены в конкретной семантике слов, обозначающих противоположные проявления одной и той же сущности (признаков, явлений, действий и т.п.). Стилистический эффект от применения антонимии ощутим в специально созданном контексте, который демонстрирует разнообразие признаков предмета на фоне противоположности. Антонимы издавна использовались

в русских и украинских пословицах, поговорках, загадках и других видах народного творчества. Ср.: **Сытый голодного** не разумеет; Речи, что **мед**, а дела, что **попынь**; **Ближня** соломка лучше **дальнего** сенца; **Богат** да **крив**, **беден** да **прям**; От **маленькой** искры **большой** пожар бывает; **Воля** **молодит**, **неволя** **старит**; Когда деньги **говорят**, правда **молчит** и др. // В **добрий** час говорить, а в **лихий** **мовчати**; Вмієш **сказати**, вмій **змовчати**; **Легко** сказати, а зробити **тяжко**; Коли з **розумним** говорю, то розуму наберу, а з **дурним**, то й свій згублю; **Маленька** праця краща за **велике** безділля; **Порожня** бочка гучить, а **повна** мовчить и др.

Как отмечает А. Дей, «типичный прием шуточных песен основан на контрастном изображении явлений»⁴⁰. Например, антонимы-определения, касающиеся нездоровья персонажа, не употребляются в прямом значении, а выступают составным элементом контрастной передачи поведения героя. Ср.:

Грицю, Грицю, врубай дрова!
Ой, Гриць шось-то нездоров!
Грицю, Грицю! До Марусі!
Зараз, зараз приберуся.

Скрытая антонимия позволяет «высветить» ироническое отношение к юноше-лодырю.

«Семантические функции автонимов разнообразны: они тесно связаны важнейшими сферами деятельности человека и являются образным, оценочным выражением его мыслей, эмоций, воли»⁴¹. Распределение антонимов русского и украинского языков по основным темам (полям) с точки зрения семантики позволило выделить идентичные классы противоположных по смыслу слов, обозначающих:

- 1) физические качества и свойства предметов;
- 2) характер конкретных действий, поступков, эмоций, чувств человека;

---

⁴⁰ Сб. Жартівливі пісні – К., 1967. – С.4

⁴¹ Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. – М., 1985. – С. 24.

- 3) внешний вид и физические качества человека;
- 4) положение в пространстве;
- 5) этическую и эстетическую оценку;
- 6) цветовую гамму и др.

Антонимы широко используются в художественной речи, а также публицистике и, изредка, в эпистолярной для обозначения противоположных явлений жизни, для создания контрастных словесных образов, раскрывающих противоречивую сущность обозначаемого, в том числе предметов и явлений. Характерным для антонимов является то, что для выполнения ими стилистических функций нужно условие – их одновременное употребление в небольшом контексте, т.е. нахождение почти рядом. Выразительность антонимических противопоставлений использована в заглавиях художественных и публицистических произведений: «**Тонкий и толстый**» (А. Чехов); «**Живые и мертвые**» (К.Симонов); «**Батки й сини**» (М.Бажан); «**Про честь і ганьбу**» (О. Вишня).

Наиболее часто употребляемыми в семантическом отношении парами антонимов можно назвать такие, которыми обозначаются «вечные» темы в жизнедеятельности человека, а именно: **любовь – ненависть, начало – конец, юность – старость, мертвый – живой, умереть – жить, бедный – богатый, радость – грусть, свобода – рабство, расставания – встречи, война – мир, веселый – грустный, новый – старый, хороший – плохой** и др. Ср.: «**Далекое для нас ты сделал близким. В чужом сумел родное угадать**» (Н. Рыленков) // «Наші солдати обов'язково вернуться! Хай вони далеко звідси, навіть від Києва **неблизько**, але хіба то далина» (В.Кава); «**Но не хочу, о други, умирать; Я жить** хочу, чтоб мыслить и страдать» (А. Пушкин); «**Умолк поэт. Но в памяти народной он не умрет, он вечно будет жив**» (С. Машков) // «**Поглянуть іще раз на сивий Дніпро, – Там жити чи вмерти, мені все одно**» (Леся Українка); «**Нелегко, але потрібно жити і вмерти гідно**» (М.Лукив); «**Щоб неправда помирала, Щоби правдонька жила**» (В. Крищенко); «**Но ты, художник, твердо веруй В начала и концы. Ты знай, Где стерегут нас ад и рай**» (А.Блок) // «**Буде початком тоді мій кінець**» (Леся Українка); «**Любовь**, постепенно потухая, прошла через все

фазисы равнодушия и, наконец, превратилась в положительную **ненависть**» (М. Салтыков-Щедрин) // «Ніколи, як Катулл, у ніжний спів Я не злучу **ненависті з любов'ю**» (Ю. Клен) и др.

Соотносительные в русском и украинском языках антонимы **светлый – темный** // **світлий – темний** обнаруживают во многом одинаковую сочетаемость и в прямых, и в переносных значениях: **темная – светлая ночь** (*ткань, краска* и др.) // **темна – світла ніч** (*тканина, фарба* и др.); **темный человек** (*сила, дело*) // **темна людина** (*сила, діло*). Но только: **светлое будущее** (*настроение, улыбка*).

Большим стилистическим зарядом обладают так называемые контекстуальные антонимы, которые имеют заданную смысловую неоднородность противопоставляемых пар. Смысловая неоднородность может выражаться «в различной степени проявления взаимно противоположных качеств, признаков и свойств, принадлежащих одной сущности»⁴². Ср.: «В повестях Н. Рыленкова дана огромная галерея неповторимых человеческих характеров, прослежены судьбы разных и всяких, **хороших и плохих, ярких и заурядных людей**» (критич. лит-ра); «Я жизнь вбирал в себя. Я познавал ее в бореньях и трудах. И пусть приходит старость. Я пил **полынь и мед**, – не пресное питье, И знаю цену слов, где время отстоялось» (Н. Рыленков) // «...усі, протиріччя й контрасти людей, як, наприклад, **владність і підлеглість, зневага й підслівність, гордість і приниження, нахабство й скромність, честолюбність і відреченість, шиккування й злидні, обман і простодушність** і тисячі всяких моральних станів і різниць – все це нам цілком чуже» (В. Винниченко); «Лікарська робота – не **ремісництво, а мистецтво**», творчість, поклик...» (Б. Антоненко-Давидович).

По принципу контекстуальной антонимии организованы индивидуально-авторские афоризмы и крылатые изречения. Ср.: «Да здравствует **солнце**, да скроется **тьма**» (А.Пушкин); «Раз добром **нагріте** сердце вік **не прохолоне**» (Т. Шевченко); «**Троянди й виноград – красиве і корисне**»; «Не бійтесь заглядати у словник: Це пишний **яр**, а не сумне **провалля**» (М.Рыльский).

---

⁴² *Львов М.Р.* Указ. соч. – С. 26.

Стилистически действенным приемом, усиливающим эмоционально-оценочный акцент в содержательной структуре слова, является использование цепочки антонимов в пределах распространенного предложения либо стихотворения: Ср.: «Ты **богат**, я очень **беден**; Ты **прозаик**, я **поэт**; Ты **румян**, как маков цвет, Я, как смерть, и тощ и **бледен**» (А. Пушкин); «Полюбил **богатый** – **бедную**, полюбил **ученый** – **глупую**, Полюбил **румяный** – **бледную**. Полюбил **хороший** – **вредную**, **Золотой** – **полушку медную**» (М. Цветаева).

Средством иронической направленности текста может быть особая семантическая организация подачи антонимов. Ср.: «– А теперь скажи мені – Льоня Шляхтич – чоловік справді... Але ти... Що ти в ньому знайшла? – Він **розумний**. – А я, наприклад, що – **дурний**? – Він **глибокий**. – А я **мілкий**? – до чого тут ти, Митю?» (П. Загребельный).

На основе антонимических пар построен сюжет стихотворения В. Корнилова:

«То **близка**, То уходит **далеко**.
Берег **зноя** – Скопление **льда**.
Бездорожье мое И **дорога**,
И **покой**, И опять – **маята**.
То как **бор**, То светла, словно **роща**,
То **как пух**, То **как жизнь**, тяжела.
Нынче – **друг**, завтра – **недруг**, А проще –
Просто – женщина, Просто – жена».

Соединение антонимов положено в основу стилистической фигуры оксюморон, в котором соединяются слова с противоположным либо взаимоисключающими друг друга значениями для выражения нового целостного понятия. Оксюморон как стилистический прием используется в русских и украинских художественных текстах. Ср.: «В голосах **родных** мне слышится Темный голос твой **чужой**... – Мы с тобой – неразрывные, **Неразрывные враги**» (М. Цветаева); «Мы не **умрем мучительной жизнью** – Мы лучше верной **смертью оживем**» (В. Высоцкий). При помощи оксюморон-

на в поеме П.Тычины «Похорон друга» передана идея смерти врага и торжества жизни, что подчеркивает идейно-смысловое напряжение поэмы: «І **мертвому** тобі – **живих** нас не убить. Ти ж **мертвий** у **житті**»; ср. еще: «...**гіркий мед** слави» (И.Драч). Оксюморон способствует эмоциональной передаче мотива рождения человеческих чувств в лирическом отступлении повести В. Короленко «Слепой музыкант»: « **Тоска?**. Но отчего же она так приятна? ... **Радость?**.. Но зачем же она так глубоко, так бесконечно **грустна?**».

Сегменты человеческих чувств, эмоций заключены в оксюморонах соединением пар **смеяться – плакать** // **щастя – нещастя** и др. Ср.: «**Сміються, плачуть** солов'ї (А. Олесь); «І друга [жінка біля труни. – Л.С.] вслід зайшлась – та не плачем, а **реготом ридання**» (П.Тычина); «...ти, як весняний грім, стала совістю і душею, і **щасливим нещастям** моїм» (В.Симоненко). Семантика слова **мўка** «притягивает» к себе прилагательные со значением *страшная, нестерпимая*, горькая, слово **боль** – *ужасная, сильная*, но противопоставлением создается противоположная окрашенность слов. Ср.: «То ж нині, сповнивши свій традиційний келих, По-братськи вип'ємо за вицвіт **мук веселих**, За чесно придбану **щасливу сивину!** (М. Рыльский); «Твої руки натруджені мені сняться **солодким болем**» (М. Сингаивский).

Литературоведческая критика неоднократно обращала внимание на контрастивность языка Т. Шевченко, исследуя прежде всего его поэзию. Ю. Ивакин в исследовании «Поэзия Шевченко периода ссылки» отмечает: «Шевченкова поэтика контрастивна, что характерно для образной структуры его поэзии, – это, собственно, поэтика взаимоотторжения положительных и отрицательных образов, поэтика взаимодействия и взаимопереходов, утверждения и обличения. Лирики и сатиры, высокого пафоса и снижения, гнева и нежности»⁴³.

Лингвостилистический аспект контрастивности Шевченко наиболее полно проявляется в антонимии. Проанализируем семантические и стилистические функции антонимов на материале

---

⁴³ Ивакин Ю.О. Поэзия Шевченка періоду заслання // Творчий метод і поетика Т.Г.Шевченка. – К.,1980. – С.34.

украинской поэзии и прозаических русскоязычных произведений Шевченко, а также его эпистолярия и «Дневника»⁴⁴.

Семантическое наполнение антонимических лексических пар в анализированных текстах обуславливается самим характером этой семантико-стилистической категории в системах близкородственных языков. Обращение к антонимам возникает вследствие необходимости уточнения определенных признаков, свойств предметов, а также общественных явлений, человеческих чувств и эмоций путем противопоставления.

Анализ антонимов по тематическим группам показал, что в зависимости от характера семантического противопоставления антонимы объединяются в классы, обозначающие: 1) свойства предметов, явлений; 2) характер конкретных действий; 3) внешности и физического состояния человека; 4) психологической характеристики человеческих эмоций и чувств; 5) этической и эстетической оценки социальных явлений.

Антонимические лексемы **воля – неволя // свобода – рабство** активно представлены в поэзии и прозе; ими передана сущность моральных установок поэта: **воля** является предпосылкой не только материального благосостояния человека, но и первым условием его достоинства, творческой жизни. Ср.: «Страшно впасти у кайдани, Умирать в **неволі**, Але гірше спати, спати, І спати на **волі**». С **неволей** ассоциируются моральное давление на интеллект человека, его уничтожение. Ср.: «В **неволі** тяжко, хоча й **волі** Сказать по правді не було»; «Немає гірше, як в **неволі**, про **волю** згадувать».

В конце жизни, из которой только 12 лет поэт жил свободным, в письме к С. Гулаку-Артемовскому из ссылки Шевченко пишет: «Так мені, друже мій єдиний, запахло **волею**, що я заплакав, як тая дитина. От що зробила з мене проклята **неволя!**».

В контексте русской поэзии **воля (свобода)** противопоставлена **неволе (рабству)**. Ср.: «В юдоли **рабства**, радость **воли** Безмолвно ты провозгласил» («Тризна»). В повести «Прогулка...» читаем: Не напрасно грустны и унылы наши песни, задумчивы земляки мои, Их сложила **свобода**, а пела тяжкая одинокая **неволя**». В письме к

⁴⁴ Тарас Шевченко. Повне зібрання творів у 6-ти томах. — К., 1963–1964.

И. Ускову Шевченко вспоминает строчку песни: «Не погиб в **неволе**, не погибну и на **воле**, – говорит малороссийская песня».

Близкая в семантическом отношении к рассмотренным антонимам пара **рай – пекло**. Воспоминания крепостного детства переданы в строках: «**Не називаю** її раєм, Тії хатиночки у гаї... В тім гаю, У тій хатині, у **раю**, Я бачив **пекло**... Там неволя», «Ми в **раї пекло** розвели».

Семантически наполненными представлены антонимические группы, обозначающие имущественное состояние человека (**убогий – богатый**), его возраста (**молодой – малый – старий**), (**юноша – старик, молодой – старый**), его умственных способностей (**дурень – мудрый**) // **глупый – умный**).

Экспрессивным является контекст, в котором соседствуют обе пары антонимов. Ср.: «Над Тасмином, У темному гаю, Зібралися **старий, малый, Убогий, богатый**. Поєднались, – дожидають Великого свята».

Конденсация контрастивных слов способствует образной передаче авторских раздумий о смысле жизни: «Все йде, все минає – І краю немає. Куди ж воно ділось? Відкіля взялось? І **дурень**, і **мудрий** нічого не знає. **Живе... Умирає... одно зацвіло...** А друге **зав'яло, навіки зав'яло**».

Особенностью творческого метода Шевченко в применении антонимии является сложное переплетение общеупотребительного и индивидуального; наряду с упрочившимися антонимами в произведениях встречаются индивидуальные, появление которых диктуется условиями контекста. Например, вводом антонимов в «Дневник» достигается характеризующее противопоставление разных действий: «Как **быстро** и **горячо** исполняется приказание **арестовать**, так, напротив, **вяло** и **холодно** исполняется приказание **освободить**».

Интересным в плане семантического совмещения является оксюморон. О скорой встрече с другом-актером М.С. Щепкиным Шевченко пишет в письме к М.И. Осипову: «Он, **старец-юноша**, несмотря на мороз и вьюгу, едет ко мне». И далее, уже после отъезда М.С. Щепкина, в письме к А.И. Толстой; «Каков старик? Самый **юный**, самый сердечный **старик!**». Кстати, у А. Пушкина: «Смотрю

с улыбкой сожаления на пышность **бедных богачей**» («Послание к Юдину»), «**молодой старик**» («Вино») – имеется в виду «юноша, живущий как старик, пассивно воспринимающий мир»; созвучно ему выражение «**молодая старость**» у И.Бунина. Благодаря таким казалось бы неестественным соединениям достигается единство авторского образа, а предмет, явление, качество получают дополнительную эмотивную характеристику.

Особенно эмоциональны в художественно-эпистолярных текстах Шевченко антонимы, обозначающие человеческие чувства: **горе – радість, добро – лихо (нещастя), сміятися – плакати (ридати) // плакати – радоваться, горе – радость, грусть – радость, печаль – радость.** «Єсть серце єдине, серденько дівоче, що плаче, сміється, і мре, й оживає». «А може ще **добро** побачу? А може **лихо** переплачу?» спрашивает Шевченко в поэзии «А.О. Козачковскому».

По лексикографическим данным⁴⁵, слов, обозначающих положительные состояния, чувства у Шевченко значительно меньше, чем слов, которыми выражаются отрицательные эмоции – **горе** употреблено 88 раз, **радість** – 24, **плакати** – 251, **сміятися** – 44 (без фразеологизмов). Можно утверждать, что эти слова формируют образ судьбы. В украинских текстах – это **недоля, недоленька, лиха доля.**

Антонимической парой **сміятися – плакати** передается художественное осмысление явлений жизни, в которой рядом смех и слезы. Ср.: «І всі **регочуться, сміються, І всі танцюють. Тільки я, Неначе заклятій, дивлюся, І нишком плачу, плачу я**». И рядом известный Шевченковский оксюморон **сміюся сльозами**, соединяющий эмоции радости и грусти: «А я дивлюся, поглядаю, **Сміюся сльозами, Дивлюсь, сміюся, дрібні утираю**». В поэме «Тризна» тот же мотив одиночества среди веселой толпы: «И что мне делать между ними? Они все пляшут и поют, Они родня между родными, Они все равны меж собой; А я!».

В художественно-эпистолярных русских текстах слово **радость** соседствует со словами **тоска, горе, грусть, печаль, кручина.** Ср.: «Долго он ходил волнуемый каким-то смешным чувством между

---

⁴⁵ *Словник мови Шевченко в двох томах. Т. I–II; Словарь языка русских произведений Шевченко в двух томах. Т. I. – 1985, Т. II, 1986. – К.*

радостью и грустью». В письме к М.И.Осипову: «От снедающей душу **печали** я внезапно перешел к улыбающейся **радости**» в «Дневнике»: «Только одна душа человека может так **плакать и радоваться**, как **поет** и **плачет** этот дивный инструмент».

Общность некоторых лингвостилистических средств русских и украинских произведений Шевченко объясняется как близостью их идейно-тематического содержания, так и тем, что они принадлежат перу одного автора. Однако писатель не дублирует антонимические пары. Антонимы органически вплетаются в разноязычные контексты, обогащая художественную палитру произведений, подчеркивая индивидуальность стиля поэта и писателя. Слово при этом удваивает свою семантику, играет всеми стилистическими красками, способствуя целостному воспроизведению мира.

Термины и терминологические сочетания в публицистике и художественной литературе

Взаимодействие производственно-технической лексики с лексикой общелитературной можно рассматривать как важнейшее направление стилистического обогащения языков в последние десятилетия.

Формирование экспрессивно-оценочных наслоений в смысловом объеме стилистически нейтрального слова или словосочетания под влиянием лексико-стилистических контактов в структуре того или иного текста способствует становлению стилистической значимости, определяющей стилистическую позицию этих единиц в ряду общелитературных средств русского языка.

Экстралингвистические факторы содействуют образному применению и расширительно-фигуральному употреблению различных пластов терминологической, специальной лексики в языке публицистики, художественной прозы и поэзии.

Сопоставление русских и украинских художественных текстов с точки зрения использования в них терминологических словосочетаний (далее . – с/с) (типа: **масштаб цен, короткое замыкание,**

угол падения, демографический взрыв и др.) позволило установить некоторые общие закономерности и некоторые отличия, связанные с языковой спецификой и литературными традициями.

К общим закономерностям относим: 1) употребление терминологических *с/с* в прямом значении (функция номинации); 2) использование *с/с* в фигурах сравнения; 3) метафоризация *с/с*; 4) использование *с/с* для создания макрообразов художественных контекстов (или целых глав).

Отмечаем, что в украинской художественной литературе по сравнению с русской *с/с* чаще приобретают различную эмоциональную окраску. Однако русская поэзия шире и разнообразнее использует терминологические *с/с*, чем украинская.

Термин любой отрасли выражает специальное профессиональное понятие (научное, техническое, социально-культурное), если он употребляется в условиях специальной профессиональной коммуникации: в письменных текстах или в устной речи специалистов. В условиях бытового общения термин обозначает бытовое понятие или общее представление об этом понятии⁴⁶. В таком значении термин может функционировать в нейтральном контекстуальном окружении художественной речи. Напр., в романе П. Загребельного «Переходимо до любові»: «– Ти хочеш зупинити **прогрес**? Це неможливо. А щодо нових джерел **енергії**, то над цим теж думають... А **плазма**? Чим вона живитиметься? **Воднем?**.. Настає вік **електронних машин**».

В этом отрывке термины употреблены в речи представителей точных наук, т.е. функционируют в условиях специальной профессиональной коммуникации. Так же, в номинативном значении употреблены термины в речи заводского инженера из романа Г. Николаевой «Битва в пути»: «– Я только что обнаружил твою **резолюцию** относительно **гильзы, пробки, вкладыша**. Положение с этими деталями нетерпимо. У нее недостаточно прочные **звенья гусениц**, надо бы усовершенствовать кабину, заедают, случается, **поршни**. Давай уж сразу рапортуй на весь **трактор**».

---

⁴⁶ См., например: Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. – М., 1987.

Как отмечала М.Н. Кожина, у терминов вне терминологического поля может быть самая различная стилистическая окраска, стилистическое значение – «...те дополнительные к собственно лингвистическому, предметному или грамматическому значению признаки, которые имеют постоянный характер и воспроизводимость в определенных условиях и входят в семантическую структуру языковой единицы»⁴⁷.

Функционируя в художественных произведениях, газетно-публицистической и научно-популярной литературе, термины употребляются не только в основной, номинативной функции, но и в качестве образно-выразительных средств языка. В таких текстах (неспециальных) термины расширяют возможности семантической сочетаемости, тем самым образуя словосочетания с определенными эмоционально-оценочными оттенками.

Проникновение терминов, например, из юридической сферы в общелитературную речь обусловлено возрастающей ролью науки и техники в жизни современного общества, где широко осваивается собственно терминологическое значение терминов (напр.: **киллер**, **дилер**, **брокер** и т.п.).

Употребление терминов в специальных текстах может быть как в прямом, в том числе и с объяснением значения, так и в переносном значении. В переносном значении они могут употребляться с положительной окраской («получаю деньги в **сберкассе**») и с отрицательной («левые» **доходы**; затягают по **судам**). Часто они входят в сравнительные конструкции (закон что **дышло**; один из нас выступил как **адвокат**).

Особенность публицистической, художественной литературы заключается в том, что даже произведения специальной тематики не имеют задач научной речи, поэтому обращение к приему введения дефиниций в любой специальный текст может быть приемом авторского стиля⁴⁸. Термины на уровне различных текстов мо-

---

⁴⁷ Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1977.

⁴⁸ Морозова Л.А. Общности функционирования специальной лексики в специальной литературе // Современные проблемы русской терминологии. – М., 1986.

гут вступать в семантические связи уже в качестве составляющей части терминов-словосочетаний других терминологий: **барьеры** (спорт.) – «препятствия на пути», но: **таможенный барьер, ведомственный барьер, бюрократический барьер** (юр.), **звуковой барьер** (авиац.), **перспектива** (мат.) – *євроатлантична перспектива, перспектива цивілізаційного розвитку*.

В таких терминах основная сема – ассоциативная, что и позволяет использовать данные термины как общеупотребительные лексемы.

Анализ неспециальных текстов, в которых используются термины, показывает, что их употребление функционально оправдано, а значение мотивировано, хотя и произошли определенные сдвиги в семантике этих терминов, возникшие на соотнесенности различных явлений через какой-либо общий признак (чаще всего с этой целью используются различные виды переносов: метонимический, метафорический, функциональный).

Утратившие в таких контекстах свою терминологическую специфику термины вступают в сложные семантические отношения с общеупотребительными словами. Эти отношения зависят прежде всего от стиля произведения в целом; находясь в тесном взаимодействии с контекстом, термины приобретают разнообразные дополнительные смысловые оттенки.

Случается, что смещение семантического центра слов-терминов в художественном произведении обнаруживает оценочные позиции автора. Напр., в романе П. Загребельного «Переходимо до любові» «Доцент Крижень ніколи не ходив самотою. Завжди довкола нього крутилося кілька **супутників**... Та цього разу недбалим рухом руки відпустивши всіх своїх **сателітів** на волю, він попрямував мені назустріч»; «Настав час **суцільної телефонізації** населення, що можна б лиш вітати»; «Це вже була маленька змова, **сепаратний пакт**, він уже був скріплений спільною таємницею, лишилося тільки **ратифікувати** його, для чого потрібна була принаймні ще одна **зустріч на вищому рівні**»; «Наша заводська самодіяльність по танцях уже **вийшла на рівень світових стандартів**»; «Одне слово, не про кохання тут ішлося, а саме про оте недостойне, пережиткове **почуття дрібного власника**, очевидячки, бо я раптом вирішив,

що маю неподільні права на Клементину, а більше ніхто!»; «Який могутній фактор – дівчата! Навіть за умови, що я не закохався ще в жодну, дівчата в мої свідомості здійснили цілий переворот, так би мовити, науково-технічну революцію».

Употребление в художественных текстах терминологических слов и словосочетаний в номинативной функции

Термины являются важной составной частью лексики любого литературного языка. Они употребляются для называния четко очерченных понятий определенной отрасли науки, искусства, культуры, представляя собой упорядоченную систему, в которой закреплено место каждого термина.

В последнее время в художественных текстах развитых литературных языков «большой простор получают слова и выражения производственно-профессионального характера»⁴⁹. Достаточно вспомнить художественные произведения на производственную тематику («Битва в пути» и «Повесть о директоре МТС и главном инженере» Г. Николаевой, рассказы и роман «Картина» Д. Гранина, «Русский лес» Л. Леонова, «Кафедра» И. Грековой, «Собор» О. Гончара, романы П. Загребельного «З погляду вічності» и «Переходимо до любові» и др.), чтобы убедиться, насколько обьёмов пласт терминологической лексики в текстах. Однако справедливости ради следует отметить, что и на страницах поэзии термины также частые «гости». Вовлекая терминологические элементы языка многих отраслей в художественный текст, писатель достигает модификации функциональной неоднозначности текста.

Языковеды единодушны во мнении, что художественный функциональный стиль имеет собственные дифференциальные признаки относительно использования терминов, поскольку в художественном тексте присутствует не терминология в ее научном

---

⁴⁹ Ефимов А.И. Задачи сравнительной стилистики восточнославянских языков. – М., 1963. – С. 19.

понимании, а отдельные специальные названия и выражения, пропущенные через эмоционально-оценочное восприятие. По этому поводу имеется высказывание В.Л. Карповой: «Індивідуальні особливості естетичного світосприймання зумовлюють не тільки тематичний зміст, а й добір мовних образотворчих засобів (зокрема й термінологічних слів з відповідних сфер понять) та прийомів їх художнього освоєння»⁵⁰.

Писатель (исходя из особенностей художественного функционального стиля) использует те элементы разных терминологических классов, которые, по его мнению, способны передать нужные оттенки для изображения действительности. В результате конкретное произведение получает художественное содержание, а не научное или научно-популярное.

По мнению ученых, эта группа лексики не имеет эмоциональной окрашенности и, как правило, употребляется в специальных (научном, официально-деловом и др.) нехудожественных стилях. Другие ученые считают, что термины относятся к стилистически маркированным средствам как элементы, обладающие эмоциональной окраской, например, Ю.М. Скребнев критически относится к мнению, что термины лишены стилистической окраски. Он отмечает, что «их повышенная, сравнительно с нейтральными словами, эстетическая, и, тем самым, экспрессивная ценность несомненна»⁵¹.

Сопоставление русских и украинских художественных текстов с точки зрения использования в них терминологических словосочетаний позволило установить некоторые общие закономерности и некоторые отличия, связанные с языковой спецификой и литературными традициями:

1) употребление терминологических словосочетаний в номинативной функции (например, при создании образов, воссоздания трудовой атмосферы к коллективу, для речевой характеристики персонажей и т.п.);

---

⁵⁰ Карпова В.Л. Термін і художнє слово // Науково-технічний прогрес і мова. – К., 1978. – С. 148.

⁵¹ Скребнев Ю.М. Очерки теории стилистики. – Горький, 1975. – С. 105.

2) метафоризация терминологических словосочетаний (для эмоциональной окрашенности текста, передачи оценочной коннотации, индивидуально-авторского видения событий и др.).

Следует отметить, что широкое использование терминов в прозе и поэзии – новое явление языкового развития нашего времени, хотя признаки его были заметны в литературе XIX века, в частности в публицистическом жанре. Использование определенной терминологии обусловлено идейно-эстетическим содержанием конкретного произведения. Вовлекая термины в язык художественной литературы, художник слова достигает при этом модификации функциональной неоднозначности текста, «осовременивает» стиль.

Термины различных отраслей науки, живописи, искусства в номинативной функции активно используются поэтессой Линой Костенко, в том числе в названиях стихотворений «Українське **альфреско**» (альфреско – разновидность настенной живописи, когда художник работает водяными красками по влажной штукатурке), «Летючі **катрени**» (катрен – четырехстрочная поэтическая строфа). Ср. в текстах: «Минулих літ повільні **менуети** Космічний свист епохи **НТР**»; «Калина міряє корали, а ти летиш по **магістралі** Життя – це божевільне **раллі**».

«Творческое, индивидуально-авторское использование терминологической лексики каждым художником слова – это отражение основных характерных процессов не только в языке поэзии, а и во всем современном языке»⁵². Наблюдение над использованием терминологии в художественных текстах обнаружило признак наметившейся градации в их семантическом и стилистическом объеме. В одних случаях термины сохраняют номинативную семантику и привязанность к определенной сфере функционирования. Для примера: «Візьми хоч нашу прокатну справу. Ми втрачаємо майже вісім мільйонів тонн сталі щороку через недосконалість **профілів прокату!**»; «На заводі споруджувався новий **трубопрокатний цех**, новий

---

⁵² *Лесь В.С.* и др. Терминологическая лексика в русской и украинской поэзии. // Проблеми зіставної семантики. Матеріали республ.наук.конф.14-16 травня 1992. – К. – Черкаси. 1992. – С. 67.

цех мав бути включений в **автоматичну систему управління – АСУ**. Новий цех мав бути чудом **техніки, електроніки**, останнім словом людського знання»; «Дівчина працювала в нашому ж цеху, у **відділі технічного контролю**» (П. Загребельний «Переходимо до любові»).

В произведениях И. Багряного «Тигроловы», «Человек бежит над пропастью», «Огненный круг», «Сад Гетсиманский» изображена судьба человека в экстремальных условиях (война, тюрьма, побег от тоталитарного режима). Атмосфера угнетения, боли, человеческих страданий передана в романах посредством тематической группы, включающей названия болезней. Например, для передачи болезненного психического состояния героя употребляются медицинские термины: **психоз, депрессия, апатия** и др. В художественном тексте они детерминологизируются и в эпитетных метафорических конструкциях являются ядром образности, благодаря такой детализации термина усиливается воздействие на читателя. Напр.: «...в результаті зовнішній світ переставав його цікавити, насила глибока **апатія**; ... люди раптом піддалися божевільному, безтямному **психозу**; Це був стан духовної **анабіози**, ступіння, трагічного руху за інерцією супроти власної волі». Ср. еще в романе П. Загребельного «З погляду вічності»: «Правду кажучи, **психоз** натовпу діяв і на мене».

Терминолексемы в таком же минимально-экспрессивном употреблении функционируют в романах О. Гончара. Ср.: «Пломінчик на гнотику був єдиним **неоном** ваших осінніх ночей»; «Часом можна почути, що людина в основі своїй сила **деструктивна**, з підсвідомим нахилом до руйнування». Математический абстрактный символ становится под пером мастера то пчелой, то цветком черешни, то перекрестком дорог, оживляя поэтический текст стихотворения С.Шевченко «Ікси»: «Прилетіла до квітки бджола Проти сонця **іксом** золотистим. І черешня **іксом** розцвіла... А ген-ген величезним **іксом** Нескінченних доріг перехрестя».

Терминолексемы оживляют информативный ракурс средств массовой информации, «осовременивая» репортаж. Ср.: – Да, врачи – то у нас изумительные! Но у нас не хватает современной

диагностической аппаратуры и системы послеоперационной **реабилитации**» (Изв., 25.05.2007); «П'ять днів весело і безтурботно блимав той **індикатор** [сільськогосподарський ярмарок], показуючи, що **пульс** всієї галузі такий, що хоч у **космос**. І що тут заперечиш, коли бачив багато дешевої і доброякісної продукції, привезеної з усіх регіонів».

Изменение номинативной семантики в термине начинается тогда, когда изменяется словесное его окружение, развиваются новые значения. Так, с 70-х годов наблюдается активное усвоение терминов общелитературным русским языком. Появились термины, например, медико-биологической группы лексики (**адаптация, вирус, витамины, стимулирование, реанимация** и др.). Известны в русском и украинском языках словосочетания с этими терминами: **вирус стяжательства (наживы), метастазы равнодушия (безразличия)** – с отрицательной оценочностью; **витамины полей** («удобрения»); **стимулирование** («поощрение»), **адаптация** в новом коллективе («привыкание»).

Разнообразят общелитературный слой лексики термины из сферы спорта, космоса, физико-технических наук. Ср.: **финиш, эстафета**, (мужества), (социальный) **барьер, биотоки** (мужества, доброты), **генератор** (идей) и др. Несколько медленнее идет пополняемость терминами из отрасли сельского хозяйства: (освітня) **нива, галузь** (господарства), **сіяти** (розбрат), пошуки **зерна** істини и др.

Попадая в художественные или публицистические тексты, терминологемы оживляют тексты, не наделяя их, впрочем, ярко выраженной стилистической коннотацией. Ср.: «Это душевная **аллергия**» (А. Вознесенский); «Приїздить (дачники) підзарядити свої душевні **аккумулятори**, але село нині само потребує **підзарядки**, духовного **допінгу**» (В. Яворивский); «...до фантастики деякі видавці та «солідні» письменники ставляться з упередженням, що й привело певною мірою до **девальвації** цього жанру на Україні» (Літ. Україна, 1988).

Метафоризация терминов

Часть терминов из общественно значимых наук, подвергаясь образному переосмыслению, используется в языке публицистики, в художественной прозе, в поэзии, в разговорной речи. Происходит это благодаря процессу детерминологизации – освоения терминов литературным языком, в текстах которого они могут получать переносное значение, то есть метафоризироваться.

Метафорическое употребление слова заложено в самой функционирующей системе языка. При этом в речи происходят не только актуализация этого явления, но и творческая реализация в газетных текстах и публицистике. «Вторичные, переносные с исторической точки зрения значения ряда узкопрофессиональных слов для современного русского языка представляются основными, и только яркая «внутренняя форма» большей части этих обозначений недвусмысленно указывает на их профессионально обусловленные значения»⁵³.

Метафоризация терминов – не новое явление в литературном языке. Метафоризируясь, термин утрачивает свои определяющие черты, перестает быть термином, но лишь в данном контексте, который и окрашивается эмоционально. Необычное использование термина поражает читателя, приковывает его внимание к информации. Однако использование терминов-метафор требует авторского чувства меры и сообразности ввода данного художественного средства в текст, а также ориентации на образованность и вкус читателя, его эстетические потребности, на языковую «моду», то есть вступают в действие экстралингвистические факторы. Отмечено, что «взаимодействие производственно-технической, научной, специальной лексики с лексикой общелитературной можно рассматривать как важнейшее направление стилистического обогащения русского языка в самые последние десятилетия нашего времени»⁵⁴.

---

⁵³ Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М., 1977. – С. 27.

⁵⁴ Кожин А.Н. Стилистическое обогащение языка. // Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков. Тезисы докладов Всесоюзной научной конф. – Донецк, 1977. – К., 1977. – С. 9.

Явление метафоризации терминов характерно как для русского, так и украинского современных языков. «Характерною рисою процесу збагачення літературної мови новою лексикою і фразеологією є переміщення великої частини вузькотермінологічної лексики в категорію загальноживаної; в художній літературі – використання її в метафоричному вжитку в словесно-образному оформленні. У зв'язку з цим все відчутніше змінюється традиційна система образності української літературної мови в напрямі збагачення її новими цінностями»⁵⁵.

Переход терминов из узкой сферы употребления в широкую – деспециализация – длительный процесс. В русском и украинском языкознании существуют исследования, в которых освещается это явление на материале словарных групп⁵⁶. Установлено, что деспециализацией охвачены все термины, во всем их разнообразии (спортивные, медицинские, социально-экономические, технические, географические, военные, музыкальные и пр.). Благодаря переходу терминов в другие семантические поля появляются переносные значения у медицинских терминов, напр.: **пульс/пульс, метастаз/метастаз, второе дыхание/друге дихання, иммунитет/імунітет, адреналин/адреналін, наркоз/наркоз** и др. Ср.: «Але у Володимира Владка «друге дихання» перейшло у справжню «другу молодість» (Літ. Укр.); «Блакитний мороз стане сивим морозом, Той білим серпом все на сніг пережне, Та біла земля підзимовим **наркозом** Жень-шенем калини врятує мене» (И. Драч).

Термин **пульс** употребляется для обозначения темпа, ритма в словосочетаниях: **пульс жизни / пульс життя, пульс творчества/пульс творчості**. Ср.: « – А кто здесь... с пеной у рта кричал, что мы, инженеры и изобретатели, своими открытиями ускоряем **пульс общественной жизни**» (А. Куприн); «Напружений пульс життя великого колективу відчутний, наприклад, майже з кожної сцени новели «Жайворонок» (Л. Новиченко); «Все, чим живе народ,

⁵⁵ Курс історії української літературної мови. Т. II. –С. 414.

⁵⁶ Черкасова Е.Т. О метафорическом употреблении слов // Исследования по языку советских писателей. – И.,1959; Карпова В.Л. Термін і художнє слово. – К.,1967.

все, що йому болить, проходить крізь розум і серце письменника, означає **пульс його творчості**» (Літ. Укр.); «Поети тримають руку на **пульсі життя**» (Рад. літ-во). В обоих языках терминологическое слово **пульс** употреблено в парадигме: **пульсировать/пульсувати, запульсировать / запульсувати**. Ср.: «Мені близькі люди заводу. Ще будуть писати про них поеми, і ще не в одній прозовій книзі гаряче **запульсують** думи і радощі цього індустріального велетня» (Літ.Укр.).

Термин **атмосфера** в художественно-публицистических текстах приобретает метафорическое значение: «все важное для жизни, как воздух для Земли». Употребимы в русском и украинском языках словосочетания **атмосфера жизни / атмосфера життя, атмосфера критики / атмосфера критики, атмосфера поэзии / атмосфера поезії, атмосфера доверия / атмосфера довіри** и др. Ср.: «Все могучие рычаги создания **атмосферы товарищества, доверия, уважения** и вместе с тем коллегиальной ответственности» (Правда); «Тільки в **атмосфері здорової, безкомпромісної самокритики й критики**, яка існує в колективі «Київнаукфільму», могли здійснитися такі сміливі експерименти» (Літ. Укр.).

Географические термины **истоки / виток, водораздел / вододіл** не ощущаются узкоспециальными лексемами ввиду перехода в образное семантическое поле с последующим получением статуса языковых метафор. Лексемы **исток / виток** дополняют синонимический ряд **начало / початок, источник / джерело**. Ср.: «Иду – а сердце бьется, – радо: тут первых помыслов **исток**, тут первых чувств моих отрада» (Н. Рыленков); «Причому найцікавіше для дослідника, що **виток** цього довженківського «мікеланджелізму» – на тихих берегах зачарованої Десни» (Л. Новиченко); «Малюнки його позначені хорошою вигадкою, що бере **виток** у народному образотворчому мистецтві» (Літ.Укр.).

Специальные термины из сферы организации и оснащения войска и ведения военных действий являются постоянным источником языковой образности. Военный опыт народа окрашивает систему тропов в романе М. Шолохова «Поднятая целина». Ср.: пар вылетает «из **жерла** настезь распахнутых дверей»; дед Щукарь

сыплет слова «**очередями**, как из пулемета»; бригадир скачет на левой стан, «словно в **атаку** идучи»; Нагульнов называет себя «вострым **штыком**» и др. Метафоризированные термины из военных сфер используются для подчеркивания быстроты реакции, «военной» напряженности, организованности и активности исполнителей: «Поки бригадир вів смертельні **баталії** по телефону, бригада ... сиділа в забої» (А. Дрофань). Примеры из романа П.Загребельного «З погляду вічності»: «Секретарка теж зрозуміла, що період **мирних переговорів** закінчився і щомиті можуть розпочатися рішучі **воєнні дії**»; «Ми з Євгеном відступили, полишивши **поле бою** для друзів молодості»; «Шляхтич ворухнув плечем, видно, хотів **рвнутися в бій**, але ми його стримали. Не треба. Це ж однаково, що бігти під **кулеметним вогнем**. Нічого сумнішого не може бути, ніж **військо**, що не дійшло до **поля бою**».

Метафорическое употребление военной лексики в газетном тексте придает особую выразительность публикуемым материалам, подчеркивает важность освещаемых событий общественной жизни. Напр.: «Это был настоящий штурм заоблачных вершин; начался **штурм** кратера, излучающего жар («Неделя»); «Кияни **брали штурмом** автобуси та маршрутки, що курсували між столицею і Чубинським, щоб швидше дістатися до ярмарку» (Сільські вісті); «Целый рыболовецкий **десант** высадился на озере. Студенческий **десант** участвовал в сборе яблок.» Возникли новые сочетания: **вооружать знаниями (опытом, идеями** и т.п.), имеющие значение «давать необходимое количество знаний, хорошо подготовить, передать имеющийся опыт».

Слово **застрельщик** в словаре Даля имеет значение «солдат в передовом рассыпном строю, начинающий перестрелку с неприятелем» (Т. I, с. 642); в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова читаем: «**застрельщик** – руководитель, инициатор, зачинщик». В настоящее время слово выступает в публицистических текстах, причем с начала 30-х годов как положительно-оценочное (**застрельщик соцсоревнования**), а в последние десятилетия наметилась тенденция к употреблению его в качестве отрицательно-оценочного (**застрельщик гонки вооружений**).

В переносном, метафорическом значении используется экономический термин **кредит/кредит**. Напр.: «Сьогодні більш, ніж будь-коли, **втрачає кредит** у читача романтика риторична, прикрашальна, сентиментальна... (Л. Новиченко). Юридический термин **кодекс** получает добавочные семантические оттенки: «система определенных норм (этических, эстетических, моральных) либо правил». Оценочное значение также выделяется – «обязательность, необходимость их исполнения»; эмоциональное значение – «уважение к установленным правилам». Напр.: «Корені естетичного **кодексу** О.Довженка сягають, отже, у його дитинство і розгалужуються в національному ґрунті» (Рад. літ-во).

В литературной критике обоих языков частыми лексемами являются термины **ток / струм, напряжение / напруга, высоковольтный / високовольтний, наэлектризованный / наелектризований**. Ср.: «Уже за художньою своєрідністю цей монолог вартий спеціального аналізу: поривистий, нервовий, пронизаний **струмами** високого драматичного напруження» (Л.Новиченко); «Справжній, образно кажучи, **високовольтної напруги** конфлікт можливий тільки між розумними противниками» (Літ.Укр.).

В публицистических и художественных текстах широко употребляемы лексема и словосочетания терминологического плана: **аккумулировать / акумулювати, амплитуда / амплітуда, диффузия / дифузія, катализатор / каталізатор, коэффициент полезного действия / коефіцієнт корисної дії, космическая скорость / космічна швидкість, молекулярный анализ / молекулярний аналіз** и многие другие. Ср.: «Таку ж пошану викликає поетична мова Плужника, що **акумулює** різноманітні стильові пласти» (Л.Новиченко); «**Амплітуда** людська – від коліски до гробу. Та не знати народу таких **амплітуд** (И.Драч).

В языке художественной литературы названия строений и их частей (помещений) используются не только для номинаций определенных конструктивно-декоративных композиций, а и для передачи эмоционально-экспрессивного повествования.

Сравним информационно-номинативное употребление лексем в контекстах из произведений украинской литературы («На

високому горбі стремить давній лицарський **замок** з баштою» (И. Нечуй-Левицкий); «Спить спокійно у другій **кімнаті** кароокий, смуглявий синок» (В. Сосюра); «Приснились їй дивні якісь **хороми**, а вона ходить по них із світлиці в **світлицю**» (О.Гончар) с их употреблением в повышенной коннотации – дополнительными социальными характеристиками, идущими от авторских эмоционально-оценочных («А я так мало, небагато Благов у бога. Тільки хату, Одну **хатиночку** в гаю, Та дві тополі коло неї...» (Т. Шевченко); «Дитина ж та попід тином блукає: Чи то й **хатиночки** не має?» (А. Метлинский).

В последнее время в украинском литературном языке значительно метафоризировались архитектурные термины: **будування, спорудження, творення, розбудова, будівництво, фундамент, основа** и др. Напр.: «Українці зробили вагомий внесок у **розбудову** економіки, історії, культури інших народів» (Культура і життя); «Сьогодні, коли Україна **розбудовує** свою державність, значним є інтерес до Лисенка» (Вісті з України). Лексема **храм** вобрала в себя высокие понятия об идеале общества: «Чому ж терпимо ставимось, якщо кимось споганюється найсвятіший і найчистіший **храм** народу – його мова?» (Культура і життя).

Архитектурные термины, употребленные в переносном значении, передают в эмоционально-экспрессивной форме идею строительства государства Украины. Новые общественные реалии выражаются в лексемах **будинок, стіни, фортеця, дім, каркас, несучі опори, підпора, цемент**. Напр.: «Якщо кожен покладе в зведення нашого спільного **дому** бодай **цеглину** чи **камінчик**, справжній Українській державі – бути!» (Культура і життя); «Ми ще тільки звели **дах і стіни** нашого **дому**. Щоб не втратити свободи і створити затишок у **домі**, мусимо працювати» (Літ. Укр); «Мова – одна з основних ознак нації. Мова – **фундамент** культури. Рідна мова – найдорожчий скарб народу, **підвалина** інтелекту, основа патріотизму» (Голос України); «Вкласти свою **цеглину** у **підмурок** нового суспільства» (з публ. літ.).

Лексика из музыкальной сферы вплетается в метафорические образы поэзии Б.Тена, способствуя эмоциональной передаче

пейзажных зарисовок и внутренней настроенности человека. Ср.: «Схід, золотіючи, дише Ритмом осяйних **симфоній**»; «І довго слухав безмовний **спів** розквітлих рясно зоряних садів»; «В світлому мовчанні Плещуться променів **гами**»; «І мріють перед поглядом моїм Часи, що так давно відшумували». В поеме В. Коротича «Шопен» образ композитора сливається с образом ожившего города: «Варшава грала **музику** Шопена. Дощем по ринвах, Пальцями по склу».

Как показывает материал, процесс метафоризации терминов достаточно активен и всеохватывающий в наше время. Поэты, писатели, критики не оставляют без своего внимания ни одного слоя специальной лексики, вводят их в свои тексты, что способствует выразительности языка, его точности и образности. Можно сказать, что каждый переносно употребленный термин – это своеобразный контекстуальный синоним к общеупотребительному слову.

Таким образом, наблюдается не только обогащение речи персонажей современными терминами, что само по себе уже свидетельствует о компетенции различных слоев интеллигенции, но и свободное использование терминов в качестве средства, повышающего индивидуальные речевые возможности. Следует отметить также, что современная русская поэзия шире и разнообразнее использует терминологическую лексику, чем украинская. В украинских же художественных и публицистических текстах терминологические сочетания чаще приобретают различную эмоциональную окраску.

Метафоризация как стилистический прием

Для стилистических сравнительных исследований большое значение приобретает изучение образно-выразительных средств, которыми располагают русский и украинский языки. Частной проблемой является установление лексических групп, которые более всего подвержены метафоризации. В свое время М.М.Покровский проследил, как в ряде европейских языков чувства людей передаются метафорами: чувство стыдливости проявляется покраснением

лица, зависть – позеленением лица; действие мороза отождествляется с действием жара и т.п.

В некоторых работах есть указания на то, что в русском языке метафоризации подвержена группа названий животных (*лиса, волк, осел, собака* и др.), птиц (*соловей, сокол, ворона, орел* и др.), минералов (*золото, яхонт, изумруд*), времена года (*весна, осень*) и др. Насколько важны вопросы изучения образования и использования слов в переносно-метафорических значениях свидетельствует уже то, что А.И. Ефимов в 1963 году в ряду задач сравнительной стилистики выделил задачу создания «энциклопедии метафорического словоупотребления, включив в нее общенародные метафоры, а также индивидуально-авторские»⁵⁷. При этом, указывал он, важно назвать и те сферы, где они применяются, в частности – публицистика, фольклор, художественная литература и т.п.

Сравнительное изучение стилистических систем национальных языков предлагает исследователю материал для познания не только специфически лингвистических моментов духовного творчества народов, но и многое в интеллектуально-логических строениях их суждений, для познания образности, в том числе путей и способов метафоризации.

В качестве наиболее продуктивного способа создания экспрессивной окраски слов и выражений В.Н. Телия выделяет ассоциативно-образное переосмысление значений, «в основе которых лежат тропы, а среди них главенствующая роль принадлежит метафоре как самому простому по композиции приему переосмысления и усиления образного сигнала»⁵⁸.

В метафоре находят отражения новые отношения и качества действительности, она представляет собой особый вид обобщения, является результатом познавательной деятельности человека. С точки зрения семантики – это особый тип номинативного значения, содержащий определенную оценку действительности. Оценка

---

⁵⁷ Ефимов А.И. Задачи сравнительной стилистики восточнославянских языков. – М., МГУ, 1963. – С. 20.

⁵⁸ Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. – С. 71.

формируется на основе сравнения, а для этого необходимы общие элементы в значении слова, употребляемого в прямом значении, и слова, употребленного переносно. При метафорическом употреблении слова его значение сужается.

Существует разделение метафоры на общезыковые (узуальные) и метафоры окказиональные, то есть оригинальные, художественные, авторские. Оригинальные метафоры возникают вследствие нарушения обычного семантического поля данного слова, в результате которого становится возможным выделение в контексте нового значения по подобию между сравниваемыми словами.

Сопоставительное исследование языковых выразительных средств может быть представлено, например, таким сегментом лингвостилистики, как сопоставительное рассмотрение процесса метафоризации в исследуемых языках.

Процесс метафоризации вызывается свойственным для носителей языка умением выделить наиболее существенные качества при наблюдении окружающей действительности, познавать одни предметы через другие, а новые явления – через сравнение с уже известными. «Метафора, – отмечает Н.Д. Арутюнова, – позволяет сравнивать несопоставимое – конкретное и абстрактное, одушевленное и неодушевленное, время и пространство»⁵⁹.

Среди семантических инноваций широко представлены единицы, метафорическое переосмысление в которых произошло на основе внешнего сходства называемых реалий, при этом внешнее сходство выступает в роли внутренней формы: **зебра** (разметка в виде продольных линий, нанесенных на проезжую часть улицы);

жаворонок (человек, с раннего утра начинающий трудиться);

марафон (о чем-либо продолжительном);

распашонка (особая планировка двух-, трехкомнатной квартиры);

стрекоза (вертолет) и др.

Метафорическое переосмысление лексем может быть основано на внутреннем сходстве признаков сопоставляемых реалий:

снайпер (спортсмен, метко забрасывающий мячи);

---

⁵⁹ Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. лит и яз. – 1978. – Т.37, № 4. – С. 333–334.

мушкетеры (спортсмены, занимающиеся фехтованием на шпагах).

Активным типом метафоризации в языке последних десятилетий является ассоциативное переосмысление:

бегунок (документ, заполняемый при увольнении из учреждения отметками об отсутствии задолженности книг, спортивного инвентаря и т.п.);

челнок (человек, занимающийся мелкими поставками товаров из-за рубежа);

обуть (снабдить колеса пневматическими шинами).

Метафорические словесные «штампы»⁶⁰, обозначающие природные процессы, имеют давнюю традицию и восходят ко времени, когда человек верил, что вокруг него все живет: чувствует, понимает, борется за выживание. Ср.: **солнце всходит // сонце сходит; солнце заходит // сонце заходит; солнце садится // сонце сідає; дождь идет // дощ іде; зори смотрят // зорі дивляться; река течет // річка тече** и др. «Уж звезды светлые взошли»; «В родную глубь спешат ручьи»; «... воды уж весной шумят»; «**Небесный свод, горящий славой звездной, Таинственно глядит из глубины**»; «Украдкою в мое окно **Глядело бледное светило**» (Ф.Тютчев) // «**день біжить, дзвонить – сміється**»; «**Сміється сонце з небосхилу**» (П. Тычина).

Глаголы речи активно метафоризируются в пейзажных зарисовках. Ср.: «**Ветки буков шептались** за окнами, **Звеня** легкими ударами по стеклам» «**Листья, чутко встрепенувались, бормотали** что-то невнятное и тотчас же **смолкали**» (В. Короленко) // «**Авжеж, що так!**» – **піддакнув їм вітерець**» (Л. Глебов); «**Стане пшениця пісню співати**» (А. Малышко).

В русских и украинских художественных текстах выделяются группы глагольных метафор, указывающих на распространение звуков, света либо запахов в пространстве. Имеются ввиду: **течь – литься – разливаться – изливаться – плыть – просачиваться** и др. // **текти – розтікатися – розливатися – витікати – ринути –**

---

⁶⁰ Имеются ввиду словосочетания с неярко выраженными экспрессивными возможностями.

плинути – виливатися – розливатися и др. Как правило, указанные глаголы сочетаются со словами **запах//дух, песня // пісня, звуки // звуки, свет // світло** и др. Ср.: «В воздухе чувствовался тягучий, медвяный травяной запах, **плывущий** с далеких полей» (А. Куприн) «Долго **текла ручьем** ее складная **речь**» (М. Горький)// «**Жита** квітучі дух **розілляють** милий» (М. Рильский); «По його тілу **пливло** терпке і млосне **розслаблення**» (В. Кучер); «Вікно розчинене навстіж, і хвилями **плинуть** в кімнату терпкі **запахи** теплого надвечір'я» (О. Донченко).

Метафора является действенным стилистическим средством при передаче картин природы в лирической поэзии. Ср.: «Там **зори** калиной **ломилась** в окошко», «**Руки** белых **черемух** протянуты с лаской»; «В роцях **осень** **шастает** по-лисьи»; «**Ворчит гроза** уже не страшная»; «Скоро вновь **расплачутся дожди**» (Н. Рыленков); «**Осень** только **взялась за работу**, только **вынула** кисть и резец, **положила** кой-где позолоту, кое-где **уронила** багрец» (М. Алигер) // «**Місяць** над садом пахучим срібне **обличчя схилив**» (В. Сосюра); «Свіжо **дихає ранок** зимовий, **Піднімається день-чародій**» (С. Крыжановский); «І полотнища небокраю в білі руки **взяла весна**» (А. Малышко). Отмечаем, что в поэзии Л. Костенко получил свое дальнейшее развитие тычининский прием обрисовки природы через музыкальные и пейзажные ассоциации: «Правічну думку **думають ліси**»; «Сосновий **ліс перебирає струни**», «**Рокоче тиша** на глухих басах»; «**Дощі програють** на городах **гаму**». Ср. у Тычины: «На будинках **горить** гарячий **фіолет**»; «...**Потухав** багрянний **колір**», «Воднозелена **світилась хмара**»; «І **зарідав оркестр** ізнов».

Метафоры могут принимать синонимические компоненты в свой состав, что способствует еще большей конкретизации образа. Ср. у П.Тычины: «**Плаче травиця** сама при дорозі, **ридма ридать хвилі**»; «**Хмарки біжать – милуюся** и «**Кудись хмарки** на конях **мчать**»; «**День біжить, дзвенить – сміється, перегукується**» и «**Сміється сонце** з небозвода». В «цепочку» порой составляются синонимические однородные метафоризированные члены предложения, что позволяет автору усилить эмоциональное воздействие на читателя при описании картин природы. Ср.: «І **степ** старий, –

і гордий, і багатий, – **Убрався** скрізь в ясно-зелені шати... **Ожив, дихнув**, і запашне дихання **Послав** лісам, горам на привітання» (Б. Гринченко); «Соняхи **зацвіли й дивилися** прямо в очі, а золотисте **волосся** кукурудзи **лоскотало** шовком і **дихало** пахучою вологою» (М. Чернявський).

Насыщены метафорой произведения художественной литературы для детей. Это способствует более глубокому усвоению ребенком жизненных явлений. Прежде всего наблюдается персонификация окружающего, что позволяет передать целостный одухотворенный мир, который приблизится к пониманию ребенка. В украинской детской поэзии отмечается тесная связь персонификации с фольклором. Распространены сказочные образы животных (заяц, лисица, лягушка, медведь и др.); явлений природы (дождь, снег); времен года, времен суток. Напр.: «Де ж ти, літо, поділось, куди подівалось?» (Л. Костенко).

Определения-прилагательные могут быть порой в необычном контексте: «Під рябими кущами **вухастими**» (М. Винграновський); «– А як був молодиком, був **худесеньким серпком** [о місяце]» (Л. Костенко); «Йде гусак **серйозний** дуже» (М. Винграновський). Вместо общеупотребительной метафоры употреблено «**місяць тече** по хатах» (М. Винграновський). В необычные контексты введены метафоры в детских стихах: «**Озирались маки**: що таке?» (М. Винграновський); «І **втіка** за горб **трава**» (Д. Павлычко); «Гриби капелюхи **приміряють**» (Т. Коломиец); «Верба **одягла** сережки» (Л. Костенко); «І стежка вже **не лащиться** під ноги» (М. Винграновський).

В детской художественной прозе («Будь обережна, Марійко!» В. Кавы, метафоры передают мировосприятие девочки-партизанки. Напр.: «Марійка видряпалась на високу березу, глядить на село. Прохолодний **вітерець лоскоче** щоки, **норовить скинути** Марійку. Зате як багато видно. Он маленьке **озерце сяйнуло** блакитно. Он **кленок горить-палає**, а **сусіди-ялини насторгбучились** гіллям, **одштовхують** те полум'я. Он на лузі **калина розжарила** свої кетяги».

При помощи метафорических образов, которыми насыщены целые текстовые отрывки романа В. Пидмогильного «Місто»,

разворачиваются картины жизни города в эпическом описании: «**Місто** пишно **розгорнуло** свої білі артерії і гордовито **піднесло** своє **чоло**; місто покійно **лежало** внизу хвилястими брилами скель і **простягало** йому з п'ятьми горбів гострі кам'яні **пальці**». Художественно-образная деталізація помітна і в описанні «лица» города: «**брук і дахи лопотіли** холодними слізьми; у вибоїнах асфальту стояли несохнучі калюжі, **тремтячи** поверхнею від крапель»; «**будівлі важкі й суворі; похмурі споруди**». Іншу картину города рисует В. Сосюра в романе «Третя рота». «Місто **взяло** мене у свій солодкий **полон**».

Благодаря приему метафоризации состояние тишины и спокойствия в природе эмоционально передано в повести Панаса Мирного. Ср.: «Мир **утихав** після денної праці; **згорталися** його натружені руки – одпочивали; **німіли** важкі болі у серці – **затихали**; **закривалися** натомлені очі – **засипали**. Сон, як добра мати, **чарував** усе чарівним спокоєм, **покривав** стиха таємним пологом». Расширенная метафора в контрастном контексте способна «разбудить» уснувших, наполнить природу движением, звуками: «Прокинулось усе. **Обізвალась** трава голосами тисячі своїх жильців: коників, метеликів, жуків; луги, **струшуючи** срібну росу, **розлягалися співами** соловейків, в повітрі **бриніла** жайворонкова пісня».

Стремление «очеловечить» природу с помощью метафор способствовало созданию контрастных по своей сути картин природы в повести М. Коцюбинского: «Fata morgana». Пейзажная лирика употреблена в контексте психологических переживаний героев, внешнего проявления этих переживаний, мыслей о беспросветном существовании. Ср.: «Ідуть дощі ... **пливе** у сірій безвісті нудьга, **пливе** безнадія і стиха **хлипає** сум... **вмивається** слъозами убога земля і не знає, коли **осміхнеться**». И другая, контрастная, зарисовка передает радостное настроение Маланки, ожившие надежды на получение земли: «А тут земля **подає голос, сміється лука** ранніми росами, дзвоном коси, **кличуть** городи сочистим листом, тучна земля **диха** на неї (Маланку – Л.С.) теплом».

Развернутые метафоры повышают эмоциональность публицистических текстов. Напр., в литературной статье: «Николай Рылен-

ков **выращивает сад своей лирики** терпеливо и верно. За год каждая ветка прирастает на несколько сантиметров. Но это уже прочные, закрепленные, так сказать, вечные сантиметры. Надо иметь ввиду, что ветви не прирастали бы и не ветвились, если бы в то же время не росли и не развивались корни. Корнями своими поэт уходит в глубокие и живоносные слои русской природы, русской деревни, фольклора и истории».

Еще примеры из журнальных текстов: «А сколько восходящих **звезд** за последние годы объявилось на небосклоне российской поэзии, которые, однако, при более внимательном рассмотрении даже простым, невооруженным глазом оказывались не звездами, а быстро хоть и весьма эффектно пролетающими **кометами**» (ж. «Новый мир», 1990). Литературный критик, анализируя сборник стихов Д. Кременя «Пектораль» (1997), куда вошла поэма «Сад», пишет поэтически, используя метафору: «Возьмите книгу Д. Кременя, **войдите в его поэтический сад**, и каждый пусть сорвет тот цветок, который напоит добром и верой его сердце» (ж. «Дивослово», № 1, 2000).

Истинное родство русского и украинского языков, их длительное параллельное развитие в исследуемый период, наполняемость лексико-семантических подсистем, а также близость поэтического мышления склонность к поэтическому освоению слова сказывается в значительном сходстве способов развития метафор, не исключая определенных различий в применении этого приема.

Следует отметить, что в сопоставительной лингвистике допустимо использование сравнительно-исторического метода литературоведения⁶¹, поскольку не исключено, что сюжетные коллизии одного литературного произведения могут повторяться в другом, написанном на близкородственном языке, также возможно возникновение одинаковых (или близких) образов, а значит, и сходных языковых средств для обрисовки этих образов.

---

⁶¹ Ковалев В.П. Сопоставительное исследование языковых средств экспрессии русской, украинской и белорусской художественной литературы // Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков. Тезисы докл. Всесоюзной научной конф. 22–24 дек. 1977. – К., 1977. – С. 79.

Сопоставительное изучение экспрессивных возможностей родственных языков можно продолжить на материале метафизированных словосочетаний в поэзии С. Есенина и В. Сосюры, где они являются основным средством образности. Проанализируем одну из наиболее активных цветовых ЛСГ, включающую прилагательные со значением «красный». Цветолексемы в поэзии С. Есенина выстраиваются в синонимический ряд: **алый, розовый, багровый, багряный, вишневый, кровавый, кумачовый, маковый, огненный, рдяный**. Для передачи цветовой гаммы при изображении природы чаще всего поэт обращается к эпитетам: **алый, малиновый, розовый, рдяный**. Ср.: «**красная** зорька (солнце)»; «**алый** свет зари», « **малиновая** заря», «**розовый** закат (туман, степь)» и др. В метафоризированных конструкциях указанные лексемы приобретают добавочное значение «что-то ценное, прекрасное, любимое», что позволяет оттенить эмоциональное личностное отношение к изображаемому: Ср.: «**красные** крылья заката», «костер рябины **красной**», «...полей **малиновая** ширь», «О Русь – **малиновое** поле» и др. Лексемы **красный, алый, кумачевый** чаще употребляются как средство передачи цвета реальных предметов. Ср.: «**красная** рубаха», «**алый** платок (кушак)», «**кумачевый** стяг», «**красная** рюшка сарафана» и др.

Для выражения состояния душевного смятения, тревоги, предчувствия трагического в поэзии С. Есенина используются лексемы **багровый** и **кровавый** («А с запада как лента широкая, поднимается заря **кровавая**»), что усиливает эмоционально-экспрессивную направленность текста.

В поэзии В. Сосюры выстраивается синонимический ряд с доминантой «червоний»: **багряный, пурпуровый, вишневый, малиновый, янтарно-червоний, кармінний, огненный** и др. Оттенки цвета окрашивают реальные предметы. Ср.: «знамена **червоні (пурпурові)**», «зоря **малинова**», «**багряний** місяць», «**багряна** ржа», «**янтарно-червоний** захід [сонця – Л.С.]» и др. Для передачи семантически усложненных образов природы потребляются эпитетные метафоризированные конструкции, включающие цветовые лексемы. Ср.: «У хустині **малиновій** зоря у вікна загляда», «мчала

зоря на **багрянім** коні», «Зорі **багряний** вершник проліта і по землі копитом дзвонить лунко...», «І хмари в вишині, й **кармінні** небокраї». Для обозначения трагизма военных событий привлекаются слова **огненный, кривавий**. Ср.: «чорний вітер загину шумів у **кривавих** полях», «Тільки сниться **огненне** минуле», «буря **огняна**» и др.

Таким образом, сопоставление ЛСГ со значением цветообразования в поэзиях С. Есенина и В. Сосюры позволяет обнаружить близкий по своему лексическому составу набор метафорических словосочетаний, что свидетельствует о сходном ассоциативном мышлении поэтов, об их родственной стилистической ориентации. Вместе с тем индивидуальные приемы включения цветowych метафор в тексты создают неповторимость индивидуального стиля каждого из поэтов.

Главным объектом поэтизации в творчестве С. Есенина, как уже отмечалось, выступают «крестьянские образы», базирующиеся на традициях фольклора. Об этом влиянии свидетельствуют и метафоры, при помощи которых созданы многие словесные образы, передающие тончайшие движения человеческих чувств и малейшие оттенки в состоянии природы. Природа живет, действует, дышит в стихах Есенина благодаря поэтическим олицетворениям. Например, образ **месяца – луны** поражает многообразием метафорических переносов. Ср.: «**Коромыслом серп двурогий** Плавно по небу скользит»; «**Лошадиную морду месяца** схватить за узду лучей»; «**Рыжий месяц жеребенком Запрягался** в наши сани, «Иль хочешь в косы-ветви Ты **лунный гребешок?**» и др. Поэтическое олицетворение месяца контрастно подается в стихах. Ср.: «**Месяц, словно желтый ворон**, Кружит, вьется над землей» («Ну, целуй меня, целуй...») и «**Ягненок кудрявый** – месяц гуляет в голубой траве» («За темной прядью перелесец...»).

Метафоричность многих образов поэзии Есенина порождается земледельческими ассоциациями. Ср.: «Отелившееся небо лижет красного **телка**», «Прядите, дни, свою былую **пряжу**»; солнце – «золотое, опущенное в мир **ведро**»; «...**мельница**, крылом махая, С земли не может улететь»; «Эти волосы взял я у **ржи...**»; «звездный **злак**» и др.

Стилистические ресурсы окказионализмов

Экспрессивно-стилистические качества и особенности функционирования окказиональных слов в различных стилях речи и жанрах литературы как русского, так и украинского языков не изучены вполне; как и сорок лет назад, констатируется, что «стилистическое использование окказионализмов – пока не исследованная область»⁶².

Отмечаемая исследователями необычность, «диковинность» признаются главным признаком окказионализма. Однако эта «необычность» слова трудно поддается научному описанию и лингвистическому анализу. Мысль о том, что появление нового слова предопределяется всей системой синтагмо-парадигматических отношений в языке, конкретизировалась в труде Ф. де Соссюра: «Ошибочно думать, что процесс словотворчества приурочен к моменту возникновения новообразования; его элементы уже даны раньше. Импровизируемое мною слово... уже существует в потенции языка: все его элементы встречаются в синтагмах, а его осуществление в речи есть факт незначительный по сравнению с самой возможностью его образования»⁶³. Это мнение разделяет А.Г. Лыков: «Окказионализм представляет собой речевую реализацию не реализованных языком возможностей, заложенных в самой его системе»⁶⁴. В качестве причины появления окказионализмов в составе языка называется «действие экспрессивной функции языкового механизма»⁶⁵.

Признаками окказиональных слов, отличающих их от других слов в системе языка, являются принадлежность к сфере речи, ненормативность, функциональная одноразовость, экспрессивность, производность, индивидуальная принадлежность. Вokka-

---

⁶² Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словообразование и культура речи // Русский язык в школе. – 1964. . – № 4. – С. 18.

⁶³ Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. – М., 1977. – С. 447.

⁶⁴ Лыков А.Г. Современная русская лексикология /русское окказиональное слово/. Учебн. пособие для филол.фак-тов ун-тов. – М., 1976. – С. 10.

⁶⁵ Волков С.С., Сенько Е.В. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития // Новые слова и словари новых слов. – Л., 1983. – С. 56.

зионализме воплощено умение автора реализовать словообразовательные возможности языка; нередко при этом автор преследует цель самовыражения (что более характерно для поэтических текстов); функциональная специфика окказионализма – это «запрограммированная неожиданность» (А.Г. Лыков) его появления в тексте.

Отличительным признаком окказионализма служит ненормативность, однако при этом отклонения от норм (грамматических, словообразовательных, семантических) носят мотивированный характер. В каждом отдельном случае окказионализм используется неповторно, именно для конкретной ситуации. Стремление автора экспрессивно или оценочно отметить узусные явления или понятия способствует усилению экспрессивной функции окказиональных слов. Кроме того, важен еще фактор стилистической целесообразности – чтобы новое слово не диссонировало с общим идейно-семантическим полем художественного произведения, чтобы воспринималось в рамках нормированной языковой системы. При таком условии окказионализм может воплотить творческий замысел автора и даже создать особенный содержательный ракурс всего художественного произведения.

«Нове життя нового прагне слова» – это выражение П. Тычины, большого знатока языка и автора многих неологизмов. Авторские поиски поэтом наиболее нужной формы для выражения своих мыслей, настроений, чувств воплощаются в выразительных, экспрессивных словах – окказионализмах. Его неологизмы обогащали литературный язык, он был новатором и в развитии уже существующих языковых традиций, уточнял и шлифовал отдельные средства языка. Языковеды отмечают три главных направления стилистических поисков в произведениях П. Тычины: поэтической символики, стилизации под фольклор и публицистичности⁶⁶.

У М. Рыльского есть замечательные строки о неологизмах П. Тычины (в стихе: «Весна, весна! Яка блакить,

---

⁶⁶ *Пилинський М.М., Колесник Г.М.* Олюднене слово поета // Культура слова. Вип. 41. – К., Наук. думка: 1991. – С. 12.

Який кругом **прозор!**
Садами ходить **брунькоцвіт,**
А в небі – **злотозор**»):

«Только безнадежный педант мог бы протестовать против этих новообразований, хотя они, возможно, и не войдут в широкий литературный обиход»⁶⁷.

Свои поэтические неологизмы П. Тычина создавал по украинским лексическим моделям, используя словообразовательные средства литературного языка, поэтому большинство неологизмов П. Тычины – это яркие, семантически полновесные слова, носящие на себе отпечаток самобытной индивидуальности поэта.

Если не было подходящего словесного материала, поэт «вигранював нове слово, яке навдивовиж точно і мелодійно передавало нові обрії світобачення»⁶⁸. Богата частеречная палитра тычининських неологизмов: **акордитися, збутонити, розпрозорюватись, весніти, переструнювати, дипломатити; вітровіння, бистроплин, злотозор, медоцвіт; голосодзвонний, ніжно-дзвонний, самодзвонний, аркоджний, сонцебризний, вічнодумний, струнчастий, наструнений; яснозоро, дощоросно, яблуневоцвітно** и др. Ср. некоторые примеры: «Ах, нікого так я не люблю, як вітра **вітровіння**, його шляхи, його боління»; «Ти кобзу любиш **ніжнодзвонну**, а я – співаючий курай»; «Згадавсь чомусь Іван Франко і **вічнодумна** Леся Українка»; «Молюсь у храмах **струнчастого** гаю. Там блискавок замах сліпучий без краю!».

Некоторые из выразительных неологизмов П. Тычины вошли в лексикон других поэтов: М. Рильского, В. Сосюры, А. Малышко, М. Бажана. Например, неологизм П. Тычины **розкрилено** (в стихе: «Глибинами не втану, не змілію, верхів'ями **розкрилено** росту») послужил толчком и образованию глагольных форм в стихотворении М. Рильского («Одчиню свою квартиру, **Розкрилю** своє вікно»; «Наш Київ Золоті **розкрилює** Ворота». В новых, производных от

⁶⁷ *Вихованець І.Р.* Могуть самодзвонного слова // Культура слова. Вип. 41. – К., 1971. – С. 3.

⁶⁸ *Максим Рильський.* Ясна зброя. – К., 1971. – С. 37–38.

випроміння словах, ожили яркие эпитеты М. Бажана («Діві сяйній, **випромінній** я відклав цей одяг в дар...»; «Що значить цей знак **випромінний**»).

В стилистике А. Малышко ощущается такая выразительная черта поэтики П. Тычины, как образование отыменных глаголов: **кольоритися, прозоритися, брунькуватися, тінитися, весняніти, заіскрювати** и др. («**Прозориться** душа, і **кольориться** врода... І **тіниться** душа, дерева й трави»). В стихотворениях С. Есенина, В. Сосюры, П. Тычины, А. Малышко немало эпитетов-наречий, образованных от относительных прилагательных (напр., **виноградно, пшенично, океанно, трубно, соборно** и др.). Ср. у С. Есенина: «Май все хорошеет, Ели все **игольчей**».

Примеры окказионализмов находим, главным образом, в текстах художественной литературы, публицистики. Оппозиция окказиональность – узусность проявляется на всех уровнях структуры языка: в лексике, словообразовании, морфологии, синтаксисе.

Окказиональное слово творится, создается всякий раз для каждого конкретного случая его употребления, чтобы оригинально и свежо передать оттенки смысла и экспрессивно «насытить» текст. Особенно велика потребность в них поэтической речи. Известны окказионализмы В. Маяковского: **легкомыслая** головенка, **евпаторийки, евпаторьянки, евпаторство, евпаторячы, многоэтажья, развезувился** старик Ай-Петри, **голливудцы, серпастый, молоткастый, юбконосица** и др.

Встречаются окказиональные глаголы в стихах С. Кирсанова: «орел **кордильерствует** над вершинами, **океанствует** океан, **горизонствует** горизонт, **белоснежногорлые** голуби»; у Евтушенко **синета** (вместо обычных *синева* или *синь*).

В публицистике 70-х годов XX ст.: **краснобайствующие** ораторы («Неделя»), **бизнесменствующие** дипломаты («Правда»), **тунедствующие** чиновники («Известия»). При всем своем богатстве окказионализмы из индивидуально-творческих контекстов так и не вошли в состав общеупотребительных слов русского языка, хотя, как свидетельствуют примеры из словаря-справочника «Новые слова и значения», многие литературные примеры проникли

из речи в язык (напр., литература **сиюминутного** факта, **сиюминутные** импровизации и др.). Приведенные из газетных текстов примеры не идут вразрез со словообразовательной системой русского языка: многие прилагательные на **-ствующий** активно употребляются и в художественной, и в разговорной речи, благодаря экспрессивности, прозрачности семантики.

В современном русском языке суффикс **-инка** от именных основ образует экспрессивные названия качеств, свойств, признаков со значением неполноты. В художественных произведениях встречаются: **сумасшедшинка**, **азиатчинка**, **цыганщинка** (А. Толстой), **лжинка** (Л. Леонов), **веселинка**, **фальшивинка**, **чудинка** (М. Шолохов), **живинка** (П. Бажов), **дичинка** (А. Фадеев), **дерзинка** (В. Тендряков)⁶⁹. Словарь С.И. Ожегова фиксирует лишь одно слово – **лукавинка**.

Словообразовательный элемент **-мания** все чаще участвует в появлении новых слов. Ср.: «Нічого святого. **Пристосуванство** до всього, навіть до найгіршого... **Кар'єроманія**, шукання протекції» (О. Гончар), «Серед тої **анкетоманії**, яка заповонила сучасний світ, моя спроба за допомогою вигаданої мною анкети виявити деякі аспекти громадської думки мала б минути геть непомітно без наслідків» (П. Загребельный). Налицо – отрицательная оценочность новообразований. Кстати, в фельетонах О. Маковея зафиксировано слово **політикоманія**.

Под влиянием явления окказиональной метонимизации появляются глаголы на **-ствовать** по признакам соседства, временной либо пространственной смежности: дельфин **черномоорствует**, тигр **уссурийствует**, слон **африканствует**, крокодил **гангствует** и т.п. Все приведенные глаголы, несмотря на их «фантастические» формы могут быть соотнесены с узусными лексемами, узаконенными нормой литературного языка: **учительствовать**, **диктаторствовать**, **директорствовать**, **донкихотствовать**, **актерствовать**, **философствовать**. Слово **собкорствовать** (т.е. быть собствен-

---

⁶⁹ Примеры взяты из книги: Шмелев Д.Н. Об одном случае активной аналогии в современном языке // Развитие современного русского языка. – М., 1968. – С. 114–116.

ным корреспондентом), как нам кажется, находится на периферии узусного употребления, частично потеряв окказиональные признаки. Вообще, для понимания значения окказионализма нужна поддержка контекста, например, в одном из очерков о птицах В. Песков употребляет словосочетание «**синицы-авосечники**»: «Лет пятнадцать назад, когда холодильники были редкостью и продукты вешали за окном в сумках авоськах, еду промышленяли «синицы-авосечники». Они быстро научились разрывать клювом пакеты и добывать из авоськи все, что хотели» (Комс. правда, 1971). Как видим, «рождению» окказионализма поспособствовала конкретная жизненная ситуация. Еще пример из поэзии Е. Евтушенко: слово **стальнеть** может проявить свое значение лишь в контексте полной строфы:

«Не то что скулю
И не то что в отчаянье вою,
Но тяжесть внутри как железо лежит листовое.
Старею, старею –
На склад, переполненный хламом похоже.
Стальнею, стальнею – снарядом меня не пробьешь».

Сложные слова – испытанное поэтическое средство – каждый поэт конструирует, исходя из тех лингвостилистических задач, которые ставит перед собой. Неологизмы порой неожиданны, но тем более эмоциональны, если они оправданы контекстом. Так, при описании степи в романе О. Гончара «Твоя зоря» используется определение **світлоносний**: «І ніколи не втратить той вранішній світ для нас своєї росяної, **світлоносної** сили та свіжості, ніде і ніщо не погасить в душі тієї ранкової зорі». В стихотворении Л. Костенко «Акварелі дитинства» для передачи цвета песчаного берега употреблено прилагательное «левиножовтий»: «Дніпро, старенький дебаркадер, **левиножовті** береги». Ср.еще: **дощотворений** день, **смутнолика** зірка» (Л. Гнатюк).

В авторских неологизмах современной украинской поэзии, например, отразилась тенденция к преобладанию слов с абстрактным

значением. Они строятся по законам языкового узуса и семантически прозрачны. Ср.: **дніпровість, дібровість** (Л. Костенко), **білорадість** (Д. Сыроед), **усетерпимість** (А.Бровченко), **многотерпіння** (Т. Майданович), **сіродення** (Я. Яровой), **ласкавощі** (М. Сингаивский). Новообразования стилистически эмоциональнее и интеллектуальнее воздействуют на читателя, чем обычные слова, художественная ценность их выше; иногда они могут быть эмоционально-смысловым центром определенного контекста. Ср.: **тіснозорий** (И. Орест), **тиходумний** (В.Кочевский), **дощолистий** (Д. Сыроед), **самозаслуханий** (Л. Костенко), **різдвяніти, бруднословити** (И. Жиленко).

Экспрессивность окказионализмов усиливает влияние поэтической речи, способствует обогащению художественного стиля.

Поэтический язык известного украинского писателя Б. Тена насыщен новообразованиями абстрактного характера (**світань, цвіт, прозолоть**), для поэта характерно использование сложных прилагательных (**золотокрилий рій, лунноголосий оркестр, сніговійна мла, стобарвні береги** и др.). Авторские новообразования вполне вписываются в продуктивные словообразовательные модели украинского языка: **буйнохвила повінь, ласкавохвила** Горинь.

Неологизмы О. Гончара несут идейно-поэтическую и стилистическую нагрузку. Так, застойные времена в романе «Собор» характеризуются словами: **юшкоїди, пропий-душа, чаркуватися, живохват, впливологія** и др. Гнев писателя направлен на «**знедухвлених, з невиситенним практицизмом людей**» Они способны ради мгновенной выгоды бездумно уничтожить «**цілющі трави**», «**нагріті сонцем озера-тиховоди**» и «**найродючіші землі**»

Трудовой народ характеризуется словами: **завжденна** праця, **мудроголос** життя; поэтизируя природу, автор находит свои слова: **зеленорогий** місяць, садки **безшелесні, надзахідне** сонце, **хмаростяги** и др. Индустриальные пейзажные зарисовки дополняются лексемами: **ятриво** домен, **вулканиться** червоно земля, **коксохімівський** дим и др.

Исследователи языкового творчества О. Гончара отмечали, что преобладающее количество новообразований писателя созданы

по моделям либо прототипам украинских слов, поэтому они «приживаются» в языке. Сравним узуальные лексемы с авторскими: **юшкоїди** (дармоїди), **зеленорогий** (круторогий), **сьоговічний** (сьогоденний), **однопланетяни** (односельчани), **потерпільці** (погорільці). По образцу регулярных словообразовательных моделей созданы и слова: **відключність, очужілість, знедуховлення, тайнознавство, ожжавілій, дотямкувати, витракувати** и др. Русское слово **ниспровергатели** в критической литературоведческой статье также не выходит из рамок узуальности («Лирика Рыленкова победила своих **ниспровергателей**: она не распалась, не разрушилась»).

Неологизмы, часто употребляемые в украинской детской художественной литературе (в поэзии, в прозе), привлекаются для персонификации номинативов неживых предметов. Так общепотребимый уменьшительный суффикс **-ятк(о)**, служащий для называния детенышей животных, находим в стихе М. Винграновского: «А з **хмаренятками** в узвишші Хмарина-мама йде сумна», «В шовковиці – **шовковенятко**, у хмар в небі – **хмаренятко**». Ср. еще у Т. Коломиец: **променята, маченята, ліхтарята**. Деминутивные суффиксы употребимы в существительных для передачи положительной оценки, напр.: «На зеленому горбочку, у вишневому садочку, Притулилася **хатинка**, Мов маленькая **дитинка**» (Леся Украинка); «Мені ще **рочків**, може, три» (Л. Костенко). Они же служили и для передачи отрицательного отношения к герою. Ср.: «У Дантеса були крильця – сріблясті **еполетики**» (Л. Костенко).

Развитие общественно-политической и экономической жизни страны способствует образованию инноваций, в том числе семантических, прежде всего в газетно-публицистическом и научном стилях. Из этих текстов в речь современного человека проникают научные термины из кибернетики, экологии, космонавтики, биологии и медицины. Номинативные средства русского языка собираются и оформляются лексикографически изданием словарей, справочников «Новые слова и значения», а с 1980 года – в бюллетене «Новое в русской лексике». Опубликован также проект сводного словаря лексико-фразеологических неологизмов, словарь которого

содержит около 15 тысяч инноваций разного типа⁷⁰. Многие семантические неологизмы вошли в «Толковый словарь русского языка конца XX в.» (1998).

Знакомство с неографическими изданиями дает возможность определить место семантических инноваций среди современных способов номинации, исследовать семантические процессы на уровне внутрисловных семантических связей, семантических связей между лексико-семантическими группами, полями и другими семантическими образованиями в пределах лексико-семантической системы языка.

Само появление семантических инноваций в языке связано со способностью слов «вписываться» в самые различные ситуации коммуникации, переосмысливая свои значения. Неосемема – порождение семантической деривации, к которой относится широкий круг семантических преобразований: метафорические, функциональные переносы, изменения семантического объема слов (расширение, сужение), семантическое калькирование.

---

⁷⁰ Котелова Н.З. Проект словаря новых слов. – Л., 1982; Ее же. Новые слова и словари новых слов // под ред. Н.З. Котеловой.–Л., 1988.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное изучение языков в последнее время становится одним из ведущих направлений в современной лингвистике, поскольку благодаря его применению ярче представляются особенности каждого из языков.

Фразеология как «наиболее самобытное явление языка»⁷¹ представляет собой богатейший источник эмоционально-экспрессивных средств, ярко отражающих национальное своеобразие языков. Стилистическое изучение фразеологического состава имеет свою специфику. Подчеркивая сложность исследований в этой области, В.В. Виноградов писал: «указать объем и проблематику тех разделов фразеологии, которые чаще всего отдаются стилистике, в высшей степени затруднительно. Во всяком случае, к стилистике всегда относится характеристика экспрессивных оттенков фразеологических единиц, определение речевых сфер и литературно-жанровых пределов их употребления. Кроме того, в стилистику же включается изучение и оценка фразеологических штампов, шаблонов (или клише), вращающихся в той или иной сфере речи»⁷².

А.М. Бабкин обозначил область фразеологии как «область семантико-стилистических исследований»⁷³. В исследованиях по

---

⁷¹ Ройзензон Л.И. Русская фразеология. – Самарканд, 1977. – С. 116.

⁷² Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // ВЯ. – 1956. . – № 1. – С. 64.

⁷³ Бабкин А.М. Устарелые слова в современном русском языке и словаре // Современная русская лексикография. – 1981. – Л., 1983. – С. 4.

фразеологии подчеркивается «высокая национальная специфичность фразеологии»⁷⁴.

В сопоставительно-стилистическом плане интерес представляют прежде всего особенности фразеологических оборотов двух языков с точки зрения экспрессивно-образной и эстетической организации, которая во многом определяет их стилистические возможности; эмоционально-экспрессивные свойства и функционально-стилистическое расслоение фразеологии; приемы создания разнообразных стилистических эффектов, основанных на использовании синонимических и антонимических отношений фразеологических оборотов, их многозначности и омонимии; механизмы структурно-семантического преобразования.

Сопоставление близкородственных фразеологических систем русского и украинского языков дает возможность охарактеризовать фразеологические единицы обоих языков, установить их соотношение в межъязыковом плане, обозначить их стилистические ресурсы.

Сложность сущности фразеологизма как категориальной единицы языка заметно отражается на решении основных, проблемных вопросов фразеологии. Несмотря на огромное количество работ, посвященных фразеологии, среди ученых нет единого мнения в определении объема фразеологии. Расхождение во взглядах обусловливается прежде всего различным пониманием семантической природы ФЕ. Так, границы закрепившегося двоякого понимания объема фразеологии – «узкого» и «широкого» довольно зыбки у разных исследователей.

Сторонники «узкого» понимания фразеологии (А.М. Бабкин, Н.Н. Амосова, Е.А. Иванникова, Б.А. Ларин, В.П. Жуков, М.И. Сидоренко и др.) во главу угла ставят признак семантической целостности и связанную с ним целостность номинации. По их мнению, объектом фразеологии может быть «любое устойчивое сочетание слов, независимо от его происхождения и структурно-компонентного выражения, если оно имеет неразложимое

---

⁷⁴ Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М., 1980. – С. 16.

значение экспрессивно-оценочного характера и синтаксически не членится»⁷⁵.

А.И. Молотков основывает мотив включения в состав фразеологии устойчивых оборотов по трем признакам: а) лексическое значение, б) компонентный состав, в) наличие грамматических категорий⁷⁶.

Как видим, при таком понимании состава фразеологизма за его пределами остаются: 1) глагольно-именные словосочетания типа: **дать согласие, оказать помощь, доводить до бешенства** и т.п.; 2) именные и глагольные словосочетания тавтологического типа: **бирюк бирюком, беднее бедного, от зари до зари** и т.п.; 3) пословицы и поговорки; 4) крылатые слова.

В последнее время получает поддержку «широкий» подход к фразеологии, что, как отмечает И.И. Чернышева, «связано с современными тенденциями лингвистики и, прежде всего, ее социолингвистическим направлением, объектом которого является исследование функции языка как общественного явления»⁷⁷.

Поскольку фразеология – явление многомерное, связанное с различными уровнями языка (лексика, семантика, морфология, синтаксис), она должна определяться комплексом признаков, а именно: семантическим, функциональным и структурным. Исходя из этого, ФЕ определяем как самостоятельную единицу языка, характеризующуюся целостностью значения, воспроизводимостью в процессе коммуникации и структурно-грамматической расчлененностью. Данное определение ФЕ исходит из «широкого» понимания фразеологии. При таком понимании объема фразеологии в поле зрения исследователя находятся крылатые выражения, пословицы, поговорки, перифрастические выражения. Исследователи, причисляя их к фразеологизмам, отмечают у них такие признаки: раздельнооформленность, устойчивость структуры и лексического состава, семантическую целостность, воспроизводимость

---

⁷⁵ Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке. – Л., 1982. – С. 4.

⁷⁶ Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л., 1997. – С. 8.

⁷⁷ Чернышева И.И. Актуальные проблемы фразеологии. // ВЯ. – 1977. – № 5. – С. 35.

компонентного состава (Л.И. Ройзензон, А.И. Федоров). Кроме того, пословицы и поговорки могут быть «строительным материалом» (А.Н. Кожин, 1972) в развивающейся фразеологической системе.

Основой для стилистического межъязыкового сопоставления является характер стилового расслоения фразеологии (как и лексики) в русском и украинском языках при сохранении национальных особенностей.

Собственно стилистический план изучения фразеологии должен учитывать закрепленность фразем за определенным стилем и сферой речи. Исходя из этого выделяются функциональные типы фразеологизмов: по классификации Н.М. Шанского, таких стилистических типов три: 1) межстилевые фразеологические обороты; 2) фразеологические обороты разговорного характера; 3) фразеологизмы книжного характера⁷⁸.

Основными источниками изучения в данном разделе послужили художественные тексты, разнообразные в жанровом отношении, из произведений русской и украинской литературы. Привлекаются также данные словарей – толковых и фразеологических, а также сборников пословиц и поговорок.

Стилистические особенности употребления нейтральных фразеологизмов в русском и украинском языках

Нейтральные фразеологизмы не имеют стиливых ограничений в употреблении и не соотносятся с каким-либо определенным стилем речи; они лишены специальной эмоционально-экспрессивной окраски. Употребляясь в художественно-публицистических текстах, фразеологизмы данного пласта оживляют их. Ср.: На судебном процессе ее крепостные **в один голос** показали, что они не смели пикнуть против своей лютой госпожи (В. Шишков); Алексей Кошкин знал, с каким противником ему придется **иметь дело**.

---

⁷⁸ Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. 2-е изд., М., 1969. – С. 183–200.

Лейтенант стал кропотливо готуватися к штурму седловины (В. За-круткин); – Я живу недалеко от нее, нам **по пути**, я вас провожу (М. Пришвин); Зато крику, шуму, веселья было **без конца** (И. Гонча-ров); Мы знаем заранее, что обо всем можно спорить **до бесконеч-ности** (М. Лермонтов) // Вони (моряки) **подали голос** трохи згодом і полонили дівчат веселими пригодами, що траплялися з ними в морі, на великих переходах навкруг Європи (В. Кучер); Всі **як один** повертали голови до дверей (М. Коцюбинський); Десь б'ють гарма-ти **без упину**, там ніч у полум'ї заграв (В. Сосюра).

Фразеологизмы данного пласта могут вступать в эквивалентные отношения в каждом из сопоставляемых языков. Ср. **слово в слово // слово в слово; не под силу // не під силу; войти в историю // увійти в історію; на минуту (минутку) // на хвилину (хвилинку); своим чередом // своєю чергою; знать цену кому-чему // зна-ти ціну кому-чому** и др.

Следует отметить случаи, когда русскому межстилевому глагольному компоненту соответствуют различные варианты ком-понентов, в том числе разговорной направленности: Ср. **попа-дать (попасть) в беду // потрапляти (потрапити, улутатися) в біду; пришла мысль //саянула (майнула) думка; брать (взять, забирать) верх над кем-чем // брати (узяти) гору над ким-чим, підвертати (підвернути) під спід кого; бросать тень на кого // уводити в неславу (в славу) кого; для вида // для годиться, про людське око; пройтись по адресу чьему // закинути камінець у чий город, взяти на язык (губу) кого** и др.

Межъязыковые соответствия могут резко отличаться по струк-туре и лексическому наполнению. Ср. **в любое время // коли за-вгодно; любой ценой // за всяку ціну; в порядке вещей // звичай-на річ; выше всего // понад усе; до известной степени // певною мірою; ясное дело // зрозуміла річ; принимать меры // вживати заходи** и др. Неразличение нормативной и калькированной соот-носимой ФЕ приводит к стилистическим погрешностям в плане культуры речи.

Немногочисленную группу нейтральных фразеологизмов рус-ского языка составляют ФЕ, не имеющие фразеологических укра-

инских соответствий, напр.: **делать заметки // занотовувати; в самом деле // справді; насправді, дійсно.** В украинском языке также отмечаются ФЕ «непереводного типа». Ср.: **не йняти віри** кому, чому – «не вірити кому, чому-небудь» (СУМ, I, 679); **піти в світ (у світі)** – «вирушити в далеку дорогу, невідомо куди» (СУМ, IX, 86); **стати на перешкоді (на заваді)** – «перешкодити».

Различия в сочетаемостных возможностях и фразообразования соотносимых ФЕ могут быть стилистически ощутимы. Ср.: **обращать в шутку // повертати на жарт; обращать в пепел // перетворювати на попіл, спопеляти; обращаться в бегство // кида-тися (пускатися) навтіки, п'ятами накивати; скрыться из виду // зникнути (щезнути, пропасти з очей (з-перед очей))** и др.

Общий характер межстилевой фразеологии украинского языка по сравнению с русским дает некоторый сдвиг в сторону разговорной речи⁷⁹, что прослеживается при сравнении фразеологизмов: **на видном месте // на видноті и на видному місці; иметь пристрастие // кохатися в чому и мати пристрасть до чого; иметь место // траплятися и мати місце; давать отпор // давати одкоша; ставить в затруднительное положение // ставити в скрутне становище и заганяти на слизке** и др. Некоторые примеры из художественных текстов: Первая мысль, **пришедшая ей в голову**, была в том, что надо как можно скорее и незаметнее уехать из этого городка (П. Павленко); **Майнула думка** повернуть просто степом до Карасу (И. Ле).

К нейтральным фразеологизмам относятся фразеологические штампы, шаблоны (клише), которые имеют хождение в сфере литературной речи.

Под штампами, или канцеляризмами, обычно понимают часто повторяющиеся слова или выражения, утратившие в результате частого употребления образность. Однако отношение к этому может быть двояким, поскольку, как показывает анализ языка прессы, общепринятая категория штампов по сути дела охватывает две группы разнородных явлений. Во-первых, выделяются термины,

---

⁷⁹ Ижакевич Г.П., Кононенко В.И., Пилинский Н.Н., Сиротина В.А. Сопоставительная стилистика русского и украинского языков. – К., 1980. – С. 33.

лишенные экспрессии: **холодная война // холодна війна; идеологическая диверсія // ідеологічна диверсія; культурный обмен // культурний обмін** и т.п. Во-вторых, слова и выражения, удачно в свое время употребленные, но впоследствии утратившие образность и массово повторяющиеся в публицистических материалах газет и журналов. Напр., писатели чаще всего именуются: **художники слова, мастера слова, товарищи по перу, товарищи по литературному цеху // майстри слова, майстри пера, колеги по перу, літописці сучасності**. Количество традиционных выражений и штампов велико в собственно публицистических статьях, посвященных вопросам жизни страны, международным событиям; в критических материалах их мало. Напр., в «Литературной газете» активны штампы из военной сферы: **командиры производства, армия мастеров, разведка боем, арсенал средств, боевой отряд писателей** и т.п. В «Літературній Україні» почитают **майстрів слова (різця, сміху, пензля** и т.п.) Преобладают термины, структурно осмысленные как словосочетания: **многогранная [общественная] деятельность // багатогранна [громадська] діяльність, брали с него пример // брали з нього приклад; священный долг // священний обов'язок; претворение [планов] в жизнь // здійснення, запровадження [планів] в життя** и т.п.

В художественной литературе штампы могут приобретать черты экспрессивно-выразительного средства: Ср.: Если **следовать исторической правде**, то она пришла пить свое пиво после того, как я съел свой бутерброд (В. Золотухин); // Відчинила нам Євгенова тітка. Ясна річ, я **очолював** нашу **процесію**, тому мені першому **випала честь** наштовхнутися на тітку (П. Загребельный). Оживление нейтральной лексики дипломатических и юридических документов во многих диалогах романов П. Загребельного «З погляду вічності» и «Переходимо до любові» проецировано на юмористический эффект. Ср.: – Ви повинні дозволити **взяти себе під руку**, – тихо сказав я. – За умови, що це **не порушить** вашого **суверенітету**. Треба зважати на **права договірної сторони**; – Не смій! – завершала Зізі і кинулася на мене, і подряпала б мені обличчя, аби я вчасно **не вжив** належних захисних **заходів**; Тут мама

помітила, що наша розмова знов набуває небезпечної **політичної загостреності**, і запросила всіх до столу і др.

Введение определений в состав стилистически-нейтральных ФЕ иногда переводит их в разряд экспрессивно-окрашенных, способствует созданию иронически-сниженного тона. Напр., в тексте «Дневника» Т. Шевченко: «...блюститель нравственности спросил нас по ранжиру, кто и за что удостоился **нести сладкую сердцу обязанность** солдата»; «...приказано вывести людей на смотр **пред телячье лицо** отца-командира»; «мне привелось **разыгрывать** эту *мрачную монотонную десятилетнюю драму*». Как видим, в записях Т.Шевченко периода ссылки ирония чаще всего выступает как самозащита, оружие в борьбе с тяжелыми жизненными обстоятельствами.

В последние годы в русском языке количественно увеличился пласт фразеологизмов, восходящих к языку науки и техники⁸⁰. См., напр.: **выбрать оптимальный режим, поставить диагноз, испытывать на прочность, заложить фундамент, спустить на тормозах, определить параметры, перекрыть кислород, открыть шлюзы**; изменилась лексико-семантическая сочетаемость слов **орбита, атмосфера, вахта** благодаря чему появились ФЕ: **вывести (выйти) на орбиту, орбита влияния; накалять атмосферу, гнетущая атмосфера; встать на трудовую (почетную, юбилейную) вахту, нести вахту, передовая вахта, вахта памяти** и т.п. Указанные фразеологизмы активно употребляются в художественно-беллетристическом и публицистическом стилях украинского языка, что свидетельствует о параллельности процесса фразеобразования в обоих языках. Ср. «Коли **потрапив** (Шафорост) **в орбіту** знатних, йому сяйнуло славою, почестями» (Я. Баш); «В школі відчувалася та **атмосфера** хвилюючої **урочистості**, в якій розпочався перший день екзаменів» (О. Донченко); «Чи не **перекрило** цими заходами

---

⁸⁰ Об этом: *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Национально-культурный компонент семантики терминологической лексики и лингвострановедение // РЯ за рубежом. – 1977. – № 6; *Капанадзе Л.А.* Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики // Развитие лексики современного русского языка. – М., 1965 и др.

якоюсь мірою **кисень** для підприємницької діяльності» (газ); «Вперше в Україні відбулася виставка експонатів копій масштабних моделей бойової техніки та військово-історичних мініатюр. Проходила вона у рамках Всеукраїнської **вахти пам'яті** «Єдність поколінь» (газ.).

Таким образом, пласт межстилевой фразеологии в обоих языках выполняет важную функцию – придания тексту «высокого» звучания; кроме того, в специально «построенном» контексте нейтральные фразеологические средства способны реализовать свои скрытые эмоционально-экспрессивные возможности и эмоционально-оценочно оживить тексты.

Стилистические особенности употребления книжных фразеологизмов в русском и украинском языках

Книжная фразеология в художественно-беллетристических и публицистических текстах выступает как экспрессивно-стилистическое средство. Главное ее назначение – придание речи высокого, торжественного, подчас патетического звучания. В русском и украинском языках пласт книжной фразеологии во многом совпадает по своему составу, по характеру окраски и функционированию. Обычно идентичны по значению и экспрессии ФЕ, возникшие в рамках одних и тех же стилей (научного, официально-делового, публицистического), напр.: **принять во внимание // взяти до уваги; воскресить в памяти // воскресити в пам'яті; наложить (свой) отпечаток // на кого-что // накласти (свій) відбиток(тавро, клеймо, печать, знак) на кого-що; позначитися (відбитися) на кому-чому; почивать на лаврах // спочивати на лаврах; перейти Рубикон // перейти Рубікон; ахиллесова п'ята // ахіллесова п'ята** и др.

Книжные фразеологизмы употребляются в художественных произведениях – как в авторской речи, так и в речи персонажей – со стилистической установкой на повышение тональности высказывания. Ср.: «– Кого хороните? – спросил я. – Никанора

Вавилыча Пунина, – отвечал я... Грустно стало мне, и рад я был, что случай доставил мне возможность **отдать последний долг** моему наставнику» (И. Тургенев) // «В голубе квітневе небо вдарили раптом рушниці, **віддаючи останню шану** бойовим товаришам» (И. Цюпа); «**Наложила** на него **отпечаток** и военная профессия: что-то новое, суровое и властное было во взгляде его строгих серых глаз» (Е. Поповская) // «На вигляд їй років за тридцять. І час **поклав** уже своє **тавро**: втома в очах і ледве помітні зморшки в куточках різко окресленого рота» (А. Головка); «Себя и он не берет. Всегда он **смерти глядел в глаза**. И смерть, нам всем на диво, Его главы почтенной не коснулась» (А. Толстой) // «Скільки мені доводилося **зазирати смерті в очі**; хлопцем – у громадянську, дорослим у Вітчизняну. Але смерть боялася мене». (П. Загребельный); «– Простите, что я вспоминаю. Эти годы нужно **вычеркнуть из памяти**» (В. Гаршин) // «Ніякий час не **викреслить з пам'яті** злочинства фашизму» (П. Автономов).

Для современного русского литературного языка характерна подвижность и непостоянство между отдельными стилями и жанрами, которые не составляют непроницаемых систем. Так, книжные ФЕ, проникая в жанры устно-разговорного стиля, могут нейтрализоваться; эта же тенденция прослеживается и в украинском материале: «Если начальство призовет меня к ответу, что я скажу? Что допустила бесконтрольность? Что Вы **злоупотребили** моим **доверием?**» (Е. Городецкий) // «Кінь обережно ступав дорогою, наставляючи вперед вуха, він **відчував відповідальність** поїздки» (Ю. Яновский).

Фразеологизмы, относящиеся к книжным, как правило, отличаются закрепленностью структурно-лексического состава; в то же время они могут порождать эмоционально-экспрессивную направленность для создания юмористического и сатирического эффектов, что используется авторами. Комическое впечатление создается из-за несоответствия между способом выражения и предметом речи, общим характером текста, ситуацией и т.п. Ср.: «Вы что, надеялись, авось меня убьют там, спереди? Меня убьют, другие не узнают о вашем поведении, **споете** им **лазаря**, и будут взятки гладки! Так

что ли? Просчитались!» (К. Симонов) // «– В науку давай, Вальок! – **кинув ключ** Дормдонт, аспирант» (А. Крыжановский).

Саркастический эффект в повести Т. Шевченко «Несчастный» достигается при характеристике вдовы помещика за счет введения книжных ФЕ **полит кровью** и **памятник любви** в иной, разговорный, контекст: «Но искреннее и чистосердечнее никто так не плакал и не проклинал и покойника, и Марию Федоровну (вдову помещика), как сами работницы. Морозы уже доходили до 10 градусов, а они, бедные, выходили на работу, как говорится, в чем бог послал... Смело можно сказать, что этот **памятник любви** и воспоминаний был **полит кровью** и самыми непритворными слезами».

Сравним еще два контекста, в которых употреблена ФЕ **нести (свой) крест** – «терпеливо переносить страдания, испытания, тяжелую судьбу»: «**Несите** терпеливо **крест** ваш, и покорность облегчит эту ношу» (М. Горький) и «Ганна Сергіївна не менше години витрачає на сидіння в перукарні і так само вдихає отруйні випари, ... так само мужньо **несе** свій **хрест**» (П. Загребельный). Еще примеры: «Он сел за стол, взял в руки перо и... **вступил на тернистый путь** авторства» (А. Чехов) // «А тим часом спектакль закінчився, вибухнули аплодисменти, і почалося велике переміщення мас. І в тому переміщенні **активну участь узяв** доцент Крижень» (П. Загребельный).

Одна из важных функций книжной фразеологии – это создание высокого стиля, который в большинстве случаев обеспечивается использованием старославянизмов. Присутствующие в составе ФЕ элементы – старославянизмы – наделены экспрессией торжественности, что придает им особую выразительность в художественной речи. Напр.: **воспрянуть ото сна, воскликнуть осанну, вкусить плоды чего, вкушать от пищи св. Антония, притча во языцех, недреманное око** и др. В украинских эквивалентах эти элементы могут нейтрализоваться. Ср. **почивать вечным сном** // **спочивати вічним сном; воскрешать в памяти** // **відновлювати в пам'яті; возлагать надежды на кого-что** // **покладатися на когось, сподіватися (надіятися) на когось; устремлять взор куда** // **спрямовувати погляд (очі, зір) куди** и др. Напр., стилизованные

стихи М. Цветаевой содержат старославянизмы: «Восковому святому **лику** Только издали **поклонюсь**; Свете тихий – святягы славы – **Воздержитель** моей души; Божий **праведник** мой прекрасный; Я хранитель твоему добру: Возращу и возвращу **сторицей**» и др.

По утверждению исследователей этого фразеологического пласта, «торжественная лексика, в том числе и устаревшая, в русском языке представлена гораздо шире, чем в украинском, и свободнее входит в синонимические ряды»⁸¹.

В последнее время заметно изменение стилистической окрашенности книжных ФЕ старославянского, древнерусского происхождения в современных художественно-публицистических текстах: они в какой-то степени нейтрализуются, утрачивают свою возвышенную или остро сатирическую окрашенность, преобразуясь в средство создания юмористического эффекта, социальной типизации или индивидуализации речи персонажей. Ср. «Хелло, сир, **вернитесь на бренную землю** и примите каплю живительного нектара» (И. Заседа); «Опять становлюсь селянином, хлеборобом, **выхожу на круги своя**» (Ф. Залата). В контекстуальном использовании старославянизмы могут реализовать свою сатирико-ироническую экспрессию либо приобретать шутливо-ироническую модальность: «Сквозь прозрачную слезу **оглядел** Степан Макарыч прощальным **взглядом** хоромы свои» (М. Холмогоров); «Остап перетащил зицпредседателя за свой начальнический стол, велел закрыть контору и принялся терпеливо выпрашивать вечного узника, **отдавшего жизнь за «друзи своя»** (И. Ильф, Е. Петров).

Книжные фразеологизмы в газетно-публицистическом стиле составляют «специфическое» ядро в информационных материалах. Например, в художественных очерках, политических комментариях выделяется пласт переносно употребленных научных терминов. Ср. «Я считаю, что **генератор идей** должен много читать, анализировать, думать и выдвигать идеи» (А. Тарковский); «Складывается впечатление, что на рубеже тысячелетий религиоведение **получило** новый мощный **импульс** именно в ответ на «наступление» церк-

---

⁸¹ Ижакевич Г.П., Кононенко В.И., Пилинский Н.Н., Сиротина В.А. – Указ. соч. – С. 42.

ви?» (Лит. газета, 1981); «И творчества **реакция цепная** стареть душой Не даст нам никогда» (Л. Татьяничева).

В то же время отмечается, что книжные фразеологизмы публицистического характера заметно оживляют художественные тексты. Они в определенной степени либо интеллектуализируют речь персонажей, либо имеют целью передать легкую иронию, шутку в отношении изображаемых ситуаций, действий. Ср. «Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя за это и **потерпел на службе**; но уж извините: обязанность для меня **дело священное**» (Н. Гоголь); «Він за цей тиждень успів **провести** належну агітаційну **роботу**, яка відразу **дала свої плоди**. Кривцун красувався в перших рядах і поряд з ним сиділа... Клементина» (П. Загребельный).

Следует отметить и такой словесный прием, как введение в тексты художественно-беллетристического стиля реминисценций из художественных либо публицистических произведений. Хотя они не принимаются органически текстами и являются чужеродными элементами, но оживляют ткань авторского повествования, оттеняют характеристические краски.

Семантическое поле освоенных в течение почти двух столетий пушкинских крылатых выражений охватило множество жизненных ситуаций. Оптимистическое утверждение смысла жизни слышится в высказываниях: «**Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать?**» и «**Да здравствует солнце, да скроется тьма?**»; тревога и ожидание нового – «**Что день грядущий мне готовит?**»; рассказ о пережитых событиях передается словами: «**Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой**»; «**Бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они**»; оценка поведения: «**Блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто вовремя созрел**».

Гамма человеческих чувств может быть передана с помощью пушкинских слов: «**А счастье было так возможно, так близко**», «**Я вас любил так искренно, так нежно**», «**И сердце вновь горит и любит – оттого, что не любить оно не может**», «**Добру и злу внимая равнодушно**», «**Да. Жалок тот, в ком совесть нечиста**».

Роман «Евгений Онегин» сыграл большую роль в расширении русского фразеологического фонда. Онегинские строки использу-

ются в художественно-публицистических произведениях, в текстах газетных публикаций: «Сейчас, приберу здесь все, соберусь сам, пройдуся, знаешь, там **мороз и солнце**, как положено, я сейчас смотрю в окно, **чудесный день**» (А. Кабаков. Последний герой); «Он и не подозревал, бедняга, что Дуся, как говорится, **другому отдана и будет век ему верна**. А Дуся коварно умалчивала о том, что у нее в Москве остался «один человек, которого она любит без памяти» (В. Катаев. Жена); «Кость задета? – Не задета. Успокойтесь. – **Судьба Онегина хранила**», сказала тетя» (В. Катаев, Зимний ветер). Из пушкинской лирики: «**Друзья, прекрасен наш союз?** . – воскликнул он. – Давайте как-нибудь проведем вечер вместе» (В. Аксенов. Рандеву); «Березовые рощи стоят, как толпы девушек-красавиц, в шитых золотым листом полушалках. **Унылая пора – очей очарование**» (К. Паустовский. Золотая роза). Онегинские строки цитируются и в художественных текстах украинских авторов: «Вони з матір'ю купували квіти... може б я набрався сміливості й підійшов, Але... Пролетіло, мов вітер і зникло. Зникло навкі. Оце **мимолетное виденье?**» А Клементина то скорше **«нас возвышающий обман»** (П.Загребельный). Из сказки: «Купил машинку. **Теперь твоя душенька довольна?**» (В.Золотухин); Не жадничай, а то останешься у **разбитого корыта**» (устная речь).

При помощи строк Пушкина иронически-оценочно передана в «Журнале» Т.Шевченко атмосфера русского трактира: «Едва вступили мы на лестницу сего заведения, как оба в один голос проговорили: **«Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»**, т.е. салом, гарью».

Иногда цитируемые Т.Шевченко строки из литературных источников являются как бы толчком к развертыванию образного контекста, построенного на основе внутренней формы всего выражения. В этом случае используемая реминисценция еще теснее сливается с контекстом, тем самым усиливая эмоциональность сообщения. Например, в дневниковой записи, датированной 26 июня 1857 года, то есть временем ссылки, поэт отмечает: **«Надеждой живут ничтожные умы**, – сказал покойник Гете... Надежда свойственна и мелким, и крупным, и даже самым материальным положительным умам. Эта наша самая нежная, постоянная, до гро-

бовой доски неизменная нянька-любовница. Она, прекрасная, и всемогущего царя, и мирового мудреца, и бедного пахаря, и меня, мизерного, постоянно лелеет... Но почему же не верить мне, что я хотя к зиме, но непременно буду в Петербурге?».

Со стилистической нагрузкой «работает» прием введения реминисценций в романах П. Загребельного «Переходимо до любові» и «З погляду вічності». Ср. «Держикрай походив з тих хлопців, які **не ждуть милостей від природи**, а мерщій беруть їх від неї, видирають з горлянки»; «З таких балачок, я це відчув, не **видобудеш жодного грама корисних копалин** для спорудження сяйливих чертогів щастя».

Реминисценции оживляют и тексты газетных публикаций. Напр.: «И невольно хочется задать еще один, уже чисто риторический вопрос, повторив вслед за классиком: «**А судьи кто?**» (Комс. правда); Як часто проклинають автомобілісти наші київські дороги, не забуваючи при цьому «**незлим**» **словом** згадати автодорожні відомства» (из газ.).

Как показал анализируемый материал, стилистическое использование книжной фразеологии активно в обоих языках. Употребление ее в художественно-беллетристических текстах во многом повышает выразительность и эмоциональное восприятие канвы произведений.

В специально организованных текстах (художественных и публицистических) книжные фразеологизмы могут приобретать сниженную стилистическую окрашенность, что используется художниками слова, например, для построения юмористических либо сатирических ситуаций. Сочетание в одном контексте стилистически разнородных фразеологизмов или помещение ФЕ в стилистически нейтральное лексическое окружение способствует интенсификации экспрессии ФЕ, что используется авторами при включении ФЕ в ткань художественной речи.

Разговорная фразеология и ее стилистические функции в русском и украинском языках

Пласт разговорной фразеологии не связан строгими литературными нормами, в основном, он обслуживает речь художественных произведений, а также устную речь. Литературная сниженность составляет семантико-стилистический признак разговорных фразеологизмов. ФЕ этого пласта имеют бытовой характер, передают фамильярность речи, ее обыденность; им присуща избыточность компонентного состава либо, наоборот, эллиптичность.

Разговорная стилистическая окраска многих ФЕ определяется семантическим путем. Сниженность таких ФЕ создается их общей семантической структурой, формируемой совокупностью значения всех составляющих ее компонентов. Характерная семантическая особенность разговорных ФЕ состоит в бытовом содержании, в конкретности значения, в предметности и наглядности передаваемых ими образов. ФЕ данного пласта придают речи естественность, живость, простоту.

Как пишет Г.Я. Солганик, «разговорная речь – это область, где в наибольшей степени выражается эмоциональное, индивидуальное, экспрессивное. Роль субъективных, эмоциональных, оценочных моментов здесь чрезвычайно велика»⁸². К разговорной фразеологии относятся «литературные, несколько сниженные ФЕ, преимущественно свойственные устной речи и языку художественных произведений и отличающиеся непосредственностью, непринужденностью»⁸³.

Богатый материал для осмысления процессов взаимодействия фразеологических систем русского и украинского языков заключен во фразеологизмах разговорного характера, обозначающих разно-

---

⁸² Солганик Г.Я. К проблеме классификации функциональных стилей на интралингвистической основе // Основные понятия и категории лингвостилистики. – Пермь, 1982. – С. 49.

⁸³ Федосов И.А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. – М., 1977. – С. 20.

образные сферы быта народов, их историю, особенности общественных отношений прошлых эпох, производственной деятельности и быта, семейных отношений.

Во фразеологических системах близкородственных языков отразилась не только генетическая общность народов и их языков, но и их тесное экономическое и культурное взаимодействие на различных исторических этапах. Сопоставление структурных и семантических особенностей фразеологизмов близкородственных систем обнаруживает их несомненное сходство, что проявляется в наличии широкого круга фразеологических эквивалентов⁸⁴. Как правило, лексемы, составляющие компонентный состав эквивалентных образований, являются элементами общего лексического фонда русского и украинского языков. Ср.: **воды не замутить // води не замути́ти; проглотить язык // проковтнути язик; как грибов после дождя // як грибов після дощу; отрезанный ломоть // відрізана скибка** и др.

К числу семантико-стилистических эквивалентов относятся и ФЕ с одинаковой лексемой: **гол как сокол // голий як бубон; ливня лить // як з відра лити; колом в горле стоять // кілком у горлі стояти; голова пошла кругом // голова пішла обертом** и др. Приведенные примеры подтверждают положение о том, что «типологическая идентичность ФЕ опирается на общность фразеологической модели»⁸⁵; вместе с тем они свидетельствуют, что в создании семантической эквивалентности немалая роль принадлежит и внутренней форме. Русские и украинские ФЕ обнаруживают сходство внутренней формы, на что указывают общие компоненты. Достаточно ярко значимость внутренней формы проявляется в ФЕ, включающих в свой состав ономастические (антропонимы и топонимы) компоненты: **по Сеньке /и/ шапка // по синку /Савці/ свитка; Лиса Патрикеевна // Лис Микита; всяк молодец на свой**

---

⁸⁴ См.: Олейник И.С., Сидоренко М.И. Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь. – К., 1978. – С. 349.

⁸⁵ Миронюк Л.Ф. Принципы стилистической адекватности перевода с украинского языка на русский (лексика и фразеология). – АКД. – Днепропетровск, 1971. – С. 15.

образец // кожна Ганна по-своєму гарна; на безрыбье и рак рыба // на безлюдді й Хома чоловік; заладила сорока Якова одно про всякого // заторохтіла Солоха, наче дїжка з горохом; после дождичка в четверг // на Миколи та й ніколи; куда Макар телят не гонял // де Сидір козам роги править и др.

Особый национальный колорит присущ ФЕ, сохраняющим следы истории народа: **Москва – всем городам мать; погиб как швед под Полтавой; коломенская верста; мамаево побоище // на городі бузина, а в Києві дядько; конотопська відьма; хто любить піч, тому ворог Січ; козацькому роду нема переводу** и др. Наблюдается яркое своеобразие экспрессивно-образного строя многих соотносительных сравнительных фразеологизмов: **надулся как индюк (как мышь на крупу) // надувся як сич на вітер (як квочка на дощ); как корова языком слизала // як лизень злизав; гол как сокол (как турецкий святой) // голий як бубон (як турецький святий)** и др.

В художественных произведениях фразеологизмы с приметами родного быта служат для передачи национального колорита: «Ладно, ладно! Для дружка и сережку из ушка!» (П. Ершов); «Бывает человек – **тише воды ниже травы**» (А. Рекемчук); «Сперва я еще думал сделать из него человека, но теперь вижу, что **черного кобеля не отмоешь добела**» (Н. Вирта) // «– Куди тікати? – сказав Мусій. – **Од Кракова до Чакова всюди біда однакова**» (П. Панч); «На двір отця Харитона **наче набігла татарська орда**, об'їла, обпила, ще й вилаяла Онисю Степанівну, що всього було мало» (І.Нечуй-Левицький).

Наряду с эквивалентами выделяются фразеологические аналогии, т.е. фразеологизмы, близкие в структурно-семантическом отношении, но различающиеся лексическим составом и образной основой: **лыка не вяжет // языком не поверне; два сапога пара // обое рябое; ни зги не видать // хоч в око стрель; из кулька в рогожку // з дощу та під ринву** и др.

К разряду аналогов относятся пословицы и поговорки⁸⁶. В них отразились черты национального уклада жизни, быта, обычаев,

⁸⁶ См. Пословица не мимо молвится // Нема приповідки без правди. Русские пословицы и поговорки с украинскими соответствиями. Сост. Н. Беленькова. – К., 1963.

родственных, семейных и дружеских отношений. Ср.: Без хозяина дом сирота // Без господаря двір плаче, а без хазяйки – хата; Всякий двір хазяйським оком держиться; Всем сестрам по серьгам // Кожній свашці по ковбасці; Не красна изба углами, а красна пирогами // Коли є хліба край, то й під вербою рай; От худого семени не жди доброго племени // Яке коріння, таке й насіння; У семи нянек дитя без глаза // Сім баб, сім рад, а дитя безпупе; Де велика рада, там рідкий борщ; В семье не без урода // В сім'ї не без виродка; Нема роду без вироуду; Маленькие дети – маленькое горе // Малі дети – мале лихо, діти побільшають – лихо погіршає; Від малих дітей голова болить, а від великих – серце; С милым и в шалаше рай // Хоч в курені, аби до серця мені; Хоч хліб з водою, аби, милий, з тобою; Друг познается в беде // В пригоді пізнаєш приятеля; Не той друг, що лащиться, а той, що печалиться; Дружному стаду волк не страшен // Дружній череді вовк не страшний; Де згода, там і вигода; Для милого дружка и сережку из ушка // Для милого друга й вола (коня) з плуга и др.

По структурно-семантическим признакам к разговорному пласту относится группа междометных, компаративных фразеологизмов и ФЕ с частицами **вот // ось, хоть // хоч** и др. Данные фраземы представляют интерес в плане сопоставительного изучения стилистических ресурсов русского и украинского языков, поскольку «источником культурно-национальной интерпретации является и характерная для данной лингвокультурной общности система образов-эталонов, запечатленных в устойчивых сравнениях типа **глуп как баран (как пробка), стройная как березка, носится как угорельй и т.п.**»⁸⁷.

Выражение этого типа служат средством отражения действительности и одновременно – ее оценки. Эталонные сравнения интересны тем, что они связаны с миропониманием, они «измеряют» свойства человека, в них заключено представление о «соизмеримости» человека и окружающей его природы, вещей и под.

---

⁸⁷ Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. – М.,1996. – С. 241.

Применяя тематический принцип в классификации сравнительных выражений, можно выделить группу ФЕ, в которых сравнение основано на сопоставлении с животными, растениями, явлениями природы либо очерчивают те или иные физические характеристики человека, его черты характера, психологические состояния и т.п.

В зависимости от того, какой признак положен в основу сравнения, устойчивые обороты со сравнительным компонентом принадлежат к семантическим группам:

1) сравнения, обозначающие физические характеристики человека: **как картинка // як намальований, хоч малюй; как вкопанный // як прикипів [до місця], як укопаний; как спичка [как щепка] худой, тонкий // як тріска [як скіпка]** и др.;

2) Сравнения, отражающие физические характеристики предметов: **холодный как лед // холодний як лід; белый как снег // білий як сніг; черный как сажа (уголь, смоль, ворон, вороново крыло) // чорний як сажа (ворон, ніч); твердый как камень // твердий як камінь** и др.;

3) сравнения, отражающие черты характера людей, их действия, умственные способности: **как бельмо в (на) глазу // як сіль в оці; сіллю в оці бути; глуп как пробка (пень) // дурний як баран (пень); как сноп повалился (упал) // упав як підкошений (підтятий)** и др.;

4) состояние духа, настроение человека: **как муху проглотил // як муху проковтнув; как на иголках (сидеть) // як на голках (на шпичках) сидіти; как в воду опущенный // як намочений, як курча у воду впустив; как с гуся вода // як з гуски вода** и др.;

5) вкусовые характеристики веществ: **горький как полынь // гіркий як полин; сладкий как мед // солодкий як мед** и др.;

6) интенсивность действия: **как вол (зверь, лошадь) работать // як (чорний) віл (як віл у ярмі) робити (працювати); как с цепи сорвался // як з ланцюга (з цепу) зірвався; как угорелый (мечется, бегаёт) // як очманілий (як ошпарений, як посолений (бігає))** и др.

Ср. контексты: «Новый начальник ... имел уже репутацию страшного человека, встающего в шесть часов утра, работающего **как лошадь**» (Л. Толстой); «Безотказно, **как лошадь, как машина** работал Павел в колхозе» (Ф. Абрамов); // «Ладний був до госпо-

дарства її Стефан... Робив **як чорний віл**» (С. Чорнобривец); «Громовой удар раздался в другой раз громче и ближе, и дождь хлынул **как из ведра**» (Н. Гоголь) // «Лило **як з відра** безперервним потоком» (Ю. Збанацкий); «Он мчался **как ветер**: он боялся опоздать на свадьбу» (В. Панова); // «До кінолабораторії я влетів **як вихор**» (Ю. Яновский); «Лиза летела через лес **как на крыльях**» (В. Васильев); // «Не чуючи сходів під ногами, він, **наче на крилах**, спустився на тротуар» (А. Головки); «Я вылетел из школы **как угорелый**» (А. Лиханов); // «Стрелец, **мов ошпарений**, ускочив у світлицю» (А. Хижняк); «Я отскочил от стены, **как ужаленный**. Я испугался» (А. Чехов) // «Степан Васильович прокидається і, **мов ужалений**, зіскакує з ліжка; хтось тарабанить у двері» (М. Стельмах); «Стряпчий вбежал прямо в сад, как говорится, **словно с цепи сорвался**» (М. Салтыков-Щедрин) // «Як з цепу зірвався Максим, так помчав додому» (Панас Мирный) и др. Общая семантическая доминанта таких фразем – выражение сравнения, сопоставления, подобия.

Сопоставление русских и украинских оборотов показывает, что они образно выражают стилистическую дифференциацию по компоненту сравнения, а также коннотативным наслоениям. Ср.: **как белка в колесе вертеться // як муха в окропі, як в'юн в ополонці (вертітисся, крутитисся), як дзига (крутитисся); как будто пелена падает (упала, спала) с глаз // мов полуда спадає (спала, опала, спливла) з очей; как воды в рот набрал // ні пари з вуст; как вкопанный // як прикипів (до місця); как аршин проглотил // як води в рот набрав; как из-под земли вырастать // мов вродитисся** и др. Не получают фраземных соответствий с **как** в русском языке некоторые украинские обороты: **как часы** (работать, действовать) //точно (безперебійно) працювати; **как пить дать** // напевно, напевне.

Значительную часть компаративных оборотов в русском и украинском языках формируют слова с одним и тем же символическим содержанием. Ср.: (толстый) **как бочка // як бочка**; (упрямый) **как осел // як осел (віслюк)**; (глуп) **как баран // як баран** и др. Однако наблюдается яркое своеобразие экспрессивно-образного строя многих соотносительных по значению сравнительных

оборотов: синий как пуп // синій як курячий пуп (як буз); надулся как сыч (как индюк, как мышь на крупу) // надувся як сич (як міх циганський, як сич на вітер, як квочка на дощ); (пристал) как банный лист // як реп'ях до кожуха, тримається як вош кожуха, як шевська смола (чобота, п'яти); как сквозь землю провалился // наче хап ухопив и др.

Сходные экспрессивные средства компаративных оборотов часто базируются на ироническом противопоставлении: **вертеться как белка в колесе // крутиться як муха в окропі; как гора с плеч (свалилась) // як камінь із серця; надуться как мышь на крупу // надутися як індик** и др.

Компаративная фразеология свидетельствует о широкой вариативности языковой интерпретации определенного образа в сопоставляемых языках, что наглядно проявляется в группе индивидуально-авторских сравнений. Напр.: «Горун бежал **быстрее лани, быстрее чем заяц от орла**» (М. Лермонтов); «...воздушные, **как осенние паутинки и как крылья бабочки**, строки Фета» (К. Бальмонт); «Свистал холодный ветер, темно было, **как в животе черной кошки** (А. Грин) // Пішла моя краса марно, **наче лист за водою**, – сказала Василина» (И. Нечуй-Левицкий); «... очі його лишилися так само холодними й важкими, **мов два камені**, відповідно відшліфовані» (П. Загребельный).

С помощью индивидуально-авторских сравнений, на основе ассоциативных связей может передаваться интенсивность признаков предметов (подобие форм, параметрические данные, колористическая характеристика и т.п.): злий, **як шершень**; високий, **як спис** (О. Гончар); високий, **наче сонце** полудня (Л. Костенко); сивий, **як лось** (Б. Олійник); легкий, **мов пух кульбаби**; біла, **наче цвіт лілеї** (Д. Павлычко). Выбор вариантной формы (узус – индивидуально-авторский вариант) зависит от того, какую черту из присущих предмету следует выделить сравнением. Ср. в поэзии О. Ольжича:

«Сховалось равликом місто.

Січе його дощ, січе.

В під'їздах будов – тісно,
Набої через плече».

Образ «сховалось равликом місто» оснований на асоціації рефлекса улитки с реагуванням жителів міста на жорстокість революційного режиму. Емоційне напруження доповнюється наложеним метонімією (**сховалось місто**) на метафору (**сховалось равликом**), що сприяє створенню глибокого образу епохи. Врештеш, асоціації можуть бути і далекими в семантичному і образному вимірі. Ср. у В. Симоненко: «...вовтузиться думка, **мов квочка**».

Наблюдения над поетическими произведениями показывают, что в них чаще употребляются индивидуально-авторские сравнения, а не общепотребительные. Это дает возможность стилистически варьировать черты, присущие предмету / лицу в данный момент, либо выделить доминирующую черту.

Особую фразеосхему составляют ряды, включающие соотносительные элементы **хоть / хоч**. Им свойственна функция характеристики каких-то качеств, эмоций, явлений. В их внутренней форме нередко заключен мотивирующий национальный компонент, который иногда сообщает дополнительную экспрессию. Сравним: Много, в избытке, в большом количестве: **хоть пруд пруди // хоч завались; хоч греблю (гать) гати**; Выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-л. предпринять: **хоть плачь // хоч сядь та й плач; хоть криком кричи // хоч гвалт (криком) кричи; хоть в петлю лезь // хоч вішайся (повіся)**; **хоч з мосту (з гори) та в воду; хоч пулю в лоб // хоч гопки скачи; хоч тресни // хоч трісни** и др.

Несовпадающей образной основой в сопоставляемых языках различаются ФЕ со значениями: «совершенно безразлично, несколько не волнует»: **хоть бы хны // хоч трава не рости**; «о бесполезности, тщетности усилий, стараний»: **хоть лопни // хоч лусни; как ни крути // хоч гопки скачи; хоч верть, хоч круть**; «ничего нет, пусто»: **хоть шаром покати // як виметено**; «о чьем-л. мягком, податливом характере: **хоть веревки вей // хоч у вухо бгай; хоч мички мич; хоч до рани прикладай**; «о чьем-л. упрямстве, непони-

мании, нежелании сделать что-л.): **хоть кол на голове теши // хоч вогну прикладай; як на пень з'їхав** хто; «очень хороший, красивый»: **хоть куда // хоч з лица воду пий; хоч води напийся**; «во что бы то ни стало, обязательно, несмотря ни на что»: **хоть из (из-под) земли (достань) (да подай) // хоч з коліна вилупи (та дай)**.

Некоторые русские обороты с элементом **хоть** в украинском языке не имеют соотносительных фразем той же структуры и соотносятся с описательным оборотом: **хоть шаром покати // як виметено; нічого (нічогісінько) немає (нема)**; **хоть святых (вон) выноси** «нет сил терпеть что-л.». Не получают фраземных соответствий с **хоть** в русском языке украинские обороты: **хоч водою розливай** «о ссорящихся»; **хоч гірше аби інше** «делать что-л. без видимой выгоды» (ср. русск. **менять шило на швайку (кукушку на ястреба, сапоги на лапти)**); **хоч конем грай** «просторно»; **хоч мак сій** «очень тихо»; **хоч собак гони** «очень холодно» и др.

Наблюдения показывают, что образная основа украинских фразем с элементом **хоч** несколько шире, чем в русском языке с компонентом **хоть**. Ср., напр., определение темноты в украинских фразеологизмах: «На землю злізла ніч... **Хоч в око стрель** тобі, так темно надворі» (П. Гулак-Артемовский); «Клятий туман, **хоч в око дай**» (Я. Качура_); «Темно, **хоч око виїми**» (И. Франко); [Шеремета (входит):] «Свисни ще раз, бо темно, **хоч око вибий**» (Мирослав Ирчан); «Всюди ніч – **хоч виколи ти око**» (М. Старицкий); «Було темно, **хоч оком світи**» (Ю. Смолич).

Проведенное исследование показало, что разговорно-просторечные ФЕ составляют основной (в количественном отношении) пласт как в русской, так и в украинской фразеологии. В обоих языках образно-метафорический оттенок значения разговорных фразеологизмов создается за счет введения в их состав соматического компонента, бытовой лексемы, анималистического слова и др. Именно они «накладывают характерологические краски»⁸⁸ на речь персонажей, тем самым индивидуализируя образы, передавая тонкую гамму человеческих эмоций, чувств, настроений.

---

⁸⁸ *Виноградов В.В.* Проблемы русской стилистики. – М., 1982. – С.387.

Группа компаративных фразеологизмов и пословичных выражений, ярко представленная в обоих языках, является образным языковым средством передачи национально-культурной специфики речи, мощным стилистическим ресурсом и отражением языковой картины мира определенного народа. Анализ компаративных оборотов русского и украинского языков обнаруживает различия в эталонах сравнения у носителей этих языков. Эти различия детерминированы различиями двух культур (связаны с национальными различиями, историческими событиями, особенностями природных условий, традициями народов).

Структурно-семантическое преобразование фразеологизмов в русском и украинском языках как стилистический прием

Исследователи накопили значительный фактический материал о характере преобразования ФЕ в творческих контекстах. Однако пока еще нет той базы, на которой можно было бы достаточно полно представить типологию изменений ФЕ в художественных текстах (и в речевой практике). Обновление узуальных ФЕ рассматривается как проявление их потенциальных структурно-стилистических возможностей, заложенных в самой природе фразеологизмов. А.М. Бабкин замечает, что вариантность ФЕ отражает «гибкость и диалектичность» фразеологической системы⁸⁹. Изменения формы ФЕ не нарушают ее семантического тождества. Сохранение фразеологического значения зиждется на единстве образа и внутренней формы ФЕ.

Важное значение в повышении стилистического статуса компонентов фразеологических оборотов имеет их варьирование. Большинство слов вносит во ФЕ свою коннотацию, что обуславливает различное стилистическое маркирование вариантов одного и того же фразеологизма. Это, между прочим, является еще одним дока-

---

⁸⁹ Бабкин А.М. Русская фразеология. – Л., 1970. – С. 9.

зательством сложности ФЕ. В коннотативном аспекте расхождения между ФЕ русского и украинского языков обнаруживаются на уровне эмоциональной оценки, степени экспрессивности, сферы использования.

Заложенные во фразеологизмах выразительные возможности (высокая степень обобщенности, эмоционально-экспрессивное наполнение, стилистическая окрашенность и образность) значительно увеличиваются благодаря их способности к трансформированию. Под трансформацией ФЕ понимаются авторские изменения фразеологизмов, распространяющиеся как на их структуру, так и на семантику.

В художественных текстах изменения лексического состава фразеологизмов, как правило, связаны со стремлением писателя «произвести целенаправленный отбор языковых средств»⁹⁰.

Многочисленные авторские модификации общеупотребительный ФЕ находим в русскоязычных повестях Шевченко. ФЕ **дать березовой каши** кому («наказать розгами, высечь, выпороть») преобразован за счет замены глагольного компонента: «... школяр-попыхач **всыпал** ему [дьячку] **великую дозу березовой каши**» (V, 245); «...а в субботу после вечерни начнет [дьяк] нас всех, по обыкновению, **кормить березовую кашей**» (III, 178); «– А ну-ка, новый школяр, – говорил Яким, смеясь, – попотчуй батюшку слывянкою, а воны тебе когда-нибудь **березовую кашею попотчуют**» (III, 123). В письме поэт обещает «**прислать березовой каши**» племяннику, если тот будет плохо учиться (VI, 225). В.М. Мокиенко отмечает тенденцию к развертыванию вариаций этой ФЕ в славянских языках на основе вторичной семантизации формализованного компонента: глагол **дать** заменяется словами **угощать, потчевать, кормить**⁹¹. Ср. у Н.Гоголя: **увещевать по зубам** («Нос»).

В русских повестях Т.Г. Шевченко семантико-стилистические различия лексических вариантов ФЕ, обозначающей «довести до смерти кого-л.» способствуют индивидуализации речи персонажа.

---

⁹⁰ Шведова Н.Ю. Об общенародном и индивидуальном в языке писателя // ВЯ. – 1952. – № 2. – С.107.

⁹¹ Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.,1980. – С. 109.

Так, грубость князя Мордатого по отношению к крестьянам подчеркивается глаголом «вognать»: «Кто, – говорит, – хоть веточку отрубит, того, говорит, – **в гроб вгоню**» (III, 199). Ср. узусный вариант в авторской речи: «Все скажут ей в глаза, что она свою мать и отца **в гроб свела**» (III, 111).

Ироническая струя повествования подчеркивается заменой разностилевых компонентов во фразеологизмах: **пальцем (перстом) не пошевелить; отправиться (пойти, уйти, убраться, ретироваться) восвосяси; устремить (вперить) глаза; нос повесить (опустить)**.

Фразеологизм **чепуху загородить** имеет в узусе вариантные глагольные лексемы **нести, городить, пороть** и именные **чепуха, вздор, чушь, окоlesiца**, но ни одна из них, как кажется, не смогла бы передать резкости действия, что было необходимо в контексте дневниковой записи Т. Шевченко: «Она [графиня Н.И.Толстая] первая известила меня о предстоящей свободе [письмом], на которое я **хватил** ей такую восторженную **чепуху** (второпях, разумеется), что она сочла меня или с ума спятившим, или просто пьяным» (V, 84).

Изменяются цифровые выражения в числительных: **на седьмом (десятом, семидесятом) небе // на сьомому (десятому, п'ятому) небі**: «...он сыграл несколько номеров из «Пророка» и из «Гугенотов» Мейербера, и **вознес** меня **на седьмое небо**» (V, 171). В письме к А.И. Толстому Шевченко вспоминает встречу в Нижнем Новгороде со своим другом, актером М.С. Щепкиным: «Подарил нижегородцам три спектакля, привел их в трепетный восторг, а меня **вознес не на седьмое, а на семидесятое небо**» (VI, 188). В современной украинской прозе: «– В мене з душі скотилася ціла **каменоломня**» (П. Загребельный); «Пили чай зимовими недільними ранками до вго, вперто, **до сьомого поту**» (В. Дрозд); «Працюють вони **до десятого поту** на якогось паразита» (П. Панч). Ср. замены в украинском языке: **сім (сто) потів зійшло**.

Градация семантического наполнения прослеживается в варьирующихся компонентах **малая (сотая, тысячная) доля** в поэзии и прозе Т.Шевченко: «Блажен тот на свете, кто **малую долю**, Кроху от трапезы волен уделить Голодному брату» (I, 211); «О, если бы хоть

сотую, хоть тысячную долю мог я передать вам того, что я от него тогда слышал!» (IV, 174). Свободно заменяют друг друга члены тематического ряда, объединенные значением «малое количество денег» в украинских фразеологизмах: **ламаного (щербатого) гроша (шага, шеляга, п'ятака), ламаної (щербатої) копійки не вартий (не варт)**. «Сам я людина паскудна, **ламаного гроша не варта** в базарний день» (В. Логвиненко); «Він був непитущий, працьовитий господар, трохи скупий і добре вивчив приказку: «хто шага не береже, той сам **шага не вартий**» (Б.Грінченко); «Твоя затія – **п'ятака ламаного не варта**» (И. Рябокляч); «Звичайно, всі дурниці про вплив дядька... **не варті щербатої копійки**» (П. Загребельный).

Ш. Балли писал, что «ни один писатель не может удовлетвориться необработанными ресурсами общего языка»⁹².

Фразеологизмы, получившие в повестях Н. Гоголя целенаправленную замену лексических компонентов, обладают повышенной экспрессивностью. Введение дополнительных лексем фразеологизмов активизирует эмоционально-экспрессивную выразительность ФЕ. Этому служит, например, градация семантического наполнения компонентного состава новообразований фразеологизма **волосы становятся (встают, поднимаются) дыбом** («о чувстве страха, ужаса») предполагает. Ср.: «От его рассказа всегда дрожь проходила по телу и **волосы ерошились** на голове» («Вечера...»); «Тут у нашего слушателя **волосы поднялись дыбом**; О ужас! **Волосы его поднялись горою**; Еще был у нас один рассказчик, но тот такие выкапывал страшные истории, что **волосы ходили по голове**» («Сорочинская ярмарка»); «Дух занялся у Катерины, и ей чудилось, что **волосы стали отделяться от головы ее**» («Страшная месть»).

Широкий диапазон возможных замен компонентов во фразеологизмах объясняется спецификой этих единиц. «Особенность функционирования слов в устойчивых или фразеологических словосочетаниях, – отмечает И.И. Чернышева, – проявляется в том, что, выступая как компонент такого словосочетания, отдельные слова, растворяясь и переосмысляясь во фразеологическом целом, приобретают другое значение в сравнении с тем, которое прису-

⁹² Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961. – С. 28.

ще им в словарном составе языка. Это обстоятельство объясняет причину того, что одни взаимозаменяемые компоненты являются синонимами и вне данного фразеологизма, другие же (и таких множество) составляют вне фразеологической единицы не синонимический, а тематический ряд»⁹³.

Проследим системные отношения компонентов идиом и ФЕ. Сопоставления синонимических компонентов позволяет увидеть узуальные проявления отношений: **есть (пожирать) глазами // їсти (пожирати) очима; встать на пути (на дороге) // стати на шляху (на дорозі)** и др. Взаимодействие компонентов таких ФЕ порождает семантическую актуализацию и как следствие – усиление определенных характеристик, качеств, действий и т.п.: **на волосок от смерти (гибели) // на волосині від смерті (загину); ни на грош (ни на копейку, ни на алтын, ни на полушку) // ні на гріш (ні на шаг, ні на шеляг)** «ничего»; **пересчитать кости (рёбра) // полічити кості (ребра); голова (казанок, баняк)варить** и др.

Иногда синонимический ряд взаимозаменяемых компонентов может быть многочленным: «Засмутився Карпо, не їсть, не п'є, як ніч ходить... Глузуют пани, **на сміх його беруть**» (М. Коцюбинский); «– То ти **береш мене старого на глум?**» (Л. Мартович); «Коли я наблизився до робітників, вони **взяли мене на глузи**» (А. Хорунжий); «Головний інженер тільки тепер збагнув, що той **бере його на кпини**» (П. Загребельный); «Спробував [комбайнер] **узяти Німчика на висміхи**» (Ю. Мушкетик).

Замена глагола в составе ФЕ способствует усилению интенсивности действия, придавая выражению колорит разговорности, о чем свидетельствуют примеры из русских и украинских текстов. Ср.: «Я **душу** из тебя **выужу**, поиздеваюсь в молчании» (В. Высоцкий) (из: **душу вынуть**); **душа спряталась в пятки** (Н.Гоголь) (из: **душа ушла в пятки**); «Я не намерен перед каждым **расстегивать** душу» (В.Золотухин) (из: **раскрывать (распахнуть) душу**); «Надо же как-то **выскочить из замкнутого круга**» (В.Золотухин) (узус – **разорвать замкнутый круг**); «Дорогою до двору хлопчик

---

⁹³ Чернышева И.И. Явления синонимии и полисемии в фразеологии немецкого языка //Иностранные языки в школе. – 1960. – № 6. – С.103.

устиг розповісти мені, що радисти ще **«деруть хропака»** (узуз – **давати хропака**), бо вночі була якась заваруха» (Гр. Тютюнник); **«І від цього жаху в цокіт смертельний пішли танцювати зуби його»** (П. Тычина) (узуз – **стукати (цокати) зубами**).

Індивідуально-авторська трансформація ФЕ может проявляться за счет введения в состав ФЕ уточняющего определения или обстоятельства, что способствует семантическому обновлению оборота, за счет нового эмоционального приращения смысла. Ср.: **«Происхождение Драба было покрыто мраком самой таинственной неизвестности»** (В. Короленко).

Введением новых компонентов в состав ФЕ Т. Шевченко акцентує увагу читателя на какой-то определенной стороне ее семантической структуры. Например, благодаря определением эмоционально характеризуется внешность персонажа, его моральный облик, привычки. Ср.: **«... он пристально вперял в него свои *серенькие бессмысленные глазки*»** (III, 299); **«Марта каждый день ему мылила серую голову за то, что он понапрасно мучит бедную дытину»** (III, 93); **«С трепетным замиранием сердца я... являлся перед хмельнобагровое лицо отца-командира сдать экзамен в ружейных приемах»** (V, 25). Ср. примеры из украинских текстов: **«Ось так поточити яси, з кимось кокетуючи злегка, весело потовкти воду у цій дипломатичній ступі, – це, одверто кажучи, Тамарі завжди було по душі»** (О. Гончар); **«Він жваво повертається й швидко встромляє в принцесу *вколоти тривоною очі*»** (В. Винниченко).

Экспрессивно-оценочная функция фразеологизмов в индивидуально-речевом употреблении Н. Гоголя значительно повышается, благодаря распространению его дополнением, сравнительным оборотом либо придаточным предложением. Напр., в речи Черевика: **«– Недаром, когда я собирался на эту проклятую ярмарку, на душе было так тяжело, как будто кто взвалил на тебя дохлую корову»; «Мачеха выучилась держать его в руках так же ловко, как он вожжи своей старой кобылы»; «Разгневанная супруга не замедлит вцепиться в его волосы своими супружескими когтями» («Сорочинская ярмарка»).**

Таким образом, введение лексем в структуру ФЕ повышает стилистический потенциал общезыковых фразеологизмов, несет в себе добавочный заряд образности, экспрессии.

Поиски «обновленных языковых образов» побуждают к писательскому изменению узуальных ФЕ или даже созданию окказиональных фразеологизмов. По справедливому замечанию И.Дубинского, «приемы обработки выражений существуют как факты общеречевые; индивидуальным является предрасположения тем или иным приемам, частота их употребления, характер достигаемых стилистических эффектов, семантическая насыщенность и смысловая емкость преобразованных фразеологизмов, связь с идейно-художественным замыслом и т.д.»⁹⁴.

Закономерным фактом языкового развития является *к о н т а м и н а ц и я* – прием соединения компонентных составов близких в семантическом и экспрессивном отношениях фразеологизмов. А.М. Бабкин справедливо считает, что «внешней причиной возникновения контаминаций разного типа являются поиски экспрессии выражения»⁹⁵.

Творческим началом отмечены трансформирование и слияние общеупотребительных фразеологизмов в художественных контекстах Н. Гоголя и Т. Шевченко. В речевой партии Хомя Брута (пов. «Вий») функционирует фразема **пусть громом (меня) хлопнет на этом самом месте**: «– Вот **на этом самом месте пусть громом** так и **хлопнет**, если лгу». Предполагаем, что образована она из двух общеупотребительных ФЕ: 1) **провалиться (мне) на этом месте**; 2) **разрази меня гром**. Новообразование повышает стилистически эмоциональный заряд «клятвенного заверения» философа. Контаминированная фраза из повести Н. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» зримо передает состояние Петра: «Бешенство овладевает им; как полоумный **грызет и кусает себе руки** и в досаде **рвет** клоками **волосы**» (из: **грызть руки и кусать локти**).

---

⁹⁴ Дубинский И.В. Приемы использования фразеологических единиц в речи: АКД. – Баку, 1964. – С.5.

⁹⁵ Бабкин А.А. Русская фразеология, ее развитие, источники и лексикографическая разработка: АДД.- Д., 1968. – С.18.

Прием контаминации может также реализоваться путем соединения двух ФЕ при сохранении всех их компонентов. Ироническое отношение автора к помещицкому застолию передано в повести Т.Шевченко «Прогулка с удовольствием и не без морали»: «Хозяин и мой возлюбленный родич сидели молча за ломберным стиролом, **вперив багровые глаза** и такие же **носы** в стаканы с дымящимся пуншем»; «Страшная это штука – эмиграция! Сколько прекрасных людей она сломила, **свела с ума, в могилу**» (М. Шатров, В. Логинов); «Я не люблю, когда мне **лезут в душу**, Тем более, когда в нее **плюют**» (В. Высоцкий).

Образованные в результате контаминации ФЕ могут приобретать новые значения и оттенки в определенных контекстах. Ср.: «**Казанок у тебе на плечах варить**. Та ти при бажанні навіть в офіцери можеш вийти!» (О. Гончар). Из двух ФЕ: **казанок варить** и **/є/ голова на плечах**; «– Не віддала б я вам його /сина/, сказала задумливо мати, – та тільки школа стогне, і сусідки просять: віддай та віддай, Оксано, його в той інтернат, бо й наших **позводить з ума та з толку**» (О. Гончар) (образовано соединением ФЕ **зводити з розуму (з ума)** и **зводити з толку**).

Существенно повышается эмоционально-оценочное восприятие художественного текста благодаря насыщению его контаминированными фразами: «Всі ці розмови в цеху з мене, **як з гуся сьома вода на киселі**. Раз мене призначено сюди начальником, то я не допущу, щоб мене **підвели з вогню прямо в полум'я під монастир**»; «Незабаром ми збагнули, що побачимо, **як смалений вовк сміється на кути**» (П. Загребельный).

Прием контаминации фразеологизмов получил распространение как в русских, так и в украинских художественно-публицистических текстах в качестве действенного средства образности и эмоциональности.

Образный контекст может разворачиваться на основе семантической многоаспектности одного компонента ФЕ, что и усиливает выразительность текста, служит средством иронии (шутки, сарказма). Ср.: «Он (Чичиков. – Л.С.) рассуждал справедливо, что таможня, как бы то ни было, все еще не более как **журавль в небе**,

а комиссия уже была **синица в руках**» (Н. Гоголь); «Так и строил он никому не нужные планы, **гнался бы за журавлем славы**» (О. Антонов). В основу положена поговорка **Лучше синица в руках, чем журавль в небе**. Ср. еще: «Как невыразимо горько нам, когда наши прекрасные блестящие **надежды разбиваются** молотом неумолимой судьбы» (Т. Шевченко). Наблюдается трансформация ФЕ **разбитые надежды**. Еще примеры из украинской литературы: «– Е, синок, – мовив старий, не зводячи на нього очей, – якби я **за словом у кишеню ліз**, то вже давно кишені пообривав» (Гр. Тютюнник); «Сімнадцять літ вийшла вона заміж за вдівця Омелька Розсоху на двоє дітей. Він одразу й добровільно пішов їй у підданство, оддав голоблі важкого хазяйського воза, а **вона** везла, правувала і приохочувала підпірати **воза** все сімейство» (Ю. Мушкетик). Подобные «расшифровки» фразеологизма последующим контекстом обнаруживают особенности отношения автора либо персонажа к языку, его образное восприятие слова.

Таким образом, благодаря целенаправленному изменению фразеологизма происходит реализация выразительных возможностей общеязыковых ФЕ через авторское осмысление. В системе словесно-художественного творчества писателей приемы трансформации «работают» в нескольких направлениях: выполняют функцию экспрессивного насыщения речи, обеспечивают оценочную функцию, функцию речевой характеристики персонажей, выполняют большой диапазон эмоционально-экспрессивных заданий – от шуток до сарказма.

В главу угла при сопоставительном изучении семантики и стилистических особенностей фразеологизмов русского и украинского языков были поставлены механизмы функционирования отдельных фразеологических групп и разрядов, формирующих картину мира в конкретном языке, а также стилистические эффекты, связанные с индивидуально-авторским использованием ФЕ в художественной речи. Фрагментарное исследование фразеологических систем близкородственных языков позволило увидеть наиболее существенные и глубинные сходства и различия между фразеологическими системами, черты их проявления в семантиче-

ском и функционально-стилистическом аспектах, их обусловленность внутриязыковыми и экстралингвистическими факторами. Немаловажна роль экспрессивно-окрашенных, оценочных средств в передаче новой информации (сфера межъязыковых контактов).

Сопоставительный анализ фразеологического пласта русского и украинского языков показал, с одной стороны, близость понятийного аппарата фразеологии двух языков, с другой – определенную дифференциацию их усилительно-стилистического значения.

Стилевая направленность текста определяет выбор фразеологизмов и приемы их стилистического использования; в то же время лексическое окружение может усилить или нейтрализовать экспрессивно-эмоциональное воздействие фразеологизмов. Сдвиги в экспрессивно-стилистическом функционировании фразеологизмов могут быть обусловлены и факторами как внутреннего, так и внешнего развития языков.

ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

В системе функциональных стилей русского и украинского языков газетно-публицистическому стилю как средству массовой коммуникации отводится важное место, связанное с огромной ролью, которую играют в современной политической и экономической жизни средства массовой информации. Газетная коммуникация может быть не столь всеобъемлюща и всеохватна, как электронные средства массовой информации (радио, телевидение, компьютерные сети), но она адресна, направлена на определенного реципиента, сориентирована на обратную связь со своим читателем.

Многие исследователи отмечают сближение газетно-публицистических стилей разных языков, обусловленное стремлением дать разностороннее отражение окружающей действительности и одинаковой прагматической направленностью массовой информации, что «семиотически деформирует традиционно-национальные знаковые структуры»⁹⁶.

Экстралингвистические факторы (изменения в политической и экономической жизни России и Украины, геополитическая обстановка, «открытость» российского и украинского общества) оказали влияние не только на содержательно-смысловую сторону средств массовой информации, но и на их речевое оформление. «Тяжеловесность» газетно-публицистической речи советских газет на русском и украинском языках сменяется массивным проникнове-

---

⁹⁶ Швейцер А.Д. Опыт контрастивного социолингвистического анализа языка массовой коммуникации // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. – М., 1994. – С.126–129.

нием в газетную речь экспрессивных средств разговорной речи, социально-ориентированным сочетанием вербальных и визуальных способов представления информации, оживлением внутренней формы слов, повышением интеллектуально-эмоциональной роли каждой единицы.

Потребители газетной информации, привыкшие в советскую эпоху к сглаженно-нейтральной газетной речи, особенно если они становятся «героями» публикаций, болезненно остро воспринимают разговорные элементы в языке газет. В судебных исках против отдельных изданий и журналистов о защите чести и достоинства фигурирует не только чисто смысловой фактаж, но и речевые единицы, как-то фразеологизмы, сравнения и даже употребление кавычек, оскорбительные, по мнению истца, для него.

О действенности печатного слова в современных условиях, к сожалению, свидетельствуют и преступления, направленные против редакций отдельных газет и журналистов.

Одесса – убийство редактора «Вечерней Одессы» Бориса Деревяно, Днепрпетровск – облили кислотой В. Кравчука, редактора газеты, Горловка – взрыв в редакции газеты «Вечерняя Горловка».

Сопоставляя газетно-публицистические стили современных русского и украинского языков, отмечаем, что в лингвистических исследованиях 30---80-х годов, им посвященных, превалировала методика не изучения реального газетного языка, а директивная установка «как надо писать и как не следует писать».Тогдашняя идеологическая ситуация практически исключала задачу исследования истинной реальности, в том числе и языковой, вместо нее ставилась задача формирования должной (как оказалось, на самом деле ложной) реальности, соответствующей директивным установкам и не допускавшей альтернативы⁹⁷.

Информационный продукт, создаваемый печатными и электронными средствами массовой информации, в основе своей имеет слово, визуальные средства все-таки играют вспомогательную роль.

---

⁹⁷ Шмелева Т.В. Повседневная речь как лингвистический объект. // Русистика сегодня. – М., 1993.- С.7.

Активизация общественно-политической жизни, ее демократизация отразились на количестве и качестве средств массовой информации, возникло множество изданий, отражающих политические и экономические интересы определенных групп населения, каждое из которых, в идеале, должно стремиться иметь свое «лицо». Манера традиционно-книжного изложения стала восприниматься эстетически ущербной и производить отрицательное впечатление. Это касается известных популярных изданий, а не газеток-однодневок, возникших накануне и во время избирательных кампаний, как грибы после дождя.

Интеллектуальная и эмоциональная стороны коммуникации находят отражение в таком важном конструктивном принципе газетно-публицистического стиля, как соотношение экспрессии и стандарта, обеспечивающих «двоичность выхода»⁹⁸. Оппозиция «экспрессия – стандарт» – необходимое конструктивное свойство языка массового общения.

Газетно-публицистический стиль подвержен стилевым изменениям в гораздо большей степени, чем другие функциональные стили, он динамичен, отличается большой подвижностью. В нем наличествуют элементы научного и художественного стилей, которые в зависимости от определенных условий то усиливаются, то ослабляются. Например, такое свойство научного стиля, как обобщение, характерно и для газетно-публицистического стиля. Обобщение свойственно как аналитическому, так и обыденному мышлению. При этом обыденное мышление даже гораздо легче идет по пути обобщения, поскольку гораздо меньше заботится об объективной оправданности обобщений. Оно допускает множество субъективных обобщений, что, однако, в большинстве случаев не мешает взаимопониманию и общению людей. В газетной речи, как и в научной, на первом плане стоит систематизация, классификация, а это значит, что обобщение здесь сочетается с расчленением⁹⁹. При расчленении от читателя требуется меньше усилий для усвоения содержания.

---

⁹⁸ Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М., 1971.- С.65.

⁹⁹ Васильева Л.Н. Газетно-публицистический стиль речи. – М., 1982.- С.88.

Публицистический стиль – это функциональный стиль сугубо коммуникативного характера, тексты которого занимают промежуточное положение между текстами научно-технического, делового и литературно-разговорного стилей и черпают лексические, фразеологические, словообразовательные и грамматические средства из этих стилей, а также формируют собственные языковые средства почти всех уровней¹⁰⁰.

Сближение газетно-публицистического стиля с научным или художественным определяется жанровым своеобразием соответствующих газетных текстов. В статьях часто можно констатировать элементы, общие с научным стилем, а в очерках, фельетонах, памфлетах – с художественным. Эти две крайние формы газетно-публицистического стиля, между которыми находятся промежуточные ступени с большей или меньшей степенью художественности и публицистичности. Индивидуальность почерка в массово-газетном общении способствует поляризации жанров в газете. «Степень индивидуального своеобразия стилей речи неодинакова. В таких разновидностях письменно-книжного общения, как деловая бумага, техническая или служебно-административная инструкция, информационное сообщение в газете, индивидуально-стилистическое отступает перед стандартом, типической нормой или основной тенденцией привычной, установившейся формы словесного изложения¹⁰¹.

Индивидуальное своеобразие характерно и для стиля отдельных периодических изданий. Идеологическая монолитность в прошлом была причиной «монолитного» газетного языка: стиль «Правды» мало чем отличился от стиля «Известий», стиль «Радянської України» от стиля «Молоді України», стиль «Правды Украины» от «Рабочей газеты». Лишь «Комсомольская правда» позволяла себе отход от ортодоксального газетного стиля, определенный стилистический либерализм, стилистическую непредсказуемость в некоторых газетных жанрах.

---

¹⁰⁰ Лейчик В. Фразеологическая норма публицистического стиля. // Slovo. Tekst. Czas – Szczecin. – 1997. – С.202.

¹⁰¹ Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. – ВЯ, 1955. – № 1. – С.73.

Современное газетное пространство наполнено изданиями различной идеологической, политической, профессиональной ориентации: от солидных, претендующих на объективность «Известий», «Голоса України», «Киевских ведомостей» до бульварных газет. Смысловой, содержательный, идеологический плюрализм обуславливает разноплановость языкового оформления, хотя каждое издание пытается поддерживать не только свой индивидуальный содержательный имидж, но и языковое «лицо».

Правда, это языковое «лицо» не всегда привлекательно, что отмечают даже читатели газет. Например, ректор МГУ академик В. Садовничий пишет: «Сейчас модно среди многих изданий поветрие изъясняться с читателем на некоем панибратском бытовом жаргоне. У каждой газеты должно быть свое лицо, и «мне нравится, что «Известия» не изменяют себе, сохраняют свой стиль и чувство меры»¹⁰².

В газетном языке последних лет наблюдается лавинообразное «обогащение» английскими (американскими) словами и выражениями. Серьезность этого негативного процесса подчеркивает акад. В.Г. Костомаров: «Изменения в языке, безусловно, прямо связаны с изменениями в общественной жизни. И, скажем, нынешняя «разухабистость» заимствований – отклик на попытку пересадить в нашу почву и цветы, и сорняки с чужой грядки. Вообще взаимодействие, взаимообогащение в порядке вещей. Но все хорошо в меру. А сейчас приходится говорить об очень опасных, нездоровых тенденциях.

Во-первых, количество новых заимствований в десятки раз превышает ту условную норму, которая позволяет языку не «захлебываться» словами-пришельцами, а спокойно как бы испытывать их, применять к себе, отбирать...

В-третьих, налицо ненормальное сосредоточение на одном источнике заимствования. Ведь посмотрите. Что происходит: «американский английский» вытесняет из нашей речи слова иностранного происхождения. Вместо *бутерброд* (из немецкого) мы уже говорим *сэндвич*, *хот-дог*, *биг-мак*, вместо *инструктаж* (из французского) *брифинг* и т.д.

---

¹⁰² Известия – 13 сент. 1997. – С.1.

Заимствуемые в огромном количестве слова, пока они не освоены языком, призваны исподволь приучать нас к чужому мировосприятию, перестраивать нашу психологию, внедрять иную идеологию. По большому счету даже не в том дело, лучше это новое, чем прежнее, или хуже. Липа не лучше березы: она другая, мир прекрасен разнообразием, многоцветием, он выродится, если подводить всех под один ранжир»¹⁰³.

Весьма преждевременными выглядят утверждения некоторых авторов о кончине газетно-публицистического стиля: «Границы между функциональными разновидностями языка практически стерлись. С отменой монополии на средства массовой информации перестал существовать монолит советской эпохи – газетно-публицистический стиль. Газеты и телевидение заговорили «языком улицы» со всеми его неправильностями с точки зрения литературной нормы. Иногда кажется, что журналисты ставят перед собой цель пропагандировать обиходно-разговорный стиль. Просторечие, слэнговые слова и даже бранные выражения»¹⁰⁴.

Характерная особенность современных русского и украинского языков – их рекламизация. Происходит абсолютизация функции воздействия в ущерб остальным функциям языка. Источниками крылатых фраз стали рекламные клипы, а не литературные произведения и популярные кинофильмы.

В то же время язык отдельных изданий не может не испытывать влияния специфически газетного процесса универсализации, который приложим ко всем средствам выражения – не только экспрессивным, но и нейтрально-стандартным, даже формально-грамматическим»¹⁰⁵.

С процессом универсализации связана и актуальная для газетного языка психолингвистическая проблема различий между «стилистикой адресанта» и «стилистикой адресата».

---

¹⁰³ Костомаров В.Г. Великий русский язык дан нам навечно. – Правда. – 5.26 апр. – 8 мая 1996.- С.13.

¹⁰⁴ Буданова Т.А. Современные тенденции в системе функциональных стилей русского языка. – В кн.: «Социолингвистические проблемы в разных регионах мира». – М., 1996. – С.96.

¹⁰⁵ Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – С.65.

Процесс универсализации способствует тому, что отдельные газеты можно представить как своеобразные варианты глобального инварианта. Построение открытого, демократического, гражданского общества в России и Украине, контакты со средствами массовой информации многих стран обусловили изменения в газетно-публицистическом стиле русского и украинского языков в 80-х– 90-х годах.

Для англо-американских газет, как отмечали исследователи их языка еще в 50-е годы, характерны «более фамильярный, бытовой, так сказать, «домашний» тон..., усиленное использование бытового словаря сравнительно с советскими русскими газетами»¹⁰⁶.

Российские и украинские газеты 90-х годов успешно преодолевают этот стилистический отрыв от глобальных процессов в языке прессы, используя интернациональные общие формулы массовой коммуникации. В жанрах политических, экономических статей, обзоров, комментариев на международные темы активно применяются интернациональные фразеологические единицы, включая библеизмы, крылатые слова и т.п., которые выполняют функцию отображения современной интернациональной «модели мира», напр.: «*Время собирать камни*» (Труд, 20/III–98).

Каждая газета имеет ту или иную социальную позицию, которую отстаивает более или менее открыто, своего читателя. «Современный читатель более чуток к переходам стилистических полутонов, тонкой авторской иронии, к мелодике фразы, скрытым контрастам частных созначений»¹⁰⁷.

Газета как одно из основных средств массовой информации выполняет несколько функций: информативную, аналитическую, развлекательную, воспитательную, пропагандистскую. Средства массовой информации в демократическом обществе исполняют роль четвертой власти, после законодательной, исполнительной и судебной. Это особенно важно для молодых демократий, каковыми являются Россия и Украина. Обязанностью газеты в таких молодых демократических государствах является доведение неподвзятый

---

¹⁰⁶ Федоров А.В. Введению в теорию перевода. – М., 1953. – С.213.

¹⁰⁷ Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи. – М., 1982. – С.16.

и объективной информации до граждан для того, чтобы они могли сделать сознательный выбор в вопросах, которые прямо или косвенно будут влиять на их жизнь, и построили бы такое государство, в котором они хотели бы жить.

«Экс-советские люди инерционно приучены с уважением относиться ко всему, что напечатано в газетах и высказывается по радио и ТВ. Раз что-то предано гласности – значит, правда. С таким, пусть наивным, но прочно устоявшимся доверием к печатному и «эфирному» слову последствия внушения становятся просто гротескными»¹⁰⁸. Вспомним историю трастов или нечто подобное.

Между речью и общественным сознанием действует прямая и обратная связь, общество находит слова для обозначения нового явления, а затем найденное слово формирует общественное отношение к этому явлению. Этот постулат, по мнению директора Института психологии РАН, члена-корреспондента РАН А. Берлянского, можно проиллюстрировать одним ярчайшим примером. Слово «киллер» в переводе с английского – убийца. Человек, совершивший это преступление, достоин лишь презрения и жестокой кары. Но это, когда преступника называют русским словом. Английский же аналог произвел сдвиг в общественном сознании по отношению к этому преступлению. Само слово «киллер» было выбрано для того, чтобы отделить «заказное» убийство от «обычного». Оно стало обозначением профессии. Киллер – убийца наемный. Он не питает никаких негативных чувств к человеку, которого должен уничтожить. Он просто выполняет работу. И это-то заглушало в общественном сознании нравственно-моральный аспект преступления. Если бы киллеров по-русски называли убийца – отношение к этому явлению было бы несколько иным. А так можно опасаться, что молодое поколение, с детства узнавшее слово «киллер», получит искаженное представление о цене человеческой жизни»¹⁰⁹.

---

¹⁰⁸ Ошеров Вл. Властители дум. – Новый мир. – 1997. – № 4. – С.158.

¹⁰⁹ Валентинов А. Язык мой – враг или друг? – Российская газета. – 19 янв.1996 г. – С.31.

Еще предстоит разобраться с этой несмешной игрой в слова наших языков: «*приватизация*» вместо частной собственности, «*процесс реформ*» вместо реального института рынка – спора экономических философий. Что значат сегодня слова «*процесс реформ*», «*приватизация*», «*капитализация*»? В средствах массовой информации ведутся дискуссии с использованием слов, за которыми давно уже не стоит реальность. Слова гладкие, укатанные, понятные каждое в отдельности, красиво увязанные в речевые потоки, а мысли нет. Время пустых и красивых слов прошло.

Журналист должен уметь надлежащим образом организовать и анализировать полученную информацию. Иногда это означает умение отделять факты и фикции, а в отдельных случаях и отказ от собственной идеологии. Журналист, газета – это не только передатчик объективной информации. В независимом издании (а о таком статусе заявляет большинство российских и украинских газет) четко должны быть разделены факты и интерпретация этих фактов авторами. Речевое представление такого рода информации формирует официально-информативный подстиль.

Экспрессивное изложение факта информатором, основанное на его субъективном восприятии факта, имеющее целью активизировать развлекательную функцию, характерно для неофициально-информативного подстиля. Экспрессия изложения задается даже заголовком информационной заметки, напр.: *Сильное средство в скучной облатке* (о тендере на поставку лекарств льготникам); *Убыточный дождь* (о наводнении в Крыму); *«Инвестор» на тропе войны* (о решении обманутых вкладчиков трастов не платить за коммунальные услуги) и т.п. (Известия, 3/IX – 1997 г.); *Кабель о рангах* (о поведении чиновников во время пожара на Останкинской телебашне) (Известия, 29/VIII. – 2000 г.).

В информативно-деловом подстиле сосредотачиваются жанры, основанные на текстах (документах) делового характера, принятых теми или иными властными структурами, о вступлении их в силу.

Информативно-аналитический подстиль характерен для серьезных, солидных изданий, которые могут себе позволить,

накапливая информацию, затем ее обобщать, анализировать, делать выводы, прогнозировать.

Этот подстиль в какой-то мере пересекается с газетно-научным подстилем, тексты которого дают читателю большое количество научной информации, знакомят массового читателя с достижениями современной научной мысли в доступной для неспециалиста форме.

Этим нехудожественным подстилям газетной речи противоплагается художественная публицистика, в произведениях которой основные функции газетной речи обогащаются эстетическими компонентами, эмоционально-оценочным отношением автора к описываемым событиям.

Информативная функция относится к основным, базовым функциям средств массовой информации – СМИ. Официально-информативный подстиль газетной речи, будучи связан с официальными каналами информирования общества о происходящих событиях, исключает субъективный подход информатора к освещению фактов, устраняет оценочный элемент в этом процессе. Официальная информация обычно не имеет автора, она передается от имени информационных агентств. При монолитной прессе времен застоя это были ТАСС, РТАУ, в настоящее время диапазон их пополнился Интерфаксом, Интерфакс-Украина, ДІНАУ-Українформ. К ним примыкают и пресс-службы законодательных, исполнительных органов власти, пресс-службы отдельных ведомств.

Официально-информативный подстиль претерпел значительные изменения в последнее время в части ссылки на источник информации и буквальность ее передачи. Если в газетах 70-х годов хроникальные сообщения, информативные заметки оформлялись следующим образом: *Москва (ТАСС). Сегодня начался официальный визит...// Київ (РТАУ) 16 вересня 1970 року розпочав свою роботу черговий пленум...*, то для прессы 90-х годов характерно свободное, но приближенное к оригиналу изложение официальной информации, со ссылкой на ее источник, напр., *Как передал 22 сентября Интерфакс, Борис Ельцин дал письменное поручение генеральному прокурору, министру внутренних дел, директору ФСБ*

создать совместную следственную группу для расследования ситуаций во властных структурах; Анатолий Куликов, как передал Итар-ТАСС, сообщил президенту, что такие случаи в стране не единичны; По информации ряда СМИ, ранее Марчуку предлагалось занять место секретаря Совета национальной безопасности (Известия) // За повідомленням ДІНАУ-Укрінформ...; Як передає наш власний кореспондент...

В официально-информативной речи высока частотность многочленных понятийных словосочетаний разнообразной структуры с компонентами, выраженными обособленными оборотами. В них сжато, компрессивно передается событийная информация в актуально-ситуативном аспекте: *Выступление Виктора Черномырдина в Государственной думе с отчетом об исполнении бюджета... С 1 октября на Украине началось гарантированное государством восстановление сбережений граждан в учреждениях Сбербанка Украины (Известия).*

Для официально-информативного подстиля характерна функционально-обусловленная стандартность как самой структуры фразы, так и ее внутренних подструктур¹¹⁰.

Функционально мотивированными штампами официально-информативной речи выступают такие ее специфические компоненты, как *в связи с..., в соответствии с..., по приглашению.. // у зв'язку з... відповідно до...; на запрошення...: По приглашению президента, в его резиденции собрались главы четырех государств (Изв., 15/X – 97 г.); В противном случае... перед нами маячит перспектива не заплатить по долгам (Изв., 5/XI – 98 г.); // Документами, відповідно до статті 8 Закону, з 1 жовтня встановлено межу роздрібної ціни за кілограм цукру-піску (Голос Укр., 3/X – 97 г.).*

Официально-информативному подстилю свойственно тяготение к использованию пассивных конструкций: *После начала его выпуска будут хорошо загружены мощности самолетостроительного и турбодвигательного заводов (Изв., 15/X – 97 г.); Практически заморожены и другие стройки; В 60-е годы устаревшие боеприпасы сжигались открыто (Изв., 5/XI – 98 г.) // На апаратній нараді було*

---

¹¹⁰ Васильева Л.Н. Указ. работа. – С.37.

розглянуто такі питання, як стан готовності житлового господарства до роботи в зимових умовах, про розрахунки й механізми погашення заборгованості з виплати пенсій (Веч. Київ, 2/X – 97г.), к номинативному обозначению события.

Основным конструктивным принципом официально-информативного подстиля является максимум фактологической информации в минимуме речевой протяженности при соблюдении точности, официального этикета и коммуникативности. Информативная фраза, оперируя многочленными речевыми единицами, все же чисто синтаксически представляет собой простое распространенное предложение, ибо организующим началом такого предложения является констатация одного факта как такового: *Выступление ныне здравствующих мастеров будут исключительно благотворительными, как дань уважения и почтения предыдущему артистическому поколению* (Изв., 18/X–97 г.); *В соответствии с так называемой программой Нанна-Лугара по совместному уменьшению угрозы США частично финансируют строительство объекта по уничтожению нервно-паралитических отравляющих веществ в городе Щучье Курганской области* (Изв. 5/XI.–98 г.) // *3 метою подальшого соціального захисту малозабезпечених верств населення вирішено збільшити щомісячну доплату до пенсії інвалідам першої групи для оплати житлово-комунальних послуг у IV кварталі цього року* (Голос Укр., 21/X – 97).

По основным стилеобразующим параметрам к официально-информативному подстилю тесно примыкает информативно-деловой подстиль. Эти два подстиля сближают такие черты, как объективность, безэмоциональность, безобразность, семантическая одноплановость¹¹¹. Если сопоставить условия функционирования информативно-делового подстиля в течение последних 30 лет, то можно заметить, что тексты этого подстиля заметно сузили сферу своего функционирования. Если в 70-е– первой половине 80-х годов тексты информативно-делового подстиля встречались почти во всех печатных изданиях, от всесоюзных до районных газет, то в 90-е годы они публикуются, главным образом, в официальных

---

¹¹¹ Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль. – М., 1982. – С.44.

изданиях соответствующих государственных, партийных, ведомственных органов, напр.: «Советская Россия», «Урядовий кур'єр» и т.п. Разножанровые тексты информативно-делового подстиля, кроме информативной функции, выполняют и директивную, поскольку связаны с системой управления и правовыми взаимоотношениями в обществе. Основными жанрами информативно-делового подстиля выступают коммюнике, договор, соглашение, декларация, протокол и т.п., характеризующиеся жесткими структурными и конструктивными характеристиками, требованиями точного соблюдения законов жанра при их порождении. Это и наличие необходимой преамбулы, и сложный синтаксис фразы, требующий полного перечисления и полного точного вербального выражения актуально-деловых смыслов: что, когда, где и конкретизация. Информативно-деловая речь – это определенный синтез элементов официально-информативного подстиля, в произведениях которого часто выявляется своеобразный симбиоз принципов официально-информативного подстиля и научного стиля. Информативно-аналитический подстиль отличается значительным удельным весом открытого аналитизма¹¹² и внешней языковой выраженностью его. Заголовки аналитических материалов часто представляют собой основной тезис статьи в свернутой форме, напр.: *Поставили диагноз. Оказалось – клеймо* (Изв., 30/X – 97 г.) (история бывшего пленника психиатрической больницы); *Газпрому нужны деньги, а не продукты. Россия и Украина близки к соглашению по газовым долгам* (о переговорах между «Газпромом» и «Нафтогазом Украины» об условиях оплаты российского газа) (Изв., 5/XI – 98 г.).

Специфическое использование научной терминологии в информативно-аналитическом подстиле часто состоит в комментировании и обыгрывании научных дефиниций в некоторой замкнутой системе. Термины здесь отсылочны и цитатны.

Высока активность в информационно-аналитической речи причинно-следственных связей, выраженных как непосредственно синтаксическими конструкциями, построенными по модели *если... то...*, так и опосредованно: способом расположения фактологиче-

¹¹² Васильева А.Н. Указ. работа. – С.54.

ской информации, неакцентированным соположением причины и следствия, обобщения и аргумента и т.п. Напр.: *И если эта система получится легко устанавливаемой и достаточно дешевой, то она, безусловно, заинтересует и крупные компании, которым нужны собственные корпоративные сети* (Изв., 12/XI – 97 г.); *Резкое подорожание продовольствия сегодня выглядит уже исключением, а не правилом. Таким исключением, хотя и вполне объяснимым, стал скачок цен на сахар: с мая в среднем по России оптовые цены поднялись с 2700 до 3200 рублей за килограмм* (Изв., 12/XI-97 г.); *Если же экспертов отлучили от работы из желания скрыть смертоносное оружие, то пора готовиться к самому неприятному* (Изв., 5/XI–98 г.).

Активность причинно-следственных созначений языковых единиц, непосредственно их не выражающих, проявляется в информационно-аналитических произведениях, напр., функционирование деепричастных оборотов, совмещающих целевые и временные смы, напр.: *Разъясняя потенциально увольняемому его юридические права и возможности, предлагая вакансии, профессиональный психолог должен не только снять у клиента стресс, внутренне «перестроить», но и обязательно помочь преодолеть психологический барьер перед посещением первого работодателя* (Изв., 12/XI–97 г.).

Частотны в информативно-аналитическом подстиле средства, отражающие обобщающе-аналитический характер речи: отглагольные существительные (*реформа образования, введение образовательных ваучеров, приватизация учебных заведений, содержание школы, ограничение на платный прием, знание экономики*), однородные члены (*уровень нашего естественно-научного и технического образования, они или развиваются, или отмирают*), тревожит приблизительность расчетов, стремление разработчиков облегченно представить пути выхода из ситуации), аналитические глагольно-именные конструкции (*предложение ввести в число учредителей, склоняться к взвешенным решениям*). Все примеры взяты из статьи «*Что изменит реформа в высшей школе?*» (Изв., 12/XI – 97 г., с. 4). Эти компоненты сближают информационно-аналитический подстиль с гуманитарным подстилем научного стиля.

Информативно-аналитические тексты, освещая и анализируя отдельные стороны общественного бытия, активно используют номинации, соответствующие терминам научной и официально-деловой речи, напр.: *кредит доверия // кредит довіри, застойные времена // застійні часи, коррупция в высших эшелонах власти // корупція у вищих владних структурах, компенсация за утраченное жилье // компенсація за втрачене помешкання* и т.п.

В языке периодических изданий оперативно выражаются «всякие изменения, происходившие в языке, в том числе появление окказиональных сочетаний слов»¹¹³, ср., напр.: *теневой бизнес // тіньовий бізнес, силовые министры // силові міністри, валютный коридор // валютний коридор; утечка умов // відплив мізків*.

В информативно-аналитических текстах частотны сложные наименования с постоянным составом и значением, превратившимися в номенклатурные обозначения предметов и явлений, напр.: *рыночная экономика // ринкова економіка, коммерческие структуры // комерційні структури; контролировать ситуацию // контролювати ситуацію*. Активное формирование аналитических структур связано теснейшим образом с тенденцией познавательной деятельности и отражению все более тонких подробностей внешнего и внутреннего мира человека и к функционированию их в наименованиях»¹¹⁴.

В рамках информативно-аналитического подстиля происходят наиболее активные процессы формирования газетной общественно-понятийной терминологии, обогащающей языковой запас читателя, связывающий общеупотребительный язык общества с частными языками науки и делопроизводства, напр.: *силовые структуры // силові структури, экономические санкции // економічні санкції, международная арена // міжнародна арена*.

Текстам информативно-аналитического подстиля присущи определенная оценочность, эмоциональность, экспрессия, помогающие не просто информировать массового читателя, но и отстаивать автору свою точку зрения, убеждать потребителя информа-

---

¹¹³ Телия В.Н. Типы языковых значений. – М., 1981. – С.14.

¹¹⁴ Телия В.Н. Указ. работа. – С.14.

ции в правоте своих аргументов и выводов. Средствами эмоционального воздействия на читателя в информативно-аналитических жанрах выступают фразеологизмы, образно-метафорические единицы. Вот примеры из аналитической статьи в «Известиях» от 20 ноября 1997 г. *«Душа не желает менять правила выборов»: определить правила игры, представлять всех и никого конкретно, политические пристрастия, завидное единодушие, очищение политической системы, левое крыло и т.п.*

Именно в информативно-аналитическом подстиле газеты нейтрализуются многие обороты, возникшие как яркие метафоры в рамках художественно-публицистического подстиля: *наркобарон, наркокороль, король эфедрина, нефтяная (газовая, электрическая) река, удержаться на плаву // триматися на плаву, иметь товарный вид // мати товарний вигляд, включать счетчик // включати лічильник.*

Экспрессия в информативно-аналитических текстах возможна уже в заголовках: *Мы лишаем Запад свободы рук; Российское общество разъедает коррупция* (Изв., 27/V – 97 г.); *Бундестагу Берлин не по сердцу* (Изв.. 3/IV – 97 г.); *Подождем бить в литавры* (Изв., 27/XI – 97 г.).

Эмоционально-оценочные элементы в информативно-аналитическом подстиле включают в себя оценочные эпитеты, развернутые метафоры, метонимическое словоупотребление, напр.: *отчаянное сопротивление ряда стран; вялые экономические связи; Россия буквально вскочила в уходящий вагон; заморозить расширение организации; создание всесильного «политбюро» в составе Китая, России, США и Японии; крупные державы протащили нас в АТЭС; Япония холодно относилась к этой идее; после Ванкувера можно опять трубить в фанфары (Россия закрепляется на Тихом океане)* (Изв., 27/XI – 97 г.).

Современный информативно-аналитический подстиль с целью создания большей экспрессии не чурается слэнговых элементов, вводимых в различные по жанрам тексты, напр.: *нехилые оклады чиновников; искать стукачей среди журналистов; в зале должны сидеть «подсадные утки»; миллиарды «крутили» в коммерческих*

банках (Изв., 10/VI – 97 г.); *солнцевская братва*; в деле «синдиката» засветились несколько судей (Изв., 27/V – 97 г.); «наезд» президента на Кабинет министров (Комс. пр., 28/XI – 97 г.).

Интенсивная демократизация языков в посткоммунистических странах Восточной Европы привела к тому, что потоки сниженной, жаргонной лексики вышли за пределы устной бытовой речи и буквально «затопили» все жанры, требующие экспрессии; газетные и телевизионные репортажи, публицистические выступления, политические дебаты: *балдеж, беспредел, разборка, качать права // фанера, на халяву, бакси*¹¹⁵.

Терминологические номинации в текстах информативно-аналитического подстиля, их высокая частотность способствуют высокой функциональной загруженности речевых стандартов в них. Большой удельный вес речевых стандартов в этих текстах стилистически оправдан и не несет на себе печати штампа, напр.: *отмывание денег // відмивання грошей, за чертой бедности // за межею бідності, охота на ведьм // полювання за відьмами*.

В информативно-аналитический подстиль проникают, изменив свою семантику, устойчивые сочетания из спортивной терминологии; *игра в одни ворота // гра в одні ворота, правила игры // правила гри, поднять планку доверия // підняти планку довіри, уступить первенство // поступитися першістю, с подачи кого-л., с чьей-л. подачи // з подачі кого-н.,* напр.: *Разговор об установлении новых правил игры между областью и городом металлургов зазвучал с новой силой* (Изв., 6/V – 97 г.).

Таким образом, тексты информативно-аналитического подстиля, представляя собой своеобразный синтез текстообразующих элементов официально-информативного и информативно-делового подстилей, функционально направлены на адресата-неспециалиста, осмысляющего современные общественные реалии в специальных областях.

Газетно-научный подстиль занимает промежуточное положение между информативно-аналитическим подстилем и собственно

---

¹¹⁵ Складарская Г.Н. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. – СПб., 1998. – С.9.

научным стилем, отличаясь от первого большей специализацией в освещении самого предмета, а от собственно научного – меньшей ориентированностью исключительно на специальный предмет. К сожалению, широкая пропаганда научного знания в области гуманитарных и естественных наук, внимание к творцам науки, к личности ученого, характерные для русских и украинских газет 70-х–80-х годов, сменились спорадически публикуемой информацией о новинках в области науки и техники в газетах 90-х годов. Причинами этого, по нашему мнению, является отнюдь не отсутствие новых научных открытий и достижений, а бедственное положение самой науки в постсоветском пространстве и падение общественного интереса к ней.

Место статей о научно-технических достижениях заняли псевдонаучные прогнозы, гороскопы, заметки о необъяснимых природных явлениях и т.п., которые совсем не способствуют тому, чтобы человек занимался поисками научной истины, стремлением объяснить необъяснимое, не был пассивным созерцателем происходящего. Внимание читателя фокусируют на светских сплетнях, тусовках, подробностях личной жизни артистов, теле- и спортивных звезд.

При создании текстов газетно-научного стиля, призванных популяризировать научно-технические новинки, возникают трудности содержательного (смыслового) и языкового планов.

Языковая проблема популяризации связана также с тем, что необходимая краткость газетного сообщения об исследовании, фактически воплощенном в большом объеме речевого материала собственно научного произведения, обычно толкает автора на путь дальнейшего обобщения и абстракции, а соответственно и усложнения речевого строя, что затрудняет массовую коммуникацию¹¹⁶. Степень популярности в изложении научного материала зависит от того, кто является автором текста: ученый или журналист, которые иногда пребывают в конфликтных отношениях в связи с проблемой популяризации научных знаний, в необходимых акцентах в раскрытии научной проблемы.

---

¹¹⁶ Васильева А.Н. Указ. работа. – С.70.

Освещение основной научной проблемы в текстах газетно-научного стиля содержит такие смысловые линии: 1) введение адресата в проблематику данной научной области; 2) знакомство читателя с методикой и технологией исследований; 3) оценочное представление результатов исследования; 4) личностные характеристики ученых и их творческий труд.

В жанровом плане тексты газетно-научного стиля представляют собой газетно-научные статьи и интервью с известными учеными.

Если в газетах 70-х– 80-х годов более частотными были научно-популярные статьи, то в газетах 90-х годов газетно-научный стиль представлен, в основном, интервью с учеными.

Возьмем одну из типичных газетно-научных статей (автор журналистка Алла Алова); *В СССР умели делать зомби* (Изв., 24/IX – 97 г.). Эта статья имеет подзаголовок: *Журналистка испытала на себе психотропное оружие*. В отличие от собственно научного произведения, в котором такое множество заглавий невозможно, в газете такой заголовочный комплекс содержательно и стилистически оправдан и необходим: его цель – заинтересовать адресата, воздействуя на его интеллектуальные потребности и даже на элементарное любопытство.

Экспрессивный заголовок в газетно-научном, как и в других «серьезных» газетных текстах, дает читателю своеобразный психологический «разбег» для восприятия сложного содержания. Начало статьи – это личные впечатления журналистки от обстановки в научной лаборатории: *Сажу в кресле перед компьютером. Выгляжу как гуманоид: на голове закреплены электроны, разноцветные проводки тянутся к энцефалографу. В наушниках шумит.*

На черном дисплее несколько раз в секунду меняются многозначные группы цифр. Между ними быстро-быстро проскакивают – даже глаза устают от напряжения – какие-то слова. Но прочитать невозможно. Как объясняет колдующий над моей головой оператор, слова – это кластеры, символы, включающие еще целую серию еще более узких понятий.

Первые три предложения погружают читателя в область привычных конкретных ассоциаций, разговорной непосредственности,

синтаксически представленной двумя определенно-личными и безличной конструкциями. Во втором абзаце – непосредственном описании обстановки – есть речевая единица, несущая эмоциональную экспрессию (быстро-быстро проскакивают). Далее:

Несколько десятилетий назад во многих городах Америки стали твориться чудеса, рассказывает оператор. После очередного киносеанса зрители стаями осаждали ближайшего продавца поп-корна, обуреваемые желанием немедленно погрызть хрустящие зернышки.

Разгадка феномена – так называемый «25-й кадр». Во время киносеанса к обычным 24-м кадрам в секунду добавлялся еще один 25-й, незаметный для зрительского глаза, но действовавший на психику подсознательно. Он-то и содержал рекламу поп-корна.

Основная задача этих двух абзацев – показать практический результат исследования в занимательной форме, активны в них средства эмоциональной и усилительной экспрессии: здесь и метафоры (творятся чудеса, зрители стаями осаждали), и эпитеты (хрустящие зернышки). Далее:

В Институте нервной деятельности и нейрофизиологии РАН пояснили, что современная психология различает у человека два диапазона восприятия действительности: сенсорный (осознанный) и субсенсорный (неосознанный), при котором информация усваивается, минуя сознание. Информация, предъявляемая в субсенсорном режиме, воспринимается человеком с эффективностью, в тысячи раз превышающей норму. Ученые связывают такие возможности с тем, что у людей 97 % психологической деятельности протекает на уровне подсознания и лишь 3 % – на осознаваемом уровне.

Этот абзац представляет собой образец научной речи с элементами, обслуживающими речевой механизм логического мышления, активность абстрактно-понятийных слов и сочетаний, включающих причастия, отглагольные существительные, активность родительного логического: диапазон восприятия, уровень подсознания и т.п.

В отрывке встречается немало терминов, которые в соответствующей отрасли науки и, в частности, в авторском понимании, имеют очень четко и строго дифференцированное содержание.

Автор вводит их в текст, давая рядом их как бы нейтральные соответствия: слова – это кластеры, символы; сенсорный (осознанный), субсенсорный (неосознанный). В газетно-научном стиле с целью популяризации знания целенаправленно используется такой лингвистический феномен, как метафоризация термина. Метафоричность термина активизирует образное мышление и поддерживает интерес читателя. Этой же цели служат и средства «одушевления», «олицетворения» абстрактных понятий, напр.: *«двуногих кроликов» набирали для опытов из добровольцев; разноцветные проводки тянутся к энцефалографу* и т.п.

В газетно-научном подстиле последних лет весьма частотным жанром стали интервью на определенную тему с известными учеными, исследователями. Обычно интервью имеет следующую структуру: название рубрики (факультативно), заголовок, подзаголовок (факультативно), портрет (факультативно), краткая биографическая справка, вопросы и ответы собеседников – журналиста и ученого. Возьмем интервью с психологом Сергеем Ковалевым (Изв., 29/XI – 97 г.). Помещено оно под рубрикой *«Субботний гость»*. В заголовок вынесены слова интервьюируемого: *Жизнь прекрасна настолько, насколько мы способны это понять. Подзаголовок далее интригует читателя: Психолог Сергей Ковалев уверен, что мировая цивилизация стоит на пороге великих преобразований.*

В краткой биографической справке, помещенной рядом с портретом ученого, говорится:

Кандидат психологических наук Сергей Ковалев – специалист редкой пока еще профессии, международный мастер-практик нейролингвистического программирования (НЛП). Автор нескольких книг по теории и практике новой науки, преподаватель психологии, действительный член Общества психологов при Президиуме РАН и Российской ассоциации НЛП и эриксоновского гипноза. Дважды побеждал на всесоюзных конкурсах на лучшее научно-популярное произведение.

Вопросы журналиста намеренно сформулированы в «наивной» форме, а литературные аллюзии имеют целью активизировать мысль читателя:

В наше время тягот и стрессов вы упорно твердите о неисчерпаемых возможностях внутри самого человека и беретесь дать чуть ли не каждому ключ к реализации его великих возможностей. Уж не Манилов ли ваша настоящая фамилия?

Конкретному мышлению массового читателя адресован ответ-рассуждение ученого:

Если бы я рассуждал умозрительно, вероятно, так оно и было бы. Но у меня 15-летний опыт работы с людьми, каждый из которых приходил с проблемой. Жизненная неудача, неуверенность в себе, конфликтность отношений с окружающими – все эти тягостные состояния прикладная психотерапия способна разрешить за считанные сеансы.

Следующий вопрос журналиста начинается с экспрессивной вопросительной частицы *неужели*, строится на базе конкретного мышления, и этому служит умеренная активность разговорных элементов, в данном случае переносное значение глагола *биться*:

Неужели проблемы, над которыми человек бьется годами, так легко разрешимы?

Ответ ученого начинается риторическим вопросом, который стимулирует чувственно конкретизированное восприятие научной абстракции сознанием другого человека. Введение терминов НЛП сопровождается их дефиницией в беллетризированной форме:

Кто сказал «легко»? Квалифицированный энэлпер (так еще называют мастеров-практиков НЛП) владеет сотнями технологий психологической коррекции. После иного сеанса, который длится полтора-два часа, энэлперу надо приходиться три дня в себя. Зато его пациент видит просто забавную беседу, участвует в некоей игре.

Ориентировка на представление научно-проблемного материала в конкретизированно-популяризированной форме отражается на композиции следующего вопроса интервьюера, расчлененного на две части, оформленных в два самостоятельных предложения – побудительное и вопросительное:

Приведите хотя бы один пример, чтобы понять особенности вашего воздействия на психику. Это разновидность гипноза?

Ответ ученого – это как бы рассказ об отношениях людей, конкретных, эмоциональных отношениях, и читатель невольно «втягивается» в эти «сцены из жизни». А между тем автор незаметно вводит его в круг научной проблематики и подсовывает ему специальные термины, которые первично усваиваются как бы мимоходом, затем продолжается раскрытие и утверждение этих понятий в сознании читателя:

Это особое состояние. Своего рода транс, когда подсознание человека более доступно. Множество других технологий рассчитано и на логический уровень. Например, я прошу пациента представить конфликтную ситуацию в виде картинка на телеэкране и очертить ее размер руками. Очень часто реакция бывает схожей у разных людей: «Так вот оно что, из-за этой ерунды я портил себе жизнь?» Задача одна – раскрыть человеку его собственные резервы, возможности его интеллекта.

В ответе на следующий вопрос журналиста, как бы «подсказывающий» определенную ответную реплику: «*Это, вероятно, необходимо тем, кто не умеет самостоятельно работать головой?*» содержится научная информация, отлитая в предельно популярную речевую форму: здесь и короткие разговорные фразы, и эмоционально-экспрессивные эпитеты, и конкретизирующие метафоры, и визуально выделенные предлоги-антонимы и т.п.:

Возможно, я вас огорчу, но мы все или почти все не умеем работать головой. Современный человек очень напоминает ребенка, которому дали мощный компьютер, а он играет на нем в «Денди». Мы не используем и сотой доли его мощности. Наш мозг загнан в узкий коридор. Простой пример. Все люди по ориентации в НЛП делятся на «людей ОТ» и «людей К». То есть одни строят свою жизнь так, чтобы уйти ОТ чего-то – нищеты, горя, конфликта. Вторые идут К – богатству, любви, славе, пониманию. Это принципиальное различие. Вот вы идете из леса, стремясь попасть на станцию. Если вы идете ОТ – ваша цель неясна, путь хаотичен. Если вы идете К – вы точно знаете, с какой скоростью должны двигаться.

Вопрос журналиста после этого пассажа имеет уточняюще-утвердительный характер:

То есть важна позитивная цель?

Ответ ученого – подтверждение этого допущения интервьюера в весьма популярной форме:

И цель, и желание ее достичь. Я для себя давно вывел формулу. Результативность человека равна его способностям, помноженным на его желания и оптимизм: $P = C \times Ж \times O$. Раньше вместо «О» я ставил в эту формулу букву «У» – условия. Но теперь убедился: оптимизм способен преодолеть самые неблагоприятные условия, и человек состоится.

Таким образом, в основных жанрах газетно-научного подстиля – научно-популярной статье и интервью с учеными – общая аналитическая основа, что функционально сближает их между собой при определенных структурных различиях. В газетно-научном подстиле весьма активна специальная терминология, действуют средства речевой экспрессии, связанные с задачами популяризации признанных научных достижений.

Неофициально-информативный подстиль газетной речи

В основе неофициально-информативного подстиля лежит особая фактологическая информация – это информация, обладающая экспрессией воздействия на конкретное мышление адресата, связанное с обиходной формой общения, с житейским опытом, с активностью эмоционального восприятия. Часто это – курьезный факт, комическая ситуация. Вот заметка под фото в газете «Известия», 5/XII – 97 г.

У рыбаков и монумент крючком.

Конечно, этот трехметровый рыболовный крючок не имеет практического предназначения. Это монумент, установленный в городе Сплит в Хорватии в честь тысячелетия рыболовного промысла.

Если бы не было данного заголовка, представляющего собой разговорную синтаксическую конструкцию с усилительно-экс-

прессивной частицей *и* (в значении *даже*) (ср.: *нос крючком, ноги колесом*), информация воспринимались бы абстрагированно-фактологически. Заголовок при кажущейся простоте своей структуры потенциально очень экспрессивен, создает определенный психологический настрой у читателя, который явно ориентируется на «неофициальное» восприятие фактологической информации.

Неофициально-информативный подстиль стремится к сочетанию точности и краткости в передаче фактологической информации с чувственной конкретизацией и экспрессией.

Країна старішає?

2000 року загальна чисельність людей похилого віку в Китаї віком понад 60 років перевищить 130 млн. осіб. Це становитиме приблизно 10 відсотків від загальної кількості населення країни. Таким чином, Китай увійде до ряду «лідерів» за чисельністю престарілого населення країн. (Голос України, 2/ХІІ –97 р.)

Когда говорят «Батько старішає» – это обычно, и форма настоящего воспринимается в значении настоящего длительного. В непривычном же сочетании «Країна старішає» (где-то в подсознании возникают вопросы: Чому саме країна? Яка країна? Як це «старішає»? и т.д.) временное значение глагольной формы субъективно актуализируется. Обозначаемое ею время как бы убыстряется, создается настрой комического восприятия текста в целом. Поэтому «сухие» статистические данные воспринимаются конкретно.

Или вот структура текста неофициально-информативного подстиля из газеты «Всеукраинские ведомости» от 6/ХІІ–97 г. Заголовок «Мансарда с видом на парламент», подзаголовок «Поехала крыша» высокопоставленного чиновника МИДа. И он построил мансарду стоимостью около \$ 500000. Названия подразделов в тексте «Загадочный Монте-Кристо печерского «разлива»; «Миллион в мидовской «корзинке»; Крыша Ковалю обоилась дорого». Как видим, в этом тексте взаимодействуют и литературные аллюзии, и сленг, и элементы разговорной речи, свойственной интеллектуалам.

В повседневной жизни, обиходном общении постоянно возникают курьезные ситуации, составляющие микрообъекты разговорной речи, о которых конкретно повествуют, эмоционально

описывают. Комические случаи в газете также описываются или о них повествуется с использованием разговорных элементов. Источником супрасегментной экспрессии выступает «раскованный» разговорный синтаксис, напр., в заголовках: *«Кошелек или жизнь?»*, *«Эта строптивая Оксана»* (Изв., 11/IV – 97 г.); *«Бабье царство»* (День, 16/IV – 97 г.); *«Какое время – такие академики»*, *«Копнул лопатой – и ты богатый»* («Всеукраинские ведомости», 6/XII – 97 г.).

Неофициально-информативные заметки обычно коротки и печатаются не в одиночку, а сериями под рубриками: *«Клубный пиджак»*, *«Люди, которые нас удивили»*, *«В конце недели»*, *«Светская хроника»*, *«О чем судачит планета»* («Комсомольская правда»), *«Полевая почта»*, *«Приятное с полезным»*, *«Что случилось»* («Всеукраинские ведомости»), *«Бди!»*, *«No comment»*, *«Sos»*, *«Тихий ужас»*, *«Скандальчик»*, *«О времена, о нравы!»*, *«Во дают!»* («Факты»), *«Откровение болельщика»*, *«Информация к размышлению»*, *«Первое письмо в редакцию»* («Метро»). В речевом строе таких заметок весьма ощутима интонация рассказчика. Ироническая интонация выражается и визуальными средствами – активными закавычиваниями отдельных лексем, многоточиями, восклицательными вставками, напр.: *«Политика «чистых рук»* (Изв., 22/IV – 97 г.); *Одесситы голосуют... за анекдот; За клевету осужден... глава Фастова* (Комс. пр., 28/XI – 97 г.); *Однофамилец Аркадия Табачника доложит «обо всем Президенту, а одесская милиция начала поиски «турка»* (Всеукр. вед., 6/XII – 97 г.); *Под видом печеночного паштета аферисты продают... «собачьи» консервы; Махмуд Эсамбаев получил «бетонную» звезду* («Факты», 9/XII – 97 г.); *Вспомните молодость, Васильич!* («Метро», 27/XI – 97 г.); // *«Подарунки» до святая* (Комуніст, 24/VIII – 2000 г.).

Экспрессивный факт в тексте неофициально-информативного подстиля может быть подвергнут анализу, что сближает неофициально-информативный подстиль с информативно-аналитическим. Например:

Американец не читает, он смотрит ТВ.

У любителей статистики – праздник. В США вышел в свет очередной сборник «Статистикл Эбстракт», который содержит

почти полторы тысячи таблиц и сведений, собранных из самых разных источников и отражающих в цифрах американский образ жизни. Помимо общих данных народнохозяйственного значения, там можно найти самые неожиданные данные. К примеру, сообщение о том, что в прошлом году американцы проели в ресторанах 209,5 миллиарда долларов, причем эта сумма делится примерно пополам между заведениями высокого класса и забегаловками быстрого обслуживания. Впрочем, в пересчете на каждого из 265 миллионов американских граждан получается не так уж много – всего 65,88 доллара в месяц. Как распоряжается среднестатистический американец свободным временем? За телевизором он проводит 4,4 часа, за чтением газет – 27 минут, за книгой – 17 минут, зато почти три часа слушает радио да еще 45 минут музыкальные записи. Ну и в заключение еще две цифры. Американцы держат у себя дома 59,1 миллиона кошек и 52,9 миллиона собак (Изв., 10/XII – 97 г.).

Легко заметить, что здесь информативно-аналитическая часть вставлена в эмоционально-экспрессивную рамку. Первое предложение должно заинтересовать читателя и дать ему определенный эмоционально-оценочный настрой. Конечная («рамочная») фраза заметки содержит статистику, создающую комический эффект. Экспрессивная рамка – довольно обычный композиционный прием неофициально-информативной заметки конкретного содержания. Средства экспрессии здесь разнообразны, но прежде всего это – активность разговорных элементов: забегаловка, вопросительное предложение, разговорная частица ну и т.д.

Таким образом, неофициально-информативный подстиль имеет широкий диапазон средств. В основе его лежит собственная экспрессия факта. Основным его жанром выступает краткая заметка. Для нее характерна повествовательная манера изложения с облегченным синтаксисом, расчленением сложных предложений, линейной связью предложений во временной последовательности. Широко используются стилистические средства комизма и экспрессивной стилизации. Активны в нем разговорные элементы: интонация, грамматические структуры, лексика и фразеология.

Информативно-экспрессивный подстиль

Информативно-экспрессивный подстиль – это сочетание, синтез элементов официально-информативного, информативно-аналитического подстилей и средств речевой экспрессии. Это не механическое соединение разностилевых элементов. Сами элементы данных подстилей в контексте информативно-экспрессивного произведения функционально и структурно перестраиваются.

Для информативно-экспрессивного подстиля характерна поверхностная структура системы экспрессивных средств, лишенная глубинных смыслов. Для текстов информативно-экспрессивного подстиля свойственен активно выраженный основной конструктивный принцип газеты, сформулированный В.Г. Костомаровым: «Делается все возможное, чтобы так или иначе построить схему: экспрессия – стандарт – экспрессия – стандарт на всем протяжении текста. Чередую экспрессивные и информативные сегменты, автор увлекает или завлекает читателя (иногда и просто развлекает его), информирует его, а соответственно, и воздействует на него»¹¹⁷.

Эмоциональные заголовки и информативно-экспрессивный подстиль – это те области газетного языка, которые активно порождают стандартные экспрессымы, экспрессымы-неологизмы. В разговорной речи постоянно функционируют стандартные экспрессымы, которые, несмотря на свою частую повторяемость, не стареют, ибо в них информируемый факт окрашивается индивидуальной манерой субъекта речи, напр.: *Бабульки «старой закалки» и без того в должниках не значатся; А при таком раскладе породить «альтернативщиков» – слишком большая роскошь; Вовсю работают «дикие» артели; В Ле Бурже мы встречались с американцами. Они гоголем ходили: наш F-15E –это вещь. А ваши МИГи – индейкам на смех* (Известия).

В информативно-экспрессивном подстиле действует закон динамического равновесия стандартных и свежих экспрессем.

Сформирована молодежная группировка Дедов Морозов.

---

¹¹⁷ Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – С.92.

На время новогодних праздников двести киевских школьников в «спецодежде» Дедов Морозов отправятся поздравлять семьи малоимущих граждан. Акцию задумали Социальная служба для молодежи Киева и Союз детских и юношеских организаций. На вчерашней пресс-конференции публике были продемонстрированы костюмы, пошитые на бюджетные средства города (каждый «влетел» в 90 гривен).

Учащиеся прошли подготовку под руководством массовиков-затейников. Не обошлось без уроков актерского мастерства и психологического тренинга по коммуникативности – попав в непривычную обстановку детям (самому младшему «дедушке» 13 лет) недолго и растеряться.

Уже составлен список граждан, обделенных судьбой. Заказывают молодежных Дедов Морозов и школы-интернаты, а также детские дома и больницы. В целях безопасности школьники не пойдут в семьи алкоголиков и наркоманов, хотя, вероятно, там тоже есть дети, нуждающиеся в подарке и добром слове.

Начнется «тимуровское» движение 19 декабря – в день святого Николая. Первыми получают поздравления беспризорники на киевском вокзале, которых «дедушки» также угостят пирожными собственного приготовления (Всеукраинские ведомости, 11/ХІІ – 97 г.).

Официально-информативная с элементами аналитизма заметка превращается в текст информативно-экспрессивного подстиля благодаря экспрессивному зачину, образно-эмоциональным экспрессаторам *молодежная группировка, «спецодежда» Деда Мороза, «влететь» в 90 гривен, массовик-затейник, отправиться поздравлять*. В синтаксисе текста оттенок разговорности и наглядности достигается взятыми в скобки вводными и присоединительными конструкциями.

Экспрессивные средства и композиционные приемы подстиля весьма разнообразны.

Экспрессивный заголовок должен заинтересовать и «настроить» соответствующим образом читателя, дать «разбег» для восприятия информации: *Хозяйка банка «Чара» попала на нары (Изв., 4/IV – 97 г.)* Эмоциональное воздействие заголовка на реципиента

обеспечивается и фоностилистическими средствами: рифмизированное повторение слогов – *ра* («Чара») и *-ры* (нары), а также звука [а] // *Вороже ворожіння* (Столиця, 5/Х – 2000 г.).

Заголовок может быть метафоричен, представлять собой трансформированный фразеологизм с введением конкретизирующей детали: *«Безноса» с алюминиевой косой* (заметка о борьбе преступных кланов на Красноярском алюминиевом заводе) (Изв., 6/У – 97 г.). В заголовке могут обыгрываться однокоренные слова: *Задуманная Думой национализация в космосе* (Изв., 13/У – 97 г.).

В качестве экспрессивного заголовка могут функционировать поговорки и пословицы: *Он от бабушки ушел, он от дедушки ушел* (спецслужбы потеряли в столице польского ксендза (Изв., 8/Х – 2000 г.) // *За комір не капає* (о подготовке крыш к зиме) (Столиця, 5/Х – 2000 г.).

Экспрессивный порядок слов. В синтаксических конструкциях наблюдается инверсионный порядок слов – на первое место выдвигается информативный предикат. Напр.: *Нефть, это «черное золото», и мы измеряем на вес, в тоннах... отсюда побочным как бы становится и тот маршрут каспийской нефти... Вот в каком контексте на российском уровне проявляет себя давняя история...* («Известия»).

Конкретно-образные детали оживляют фактологическую информацию, служат для обобщенных выводов, напр.:

Из Нефтеюганска – железной дорогой до Питера, оттуда – морем к берегам Персидского залива отправились техника и персонал...

Российские «КрАЗы», отравляющие ядовитым выхлопом всю тамошнюю благодать, повергли в шок нефтьмагнатов. Сделка лопнула. Завезенная рухлядь навсегда упокоилась на чудесной арабской земле – везти ее обратно было совсем разорительно. Петухов получил лишь моральную компенсацию: эмир присвоил ему звание почетного гражданина Бахрейна.

Финансовые потери «Дебита» ударили чувствительным рикошетом лишь по ее акционерам и наемным сотрудникам, чьи доходы и заработки стали не ахти («Известия»).

Образные детали сближают информативно-экспрессивный подстиль с языком художественной литературы, но природа их несколько иная, они лишены глубинной образности художественного текста. Но этого от них и не требуется: ведь они обладают умеренной экспрессивностью, которая уравнивает абстрактность официальной фактологии.

Неглубокая экспрессивная метафора

Метафора – маркированный компонент речевого контраста, необходимого газетно-языковой конструкции. В информативно-экспрессивном подстиле ее роль скромна – оживить восприятие реципиентом фактологической информации путем образно-эмоционального импульса:

Конфисковали солнечный камень (янтарь – Н.О.) у литовских контрабандистов (Изв., 22/IV – 97 г.); Сдачей крупной фигуры потребуются выпустить пар из перегретого котла народного недовольства (Изв., 22/IV – 97 г.); Проточные финансовые воды, запертые плотинами ГКО (государственные казначейские обязательства) наконец-то хлынут в авгиевы конюшни российской промышленности, изгоняя грязь и сор неплатежей (Изв., 14/V – 97 г.); Токио распирает от слухов (Изв., 8/IX – 2000 г.).

Экспрессивная метафора в текстах информативно-экспрессивного подстиля функционирует в необычном, инородном для нее в этом плане речевом окружении, сочетаясь с речевыми единицами понятийных и номинативно-фактологических значений:

Приметой времени «стало чуть не массовое «бегство» российских судов под иностранные флаги. Почти 300 из них не вывешивают больше за кормой наш триколор. В их числе крупная государственная (!) компания «Совкомфлот».

Хорошо это или плохо в условиях кризиса, поразившего морфлот? (Изв., 16/XII – 97 г.).

Эта метафора может переходить в понятийную метафору, которая получает экспрессивное усиление благодаря контексту, во

многих случаях она визуально усиливается на письме посредством кавычек: *Несколько лет оказались «замороженными» кадровые перестановки. Министерство обороны бессильно развязать этот «морской узел». Поступил анонимный «стук» службе таможенного контроля (Изв., 17/IV – 97 г.); Чернобыльский «саркофаг» – закопать и забыть (День, 16/IV – 97 г.); Некоторые иностранные компании готовятся «сделать ручкой», прощаясь с нами до лучших времен (День, 16/IV – 97 г.); Российский «урановый борщ» как бы оплачивали в две кассы (Изв., 22/IV – 97 г.).*

Устойчивые понятийные метафоры составляют значительную часть газетной фразеологии: *оставаться в тени // залишатся у затінку; пойти в народ // піти у народ; теневая экономика // тіньова економіка; авторитеты теневого мира // авторитети тіньового світу, теневой бизнес // тіньовий бізнес, тянуть одеяло на себя // тягнути ковдру на себе, поставить «на«уши» // поставити «на вуха».*

Газетная метафора характеризуется различным соотношением понятийных и экспрессивных сем. В информативно-экспрессивных текстах усиливается экспрессивное значение газетной метафоры. Метафорически активные слова и словосочетания способствуют динамическому обновлению состава образно-метафорических выражений. Напр.: *Левые деньги. – Левый спирт. – Левые доходы; Черная касса. – Черный нал; Теневая экономика. – Теневой бизнес. – Теневой рынок; – Нефтяные игры. – Нефтяная река // Нафтовий олігарх. – Нафтова війна.*

Активность эмоционально-оценочных средств

Эмоционально-оценочная окраска информативно-экспрессивных текстов создается и экспрессивными метафорами, и конкретно-образными деталями, и особой лексической сочетаемостью (соположением) различных по эмоциональной окраске слов. Напр.:

Покушение на Дагестан – угроза безопасности России.

Похоже, кто-то намерен подтолкнуть Россию к новому этапу кавказской войны. Предтеча ее – атака на Буйнакск. Ставкой в этой битве будет не потеря контроля над еще одной из северокавказских республик. В геополитическом плане начало военных столкновений или диверсионной войны в Дагестане несет самую большую угрозу государственной целостности России после второй мировой войны.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять: присутствие России на Каспии сегодня обеспечивается прибрежной полосой Дагестана (Изв., 26/ХІІ–97 г.).

В этом тексте наиболее яркую эмоционально-экспрессивную окраску имеют слова *покушение* и *угроза*. Отрицательная эмоциональная окраска возникает в соположении слов *предтеча* и *атака*. Экспрессия эмоционально-оценочного тона усиливается фразеологизмом *ставка в этой битве*. Понятийные сочетания *геополитический план*, *государственная целостность* в общем эмоционально-оценочном контексте также приобретают дополнительную экспрессивную окраску.

Активно используется в подобных текстах собственно газетная и иностилевая фразеология, напр., фразеология отдельных терминосистем: для описания фактов социальной жизни прибегают к медицинской фразеологии (*социальный недуг, метастазы приписок, вирус отставания, транспорт –кровеносная система экономики // такі розмови – це вже клініка, профілактика правопорушень неповнолітніх, висока температура дискусії*, технической (*корабль мечты, пружины хозяйственного механизма*). Ср., напр., *Республика страдает острой формой финансовой недостаточности* (Изв., 16/V – 97 г.) // *На випадок перебоїв із тепловодопостачанням слюсарі оживили швидкісний водогрійний котел* (Столиця, 5/X – 2000 г.).

В текстах информативно-экспрессивного подстиля весьма частотны разговорные фразеологизмы, употребительные в обиходной речи, функция которых – приближение информации к адресату. Они легко адаптируются к книжному контексту и не выглядят инородным телом, напр.: *Местная энергетическая комиссия три*

шкуры дерет с организаций, финансируемых из федерального бюджета (Изв., 30/V – 97 г.). Это у нас газеты могут написать о народном избраннике что угодно, а он и ухом не поведет (там же); Русские старшеклассники грызут гранит английской науки (там же); Правительство использует эти средства для заделывания многочисленных финансовых прорех (Изв., 9/I – 98 г.); Родители из кожи вон лезли, чтобы их ребенок был не хуже других (Факты, 5/I – 98 г.) // Кайф «на льоту» (Столица, 5/X – 2000 г.).

Фактологические и понятийные номинации в информативно-экспрессивном подстиле часто сопровождаются эмоционально-экспрессивными их перифразами, следующими за нейтральными словами, напр.: *П.П.Куренной объявил крестовый поход в защиту избирательных прав российских бездомных. Лидер томских бомжей спровоцировал власть на решительное «нет!» (Изв., 9/I – 98 г.) // Уже давно колишній громадянин України Семен Юфа наживав п'ятами до Ізраїлю. Але пам'ять про себе спиритний офіціант і продавець пиріжків залишив незабутньою (Столица, 5/X – 2000 г.).*

В информативно-экспрессивном подстиле вполне уместны стилистически маркированные лексемы, обычно помещаемые в словарях с пометами разговорное, просторечное, сниженное и т.п., напр.: *нынче, нынешний, обалдеть, обварганить, обвертеть, пахарь, погожий* и т.п. Напр.: *Однако уже замаячила более серьезная проблема. На деньги учителей латают в авральном порядке прогнившие водопроводные трубы. Вы, потряся детские копилки и бабушкины чулки, извлечете из них советские медяки (Изв., 10/I – 98 г.); «Головы» (т.е. «мэры») украинских городов в этой конференции участия не принимают. История тамошнего кино. Нынешнее жалование оркестрантов составляет примерно 200 гривен (Всеукраинские ведомости, 10/I – 98 г.)*

Экспрессивную функцию в текстах исследуемого подстиля выполняют экспрессивные синонимические ряды, напр.: В необычную судебную тяжбу включился *житель республики*. Он обратился к президенту с предложением разделить ветви местной власти. Верховный суд, к которому апеллировал *настойчивый истец*, отменил это решение (Изв., 10/I – 98 г.); 9 и 10 января Майя

Плисецкая и знаменитый *кутюрье* Пьер Карден представили шоу «Мода и танец». Наш корреспондент, давно знакомый с *маэстро*, не стал конкурировать с телевидением. Он просто задал знамени-тому *стилисту* несколько вопросов (там же); Французская армия вооружится *чудо-винтовкой*. *Оружие будущего* на французском называется «Папон». Дальность боя у *супервинтовки* 600 метров (Всеукраинские ведомости, 10/І – 98 г.).

Экспрессивным целям в текстах информативно-экспрессивного подстиля служат и определенные типы синтаксических конструкций, прежде всего такие, где инверсионно выделяется предикат сообщения, нетрадиционно располагаются другие члены предложения, опускаются отдельные глаголы и союзы. Напр.:

Сомневаться – профессиональная обязанность суда. Эта странная логика суда – форменное издевательство над очевидным. Увы, никаких доказательств в подтверждение своей версии Седов не привел. По мнению многих специалистов, дополнительное расследование – анахронизм (Изв., 9/І – 98 г.);

Пострадавшие от ночного нападения деревни посетил министр внутренних дел страны. Уезжать из родных мест и бросать нажитое имущество нелегко. Первыми в списке катаклизмов стоят ураганы. На третьем месте в этом рейтинге – землетрясения и извержения вулканов (Всеукр. вед., 5/І – 98 г.).

Для того, чтобы донести до читателя основную мысль, часто объемные фразы расчленяются, синтаксис упрощается. Напр.:

Вот ушел один из титанов. Может быть, последний из великих русских композиторов иссякающего века. Георгий Свиридов.

Мы были знакомы почти сорок лет. И были основания нам обоим считать эти отношения дружбой.

Это был долгий, мучительный путь от замысла к окончательному воплощению. Мучительный для художника процесс построения собственной души. Для Свиридова это было стремлением к единству. Стремление неосознанное, движимое инстинктом жизни.

Его мир поражает целостностью. И одновременно открытостью. Однажды музыку сняли как примету «тоталитарного прошлого». Потом одумались, вернули. Потому что эта музыка –

навсегда. Потому что в ней пульс свободной от политической суеты жизни (Изв., 3/1 – 98 г.).

На самом верху виднеется широкое окно в деревянной раме с арочной вставкой. И окно это непростое. Рассказывать о доме нечего. А писать тем более нечего, потому что о таких домах не пишут. В доме шесть этажей над землей и два – под (Всеукр. вед., 5/1 – 98 г.)

Таким образом, в информативно-экспрессивном подстиле наиболее активно проходят процессы стандартизации имеющихся и порождения новых средств экспрессии.

Экспрессивно-публицистический подстиль

Газетный язык как функционально-языковое явление аккумулирует в себе элементы других функциональных стилей, среди них и авторской художественной публицистики, составляющей основу, каркас экспрессивно-публицистического подстиля. Элементы, тексты других подстилей также обладают публицистичностью, но в текстах экспрессивно-публицистического подстиля это качество выражено особо. Возьмем для анализа начало большой статьи известного публициста Даниила Данина «XX век в лицах. Нильс Бор», опубликованной в газете «Известия» 22 января 1998 г. В заголовок статьи вынесена фраза героя – известного ученого: «Достаточно ли безумна эта теория, чтобы оказаться истинной?»

Было это ровно 60 лет назад. Шел август 1938-го. Тревожное лето стояло в Европе. Шесть лет уже господствовал в Германии Гитлер. И нацизм начинал бесчинствовать за его пределами тоже. Но до королевской Дании черед еще не дошел. И она могла позволить себе принять на своей земле Международный конгресс антропологов. Через два года это стало бы уже невозможно.

На одно из пленарных заседаний конгресс собрался в средневековом замке Хельсингор. Это был тот самый знаменитый Эльсинор, где когда-то волей Шекспира разыгрывалось действие трагедии «Гамлет». Заседание было символическим. И тень принца датско-

го с его неумирающим вопросом «Быть или не быть?» незримо со-
путствовала профессору Нильсу Бору, когда он, лидер квантовой
физики, поднимался на трибуну гуманитарного конгресса. Да, не-
умирающий вопрос острее, чем в гамлетовские и шекспировские
времена, касался тогда всего человечества. И Нильс Бор приехал
тогда в Эльсинор не в одиночестве: он взял с собою четырех своих
сыновей. Неспроста.

Полемическая направленность приведенного отрывка очевидна,
но она представлена не обнаженно, а вплетена в весьма сложную
семантико-стилистическую структуру. Начало статьи, эпически
спокойное, представлено простыми предложениями. Это спокойствие
нарушается прилагательным *тревожное* в 3-м предложении. Семантика
тревоги усиливается в последующем предложении лексемами *Гитлер*,
нацизм, *бесчинствовать*.

Экспрессия изложения усиливается сопоставлением тревожного
лета 1936-го года и трагедии, разыгранной в том же замке вымыслом
Шекспира. Автор обращается к определенному культурному опыту
читателя, позволяющему ему понять вечный вопрос, тревоживший
принца Гамлета. Повтор-определение «неумирающий вопрос» помогает
автору привлечь читателя на свою сторону, психологически настраивает
его так, чтобы видеть мир в одном и том же измерении. У публициста
свои задачи – он должен заинтересовать и убедить неизвестного ему
адресата, а для этого необходимо и облегчить восприятие мысли, и
воздействовать на его интеллект и чувства. Этому служат и элементы
разговорного синтаксиса в последних предложениях: частица *да*, союз *и*,
парцелированная однословная конструкция *неспроста*.

Таким образом, при некоторой внешней упрощенности наблюдается
сложная синтаксическая микроструктура речи, рассчитанная на
завоевание адресата, на более прочное утверждение, интеллектуальное
и чувственное, авторской идеи в сознании читателя.

Подчеркнуто логичен зачин, завершается отрывок столь же
подчеркнуто эмоционально. На протяжении отрывка происходит этот
переход из области логики в область эмоциональной экспрессии,
включающей логическое содержание. Это типичная черта

экспрессивно-публицистического подстиля. В заключительной фразе отрывка обе эти линии (эмоционально-экспрессивная и разговорная) как бы собираются в фокусе.

Индивидуальность авторской манеры здесь вполне ощутима, мастерство публициста несомненно. Аналитичность естественно сочетается со средствами эмоциональной окраски, непринужденностью свободной речи.

Экспрессия в тексте создается автором и внешними, визуальными средствами: кавычками, подчеркиванием, шрифтами, иллюстрациями, многоцветной печатью. Напр.: *Все это чревато прямым вымогательством денег у иностранных усыновителей, ибо «близкие родственники» – это обычно люди, не обремененные нормами нравственности, часто асоциальные члены общества* (Элла Максимова «Спасению не подлежат», Изв., 27/І – 98 г.). **Может все дело в святости самой темы? Юридический фундамент усыновления, сама его технология – вещи весьма сложные** (там же). В проанализированном выше тексте Даниила Данина о Нильсе Боре помещен портрет великого физика.

Иногда внешние визуальные средства экспрессии выступают в комплексе даже в пределах одной синтаксической конструкции, напр.: *За время опалы ветерана – олигарха сильно потеснил Роман Абрамович, которого называют то «корешем Вали», то «подкидывшем Березовского!»* (Общая газета, 29/І – 1999 г.); *Передел собственности в стране не был незаконным, он был «внезаконным»* (Изв., 18/Х – 2000 г.).

Авторская мысль часто подтверждается цитацией авторитетных источников. Цитирование включается таким образом, что оно продолжает развивать авторскую мысль. Напр.: *Красота спасет мир, да. Но как спасти самую красоту?* (Комс. правда); *Кому на Руси жить хорошо?* (Н. Некрасов); *Рукописи не горят* (М.Булгаков); *Что мешало Кучме и Ельцину взором долететь до середины Днепра* (Комс. правда, 30/V – 97 г.).

Возьмем статью «*Немая сцена*» (Изв., 29/V – 97 г.). Кроме прямой цитаты из Н.Гоголя в заголовке, в подзаголовке находим: «*Городничий глуп как сивый мерин*»; «*Смотритель училищ протухнул*

насквозь луком»; «Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?»; «И министерия-то подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены»; «Оригиналы страшные»; «Чин обыкновенно какой». Конечно, адресат такого материала должен иметь определенную культурную подготовку, чтобы оценить семантику и выразительные средства подобного текста.

Инициальная позиция заголовка в публицистическом тексте имеет существенное значение для установления контакта с потенциальным адресатом. Оттого, сообщена ли в заголовке минимальная информация, привлек ли заголовок внимание адресата, заинтересовал ли его, в значительной степени зависит, будет ли прочитан последующий текст или хотя бы его фрагменты¹¹⁸.

Иногда авторы в тексте прямо указывают на источник аллюзий в заголовке: *Десять дней, которые утрясли мир. Десять дней, которые утрясли мир... Переиначив легендарный заголовок Джона Рида, так можно называть последнюю декаду мая 1997 г.* (Изв., 3/VI – 97 г.).

Новая экспрессия в текстах экспрессивно-публицистического подстиля создается также при помощи уточняющих повторов. Напр.: *Отодвигать сроки отодвигали, а чтобы передвигать на более ранние – это впервые* (Изв., 30/I – 98 г.); *У диктатора нет средств доставки орудия, нет ядерного оружия, нет мощностей, чтобы производить это оружие* (Изв., 30/I – 98 г.); *Операторы обзаводятся и собственным вагонным парком, и собственными ремонтниками* (Изв., 30/I – 98 г.).

Публицист почти никогда не идет путем простого повторения. Повтор должен обеспечить движение текста вперед, движение его мысли. Возьмем два абзаца из статьи Ирины Петровской «Приговор после ужина» (Изв., 30/I – 98 г.):

«Политика – искусство возможного», – любят повторять деятели, не слишком обремененные принципами. Не так давно из Белоруссии депортировали собственного корреспондента НТВ в Минске. Сколько было шума и возмущения в информационных программах

---

¹¹⁸ Малыса О. О некоторых типах заголовков (на материале российской прессы 90-х годов). – В кн.: Slovo.Tekst. Czas. – IV, Szczecin, 2000. – S.183.

НТВ! Наших бьют! Свобода слова в опасности! «Нет» союзу России с Белоруссией, позор диктатору! Не так давно неистовый Доренко в своей программе демонстрировал фрагменты фильма о белорусском президенте под емким названием «Обыкновенный президент».

Поди теперь разбери, кто был прав, а кто виноват в информационной войне российских СМИ и Александра Лукашенко. Искусство возможного: сегодня возможна война, завтра – братская дружба. Обыкновенный цинизм. Политический взаимовыгодный расчет. А журналиста забыли. Я почему-то думаю, что его именно забыли, попросту не взяли в свой расчет самые могущественные, самые влиятельные в России бизнесмены, теледеятели и журналисты, ибо на горизонте замаячила какая-то новая привлекательная перспектива.

Благодаря неполному повтору экспрессия предыдущего абзаца переходит на последующий, а это дает ему дополнительную энергию, воздействующую силу, которую можно использовать на введение новой порции интеллектуально насыщенной информации. Расхожая цитата «политика – искусство возможного» во втором абзаце раскрывается предельно заостренно, конкретизируясь в антитезе: *сегодня возможна война, завтра – братская дружба, построенной на двух парах антонимов – сегодня – завтра, война – дружба.*

Линия патетического обличения усиливается использованием различных сочетаемостных валентностей прилагательного *обыкновенный*: *обыкновенный фашизм* (название документального фильма Михаила Ромма), *обыкновенный президент* (название фильма о белорусском президенте), *обыкновенный цинизм*. Валентные возможности слова «информационный» в первом абзаце реализуются в терминологическом сочетании *информационные программы*, а во втором – в экспрессивной метафоре *информационная война*. Повторение глагола *забыли* с уточняющей частицей *намеренно* экспрессивно подчеркивает мысль о ничтожности судьбы человека, принесенной в жертву политическими играми власть предержащих.

Экспрессивно-публицистический подстиль невозможно свести к какой-нибудь одной стилистической манере. Стилистическое

многообразии, стремление к индивидуальности слога – его важнейший принцип.

Активную конструктивно-стилистическую роль в экспрессивно-публицистических произведениях играет образ автора. Автор не всегда эксплицирует свое «я». Однако читатель чувствует его интеллектуально-эмоциональное отношение к миру, к проблемам, которые он ставит, к явлениям, о которых он говорит.

Итак, экспрессивно-публицистический подстиль может использовать самые разнообразные стилистические средства и приемы, но отбирает и организует их специфически, в соответствии со своим особым заданием открытого, аналитически обоснованного и эмоционально проникновенного, экспрессивно-усиленного утверждения общественно значимой идеи. Единство аналитического, объективного и эмоционального, субъективного характеризует и композиции целого, и стилистический ритм частей, и переходы между звеньями содержательной структуры, и отдельное высказывание. В качестве средств экспрессии используются полемический и другие виды экспрессивного вопроса, ироническая цитация, экспрессивное преувеличение, повторы и параллелизмы, сопоставительно-противительные корреляции, экспрессивные метафоры, эмоционально-оценочная лексика, конкретизирующе-усилительные «нанизывания», образные фразеологизмы и крылатые слова, эмоционально-экспрессивные синтаксические конструкции, ритмико-интонационная организация.

Репортажный подстиль

Репортаж – жанр документальной прозы. Автор передает свежесть своего непосредственного представления читателю, функционально направляя речь на формирование в сознании адресата целостного комплекса конкретно-чувственных представлений о том или ином отрезке действительности. В репортажах важны конкретно-образные представления о материальных деталях этого кусочка действительности в отличие от экспрессивно-публици-

стических произведений. «Я» репортера-журналиста – не литературная маска, не образ рассказчика, не способ стилизации. Здесь я пишущего, рассказывающего и автора непосредственно совпадают, что придает повествованию особый аромат публицистичности, очевидности описываемого, документальности происходящего и описываемого»¹¹⁹.

Возьмем начало репортажа Б.Виноградова «Коктейль «АК-47» после бури в Малайзии» (Изв., 5/II – 98 г.):

В первый же день своего пребывания в Малайзии я обнаружил, что самый популярный коктейль в местных барах носит кодовое название «АК-47». Делается он из русской водки, сока манго, грейпфрута, минеральной воды «Ланкави» с добавлением лимонной корки и значится в меню под номером один. Стакан «Калашиникова», уверяют бармены, дает заряд энергии и оптимизма на весь день.

При определенном воображении в этом можно бы увидеть знак особых симпатий к русскому оружию, если бы не знать, что малайзийцы в основной своей массе – народ непьющий (вера не позволяет) и отнюдь не воинственный, хотя пару лет назад и приобрели у нас партию истребителей Миг-29 в обмен на пальмовое масло.

Версия об «особых симпатиях» кажется еще более противоречивой, когда замечаешь, что на втором месте в лежащем на стойке бара меню идет коктейль «В-52», то есть американский бомбардировщик, показавший свою убойную силу в годы вьетнамской войны. Его рецептура столь же экзотична, а вкусовые качества не поддаются описанию. Далее следуют напитки с миролюбивой символикой, рассчитанные, видимо, на более безмятежную публику, какими, собственно, и предстают вашему взору малайзийцы.

Там, в Малайзии, лишний раз убеждаешься, что истина все-таки не в вине, тем более не в коктейле. Судить об уровне российско-малайзийских отношений только по торговле оружием по меньшей мере легкомысленно.

В репортаже всегда важен образный зачин – он «вводит» читателя в новую обстановку, делает ее «видимой», осязаемой, определяет первичное отношение к изображаемому и интерес к дальней-

---

¹¹⁹ Солганик Г.Я. Стиль репортажа. М., 1970. – С. 70.

шему. Через авторское восприятие дается эмоционально-образная картина. Это находит отражение в особенностях функционирования языковых форм, в частности, формы настоящего времени.

Настоящее репортажное в газете – это настоящее в прошлом. Автор воспроизводит свои действительные в прошлом представления и впечатления, это сближает авторское и читательское восприятие. Ср., такие глагольные формы в данном отрывке: *замечаешь, убеждаешься*.

Никакому другому газетному подстилю не свойственна такая высокая речевая активность авторского «я», как репортажу. Это и формальная, и функциональная активность этого «я». Эффект присутствия создается и местоимениями своего пребывания, *я, у нас, вашему взору, многие из нас*.

Именно стержневое положение авторского «я», его воспринимающего и перерабатывающего впечатления от действительности, позволяет легко переходить от описания к повествованию, от повествования к рассуждениям на определенную тему.

Но что поделаешь, если благодаря именно этому виду «плодотворного сотрудничества» да ежегодным выставкам вооружений «Лима» на Ланкави многие из нас и знают кое-что из прессы о существовании 20-миллионной страны в Юго-Восточной Азии, точнее на юге Малаккского полуострова и в северной части острова Борнео. Та сделка, получившая название «МиГи вместо масла», как бы и дала ход новой истории.

Былые представления, связанные с литературной классикой, зачастую ограничивались засевшими в памяти картинками из прозы Редьярда Киплинга, Сомерсета Моэма да разве что словами тоскливой песни из эмигрантского репертуара А. Вертинского: «А может быть, с малайцем вы ушли...».

Для репортажа характерно чередование и взаимодействие трех типов речи: описание, повествование и рассуждение. В разных репортажах их сочетание различно. По ведущему типу речи различаются описательные, повествовательные и аналитические репортажи. И здесь вполне закономерно разговорные элементы стиля свободно взаимодействуют с книжными, аналитическими.

Это связано с тенденцией расширения воздействия на письменные жанры разговорной речи, что отмечают многие лингвисты. Как указывают М.Н.Кожина и Л.П.Дускаева, в настоящее время процесс влияния разговорной речи на российскую публицистику «из количественного перешел в качественный», т.е. преобразуется стилевая норма газетной речи в сторону «разговорности, раскованности и свободы»¹²⁰. Здесь можно встретить и узкоспециальный научный термин, выполняющий экспрессивно-стилистическую функцию, подобную функцию выполняют и инкрустации профессионализмов, диалектизмов, иноязычных элементов – они участвуют в создании специфического «колорита» текста. Напр., в репортаже «Известий» о прилете генерала Лебеда в Сибирь употребляются такие профессионализмы, как *избирательные технологии, настроения аудитории, местная элита*, иноязычные элементы: *имиджмейкер, электротат, спикер, эксперимент, компрометация*; просторечные выражения: *поход на Красноярск, отхватить крупный кусок от партии власти, окунуть в пучину, сибирская глубинка*.

В репортажном подстиле устанавливается строгая мера в употреблении таких стилистических элементов.

В репортажах возможна свободная очерковая манера письма. Художественный очерк – крупнейший газетный жанр. Очерковый стиль – это синтез репортажного и экспрессивно-публицистического подстилей. Очерк может быть по преимуществу репортажным. Классическим примером этого жанра могут служить очерки В.Пескова в «Комсомольской правде». Вот, например, его очерк «Испуг» (Комс. правда, 27/II – 98 г.), созданный в форме заметок-наблюдений над жизнью леса и воспоминаний детства, сопровождаемых размышлениями. Вот его начало:

Однажды в лесу я нечаянно подошел почти вплотную к оленю. Мое появление из-за елки в трех шагах от него было столь неожиданным, что зверь от испуга не смог побежать. Он мелко дрожал и быстро-быстро перебирал ногами на одном месте. То же самое

---

¹²⁰ Кожина М.Н., Дускаева Л.П. Лингвистические изменения в русской газете последнего десятилетия: – В кн.: Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2000. – С. 24.

может случиться и с человеком. Состояние «от испуга окаменел» известно многим.

Я помню, как от испуга лечили в деревне детей. Соседская девочка ночью вскрикивала. Позвали старуху-знахарку. Пятилетнюю Катю усадила она на порог, на голову ей поставила чашку с водой и, что-то нашептывая, вылила в воду расплавленный воск. Помню, как разглядывали застывшую восковую фигурку и как говорила знахарка: «Кочета испугалась. Вот глядите – вылитый кочет».

Этот милый языческий ритуал Катю, как помню, вылечил – успокоил. Но, бывает, от испуга дети начинают заикаться, и некоторые крест такого недуга несут всю жизнь. Бывает, сильный испуг или какое-то потрясение мгновенно делают человека седым.

И для животных испуг может иметь драматические или даже трагические последствия. Я уже как-то рассказывал о случае с волком. В степной деревне (Луганская обл.) мальчишки играли у кромки оврага. Один из них прыгнул с обрыва в бурьян и – бывают же случаи! – оседлал лежавшего в зарослях зверя. Испугались, конечно оба – и волк, и мальчишка. Мальчишка вцепился в волчий загривок, а зверь рванулся бежать, но, разбрызгивая помет, рухнул замертво. У всех есть сердце. А волки по натуре своей еще и трусливы....

Не претендующая на оригинальность фраза однажды в лесу (ср., некрасовское однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел) экспрессивна по существу: она вводит читателя в нужную атмосферу.

Достаточно динамичное начало рассказа достигается тройным повторением глагола *помню* (я помню, помню, как.., как помню), частотностью коротких фраз, введением прямой речи.

Авторские размышления о природе испуга содержат книжную лексику *языческий ритуал, крест недуга, потрясение, драматические, трагические последствия*. Повествовательный тип речи, представленный в рассказе о случае в степной деревне, содержит и авторские ремарки: *бывают же случаи!*, *конечно*, и разорванный синтаксис коротких инверсионных фраз, и повторы вводного глагола *бывает*.

В очерке органично и содержательно каждое слово, каждая форма, тонко и сложно функционирует в нем язык, умело сочетаются

образность и аналитичность, занимательность и серьезность, авторская субъективность и документальность фактов.

Одним из типов стилистического очеркового жанра является портретный очерк. Активность образного представления, живописания характера в публицистике не заслоняет фактической достоверности изображаемого – и в этом специфическая сила публициста. Возьмем очерк известинца Геннадия Бочарова о выдающемся писателе XX века, лауреате Нобелевской премии Габриэле Гарсиа Маркесе (Изв., 5/III – 98 г.) «С Маркесом – на 16-й этаж». Очерк сопровождает фотография Г. Маркеса, сделанная дома у автора очерка. С истории этого фото из семейного альбома и начинает публицист свой рассказ о писателе, давая краткую биографическую справку о нем, и историю публикации шедевров Маркеса, и информацию об участии писателя в глобальных общественных событиях. Все это сопровождается личными впечатлениями от встреч с Г. Маркесом: говорится о притягательной силе обаяния личности писателя, способе его общения с людьми и т.п. Достоверность изображаемого подчеркивается фактологией отдельных деталей, описанием реалий московской жизни 80-х годов, в которых оказалась семья Маркесов, введением отдельных реплик писателя в текст очерка, напр.:

Габриэль посмотрел на перебинтованную голову моего сына – у того было воспаление среднего уха – и спросил: «Это не ты был случайно во Вьетнаме вместо нас?».

Таким образом, для репортажного подстиля характерен принцип сочетания конкретной образности с фактологической достоверностью, активности авторского субъективного начала с объективностью отражения (документальностью) жизни общества, образности с активностью авторской аналитической мысли, открыто выражаемой. В репортажном подстиле находит системное отражение принцип сочетания детализованного и редуцированного типов речевого представления, специфический строй каждого из которых связан с отбором слов и форм, с их функционированием, с синтаксической организацией и интонационным оформлением.

Очерковый стилистический жанр представляет синтез элементов экспрессивно-публицистического и репортажного подстилей

на более высоком качественном уровне. Очерку свойственны особая концентрация и многообразие функционально единых стилистических средств, тонкость и сложность стилистического рисунка. Здесь в большей степени проявляется индивидуальность авторской манеры, выше требования к органичности стилистического единства целого при стилистическом разнообразии частей.

Образ автора-журналиста не идентичен образу автора-писателя. И в этом – одна из главных отличительных черт газетной речи: ярко проявляющаяся активность автора в выражении своей позиции, что может быть достигнуто как эксплицитными, так и имплицитными средствами¹²¹.

В организации композиционно-речевого единства газетного текста важная роль принадлежит заголовку, от которого зависит эффективность газетного текста. Все функции заголовка, свойственные ему как определенному явлению газетной речи – рекламная, назывная, информативная, аппеллятивная, эмотивная – отражают связь заголовка с текстом. Это связь непосредственная, открытая: заголовок называет текст (назывная функция), сообщает о чем-то (информативная функция), он является первой фразой, устанавливающей контакт между автором и адресатом (аппеллятивная функция), в нем отражается отношение автора к сообщению (эмотивная функция), он призван привлечь внимание к тексту (рекламная функция).

Эти функции не обособлены друг от друга, а преобладание одной из них зависит от жанровой и стилистической принадлежности текста¹²². Заголовки, в которых представлена тема текста, передают глобальное представление о последующем тексте, что позволяет реципиенту определить его общее содержание. Чаще всего такие заголовки представляют собой номинализированные структуры с основным компонентом отглагольным существительным: *Укрепление по вертикали* (Изв., 21/Х – 2000 г.); *Сопротивление Ельцина*

---

¹²¹ Кайда Л. Г. Эффективность публицистического текста. – М., 1989. – С. 26.

¹²² Малыса О. О некоторых типах заголовков (на материале российской прессы 90-х годов). – В кн.: Slovo. Tekst. Czas. – IV, Szczecin, 2000. – С. 183.

(Стол.нов., 17/X – 2000 г.); *Битва титанов* (Изв., 20/X – 2000 г.); // *Останній сховок* (Столиця, 13/X – 2000 г.). Нейтральные заголовки не конденсируют содержание текста, только ознакомление с целым текстом позволяет установить связь между содержанием его и заголовком, напр.: *Нервная угроза* (Изв., 21/X – 2000 г.) (о необходимости срочного уничтожения химического оружия); *Компенсация за темноту* (там же) (о возможности исков в суд за отключение электроэнергии).

Экспрессивные заголовки, частотные в молодежной прессе, начинают функционировать и в изданиях делового плана, для которых казалось бы должны быть чужды такого рода инновации. Разговорные элементы проникают в синтаксические структуры заголовков, напр.: *Руками не трогать*; *Курского – в дугу*; *Убить двух зайцев* (Изв., 24/X – 2000 г.) // *Переможець – «Слава Україні!»*; *«Инкубатор» для енергетиків-менеджерів* (Стол. нов., 24/X – 2000 г.).

Ключевые слова, слова-символы определенного исторического периода, культуремы его также часто встречаются в газетных заголовках.

Подзаголовок в газете конкретизирует смысл заголовка, разворачивая его содержание к тексту самой информации: *«Схема управления, или о том, как в России возрождается политическая цензура»* (Изв., 15/IV – 97 г.); *Вождь будет принимать ванны в стратосфере, или авиавариант «реконструкции» дворца* (ВВ, 6/III – 98 г.) // *Сатана там править бал, або хто врятує Гідропарк?* (Молодь України, 26/IV – 97 г.); *Горопахи нашего часу, або Ні ставка, ні млинка. Ні вишневого «Опелька»* (Україна молода, 6/IV – 97 г.).

Оригинальному выражению авторской оценки служат заголовки-перефразирования известных изречений, в которых отражено остроумное переосмысление ситуации: *«Во глубине сибирских руд* стартовали выборы президента – 2000» (Изв., 6/III – 98 г.); *Больше шпионов, хороших и разных* (Изв., 17/IV – 97 г.); *Бабые царство*. Его подданные – неоднократно судимые женщины (День, 16/IV–97 г.); *Лето красное пропели* (Изв., 6/V – 97 г.); *На всю оставшуюся жизнь* (Изв., 6/V – 97 г.) // *По сей бік гора, по той бік гора...* (Дем. Україна, 4/III – 98 г.).

Русская пресса Украины не может не аккумулировать элементы украинской культуры, украинской прессы и по лингвистическим параметрам. В заголовках русских газет Украины частотны аллюзии, связанные с украинским фольклором, литературой, бытом, антропонимикой, напр.: Ходит *Гарбуз* по «Грифону» (День, 16/IV – 97 г.) (Гарбуз – фамилия художника, выставившего свои работы в киевской галерее «Грифон», сравн., украинский фольклор «Ходить Гарбуз по городу, питается своего роду»). Подобная цитация явно рассчитана на читателя, знакомого с украинским песенным фольклором. Иногда в заголовках встречаются прямые украинские вкрапления: Бомбы в Чернигове? «Чого нема, того нема...» (ВВ, 13/III – 98 г.).

Украинские вкрапления проникают и в газетные тексты российских изданий, посвященные украинской тематике: Правда, первая книжка – «Мамины молитвы» была *на мове*. Я не поддерживаю разговоры, что Украине не хватает книг на родном языке и потому все должны сочинять *на мове*. Любой наш театр с руками оторвет хорошую пьесу *на мове*, а ее нет (Изв., 11/X – 2000 г., интервью с А.Роговцевой); Украинские писатели требовали запретить Верку как оскорбляющую украинскую *мову*. Я и сам так разговаривал, пока нормально не выучил и *мову*, и русский. Нынче мы с Сердючкой оказались популяризаторами *мовы* (Изв., 27/X – 2000 г., интервью с А. Данилко).

«Скрытые цитаты», т.е. словосочетания и выражения – «вкрапления в текст», принадлежащие другим авторам, но употребленные без ссылки на источник или без специальных оговорок. Обычность или привычность многих подобных скрытых цитат делают для читателя ненужной ссылкой на источник, и там, где она все-таки появляется, это производит впечатление излишнего педантизма¹²³. Напр.: *И то же в вас разочарованье* (Изв., 16/V – 97 г.); *Мы говорим депутат, подразумеваем – брокер* (Изв., 30/V – 97 г.); *Как договорились Павел Иванович с Виктором Степановичем* (Комс. пр., 30/V – 97 г.); *Что мешало Кучме и Ельцину взором долететь до середины Днепра* (Комс. пр., 30/V – 97 г.); *Спасение кино – дело рук самого*

¹²³ Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л., 1970. – С. 107.

кино (Изв., 29/V – 97 г.) // *Красо України, Поділля! Винесені у заголовок рядки Лесі Українки кожному з нас добре знані ще з школи* (Дем. Україна, 4/III – 98 г.).

Связь заголовка с основной идеей часто бывает опосредованная, она проходит сложный путь различных ассоциаций и проявляется лишь на фоне контекста. Заголовок – не только первый элемент сообщения, но и первый элемент восприятия.

Газетно-языковой комментарий базируется на оценке самого слова в сопоставлении с его значением, с его этимологией. Напр.: Почему хочет уйти главный *мытарь* России? Проблемы российских мытарей (как известно, исконное значение этого еще библейского слова – сборщик налогов) (Изв., 10/IV – 97 г.) (о председателе Госналогслужбы). Автор обыгрывает в этом слове значения корней *мыто* (пошлина) и *мытарствовать*. В этом видится поиск автором экспрессии, антистандарта.

Экспрессия в газете создается игрой слов, каламбуром, логическим и лингвистическим парадоксом. Напр.: Фестиваль казацких боевых искусств «Спас». Жаркие поединки состоятся 1–3 августа во время христианского праздника Спаса. Вот не пришлось бы кое-кого *спасать* после болевого приема легендарного Тараса Бульбы (Изв., 17/IV – 97 г.); *Комментаторы откомментировали, репортеры отрапортовали* (Изв., 14/III – 98 г.); О *фальшивой монете и фальшивом усердии* (Изв., 16/V – 97 г.); // «Світовид» дарує світло! *Відрада на Відрадному* (Столиця, 14/III – 98 г.).

Для усиления экспрессии в текстах газетно-публицистического стиля умело используются выразительные возможности словообразовательных средств, напр., узуально функционируют словообразовательные неологизмы: Пока они выясняют, кто «монстрее» (от «монстр»), газеты лежат и стареют. Два монстра – Минсвязи и МПС – устраивают ритуальное перетягивание канатов: кто «монстрее» (Изв., 23/V – 97 г.); Жизнь *МЭРская*: кислота, шантаж, обстрелы (от *мэр* – Н.О.) (Комс.пр., 30/V – 97 г.); Президент был «*подписантом*» всех трех документов (Изв., 3/VI – 97 г.) // «Зброєманія» розростається до небезпечних розмірів (Столиця, 14/III – 98 г.).

Е.А.Земская отмечает «раскрепощенность языка газет»¹²⁴, имея в виду прежде всего широкое распространение неузального словообразования, которое раньше было характерно преимущественно для художественного стиля. Типичны для языка современных газет свобода в построении слова, в обращении со словом, масса индивидуальных словоупотреблений и окказиональных образований. В русской газетной речи, отражающей современный разговорный узус, отмечается частотность суффикса *-к-* в образовании существительных женского рода с предметным значением от прилагательных: *минималка* (минимальная зарплата), *мобилка* (мобильный телефон), *нефтянка* (нефтяная промышленность), *оборонка* (оборонная промышленность), *незавершенка* (незавершенное строительство).

Экспрессивные потенции словообразовательных средств используются при обыгрывании в одном тексте одних и тех же начальных элементов окказионализмов – сложносокращенных слов: *Спецкорни* российской коррупции (заголовок), *Спецкормушка* увеличивает доход чиновников. *Спецкормушка* обеспечивает ему *спецсреду* обитания. Реформаторы, посаженные на «*спецкормушечную*» иглу (Изв., 13/V – 97 г.) // *Міні-пекарня – макроприбуток* (Україна молода, 4/VII – 97 г.); Чи будуть *рахуватися* з *рахунковою* палатою (Молодь України, 26/VI – 97 г.).

Экспрессивностью обладают и синтаксические средства, перешедшие из разговорной речи в публицистический стиль. В заголовках встречаются и парцеллированные конструкции, и вопросительные предложения, и эллипсис, напр.: *Тронулись*. Президент дал старт реформе естественных монополий; *Губернаторов не выбирают? Свободу Интернету!* От Америки (Изв., 25/X – 2000 г.).

Экспрессивно-семантическим целям служат и визуальные средства, используемые в газетных текстах: выделение графическими средствами отдельных лексем, частей слов. Семантическую нагрузку также несут и знаки препинания: кавычки, многоточие и т.п. Напр.: Чубайс ищет поддержки МАСС (Межрегиональная

---

¹²⁴ Земская Е.А.. Активные процессы современного словопроизводства. – В кн.: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996. – С.90–141..

ассоциация «Сибирское соглашение» – Н.О.). (Изв., 14/V – 97 г.) (обыгрывание аббревиатуры, омонимичной полнозначному слову); *Настроение конгресса США неМИРолобивое, а даже активно антиМИРное* (Изв., 2/VI – 97 г.) (от названия российской космической станции «МИР», на которой произошла авария – Н.О.); *Россия объявляет очередной ГАЗават странам-должникам* (заголовок статьи в «Известиях», 24/VII – 97 г. о прекращении подачи газа Белоруссии и Украине); *ВОЗражения против табака* (заголовок в «Известиях» 17/X – 2000 г. о запрете ВОЗ (Всемирной организацией здравоохранения) на рекламу сигарет // *Шість років у здоровому УМі* (название газеты «Україна молода»); *Мода НАТОвпу* (Україна молода, 4/VII – 97 г.).

В газетных текстах последних лет актуализировалась роль кавычек, они используются и при употреблении окказионализмов, и слов в переносном значении, в необычной синтаксической функции, напр.: *Просто планка между «можно» и «нельзя» все время сдвигалась в сторону «можно»* (Московские новости, 21/VII – 97 г.); *Рокеры теперь борются не «против», а «за»* (Изв., 13/V – 97 г.); *Продано более 250 «стволов»* (Изв., 16/V – 97 г.) (ствол – как номинация любого вида стрелкового орудия – Н.О.); *Спасатели ждут лишь последней «отмашки», которая должна поступить из МИД* (Изв., 8/VII – 97 г.) // *Нардепи проти прокурора: «мокруха» на «мокруху»* (Україна молода, 4/VII–97 г.); *Неповнолітні «ведмежатники»* (Молодь України, 26/VI – 97 г.); *До експозиції увійдуть «двійники» відомих журналістів, телеведучих, спортсменів* (Стол., 24/X – 2000 г.).

Многоточие в заглавии выступает не просто как средство выделения семантики присоединяемого отрезка текста (антонимичного, алогичного предшествующему): *4,2 млн. \$, выделенных на прокорм солдат, оказались... в оффшорной зоне Гибралтара* (Изв., 14/V – 97 г.) // *Хто тут Косаківський? Злазь...* (Україна молода, 2/VII – 97 г.); *У національних хіт-парадах України звучать мелодії... зарубіжної естради* (Культура і життя, 4/VI – 97 г.).

В газетных текстах находят отражение и межславянские языковые контакты: в русских газетах возможны вкрапления из дру-

гих славянских языков, напр.: В *пекло* поперед *батька* (заголовок в «Известиях», 24/III – 98); *Бацька баньку* не обидел (заголовок в газете «Славянский курьер», 12/V – 97 г. – о встрече Л.Кучмы и А.Лукашенко); Горим, *громадяне...* (заголовок в «Известиях» о пожарах в Украине, 17/VII – 97 г.).

Массовые периодические издания отличаются по стилю от специализированных: «Медицинская газета», «Учительская газета», «Освіта», «Спортивна газета», «Все про бухгалтерський облік», «Консультант». Свою нишу в газетном пространстве заняли «деловые» газеты: «Бизнес», «Бизнес-новости», «Посредник», «Рынок», «Капитал» и т.п., стиль которых сочетает в себе деловую информацию, рекламу, очерки о деловых людях и фирмах, несущих в себе скрытую рекламу.

Из специализированных газетных изданий в газетную речь, рассчитанную на массового читателя, проникают соответствующие термины и терминологические сочетания, профессиональный сленг, напр.: *Политические «разборки» вокруг Кремля*; *Охота «пустить в рост» казенные деньги была пуще неволи* (Изв., 14/V – 97); *Местные гиганты оборонки «завалились»* (Изв., 11/VII – 97 г.); *Когда федеральному центру 500 «арбузов» (млрд. руб. – Н.О.) отдашь?* (Изв., 15/VII – 97 г.); *«Живыми» деньгами всего перечислено 607 млн. рублей* (Изв., 16/VII – 97 г.).

Профессиональные выражения, превращаясь в образы и метафоры, выходят далеко за пределы своего прямого практического приложения¹²⁵.

Многолетнее пребывание в едином информационном и культурном пространстве не могло не отразиться на газетно-публицистических стилях русского и украинского языков: это и поэтические аллюзии из русской и советской литературы, и цитаты из популярных советских песен и кинофильмов, и исторические параллели, отражающие общий исторический опыт русского и украинского народов: *Ищет полиция, ищет милиция* (Изв., 2/VIII – 97 г.) (ср. из С. Михалкова «Дядя Степа»); *Со слезами на глазах...*

---

¹²⁵ Виноградов В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – С. 46.

(Изв., 2/VII – 97 г.) (из песни Д.Тухманова «День победы»); *Наша мафия всех сильнее!* (Изв., 8/VII – 97 г.) (ср. популярная песня 30-х годов: От тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее!) // *«Краще менше, та вчасно»*, – так можна перефразувати класичну пораду Володимира Леніна (Україна молода, 6/VI – 98 г.); *А у нас є газ. А у вас?* (Україна молода, 3/VII – 97г.) (ср. у С. Михалкова «А у нас в квартире газ. А у вас?); *Кожному, кожному шлях далекий стелиться, котиться, котиться із вапном вагон* (Україна молода, 5/VI – 97) (ср. популярная песня 70-х годов «Каждому, каждому путь далекий стелется, катится, катится голубой вагон»).

Для подготовленного восприятия адресатом газетной информации доступны образы и цитации из произведений мировой литературы, искусства, истории, философии, новые афоризмы, античные, западные и восточные пословицы и поговорки, образные метафоры на базе адаптированных научных терминов, напр.: *Блеск и нищета* «Менатеп» (банка – Н.О.) (Изв., 2/VII – 97); *Турецкий демарш* (Изв., 25/X – 2000 г.) (о переговорах между Турцией и Россией о газопроводе); К сожалению, в последнее время мы чаще *посылаем голову пеплом* (Изв., 4/VII – 97 г.); Пребывают на нарах отцы-основатели «Русского дома селенга» (Изв., 4/VII – 97 г.) // *Богу – богове, кесарю – кесарева*, Україні – українське (Україна молода, 6/VI – 97 г.); *Храм духовності, храм здоров'я* (Універсальна газета, 25/III – 98 г.).

Таким образом, в газетно-публицистических стилях русского и украинского языков активно осуществляется взаимопроникновение речевых стилей, сближение книжной и разговорной речи. Современная газета, интенсивно осваивая экспрессивные средства разговорной речи, сама является мощной движущей силой проникновения культуры книжно-письменной речи в сферу межличностного общения, где формируется общественно-обиходная речь. Интегрируясь в европейское информационное пространство, русские и украинские газеты сохраняют национальное своеобразие не только лингвистически, но и семантически, используя невербальные средства представления смысла. Сопоставление

газетно-публицистических стилей русского и украинского языков позволяет определить особенности психологии, этнопсихологии реципиентов газетной информации – носителей русского и украинского языков, историю их культуры, ибо разные культуры предпочитают разные стили социального взаимодействия. Межкультурные сопоставления позволяют избавиться от этноцентрической предвзятости в семантическом и формальном анализе функциональных стилей.

ОБИХОДНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТИЛЬ В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Обиходно-литературный стиль

В системе функциональных стилей развитых языков одно из центральных мест занимает обиходно-литературный стиль, бытующий в широком повседневном неспециальном общении. Это своеобразная «нейтральная» разновидность литературного языка, на фоне которой проявляются особенности других функциональных стилей. Обиходно-литературный стиль обслуживает различные типы ситуаций общения, это повседневный разговорный язык основной массы населения, в особенности городской его части.

Обиходно-литературный стиль в работах разных лингвистов именуется по-разному: нейтрально-разговорный стиль, нейтральный стиль, разговорная речь, устная повседневная речь, обиходно-бытовая речь. В украинском языке – усне літературне мовлення, побутове мовлення, розмовне мовлення и т.п.

Терминологический разнобой в номинации определенного языкового феномена связан с тем, что лингвисты, исследовавшие его, неоднозначно определяют его место в языке.

Дискуссионность вопроса о месте обиходно-литературного стиля в системе функциональных стилей литературного языка обусловлена тем, что некоторые языковеды (Е.А. Земская, Ю.М. Скребнев) считают его самостоятельным феноменом по отношению к литературному языку, обладающим свойствами особой системы. «Считая, что языковая система характеризуется специфическим

набором языковых единиц и специфическими законами их функционирования, мы признаем разговорную речь особой, отличной от кодифицированного литературного языка системой»¹²⁶.

Другие исследователи полагают, что разговорная речь входит в систему функциональных стилей развитых литературных языков. Чешским лингвистом Вл. Барнетом была высказана мысль, что разговорная речь является функциональным стилем литературного языка, поскольку ее специфика состоит лишь в линейной организации, т.е. в синтагматике¹²⁷. Как особый стиль разговорная речь анализируется в работах Г.Г. Инфантовой¹²⁸, О.Б. Сиротининой и всей саратовской школы. Ср., напр., высказывание О.Б.Сиротининой: «Разговорный (обиходно-бытовой) стиль как стиль непосредственного непринужденного неофициального общения противопоставляется другим функциональным стилям рядом структурных особенностей, не зависящих от форм, видов и типов речи»¹²⁹.

Как разновидность литературного языка разговорная речь рассматривается О.А.Лаптевой¹³⁰.

В последних работах, посвященных устной городской речи, лежащей в основе обиходно-разговорного стиля, Е.А. Земская отходит от своего жесткого определения разговорной речи как особой системы и называет ее разновидностью литературного языка¹³¹.

Т.Г. Винокур, также считая разговорную речь разновидностью литературного языка, резко отрицательно относится к утверждению, что разговорная речь – это функциональный стиль. В самой разговорной речи она выделяет разговорный стиль, «составляющие

---

¹²⁶ Русская разговорная речь – Под ред. Е.А. Земской. – М., 1973. – С. 18.

¹²⁷ Vl. Barnet. Jaký je lingvistický status hovorové rustiny? –Československa rusistika. – 1970. – № 2.

¹²⁸ Инфантова Г.Г. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи – Ростов н/Дону. – 1973.

¹²⁹ Сиротинина О.Б. Разговорная речь (определение понятия, основные проблемы). – Вопросы социальной лингвистики. – Л., – 1969. – С. 377.

¹³⁰ Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи. – М., – 1976.

¹³¹ Разновидности городской устной речи. – Отв. ред. Е.А. Земская. – М., – 1988. – С. 3.

его элементы проявляют себя не только вне, но и внутри разговорной речи»¹³².

Стилистическая неоднородность разговорной речи обуславливает выделение в ее составе литературной, обиходной (термин С.И. Ожегова). С.И. Ожегов в проспекте коллективного труда «Русский язык и советское общество» обосновал понятие обиходно-разговорной речи как одной из влиятельнейших форм современного национального языка, описал ее состав и структуру¹³³ и просторечно-жаргонной сфер. В условиях современного русского разговорного общения первые две сферы тесно взаимодействуют. Обиходная речь, понимаемая как тематически ограниченная (т.е. более непосредственно и тесно связанная с бытовой тематикой) и ситуативно-заниженная (т.е. чаще соединяющаяся с Ты-отношением и сугубо прозаическими условиями речи), находясь в эпицентре устного неофициального общения города и численно (по количеству носителей) в нем преобладающая, содержит такие элементы, которые способны играть роль сигналов разговорной сниженности по отношению к книжной речи¹³⁴. Т.Г. Винокур называет обиходную речь обиходным пластом разговорной речи, являющимся «представителем» разговорного стиля.

Другие исследователи изучаемый феномен именуют повседневной (бытовой, практической) речью, идя «от носителя», понимая под повседневной речью речь литературно образованных горожан. «Повседневная речь во всем ее многообразии – особый объект лингвистического исследования и описания», содержащий тексты переписки, устного бытового и профессионального общения»¹³⁵.

Носителями книжной и разговорной разновидностей литературного языка являются одни и те же лица, хотя между ними

---

¹³² Винокур Т.Г. Устная речи и стилевые свойства высказывания /К постановке вопроса/. – В кн.: Разновидности городской устной речи. – М., – 1988. – С. 62.

¹³³ Скворцов Л.И. Сергей Иванович Ожегов – человек и словарь. – ВЯ. – 2000. – № 5. – С. 85.

¹³⁴ Винокур Т.Г. Устная речь... – С. 59.

¹³⁵ Шмелева Т.В. Повседневная речь как лингвистический объект. – В кн.: Русистика сегодня. – М., – 1993. – с. 10.

могут наблюдаться различия в степени владения той и другой разновидностями»¹³⁶.

По нашему мнению, сплав двух вариантов разговорной речи – литературного и обиходного – и создает обиходно-литературный стиль, стоящий в ряду других функциональных стилей литературного языка.

Обиходно-литературный стиль – это живой язык образованных его носителей, в большинстве своем жителей города, в отличие от деревенских диалектоносителей. Правда, характер поселения, где живут носители, не является жестким условием функционирования обиходно-литературного стиля в обиходно-бытовой сфере общения: и городская речь может быть территориально окрашенной, а речь сельской интеллигенции служить образцом обиходно-литературного стиля.

К важнейшим внеязыковым условиям функционирования обиходно-литературного стиля относятся характер и вид коммуникации, ситуация как составной элемент коммуникации. Коммуникация может быть личной и публичной, неофициальная коммуникация – только личной. Любой вид неофициальной коммуникации осуществляется как непосредственное общение, обслуживаемое обиходно-литературным стилем.

Неофициальный характер личного общения между коммуникантами – одно из условий функционирования обиходно-литературного стиля. Непринужденное личное общение играет большую роль в языковой жизни личности: человек больше всего говорит дома, в разных бытовых ситуациях.

Неофициальность межличностного общения не ограничивается семейным обиходом или деловыми контактами с коллегами. В общественном обиходе также возможна обиходная речь (ср. так называемые городские стереотипы: – *Выбейте мне два кило // Мені український та батон*).

---

¹³⁶ Крысин Л.П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка. – В кн.: Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003. – С. 44.

Неофициальные отношения между участниками коммуникативного акта влияют на строение и структуру языковых средств, используемых в той или иной ситуации. «Несомненно, что разные типы отношений вызывают варьирование таких соотносительных явлений, как обращение на ты/обращение на Вы, применение форм субъективной оценки, номинация адресата речи и т.п.»¹³⁷. Данное утверждение характеризует межличностные отношения в русском речевом коллективе, в украинской языковой среде параметр ты-/Вы-отношения не является выражением официальных/неофициальных отношений между говорящими, ибо в украинской культурной традиции на Вы возможны обращения к близким старшим людям – отцу, матери, деду, бабушке, дяде, тете, с которыми младшие родственники, конечно же, состоят в неофициальных отношениях. Напр.: – Дідусю, *візьміть* мене в ліс, нарубаємо дров; . – А у матері ти спитав? – Мама *дозволили*. В ты-обращениях и Вы-обращениях ярко отражаются национально-культурные особенности речевого поведения.

Номинация адресата речи в славянских языках служит выражением степени официальности/неофициальности отношений между коммуникантами. Это утверждение относится как к апелляциям, так и к собственным именам. Ср. частотные в речевом обиходе близких людей обращения: *друг, дружок, матушка, подруга, старик, старина, дорогой мой, браток, милок, золотко, солнышко // любий, серденько, шановний, друг, подруга* и т.п.

Стиль преобладающих в данном обществе межличностных отношений находит свое выражение в употреблении собственных имен¹³⁸ и их производных в речевом обиходе. Ср., нейтральные немаркированные *Володя, Коля, Эдик // Володя, Микола, Едік* и появившиеся сравнительно недавно сначала в молодежном слэнге, а затем и в обиходно-литературном стиле *Влад, Ник, Эд*, которые подчеркивают неформальность обращения, знакомство с обладателем имени, неофициальные отношения между говорящими, а также с теми, о ком говорят.

¹³⁷ Русская разговорная речь. – М., – 1973. – С. 12.

¹³⁸ *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М., – 1996. – С. 47.

При наличии официальных отношений может быть установка со стороны одного собеседника на неофициальное общение. Это свидетельствует о нарушении этикета со стороны одного из коммуникантов, что может привести к отпору со стороны партнера. Ср., диалог в магазине: – Лялько, покажи мені оті штанці для мого хлопця. – Я вам не лялька, а товариш продавець. Фамильярность со стороны одного партнера, не поддерживаемая другим, может быть лишь подтверждением неправомерности (антиэтикетности) использования средств принужденного общения при отсутствии близких отношений¹³⁹.

Непринужденность общения, свойственная личным неофициальным отношениям, связана с широким использованием имен с деминутивными суффиксами в русской и украинской бытовой речи. Сфера их употребления необычайно широка, они в значительной мере определяют общую эмоциональную окраску и тональность речи¹⁴⁰. Ср., напр.: – Ну, что *новенького*? – Запишите *адресок*... Можно ваш *телефончик*; Еще не просохло. Вытирайте ножки; Я принес тебе *подарочек* // *Жіночко*, беріть по п'ятдесят; *Сметанка свіженька*, сепараторна; Розкажіть щось *веселеньке*.

Носителями литературного языка в зависимости от условий речевого общения осуществляется выбор языковых средств, характерных для того или иного типа речи. Успешность такого переключения (смена регистра) зависит от индивидуальных особенностей, навыков, умения говорящего. Однако принципиально важной является установка на официальность/неофициальность общения.

Обиходно-литературным стилем обслуживаются неформальные роли – в семье и неформальных группах, особых языковых общностях, в которых личностный тип общения представлен прежде всего своей неофициальной стороной.

Как правило, человек является одновременно членом нескольких малых групп: например, он член семьи, сотрудник какого-либо учреждения, входит в компанию близких друзей, спортивную команду, объединение по творческим интересам и т.п. Языковые

---

¹³⁹ Разновидности городской устной речи – М., 1988. – С. 11.

¹⁴⁰ *Вежбицкая А.* Язык.... – С. 55.

нормы и ценности этих групп могут не совпадать, и говорящий переклюкает свою манеру речи под влиянием социальных факторов; в официальных условиях общения преобладает манера речи, «изобличающая» говорящего как члена формальных социальных групп, в условиях непринужденного общения активизируется манера речи, свойственная говорящему как члену неформальных объединений¹⁴¹. Сюда относятся групповые шаблоны речи, семейные прозвища, групповые дразнилки, присловья и т.п., бытующие в устном речевом общении членов малых неформальных групп, в структуре которых отсутствует иерархия официальных отношений.

Таким образом, необходимым условием функционирования обиходно-литературного стиля является непринужденность общения между коммуникантами, создаваемая неофициальными отношениями между ними.

Другим важным экстралингвистическим параметром обиходно-литературного стиля выступает неподготовленность, спонтанность речи.

Неподготовленная речь не готовится заранее, но порождается одновременно с ее произнесением. Неподготовленная устная речь – это особый вид речи, это обязательная импровизация, создаваемая на ходу в процессе акта коммуникации¹⁴².

Признак «неподготовленность» не имеет абсолютного характера. Он может изменяться по шкале от полной неподготовленности (речь на неизвестную заранее тему, осуществляемая как импровизация) до некоторой степени подготовленности речи (речь, обдуманная, запланирована в самом общем виде, например, тема или тема и ее развитие). Например: Когда он придет с работы, я ему скажу то-то и то-то и т.п. В разговорах со знакомыми и незнакомыми широко используются готовые клише разного рода, вставленные в речь-импровизацию. Например, ситуация в транспорте: – *Вы выходите? // На наступний виходите?*; ситуация на рынке: – *Почем помидоры? // І скільки за цього півня ви хочете?*

---

¹⁴¹ Разновидности городской устной речи. – М., – 1988. – С. 157.

¹⁴² Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (Постановка вопроса). – В кн.: Язык и личность. – М., – 1999. – С. 85.

Повторяемость ситуации, бытовой или обиходно-деловой, способствует использованию готовых речевых формул в обиходно-литературном стиле, в какой-то степени ослабляя импровизационный характер речи, учитывая ее стандартность, клишированность.

Ступенчатая дифференциация признака «неподготовленности» как существенной черты естественной устной речи зависит от стимула и речевой реакции на него. Стимулами выступают вопросительные конструкции, побудительные предложения с главным членом – глаголом речи и т.п.: – Путевка *что* горящая? С *какого* числа?; – Быстро *отвечай*, кому сказано! // – Знаешь, я звикла танцювати від пічки, так *що* купити? – *Обіцяй* мені, що прийдеш; – *Говорите*, кто вы такой? // *Розкажи*, як пройшов іспит.

Номенклатура речевых действий, зафиксированная в глаголах речи – стимулах речевого поведения, весьма обширна: в русском языке их насчитывается около полутора тысяч¹⁴³.

Наблюдения за любой непринужденной речью показывают, что сигналы речи (*мм, а-а, эмм, ну, значит, словом* и другие словечки и звуки, которые долгое время считались речевыми помехами, своего рода засорением речи, неумением вести разговор и т.п.¹⁴⁴) составляют ее типическую черту. Высказывалось мнение, что частицы речи, играющие роль особых сигналов, являются основной отличительной особенностью неподготовленной речи¹⁴⁵.

Неофициальное общение, осуществляемое при помощи средств обиходно-литературного стиля, протекает как неподготовленное.

Даже если коммуниканты обдумали предварительно предмет речи, беседа идет как импровизация, ибо непринужденность общения, неожиданность реакции собеседников не дают осуществиться запланированному. Особую роль в шкалировании признака «неподготовленности» играет фиксированность темы¹⁴⁶. Очевидно,

---

¹⁴³ Шмелева Т.В. Повседневная речь как лингвистический объект. – В кн.: Русистика сегодня. – М., – 1983. – С. 11.

¹⁴⁴ Николаева Т.М. Новое направление в изучении спонтанной речи. – ВЯ, – 1970, № 3.

¹⁴⁵ Östman Jan-Ola. The symbolic relationship between pragmatic particles and impromptu speech. – Impromptu Speech, – 1982. – С. 147–177.

¹⁴⁶ Разновидности городской устной речи – М., – 1988. – С. 25.

что фиксированная заранее тема увеличивает степень подготовленности речи и соответственно ослабляет ее импровизированный характер. Неофициальное общение протекает обычно по произвольной тематике. Фиксированность темы при непринужденном раскованном общении очень часто нарушается: внутри заданной темы (разговор об учебе детей, планах на лето и т.п.) возможны и часты отступления от основной темы.

Фиксированность темы противопоставлена свободному тематическому развитию текста, которое наиболее органично связано с неподготовленной непринужденной речью. Непринужденная обиходная речь допускает ассоциативное развитие темы, выражаемое при помощи лексем и фразеологических оборотов: *кстати, вот еще был случай, а вот такой сюжет // До речи, зі мною трапилося таке, у мене було ще краще* и т.п. Закон ассоциативного присоединения тем в неподготовленной обиходной речи реализуется при помощи вопросов, задаваемых субъектом речи адресату и самому себе, напр.: *Нашо ему думать о производстве, если он катается по заграницам. Неправду я говорю, да?* (телемастер, Киев) // *У нього на вухах такі навушники – як це називається?* – Ага, плеєр (філолог, Київ).

При определении степени подготовленности речи учитывается и такой фактор, как повторяемость ситуации (речь свободная / речь стереотипическая). Речь в повторяющихся ситуациях, т.е. стереотипическая, даже в том случае, если данная ситуация возникла для говорящего неожиданно, характеризуется большой подготовленностью, так как допускает использование готовых, уже известных коммуниканту речевых формул, применение которых облегчает общение¹⁴⁷. Напр.: *Разрешите пройти; Вы принимаете заказные /письма/? Сколько до Нежина? (ехать) // І звідкіля ці кавунчики? Вам телефонують; І з якої (колії) на Фастів?* Повседневное речевое общение предполагает определенную меру автоматизма в осуществлении говорящими подготовки к высказыванию.

Неподготовленная непринужденная речь пестрит различного рода частицами, «лишними» словами, вроде *понимаешь, так сказать (так съехать), значит, скажем, словом, вообще, в общем*

¹⁴⁷ Разновидности городской устной речи – М., – 1988. – С. 29.

// зрозуміло, така штука, така річ, скажімо. В официальной обстановке говорящий обычно больше контролирует свою речь, в подготовленной речи значительно меньше незнаменательной лексики, «лишних» слов в роли заполнителей пауз. Использование таких слов в неподготовленной речи сутобо индивидуально для говорящего, на нем лежит яркий отпечаток языковой личности говорящего, часто используемый как яркое характерилогическое средство при передаче устной речи (ср. любимое слово *понимаешь* у экс-президента Российской Федерации Б.Ельцина, *так сказать, кається* (кажется) в выступлениях А. Райкина).

Индивидуальность языкового употребления в спонтанной непринужденной речи представляет собой крайний полюс естественности, безыскусного и непреднамеренного проявления тех языковых навыков, которые обусловлены социальным обликом говорящего. «Любой индивид оказывается пленником своего языка; за пределами своего класса он обнаруживает себя каждым произнесенным словом, каждое слово выявляет его всего целиком и выставляет напоказ вместе со всей его историей»¹⁴⁸. Для устной речи важна и паралингвистическая компетенция говорящего, включающая правильное использование жестов, мимики и т.п.

Спонтанная экспрессия, рождающаяся в устном разговорном высказывании, подготовлена общим речевым и социальным опытом говорящего, его социокультурной и лингвистической компетенцией. Индивидуальность словесного отбора в спонтанной речи обусловлена тем, что в современной разговорной речи, кроме нейтральных, существуют и сниженно-обиходные, просторечно-профессиональные, жаргонные и полужаргонные средства. В спонтанной обиходной речи они имеют различную частотность в зависимости от личностных, межличностных и ситуативных колебаний.

Элементы обдуманного и подготовленного отбора языковых средств в обиходно-литературной речи сочетаются в разных пропорциях с автоматизированными языковыми навыками коммуникантов, которые особенно ярко проявляются в устном высказывании. Языковые навыки коммуникантов в современном

---

¹⁴⁸ Барт Т. Нулевая степень письма. – Семиотика. – М., 1983. – С. 347.

неофициальном общении реализуют, в основном, информативное назначение языковых средств при отсутствии экспрессии. «Мы органически плохо говорим. Хорошо разве что на коммуникативном уровне, передать информацию, и довольно. Беден словарь»¹⁴⁹.

Автоматизм речевых навыков говорящих способствует закреплению в разговорном обиходе определенных лексем – устойчивых ситуативных шаблонов (приветствие, извинение, обращение). Вошедшая в обиход уменьшительная форма автоматически вносит определенную разговорную экспрессию: *гражданочка, приветик, спасибочки // жіночко, тітонько, здоровенькі були*, напр.: А Вася / он уже спешит / быстро / «Со свиданьцем» говорит (рабочий, Киев); *Гражданочка, купите программку!* (Сегодня, 11.XI–98 г.) // *Жіночко, ну чому ви сваритесь?* (учитель, Тернополь).

Неподготовленный характер отбора языковых средств коммуникантом выступает причиной конситуативной избыточности плана выражения в устных текстах обиходно-литературного стиля, это и разного рода повторы, актуализирующие средства, самоперебивы, колебания в выборе слов, конструкций, оговорки, паузы, напр.: *И я сижу (думаю)* это же совсем другое дело; *Я бегаю ищю* его по всему институту; *Она забыть забыла* оставила (всю ночь форточка была открыта) // *Все пише та й пише; Сусідки лаються так лаються; Пряма-прямісінька* дорога / до самого села. В спонтанной устной речи синхронно формируется смысл высказывания и его языковое выражение. Для обиходной сферы общения релевантными признаками речевых актов являются спонтанно-автоматические условия их протекания. В таких речевых актах представлен абсолютно личностный тип общения, так как обиходная речь обслуживает неформальные роли – в семье, неформальных группах, в которых превалируют неофициальные отношения и неподготовленный характер речевого общения.

Основной формой функционирования обиходно-литературного стиля является устная речь, обслуживающая повседневное обиходно-бытовое общение, выполняя функции общения и воз-

---

¹⁴⁹ *Топоров В.* Не путайте интеллигента со специалистом. – Известия. – 20.V. – 98 г. – С. 5.

действия. Обиходно-литературный стиль находит отражение в письменной речи, прежде всего в речи персонажей в драматургии, в киносценариях, но это не непосредственно устная речь, а препарированные авторами устные диалоги.

Устное высказывание в обиходно-бытовой речи имеет неподготовленный характер, оно строится без предварительного обдумывания. Вследствие своей «устности» для его структуры характерны ассоциативный порядок следования частей, слабая степень облигаторности их синтаксически строгого оформления, эллиптичность, связанная с высокой степенью его ситуативной обусловленности, линейно-временное его формирование.

Разные отрезки звучащей речи обнаруживают разную насыщенность специфическими устно-разговорными средствами в зависимости от тематики текста, его ситуативной прикрепленности, коммуникативных задач общения. Сгущение этих средств наблюдается в сфере обиходно-бытовой речи.

Устное обиходно-бытовое высказывание имеет специфическое фонетическое оформление, представленное в оппозициях «полный – разговорный стиль с орфоэпической точки зрения» (Л.В. Щерба)¹⁵⁰, «строгий – свободный», «полный – неполный»¹⁵¹ во втором компоненте. В отличие от устной публичной речи¹⁵² обиходная речь в сфере повседневного бытового общения характеризуется нечеткостью произношения коммуникантов, ср., напр., *гзр'иит* (говорит), что (что) *сч'ас* (сейчас) *ваще* (вообще), *шши-сят* (шестьдесят) // *не мое* (не може), *з'ара* (зараз), *х'оде* (ходить), *не моётъ такого бути* (не може такого бути) (агроном, Черкассы).

Говорящие в обиходном общении активно используют фонетический эллипсис, упрощающий звуковую цепь, характерный не только для быстрого темпа речи, но и для медленной речи – это сокращенные дублетные формы высокочастотных слов: *щас* (сейчас),

---

¹⁵⁰ Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

¹⁵¹ Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. – М., 1959.

¹⁵² . Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. – М., 1936. – С. 95.

тыща (тысяча), *здрасьте, драсьте* (здравствуйте), *виит* (видит)¹⁵³. С.И. Ожегов отмечал характерные для обиходно-литературного стиля «формы разговора быстрого и отрывочного», усиливающие упрощение групп согласных: *всегда* (всегда), *тада* (тогда), *када* (когда), *токо* (только), *скоко* (сколько), *разе* (разве)¹⁵⁴ // *кае*(каже), *мо поїду* (может поїду), *шо* (что). Редукция гласных безударных слогов и интервокальных согласных становится отличительным признаком обиходной речи. Редукция целых слогов наблюдается в определенных грамматических формах, характерных для обиходно-литературного стиля. Это касается лексико-семантической группы апеллятивных имен-названий родства *мам, пап, ба, тетя, дядь* // *ма, ба*, а также собственных имен и отчеств, напр.: *Давай, Тань, за-таскивай...* (продавец, Москва); – *Кать, это ты?* – Представь себе, я... (В. Пьецух, Жена Фараона); Сейчас почему-то *Христофорыч* принимать их перестал (пенсионер, Москва); – *Иваныч*, на какие шиши машина-то? (шахтер, Ростов); Николай Константинович Дмитриев, Борис *Александрыч* (из речи Л. Успенского); – *Послушай, мам...* Привет, *мам. Мам*, ну я же тебе говорю: нет проблем (Изв., 11/1 – 2000 г.); – *Где деньги, Зин?* (В. Высоцкий).

Каждый функциональный стиль обладает определенным набором речевых жанров, свойственных ему в разной степени. «Жанры соответствуют типическим ситуациям речевого общения, типическим темам»¹⁵⁵. М.М. Бахтин, начав исследование речевых жанров еще в 20-е годы, обратил внимание на необходимость описания «житейских жанров», которые можно квалифицировать как жанры обиходно-литературного стиля. В работе «Проблема речевых жанров» он писал: «Каждая устойчивая бытовая ситуация обладает определенной организацией аудитории, следовательно определенным репертуаром маленьких житейских жанров»¹⁵⁶. Рассматривая речевые жанры как определенный исторический феномен,

¹⁵³ Капанадзе Л.А. Фонетические меты характера. – Язык и личность. – М., 1989. – С. 109.

¹⁵⁴ Ожегов С.И. О просторечии (К вопросу о языке города). – ВЯ. – 2000, № 5. – С. 99.

¹⁵⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 216.

¹⁵⁶ Там же. – С. 258.

М.М. Бахтин выделяет такие типы устного диалога, как «салонный», «фамильярный», «кружковый», «семейно-бытовой», «общественно-политический», а также короткие речевые жанры, как приветствия, прощания, поздравления, пожелания, осведомления о здоровье, о делах и т.п.

М.М. Бахтин отмечает высокую степень стандартности, клишированности жанров устной речи: «Разнообразие речевых жанров очень велико. Целый ряд распространеннейших в быту жанров настолько стандартен, что индивидуальная речевая воля говорящего проявляется только в выборе речевого жанра, да еще в экспрессивном интонировании его»¹⁵⁷.

А. Вежицкая, развивая в наши дни идеи М.М. Бахтина, описывает применительно к польскому языку такие речевые жанры, как предостережение, просьба о прощении, угроза, разрешение, шутка, флирт, соблезнование, хвастовство, жалоба и т.п.¹⁵⁸

Главными жанрами обиходно-бытовой речи признаны диалог, монолог, полилог, рассказ и городские стереотипы, выделяемые на основе таких признаков: цель коммуникации, количество коммуникантов и психологическая установка речи. В повседневном речевом общении естественно переключение жанров, быстрая их смена. Жанры обиходно-литературного стиля имеют определенную градацию в зависимости от степени импровизации. Наиболее импровизационны рассказы и более всего прикреплены речевые клише разного рода.

Каждый жанр обиходной речи избирает ограниченный набор языковых средств, характеризуется своеобразием по отношению к цели и способу коммуникации. Малые жанры (приветствия, прощания, поздравления, пожелания и другие формулы речевого этикета) – это микроструктуры, которые выделились в определенной языковой общности как ограниченные речевые клише, имеющие яркий национальный колорит. Ср., *здравствуй! // здоров, здра-стуй!, здоров будь (буд)* (формула приветствия в сопоставляемых

---

¹⁵⁷ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. – Литературная учеба. – 1978, № 1. – С. 212.

¹⁵⁸ Wierzbicka Anna. Genry mowy. – Text i zdanie. – Warszawa. – 1983.

языках, интересно, что в русском языке иной порядок компонентов во фразеологизме (укр. *здоров будь*) выполняет противоположную функцию, превращается в формулу прощания *будь здоров!* «Бытовые шаблоны», по выражению С.И. Ожегова, обусловлены целевой установкой речи¹⁵⁹.

В живой обиходной речи основные жанры – диалог и монолог – не противопоставляются жестко и отчетливо. Монолог в живой речи (рассказ о прожитой жизни, о каком-то событии и т.п.) ориентирован на слушателя, контактирующего с говорящим, в момент произнесения монолога адресат должен физически присутствовать. В монологе могут быть контактно-устанавливающие реплики (фатические реплики) образца *вы понимаете?, ведь так? Так? // розумієте? Чи не так? Скажу я вам*, рассчитанные на участие слушателя в коммуникативном акте. Говорящий может использовать в монологе реплики-самоперебивы *да? верно? понял? // так? зрозумів?* Нет у нас торговли оружием, так придут туда другие. *Неправду я говорю, да? Жизнь – война, парень. Правильно я говорю?* (Изв., 22/XI – 2000 г.) // *Я прошу вас / не шуміть / ну що ви/ як на полі десь /не кричіть/ де ви виховувалися (агроном, Черкасы).*

В условиях бытового, иногда затрудненного монолога образуются слова со стёршимся предметным значением, «пустышки, которые служат как бы пружинами, проталкивающими речь по нужному пути»¹⁶⁰: *понимаете, как говорится, значит // безумовно, між іншим, до речі.* Адресат монолога так же не может быть безучастным и молчаливым, это обычно реплики слушателя, констатирующие, поощряющие, оценивающие сказанное говорящим: *да ну, неужели, ты подумай!, разве? // невже, та невже, тільки подумати, нормально?*

В монологе превалирует речевая деятельность одного коммуниканта. Другие участники акта коммуникации обеспечивают двусторонний контакт по преимуществу краткими репликами: А: – *Где они, эти деньги? Когда получили? Они лишь на бумаге. Задержка*

---

¹⁵⁹ Ожегов С.И. О просторечии (К вопросу о языке города). – ВЯ. – 2000, № 5. – С. 98.

¹⁶⁰ Там же. – С. 105.

зарплати підпираєт к году... Б.: *Что же делать? Что?* (агрономы, Волгоград); А.: *На яких морях були?* Б.: *Біля Генічеська. Там такий залив. Ми їхали через Кіровоград / 3 числа виїхали /це/говорять /був найжаркіший день /Десять годин/ швидкість 130 кілометрів /скупалися у Хаджидибейському лимані /в Росі / і все рівно зупинялися...* А.: *Через мотор?* (научные работники, Киев); П.: *Йдемо в гості...* Б.: *Боже, немає чого вдягнути! Хоч голою іди! Те мале, а те – ще менше!. А в цьому ходили ще до революції* (рабочие, Киев).

В диалогі речева активність комунікантів відносно однакова, хоча протяженість їх реплік може бути різною в залежності від того, хто виступає ведучим в комунікативному акті: П.: *Юр, а у тебе щоденник такої же?* Б.: *Ну, що ти, мама, у мене с Пушкіним;* А.: *Говорили, що буде компенсація от япошек – п'ятдесят тисяч долларов.* Б.: *Да нет! Сначала было п'ятдесят, потом двадцать пять, теперь, говорят, по десять,* П.: *Да и черт с ним! Пускай даже ничего не заплатят, а вышвырнут, как мы их когда-то. По 20 килограммов в зубы, на паровоз и – до свидания. Мы уедем!* (шофери, Южно-Курильск) // А.: *Грошей не було?* Б.: *Казали, може щось дадуть з позабюджетних. Гроші наші у Хрещатику* (врачи, Киев). Обычно один участник диалога говорит, другой слушает, потом они могут поменяться ролями. Совместная речева діяльність двох комунікантів в диалогі вобще не означає, що репліки кожного з них мають однаковою протяженістю і зв'язністю в раскрытії теми. Разговор начинается с одного, затем переходит на другое и т.п.: А.: *А этим (вашим) йодистым серебром / крыс на даче / травить можно?* Б.: *И не только их/ Нас с тобой / к примеру / тоже* (химики, Москва); А.: *Петрович, тебе ж 65, слепой, глухой, как же ты летаешь?* Б.: *Да чего там, меня же жена на работу привозит, а там штурман встречает, взял под руку, повел медконтроль проходить, ну и полетели...* П.: *Как это? А взлет? Это же сложно! Все-таки ИЛ-62.* Б.: *Да чего там, дал ему газ – он сам взлетает..* А.: *Ну а рейс Москва – Хабаровск, это же черт знает куда...* Б.: *А штурман для чего? Он мне говорит: «Петрович – вправо», «Петрович – влево»... Долетаем, короче* (диалог летчиков, Москва) //

А.: Завод ще працює? Б.: Завод / він забруднює повітря / метал їде за кордон/, а дихаємо ми (биологи, Запорожье).

Речевые жанры соответствуют типическим ситуациям речевого общения и типическим темам. Стереотипные ситуации – партнеры коммуникации, возможность резких смысловых поворотов позволили Яну Мукажевскому выделить специальный «практический (ситуативный, бытовой) тип диалога»¹⁶¹, для которого характерна тематическая полифония.

Реплики и диалоги входят в более крупные фрагменты обиходно-бытовой речи: семейный диалог, семейный полилог. Домашние рассказы, речь в условиях семейного приема (ситуация «гости»), домашние телефонные разговоры, речевое сопровождение каких-либо дел, разговоры с животными. Напр.: А.: *Аня, сними ты эти /дрянные джинсы / надень /розовое платье /Ты в нем /как куколка /Только смотри / не испачкай его.* В.: *Как розовое надеваешь /так сразу /пачкаешься. Потом ругаешь меня* (разговор матери с дочерью, Киев) // А.: *Ну / я пішов /в гараж / Ти вже якось сама з ним...* В.: *Чому я / тільки я / сушу голову над цим?* (учителя, Киев).

Развитие мобильной телефонной связи обусловило и функционирование неологизма – клишированного зачина телефонных разговоров между близкими людьми: – *Алло. Ты где? // Де ти зараз?*

Особый жанр семейного диалога – разговор с детьми. Структура этого жанра, его речевые особенности зависят не только от сложившихся в семье традиций общения с младшими членами, но и, прежде всего, от возраста детей. Сравн. диалог отца с дочерью- младшей школьницей: /Отец/: *Ты, дочь, совсем русского языка не чувствуешь /Дочь:/ Что ты, папа! Я русского языка очень даже чувствую* (М. Безродный, Конец цитаты); или диалог матери с дочерью-старшеклассницей: /Мать:/ *Ну как ты разговариваешь – я половины слов не понимаю! Что значит «не грузи», почему не было «напряга»? Говори по-человечески! /Дочь:/ Да я же говорю по-человечески, это ты не по-человечески говоришь. Сейчас все так говорят, как я, а если вы отсталые предки ,так и времени на вас*

¹⁶¹ *Mukaževský J. Dvě studie o dialogu. – Kapitoly z česke poetiky, – I, Praha, 1948.*

тратить не хочется. /Мать:/ Ну и не трать. Уж лучше вообще никак не разговаривать, чем общаться на каком-то варварском языке! (Изв., 11/1 – 2000 г.).

«Домашние» жанры обиходно-литературного стиля различны, но в большинстве случаев для них характерно включение «ситуативного смыслового контекста» в состав семантики высказывания. Ситуация общения во времени и пространстве не отчленена от «ситуации жизни» данной семьи. В реальных разговорных «зачинах» семейных микродиалогов отсутствуют метаязыковые скрепы, характерные для официальной речи: *прежде всего, итак, например* и т.п. В семейных диалогах возможно в зависимости от образовательно-культурного уровня говорящих употребление книжных элементов, абстрактной лексики и фразеологии, напр.: А.: *Как-то нехорошо мне /последнее время... Муторно как-то... Паршиво одним словом / на душе...И /что характерно / паршиво / без всяких видимых причин.* Б.: *А чего ты хочешь? Тридцать лет тебе / все-таки...Для мужика возраст /кризисный/. Первые итоги /пора подводить...* (разговор отца с сыном, инженеры, Киев). Зачинами семейных и дружеских диалогов могут служить глаголы *слушать, смотреть* в форме повелительного наклонения с зависимыми словами и без них, напр.: *Слушай, Егор, а куда ты вложил свой ваучер?; Смотри, я тебя предупреждал // Слухай, а коли ми були на базарі? Згадай, що тоді творилося!*

Малые жанры семейного диалога – это и формулы речевого этикета, принятые той или иной «ячейкой общества» (формулы приветствия, прощания, пожелания), напр.: *здравствуйте вам, привет, приветик // доброго дня, доброго здоров'я, вітаю вас, привіт, здоровеньки були.* Когда люди уходят из дома по делам, на работу, в школу, институт, магазин и т.д., они говорят: *. – Ну, я пошел! Я иду! Пока! Ухожу! Пошли! Ну, все!!! Все! Я пішов! Пішли разом! До вечора! Поки що!* Формулы прощания употребляются тогда, когда уезжают надолго: в отпуск, в командировку и т.д.

В семейных диалогах своя хронология событий, свой отсчет времени, свой временной масштаб (*до школы, после института, после армии // коли відпочивали, після аспірантури, до закордону*).

Для тематического строения непринужденного семейного диалога характерно явление, названное Е.А.Земской тематической полифонией¹⁶², или политематичностью. Диалог идет сразу же по двум тематическим линиям: каждый собеседник стремится говорить о своем, волнующем его больше всего.

Этот подвид диалога широко распространен в общении близких людей, когда каждый партнер коммуникации хочет поделиться с другими своими новостями, заботами, переживаниями и т.п. Диалог служит функции самовыражения. Каждый участник такого диалога удовлетворяет свою потребность в коммуникации, желание рассказать о своих делах, это явление нашло отражение даже в соответствующих пословицах и поговорках: *Я ему про Фому, а он мне про Ерему // кто про що, а куриця про просо* и т.п. Характерологическое звучание получает политематичность диалога в художественной речи.

Кроме того, в семейный политематический диалог, кроме основной темы (обсуждение жизни, телепередачи, книги, статьи в газете) вклиниваются ситуативные темы, если диалог ведется при приготовлении пищи, совместной работе в саду, на огороде, на даче, во время сбора грибов, прогулки и т.п. Напр., отец и сын обсуждают футбольный матч, собирая грибы: А.: *Он как ударит/ прямо в верхний угол.* Б.: *Ребров /молодец.* А.: *Классно сыграли / Смотри / Это волнушка?* Б.: *Да / бери ее / волнушки растут / где мох.* П.: *А следующая игра когда? Пойдем, а?* (врач и сын-подросток, Киев).

В семейном диалоге, для которого естественным конституирующим признаком является неподготовленность, возможна фиксированная тема, вводимая словами: *поговорим о машине, давай обсудим что купить, давай об отпуске // поговоримо про дітей, давай про весілля* и т.п. Внутри этой темы возможны и часто возникают спонтанные отступления. Напр.: А.: *Давай обсудим что купить к Новому году.* Б.: *На рынке?* А.: *А где же еще? /там дешевле /да и продукт свежее.* Б.: *Сваты придут?* А.: *Они / наверно / на даче / будут/ там они всегда встречаются/.* Б.: *Конечно, когда есть деньги*

---

¹⁶² Земская Е.А. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога . – Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С. 235.

/ то и друзья есть / и молодости / и старости (разговор мужа и жены, инженеры, Киев) // А.: *Ну/ що з машиною?* Б.: *Нічого / хоч стільки машин було.* А.: *Може/ побіг куди/ Знаєте / питаємо його.* Б.: *Я почула /як він іде / ну-да.* А.: *Ти як рішила / всі чотири?* (вставлять четыре зуба). Б.: *Він* (т. е. протезист) *іде до 21-го числа* (в отпуск) (сестры-врачи, Киев).

Иногда эти спонтанные отклонения от основной темы сопровождаются вербальной реакцией коммуниканта на них типа: *Почему ты об этом заговорил? Почему ты вспомнил это? Что это тебе пришло на ум? // Чому ти про це згадав? Чого це ти раптом про нього? І з чого ти це.*

Тематическое развитие в диалогах близких людей получают смыслы, содержащиеся в отдельных даже случайно использованных словах в разговорах, не связанных с ними содержательно. Напр., диалог двух подруг из рассказа Вячеслава Пьецуха «Жена фараона»:

- Теперь самое главное... Ты стоишь или сидишь?
- Стою.
- Тогда сядь. Сегодня утром я придумала фантастическую модель!.

И Соня Пароходова в мельчайших подробностях описала свою фантастическую модель.

- Ну, теперь этот *гад* у нас не обрадуется! – сказала Катерина, имея в виду одного известного московского кутюрье.
- *Кстати о гадах*: как у тебя дела с твоим бухгалтером?
- Да никак! Мало того, что я его не люблю, у него к тому же сахарный диабет (Новый мир, № 9, 1998).

Релевантные языковые характеристики обиходно-литературного стиля

Лингвистические особенности, которыми характеризуются различные разновидности речи, могут быть специфическими и неспецифическими. Первые из них обуславливают различие между

типами речи, имеющие абсолютный характер. К ним относятся фонетические, грамматические, лексические и др. явления, представленные в одних разновидностях и не представленные в других¹⁶³.

Для каждого стиля существует своя система норм, в том числе и для обиходно-литературного. При описании фонетических черт обиходно-литературного стиля неизбежна определенная фрагментарность, исследование и фиксация фонетических черт разговорной речи, проведенное в 70- годах Институтом русского языка РАН, наметило наиболее частотные фонетические явления, характерные для обиходно-литературной речи¹⁶⁴. Для разговорной русской речи характерна высокая степень количественной редукции гласных: но́[ввь] (*нового*), засо́[ввьт'] (*засовывать*), про́ [въл]ка (*провода*). И в русской, и в украинской обиходно-бытовой речи возможна слоговая редукция и выпадение интервокального согласного, напр.: хо́ит (*хóдит*), ви́ит (*ви́дит*), щас (*сейчас*), ты́ща (*ты́сяча*), када́ (*когда́*), тада́ (*тогда́*), так ска-а́ть (*так сказа́ть*), смари́ (*смотри́*), се равно́ (*все равно́*), низзя́ (*нельзя́*), смарёл (*смотрёл*) // мо, моё (*может, треба*), диви́ (*дивись*), шиісят (*шестьдесят*).

К подобным явлениям примыкают и просторечные хош (*хóчешь*): што хош сделаю; чё (что): ты чё, с дуба свалился? (ср. частушку: – Милка, чё, милка, чё, милка, чекаешь почё. – Я не чекаю ничё, раз так чёкнула, так чё? – Чё уставился? – протрубил бас около меня. – Ну, чё уставился, фантик? – попер на меня громила. – Чё, ты чё сказал? (Веч. вести, 10/XI – 98 г.); шо (*что*) особенно частотное в русской речи на Украине): Шо ты думал? // що (шо) /Та ви шо, я самої рейки не бачу!

Фонетический эллипсис в обиходной речи характерен для высокочастотных слов, образующих в ней сокращенные дублетные варианты: деушка, праильно, слоо (выпадение интервокального [в]: деvушка, правильно, слово), естественно, соответсенно (*естественно, соответственно*) // мать (мабуть), (Мать, так треба було).

---

¹⁶³ Журавлев А.Ф. Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи. – В кн.: Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С. 91.

¹⁶⁴ Русская разговорная речь. – М., 1973. – С. 4–151.

Удлинение гласного возможно в оценочных высказываниях: *Сма-ари* (смотри), кто пришел! Какой *су-уп*, класс! *Ка-кие* люди! До чего же приятно их было *собира-ать*! *О-ой!*; *Кра-си-и-во!* // *Слу-ухай* мою команду; – Два долара: – *Скі-ільки?*; – *Їду* у Варшаву. – *Ку-уди?!* Удлинение гласного характерно для обиходно-бытовых ответных реплик: *не-а, да-а, не зна-ю, пря-ям-таки, ка-анечно, раз-уме-ється* // *ні-і, та-ак, звича-йно*¹⁶⁵.

Иногда ответные реплики с растяжной гласного подкрепляются еще одним из слов, передающим усиленное утверждение или отрицание: – Это нормально, как вы считаете? – *Да-а, разу-умеється*; – Кого-то надо садить? – *Не-ет! Конечно нет!*; Ты приедешь раньше? – *А ка-ак же!* Обязательно. – Ясно. *Ра-аз*, – загнул палец Мороз (Ю. Черниченко); *Не-е-ет*, пока здоровье позволяет, в город не вернусь (Изв., 20/III – 99 г.) // – Вони любили наші пісні? – *Та-ак, дуже*; – Монети стародавні? – *Ні-і, звичайно ні*. – Ти що, заблудився? – *Ну-у, а то ні*.

С удлинением гласного произносятся собственные имена, выполняющие функцию обращения, при выражении значения предупреждения, упрёка, напр.: – *Ко-оля!* Ты забыл, что я тебе говорила; *Ва-алентин* Иванович, я же просил помолчать; *Пе-етя!* Ну как можно! // *Мико-оло!* Ти куди?; *Васи-илю!* І ти куди поїхав?; – *Пе-етре* Семеновичу! Невже це ви? Не послушали мене.

Растяжка гласных в именах используется при громком подзывании кого-либо: *И-игорь!* До-омой!; *Ва-аля!* По-ора!»; *Де-ети, де-ети*, быстро обедать! // *Бо-орько!* Де ти?; *Ната-алко!* Ходь сюди; *Са-ашко!* Швидше до мене. В украинской обиходной речи функцию обращения выполняют субстантивы (апеллятивы и собственные имена) в форме звательного падежа, у которых удлиняется флексия при усилении значения упрёка, удивления, изумления: – *Іване-е-е!* Навіщо ти це робиш?; – *Грицю-ю-ю!* І ти проти нас! – *Олено-о!* Я від тебе цього не чекала; *Діду-у!* візьміть; *Тітко-о!* Куди ви претесь!

Удлинение гласных используется в утвердительных по форме предложениях для передачи противоположного смысла высказы-

---

¹⁶⁵ *Гвоздев А.Н.* К вопросу о фонологических средствах русского языка. – О фонологических средствах русского языка. – М.–Л., 1949. – С. 110.

вания, т.е. отрицания: – *Ста-ану* я говорить об этом! (т.е. не стану); – *О-очень* мне нужно! (т.е. не нужно); – Так я вам и *по-ойду!* (т.е. не пойду); – А за что выдрал? – *Та-ак* я вам сейчас все и расскажу (Изв., 19/ХІІ – 98 г.); *Бага-ато* ти знаєш! (т. е. не знаєш); – *Віду-учиш!* (т. е. не отучишь); – *Ду-уже* ти мені потрібний! (т. е. не нужный)¹⁶⁶.

В обиходно-литературной речи частотны удлинения гласных при экспрессивной оценке особо больших или малых количеств, размеров, высоты, глубины и т.п., а также при описании качеств предметов, вызывающих у говорящих положительные или отрицательные эмоции¹⁶⁷, напр.: Концовка у этой повести *вели-иколе-енная!*; *Та-акая* цветущая женщина была; *Ма-аленький* термос красный; – Сколько лет вы не были в Киеве? – О! *Да-авно* я был тут // *Га-арненький* хлопчик; Собака *величе-езний*, кошлатий; *Ви-исоко-високо* він летів.

Часто эти значения передаются не одним словом, а конструкциями, состоящими из двух одинаковых или однокоренных слов, в которых удлиняется ударный гласный первого слога: Диван такой *широ-окий-широкий!* Дочка у него *то-оненкая-тонюсенькая*; Волосенки *бе-еленькие-белесенькие* // – Обмінники зачинають *тихе-есенько-тихесенько* (банкир, Киев); *Те-епла-тепла* ковдра; Дівка *га-арна-прегарна*; Масло, цукор, риба там *деше-еві-дешеві*; *Маню-юсіньке-преманюсіньке* поросятко.

В отрицательных ответных репликах обиходной эмоциональной речи возможно не простое удлинение только ударного гласного, но и расчлененное «послоговое» как бы скандированное произношение всего слова: *ни-ког-да!* *Ни-за-что* я с ним не буду; – Ты поедешь к ним? – *Иск-лю-чено!*; – Тебя это волнует? – *Ни-сколь-ко.* // – Ти підеш з нами? – *Не-ба-жа-ю*; – Ти жартуєш? – *Зов-сім ні*; – Скільки за це ти одержав? – *Ні ко-пій-ки.*

В эмоциональной обиходной речи может усиливаться согласный звук, становящийся долгим: – Здравствуйте, вы модель? – *Н-нет*, я журналистка; – *Д-да, д-да*, конечно, я вас жду; – *Ч-черт*

---

¹⁶⁶ Озерова Н.Г. Средства выражения отрицания в русском и украинском языках – К., 1978. – С. 84–101.

¹⁶⁷ Русская разговорная речь. – М., 1973. – С. 147.

знает что такое! *Оч-чень* важное лицо! // *П-прокляття!* *Н-ні, н-ні, н-ні* в якому разі; *От д-диявол;* – *Т-так, т-так,* ти ще згадаєш мене!

Такие растяжки звуков, гласных и согласных, дают большую нюансировку бытовому высказыванию¹⁶⁸. – Ну – (*Не зна-а-ю*) *посмо-отрим!* (сомнение и несогласие); – Ну, какие *комме-ентарии!* (отрицание); – *Ма-ало* что ли продуктов на прилавках!? (т. е. много) // *Ні,* не такий він *зли-ий* дядько був (т. е. незлой); Були *а-артисти* в наш час! (т. е. актеры высокого класса); *Та-ак,* саме *та-ак* (усиленное утверждение). В обиходно-литературной речи возможна произносительная ретимологизация, имеющая целью завянуть сниженную разговорную норму, четко указывающая на преднамеренное экспрессивное задание: Я бы *сейчас* (разг. *щас*) его выгнал¹⁶⁹.

Для обиходно-литературной речи, как и для других функциональных стилей, характерно стилистическое согласование единиц различных языковых уровней (фонетического, словообразовательного, морфологического и т.п.), согласованное межуровневое взаимодействие языковых единиц¹⁷⁰. Выше нами были рассмотрены наиболее частотные в устной обиходной речи фонетические явления – фонетический эллипсис, т.е. факультативная потеря в разговорной речи звуковых сегментов, и эмфатическое удлинение гласных и согласных звуков.

Стилистически значимый звуковой отбор в обиходной речи влечет за собой и отбор аналогичных средств других уровней языка.

Закон стилистического согласования требует от говорящего создания определенного уровня обиходности и соответствующими словообразовательными элементами. Ср., в разговорной речи А.А. Реформатского фонетический эллипсис и разговорные словообразовательные элементы: [како́й-н'т'] клач' óк бумáшк] какой-нибудь клочок бумажки¹⁷¹.

¹⁶⁸ Капанадзе Л.А. Способы выражения оценки в устной речи. – В кн.: Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С.155.

¹⁶⁹ Винокур Т.Г. Устная речь и стилевые свойства высказывания (К постановке вопроса). – В кн.: Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С. 65.

¹⁷⁰ Там же. – С. 63.

¹⁷¹ Пауфошима Р.Ф. О произносительной манере А.А. Реформатского. – Язык и личность. – М., 1989. – С. 153.

Расчлененные комплексные наименования в обиходной речи, состоящие из двух и более слов (*социальная сфера, газированная вода, мобильный телефон, обменный пункт // силовий міністр, гуманітарна допомога, поіменне голосування*), путем семантического стяжения способом аффиксальной деривации заменяются, как правило, одним словом: *социалка, газировка, мобильник, обменник // силовик, гуманітарка, поіменка*.

Стяжение способом аффиксальной деривации осуществляется в случае замены атрибутивного словосочетания существительным, образованным от основы мотивирующего прилагательного (атрибута словосочетания) посредством суффиксов *-к(а), -ик* (реже), *-лк(а)*¹⁷², напр.: *развлекаловка* (развлекательная программа), *платежка* (платежная ведомость), *страшилка* (страшный фильм), *нефтянка* (нефтяная промышленность), *уголовка* (уголовное дело) // *мобілка* (мобільний телефон), *оборонка* (оборонна промисловість), *саморобка* (саморобний човен), *академка* (академічна бібліотека). Лексикографическая фиксация подобных образований сопровождается соответствующими пометами в *разговорной речи* и реже в *профессиональной речи*, так, напр., существительные *коммуналка, попутка, персоналка, нечерноземка* зафиксированы словарем «Новые слова и значения» (М., 1984) с пометой в *разг. речи*. С подобными пометами в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» (СПб., 1998) помещены лексемы *валютка* (магазин, ресторан, принимающий в качестве платежа иностранную валюту), *незавершенка*. Сюжет *мультяшки* предельно прост – пришла зима и наступает мороз (Веч. вести, 10/XI – 98 г.); Автомобиль «Жигули» – самая народная *легковушка* из всех, ныне колесящих по ухабистым дорогам СНГ (там же).

Существительные-конденсаты обиходной речи проникают и в другие языковые стили, прежде всего в нестрогие жанры газетной речи: – А ведь мы еще и в разных условиях работаем – у них, например, нет «*социалки*» (Изв. 23/XII – 98 г.); – Одно рабочее место в «*нефтянке*» дает 9 в других отраслях (Изв., 23/XII – 98 г.); Дешевенькая «*развлекаловка*» да праздничные концерты (Изв., 26/XII –

¹⁷² Русская разговорная речь – М., 1973. – С. 108.

98 г.) // «Нові «силовики» були задоволені (Гол. Укр., 26/ХІІ – 98 г.); «Українська «гуманітарка» складатиметься тільки із харчів (Гол. Укр., 24/ХІІ – 98 г.); Любка була в кафе з якимсь типом з *мобілкою* (Укр.молода, 24/ХІІ – 98 г.). Характерно, що в письмений речі почти всегда эти слова даются в кавычках, подчеркивающих ино-родность данных лексем для строгих языковых жанров, напр.: – Брала в заложники родственников «водочников» (Изв., 23/ХІІ – 98 г.); Показания счетчика и запись в «платежках» (Сегодня, 25/ХІІ – 98 г.); Украина поставит Ираку «гуманитарку» (Сегодня, 24/ХІІ – 98 г.); Нельзя подрубать корни своей «нефтянке», она же валюту дает (Изв., 24/ХІІ – 98 г.); Крымский депутат арестован за «уголовку» (Сегодня, 29/ХІІ – 98 г.); «Наличка» появится лишь к 2002 году (Сегодня, 6/І – 99); В экономике они давно уже живут единой «коммуналкой» (там же); Жили еще в коммуналке на Брестской улице, в центре Москвы (В. Иванова, Болезнь); Все здешние *заправки* (заправочные станции – Н.О.) работают по патенту (Изв., 22/ХІ – 2000 г.).

Для разговорной речи характерна субстантивация прилагательных, вычленяемых из определительных словосочетаний путем элиминирования существительного. Это субстантивы, номинирующие лицо по месту жительства, работы, профессии, родственным отношениям, функционирующие, главным образом, во множественном числе: *Институтские, подручные, заводские, рязанские, домашние, тульские* // *містечкові, академічні, рідні*, напр.: Привет твоим *домашним*; – Откуда вы такие? – *Тульские мы*; Бурные объяснения с *близкими*// Вітайте своїх *рідних*; *Факультетські* проти. В качестве подобных субстантиватов в обиходно-литературном стиле выступают и местоимения *наши, ваши, твои, свои* // *наші, ваші, твої, свої*, напр.: Привет всем *нашим*; Здоровья всем *твоим* // *Наші* будуть це обговорювати. Він такий, що і *нашим*, і *вашим*. В современной русской и украинской речи функционируют подобные субстантиваты со значением «лицо определенных политических и т. п. взглядов»: *зеленые, левые, обеспокоенные* // *зелені, праві, ліві*, напр.: *Зеленые* устроили пикет; Родственники «*обеспокоенных*» сказали, что те направляются в Иерусалим (Сегодня, 5/І – 99 г.); Партия «*Новые правые*» ни с кем объединяться не намерена (Изв.,

8/VI – 2004 г.) // Партия «зеленых» об'єднується з Рухом, частково з «незалежними». Подобные субстантиваты *pluralia tantum* зафиксированы в последних лексикографических изданиях, напр., *зеленые, -ых, мн.* Участники общественного движения защиты окружающей среды; *левые, -ых, мн.* Странники радикальных политических убеждений; *правые, -ых, мн.* Странники консервативных политических убеждений; *наличные, -ых, мн.* Наличные деньги¹⁷³.

Субстантиваты в форме среднего рода полисемичны, они могут обозначать вид одежды: *красное, ситцевое, осеннее // черное, воняне, зимове*, напр.: Уже многие ходят в *зимнем* // Она была вся у *черному*, блюда, кушанья, напитки: *горячее, теплое, сладкое // пісне, солоне, смажене*, напр.: Ничего *горячего* два часа; Потом дали *горячее* // У свят-вечір на столі усе *пісне*; *Смачного* вам (формула пожелания перед едой в украинской речи), некую обобщенную субстанцию: *новое, старое, близкое // далеке, нове, старе*, напр.: Что у вас *новенького*? Кто *старое* помянет, тому глаз вон; Все *гениальное* – просто, В жизни постоянно чередуются *черное* и *белое*, очевидно, чередование *белого* и *черного* в жизни, как чередование холодного и горячего душа (В. Иванова, Болезнь); – Это путь к тому, чтобы растащить *последнее* и погубить студию окончательно (Изв., 22/XI – 2000 г.) // Давай спочатку про *веселе*, а потім про *сумне*; що тут *смішного*?

Характерным свойством обиходной речи является элиминирование существительного в атрибутивных словосочетаниях, связанное с воздействием ситуации на конструирование обиходного текста. Ситуация часто проясняет, о чем идет речь, определяет, какое существительное элиминируется, уточняя валентные свойства адъективов. Субстантиваты такого типа весьма частотны в русской и украинской обиходной речи, не имеющие лексических ограничений, напр.: Он *легкой* (атлетикой) занимался, а я борьбой; «*Премияльные*» (деньги) бизнесмен будет выделять из собственных средств (Сегодня, 6/X – 99 г.); Купил машину за *наличные* (деньги); – Просто в нашей стране широко распространены расчеты *налич-*

---

¹⁷³ Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. – СПб., 1998.

ными (Изв., 22/XI – 2000 г.); Он ушел в *механический* (цех, отдел); Даю *зеленый* (свет); «*Мясной*» (поезд) на подходе; – *Добрый день*, Валя!– *Добрый* (день) (фамильярный ответ на приветствие); Ведь *больничный* (лист) нам никто не оплачивает (Сегодня, 6/І – 99); – Мне позвонили по *мобильному* (телефону) (Изв., 24/ІХ – 2002 г.); – Отправляюсь на *Андреевский* (спуск) // Мені *український* (хлеб) і батон; Півкіла *одеської* (колбасы) і 200 г. сиру; У вас *український* (хлеб) свіжий?; У неї вже написана *кандидатська* (диссертация).

Синкретичные наименования двух типов: субстантиваты и конденсаты (*лабораторка* – *лабораторная*) эквивалентны по своему словообразовательному значению, но даже внутри одного функционального стиля – обиходно-литературного наблюдается их стилистическое размежевание. В парах прокатный (цех) – *прокатка*, социальная (сфера) – *социалка*, попутная (машина) – *попутка* // ливарный (цех) – *ливарка*; бетонный (шлях) – *бетонка* второй член является принадлежностью сниженных жанров обиходной речи. Напр.: У нас лекция в *академичке*; Когда выплатят *полярку*, неизвестно; В «*Иностранке*» интересный роман Маркеса // Она з ранку до ночі сидить в *академі*, закінчує докторську; Поїхали на дачу *легковиком*; Зранку провели *літучку*.

Атрибутивные словосочетания «прилагательное + существительное» в разговорной речи заменяются одним словом – существительным, которое представляет собой спецификатор (видовой признак) наименования. Его мотивирующей основой выступает прилагательное, атрибут словосочетания. Родовое существительное элиминируется¹⁷⁴. Напр.: демобилизованный солдат – *дембель*, неликвидные материалы – *неликвиды*¹⁷⁵, бронированный жилет – *броник* // дипломна робота – *диплом*, хірургічне відділення – *хірургія*, хімічна завивка – *хімія*. Грузия не отпускает российских *дембелей* (Изв. 24/ШХ – 2002 г.).

Дембель-пограничник нам показал, куда идти (Изв., 26/ХІІ – 98 г.); По *телеку* показывают разные ужастики (Изв., 24/ХІІ – 98 г.); Идет распродажа западных «*неликвидов*» (Сегодня, 24/ХІІ –

¹⁷⁴ Русская разговорная речь. – М., 1973. – С. 418.

¹⁷⁵ Толковый словарь русского языка конца XX в. – СПб., 1998.

98); – Пришли в гараж, а там уже ребята в «брониках» (Сегодня, 24/XII – 98 г.) // Вона зараз в *декреті*; Йому подарували *транзистор*; Піймали *мотор* і поїхали; Вона в *гінекології* на другому поверсі. При этих вторичных номинациях возможны определения-конкретизаторы: *первая* реанимация, *женская* терапия, *детская* урология, напр.: Вообще с *первой* нефрологией мне не повезло – в смысле общения с людьми (В. Иванова, Болезнь).

Частотны также замещения в обиходной речи как окказионализмы в лексико-семантической группе с общим значением цвета: *Красное дерево* есть? (о краске для волос); Сатин привезли подкладочный *салат* (салатового цвета); Платье черное, к нему шарф *сирень* (сиреневого цвета) // Чорне волосся у неї, чоло – *мрамур*; пофарбуйте мене у *попіл* (попелястий колір).

Возникающие в результате этого процесса омонимы *химия* «наука» и «завивка», *терапия* «наука» и «отделение в лечебном учреждении» дифференцируются ситуативно. Новообразованные существительные, повторяя по форме существующие в языке слова, по своей семантической структуре и сочетаемости представляют собой качественно новые номинации, ср., напр., *тренировка* «занятия спортом» и «тренировочный костюм». Вот в прошлом году у нас жил один / каждый день в *тренировке* х/б бегал в мороз (швее, Москва)¹⁷⁶; *ночник* «лампа» и «ночной клуб»: На Крещатике открылся очередной «*ночник*» – «Центрум-клуб» (Сегодня, 10/XI – 98 г.).

Для номинаций обиходно-литературного стиля характерны краткость, сжатость, содержательная концентрация. Конситуативному эллипсису в обиходной речи подвергаются устойчивые атрибутивные словосочетания, утрачивая определения, характерные для данной речевой ситуации, напр., *сад* (детский сад), *песок* (сахарный песок), *вода* (фруктовая вода) // *рада* (вчена рада), *мова* (іноземна мова), *сестра* (медична сестра): – Четыре часа лежишь, как мышка, под капельницей, стараясь лишний раз *сестру* не беспокоить (В. Иванова, Болезнь).

---

¹⁷⁶ *Винокур Т.Г.* Устная речь и стилевые свойства высказывания. – Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С.80.

В определенных речевых ситуациях постоянно элиминируется прилагательное *больной* в словосочетаниях с номинациями человеческих органов, частей тела и т.п. Условием эллипсиса выступают конситуации, когда говорится о болезнях, недугах, больницах и т.п., напр.: *печень, сердце, голова // нирки, ноги, руки*: – Спрашивала совсем молодая (а уже *почки!*) девка, отчаянная веселуха; Умерла в субботу, тогда же, после диализа. *Сердце...* (В. Иванова, Болезнь). Ср., стереотипные фразы в аптеках, больницах: У вас есть что-нибудь *от сердца?*; *От головы* только анальгин // *Від шлунку* нічого немає?

Стяжениям подвергаются и некоторые другие медицинские терминологические словосочетания в обиходной речи: – У Ламары опять *давление* (повышенное или пониженное); – Ей нельзя рожать, у нее *резус* (отрицательный резус); – *Из-за зрения* (плохое зрение) его не взяли в армию // *Знову тиск*.

Конситуативно-окказиональный эллиптизм¹⁷⁷ характерен и для генитивных сочетаний с элиминированием атрибута, легко восстанавливаемым ситуативными средствами, напр.: *воспаление легких – воспаление, порок сердца – порок, ателье мод – ателье // цироз печінки – цироз, номер телефону – номер и телефон*: – У тебе немає телефону деканату?

Характерно семантическое стяжение *зона отчуждения – зона*: Интерес к животному миру *зоны* в последние годы проявлялся только с негативной стороны. Планируется восстановить в угодах *зоны* рысь. Условия для жизни животных *в зоне* благоприятны (Сегодня, 17/XI – 98 г.) // *Говори Зони* (название коллективной монографии).

К конденсатам-существительным в обиходной речи примыкают и глаголы-конденсаты, семантическое стяжение в которых осуществляется имплицитно: форма глагола остается прежней, а изменяется его валентность, он теряет управляемое слово, становится непереходным. Весь смысл словосочетания конденсируется в управляющем слове. Постоянным и активно действующим

---

¹⁷⁷ *Винокур Т.Г.* Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи. – Развитие лексики современного русского языка. – М., 1965.

фактором компрессии речи выступает ситуативная и предситуативная обстановка. Частотное безобъектное функционирование таких глаголов-конденсатов способствует выработке у них специфически обиходного значения. Ср., глагол *оканчивать* в слове дается только с зависимыми словами *оканчивать курс, четыре класса, университет*, в обиходно-литературном стиле возможны такие высказывания: Она в этом году *оканчивает* и будет *поступить*. Говорящим ясно, о чем идет речь: об окончании средней школы и поступлении в высшее учебное заведение. Ср. также *сдать* (экзамены, сессию), *снять* (с занимаемой должности), *отметать* (праздник, день рождения) // *забезпечувати* (грішми, роботою), *володіти* (мовою, ситуацією), *посадити* (злодія, вбивцю). Напр.: – Врач *приймає*? – Да, до семи (рабочий и медсестра, Киев); – *Посадили* в 37-ом, выпустили в 56-ом, после хрущевской речи (врач, Киев); Сейчас *обмінююся* (мнениями – Н.О.), выработаем текст и подпишем (М.Горбачев); – Я *беру* (отпуск – Н.О.) за свой счет (В. Иванова, Болезнь); – Почему ты его ударила? – Он *приставал* (продавец, Киев) // Вони не *платять* (зарплату – Н.О.), а роботу вимагають; Син *посилає* (гроші – Н.О.) щомісяця.

Компрессия речи наблюдается и в функционировании в обиходной речи фразеологизмов, речевых штампов, утрачивающих один из компонентов. Приведем такие примеры эллипсизации устойчивых сочетаний в разговорной речи: Петька *вывел* (из себя) химичку и она выгнала его; Его *отметили* (наградой) за труд; Она в *отпуске без сохранения* (заработной платы, содержания) // Балаклаву вже *відкрили* (для відвідування); Немає *винуватця* (свята); Він його *послав* (під три чорти).

Выше уже отмечалось характерное для обиходно-литературного словообразования частотное употребление демунитивов в обиходной речи, обусловленное такой ее чертой, как неофициальные отношения между говорящими, а также ее экспрессивностью, напр.: – Сможет новые ножи купить, будет *колбаску* резать (Изв., 23/ХІІ – 98г.); – Вы только *дверочку* в кабинет поплотнее закрывайте! А то у нас *котик*, сами знаете, самостоятельный (И. Половоцкая, Сочельник); – Давайте этот *зубчик* посмотрим, *кусочек* ко-

ронки отломился (врач, Киев); – На прошлой неделе брали и «мерзавчики» из-под «Смирновки» (пенсионер, Москва); – Это просто хвастунишка с моторчиком (инженер, Киев); Накормят Рассеюшку американским хлебушком (пенсионерка, Белгород); Давайте чайку попьем (кондуктор, Харьков); – Ну и где сегодня денежки везем? – Какие денежки, Михалыч? Откуда у нас? Зарплата ведь не плотют который год (таможенник и пассажирки, Сумы) // – Списали (і все) грошики в кишеню (шахтер, Червоноград); – Обіцяночки давав, мовляв, жениться (пенсионерка, Черкасы).

Значимость экспрессивной деривации для русского и украинского языков и культур достаточно высока, она проявляется в различных частях речи: именах, глаголах, наречиях. Использование деминутивов в обиходной речи служит средством интимизации речи, выражением эмоциональных отношений к денотату, напр.: – Можно предложить вам чашечку кофе? – Дай мне молочничек¹⁷⁸. Речевыми стереотипами выступают ответные реплики со значением «подождите немного»: секундочку, одну минутку, одну минуточку // хвилинку, одну хвилинку. В сфере прилагательных с суффиксами *-еньк*, *-оньк-// -еньк-*, *-ісіньк-* отмечаются разнообразные экспрессивно-эмоциональные оттенки, охватывающие гамму чувств «любви, нежности, симпатии и удовольствия: *родной – родненький, милый – миленький*, а также «презрения, ненависти, пренебрежения и надменного отношения; *плохой – плохонький, дешевый – дешевенький, поганый – поганенький*»¹⁷⁹. Адъективы с суффиксами *-оват-// -уват-* обозначают обычно низкую степень качества: *синеватый, красноватый, хитроватый // зеленуватый, сіруватий, погануватий*, напр.: Он какой-то немножко *нагловатый* такой, знаешь, какой-то неумный (филолог, Нижний Новгород); // Килим *зеленуватий*, шпалери червоні / ото смак! (инженер, Киев).

Появление в речи уменьшительных образований обычно связано с обиходно-разговорными ситуациями, в них возможно и семантическое согласование: прилагательные с уменьшительным

---

¹⁷⁸ Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения. – Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С.33.

¹⁷⁹ Вержбицкая Анна. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С.51.

суффиксом определяет существительное-деминутив: *беленький платочек, светленькие волосенки, низенькая скамеечка // маленька україночка, тепленьке пальтєчко, червоненький чобіток*, напр.: Поднимите *правенькую ручку* (массажист, Киев); Мне *тверденькие яблочки* дайте (пенсионерка, Москва); *Легонькую курточку* возьми на всякий случай (врач, Киев); – *Крокодильчик, миленький перебези!* (Изв., 6/II – 99 г.)// *Чорненькі бровенята, карі оченята* (учитель, Тернополь); Візьми хоч *невеличкий шматочок*, я ж пекла його (химик, Киев); Надінь *жовтеньку кофтинку*, холодно (пенсионерка, Полтава).

Среди морфологических примет обиходно-литературного стиля следует отметить случаи транспозиции частей речи и грамматических форм. В сфере имен существительных – это переход фамилий на *-ский* в имена прилагательные с приобретением адъективных флексий и атрибутивного функционирования, напр.: *достоевская конференция*, нас называли *реформатские* дети, статья в *реформатский* сборник, *жириновские* соколы, выступить на *булаховских* чтениях // *гумецький* словник, *яворівська* партія, *дзєндзелівська* кафедра, *поповський* виступ. Такая транспозиция характерна для современного неофициального общения, она регулярно соединяется с чисто информативным назначением той или иной разговорной ситуации, с бытовыми диалогами и с вполне серьезной темой беседы: Она выступала и на потєбнянской конференции, и на *булаховских* чтениях / в докладе об этом ни слова/ никого это не интересуєт; *айвазовские* пейзажи на втором этаже; *высоцкая* планета зарегистрирована в *Астрономическом институте* // У *білецькому* збірнику дві статті, в «Сучасності» одна. Возможно, это «привилегия современной интеллигентской речи и, более того, интеллигентской элиты (чаще гуманитарной)»¹⁸⁰.

Языковая деятельность в различных ситуациях непринужденного общения характеризуется разными признаками. Каждый жанр обиходной речи избирает ограниченный набор языковых средств, характеризуется своеобразием по отношению к цели и

---

¹⁸⁰ *Винокур Т.Г.* Устная речь и стилевые свойства высказывания (К постановке вопроса). – В кн.: Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С.56.

способу коммуникации. Вокруг каждого жанра группируются определенные бытовые речевые этикетки, содержащие маркированные морфологические формы.

Такой маркированной морфологической формой, счетным падежом вещественных существительных в ситуации «место общественного питания, торговли» выступает семантическая модель, где существительное обозначает не просто вещество, а порцию этого вещества в различных упаковках, когда название упаковки опускается: *два молока, три творога, две сметаны // дві кави, три пива, дві ряжанки*, напр.: Выберите *два валидола*, валерьянку; Нам *два борща*, котлеты и кофе; Считаем: *два супа*, отбивные, пиво // *Два маргарина і двісті сардельок; Скільки кав вибивати? На п'ятьох два салати.*

Готовые формулы, стереотипы, употребляемые в частотных ситуациях, – характерная черта обиходной русской и украинской речи: *Два борща*, котлету и компот, пожалуйста // *Два йогурта і сметану*. В этих готовых формулах, ситуативно обозначенных, функционируют и счетные падежи, и опускаются глаголы «дайте, подайте, принесите».

Морфологическая черта обиходно-литературного стиля – употребление во множественном числе собственных имен: Кто-то прорывается в заветные *европы и америки* начать там новую жизнь; У них сезон отпусков (большинство разъехалось по *багамам // По тих канадах* вештались; У *тюменях та магаданах* зарабатывали пенсії; В *парижах* й сови люксусові; Гадав, як шлях собі верстав (В.Бровченко, Наближення до байки).

Функцию номинации адресата речи в русском языке выполняет именительный падеж, в украинском языке для этого существует особая форма – звательный падеж: *Миколо, Віталію, Наталко, Світлано*, напр.: *Юро!* Я не дозволяла сніг брати. Иди-но сюди (воспитатель, Киев). В обиходно-литературном стиле русского языка существует особая звательная форма у существительных мужского и женского рода: *пап, мам, ма, Валь, Коль, Тань*, они характерны для неофициальной, непринужденной манеры разговора, выступают речевым следствием типических условий данного вида комму-

никации, напр.: *Коль*, что мы вчера читали? Мы в прошлом году туда ездили, да, *Тань*? *Клав*, у нас есть поплин? В отличие от украинской обиходной речи, в которой систематично образование звательного падежа от субстантивов мужского и женского рода (имен собственных и апеллятивов) (*киянко, Україно, Віро, земле, краю, Вікторе, Києве, Дніпре*), разговорная русская звательная форма образуется от собственных имен и ограниченного круга апеллятивов-названий родства: *па, ма, ба, теть, дядь, дочк, бабусь, дедунь*; – *Дядь, теть*, работка есть?; – *Пап*, дай на мороженое; – Ой, *бабусь*, чем вы?¹⁸¹. В русской обиходной речи усеченные вокативы употребительны не только при изолированном функционировании апеллятивов и собственных имен, но и тогда, когда имя выступает в сочетании с отчеством, а также при повторах с усилительной частицей *а* перед вторым компонентом: – *Марь Петровна*, можно выйти?; *Дядь Сереж*, иди сюда; – Позвонить можно, *теть Маш*?; *Пап, а пап*?! Ты у Вовки вот телефон возьми; – *Зин, а Зин*! погоди, успокойся; – *Мавруш, а Мавруш*!– обратился он после томления к Федератовне (А. Платонов, Ювенильное море). Употребление усилительной частицы *а* в обращениях-повторах специфичны для русской обиходной речи, в украинской речи такую усилительную функцию при повторах-обращениях выполняет интонация.

В обиходно-литературном стиле наблюдается многофункциональность грамматических форм по сравнению с другими стилями, грамматические формы могут выполнять большее число функций, например, именительный падеж субстантивов и местоимений в обиходной речи может функционировать как именительный темы, конструкции с которыми могут иметь весьма различные модификации. Такая функциональная нагруженность именительного падежа ограничивается обиходной речью, создаются типизированные конструкции: – *А дочка ваша (она врач?) // Ця виставка / вона народилась спонтанно (художник, Киев).*

Именительный падеж располагается в абсолютном начале высказывания и служит для называния основной темы высказывания

---

¹⁸¹ *Озерова Н.Г.* Номинация адресата речи в славянских языках – *Слов'янське мовознавство. Доповіді на XI Міжнародному з'їзді славвістів.* – К., 1993. – С. 211.

вания: *Красота / она* в душе. В мультике должна быть доброта / обязательно (художник, Казань). А эти, в *Белом доме*, они плуг-то хоть видели? (тракторист, Орел); *Раковая ткань / она* чувствительна к излучениям разным (врач, Киев); *Юрий Владимирович / он* любил больше смешные случаи из жизни (артист, Москва); *Партия / она* тоже в движении (философ, Воронеж) // *Завод / він* забруднює повітря (биолог, Запорожье); *Таня / вона* також з університету (учитель, Киев); *Василь / той* хоч вітається (филолог, Киев); *Гроші / вони* взагалі є (инженер, Киев).

Инициальная позиция именительного темы в вопросительных конструкциях обозначает сущность вопроса: *Крещатик / виходите?*; *Харьков / два* плацкартних есть? // *Зубна щітка, треба?* *Зошит і щоденник / скільки з мене?*; – *Класні кросівки* Де ти їх дістав?

Именительный темы с коррелятом-местоимением входит в синтаксическую модель – клишированный речевой стереотип обиходной речи: *Швец – он* и в Африке *Швец* // – А що його пробувати? *Сало – воно і є сало*.

В обиходной речи наблюдается более широкое, чем в других функциональных стилях, употребление вариативной флексии -у в род. п. субстантивов различных лексико-семантических групп, для которых в лексикографических источниках зафиксировано только окончание -а¹⁸²: *гемоглобину, карману, колхозу, металлолому, району, етикету, ефекту, гнусу*, напр.: – Ой, я ведь тебе *провианту* привезла (В. Распутин, *Живи и помни*); – А может, *и с радиозаводу* кто... *С радиозаводу* которые, они на своих машинах ездят (Н. Коныев, *Долгие дни лета*); Гришка же наш лаптевский, шофер с *райпотребсоюзу*, тут буксовал (Ю. Гончаров, *Уроки Паустовского*).

Функционирование в языке художественной литературы словоформ с флексией -у существительных, для которых это вариантное окончание является окказионализмом, индивидуально-авторским грамматическим неологизмом, незафиксированных в словарях и нормативных изданиях, свидетельствует об их стилистической маркированности, об использовании их в качестве средства для

---

¹⁸² *Озерова Н.Г.* Лексическая и грамматическая семантика существительного. – К., 1990. – С. 101.

создания разговорного колорита. В текстах, отражающих разговорную стихию языка, встречаются словоформы с флексией –у даже у неодушевленных собственных существительных: – Что тебе привезти *из Парижу?* (А. Вознесенский, Открытка). Это свидетельствует об одной типической черте морфологии обиходной речи – отсутствие лексических запретов и ограничений в действии грамматических схем, регулярность грамматических моделей.

В сфере имен прилагательных также наблюдаются определенные специфические черты морфологии обиходно-литературного стиля. В обиходной речи активизируются лично-притяжательные прилагательные: *Галин* раздел, *Валин* портфель, *Юлина* папка в тех общественных сферах, где господствует личное собственное имя, а не фамилия человека. Это область семьи, тесно спаянных коллективов, часто объединенных производственными отношениями или школьно-вузовской жизнью *Верина* мама, *Людин* зять, *Ирочкина* девочка // *Іванів* друг, *Любина* аспірантка, *Тетянин* словник. В обиходно-литературном стиле частотны словосочетания с притяжательно-относительными прилагательными, имеющими значение «принадлежащий кому-то», образованные от фамилий: *лужковская* Москва, *церетелиевский* Петр, *фрейдистская* методика // *брежневська* эпоха, *хрущовська* відлига, *горбачовська* перебудова.

В обиходно-литературном стиле весьма ограниченно функционируют краткие прилагательные, которые даже в предикативной позиции заменяются полными формами: *Девочка красивая*; *Хозяин плохой*; *Огурец полезный*. В обиходной русской речи на Украине крайне редки краткие прилагательные, в украинском языке, кроме формы мужского рода един. числа, их нет, напр.: Я была *больная* (учитель, Киев) (ср., укр.: Я була хвора); Она была очень *богатая* (ср., укр.: Вона була дуже багата); Он был *голодный*, все съел (ср. укр.: Він був голодний); Сами-то они *бедные* / живут там / мы слышим / трудно (агроном, Владивосток); – Эта квота слишком *жесткая* и *нехарактерная* для стран с таким финансовым состоянием (режиссер, Киев). Предикативные возможности полных прилагательных, проявляющиеся в разговорной речи, выступают органической чертой обиходно-литературного стиля.

Линейное построение фразы в обиходной речи обуславливает функционирование полных прилагательных в качестве постпозитивных определений, уточняющих, конкретизирующих свойства денотата: Для мужика возраст *кризисний* / тридцать лет; Там есть бланки *стандартные* (врач, Киев); Набросал мячей корзину *полную* (баскетболист, Москва) // Щоб вони любили / слухали наші пісні / *ліричні* / *патріотичні* / *різні* (певица, Дрогобыч); – Візьми там олівець *червоний* (учитель, Луганск); – Вже купила квиток *плацкартний* (служащая, Львов). В качестве контекстного постпозитивного определения в обиходной речи функционирует сравнительная степень имени прилагательного с префиксом *по-* и без него, напр.: Рыбешки *помельче* отщипывают кусочки из-под носа (биолог, Москва) и Одну и ту же толпу рисуем много-много раз, все *мельче* и *мельче* (художник, Казань); Ему нужны часы *подороже* и Картошка крупная *дороже* в погребе, а мелкая – на веранде (филолог, Киев); В миску *поменьше* положи буряк и Букет *побольше* подарили воспитательнице / а *меньше* – нянечке (учитель, Чернигов). Сравн. в письменных текстах: Стою – чтобы не замазаться, в *похуже* – штанах, конечно, и в *похуже*-рубашке. Звонки (М. Цветаева); Там деньги некачественные. Короткие и дорогие. У иностранцев – *получше*. Длинные и дешевые (Изв., 18/VI – 2004 г.).

Интенсивность признака, называемого полным прилагательным, усиливается употреблением местоимения *такой*, частотного в разговорной речи: говорящий в сфере непринужденного общения гораздо чаще не характеризует предмет, а оценивает его, высказывает свое отношение к нему; *Такой* ужасный фильм я видела; Волосы длинные *такие* / завитые; *Такой* старческий дрожащий голос у нее по телефону; Отдохнувший *такой* вид у него после Кисловодска / он каждый год зимой туда отправляется (инженер, Киев) // *Така* молода дівчина пішла за старого (агроном, Житомир); *Така* красива жінка / а як нафарбується – то жах (учитель, Черкассы); Хворий *такий* Іван почалапав на роботу (рабочий, Полтава).

Местоимение *такой* усиливает не только адъективные семы, но и субстантивные в обыденной речи: . – Я сомневаюсь / щоб они были *такие филантропы* / щоб бесплатно (врач, Киев); *Такой*

кормилец накормит! (железнодорожник, Харьков); . – С тебя / пьяного / *такой помощник* (филолог, Полтава). Входит это местоимение и в клишированные речевые стереотипы: А что *такое?*; Что он *такого* сказал? Что *такое* Петька / понятно // *Такого* не буває.

Линейно-временное построение текстов устной обиходной речи обуславливает и специфические черты ее синтаксиса: функционирование неоднословных номинаций в позиции зависимых словоформ, конструкции с нулевым глаголом, конструкции неоконченные и прерванные, слова-предложения, подчиненные компоненты предложения, зависимые от отсутствующей главной части.

Неоднословные номинации, функционирующие в обиходной речи в качестве эквивалентов зависимых словоформ, состоят обычно из относительного местоимения и глагола. Они выступают заменителями конкретных существительных / *чем писать* (ручка, карандаш) // *на чому написати (napir)*. Эти номинации могут употребляться при глаголе в качестве зависимых членов:

а) объектных распространителей: Дай мне *чем писать*; Принеси *во что завернуть*; Ты взял *чем грибы обрезать* // У вас лежить *чим книжки зв'язати*; Я забув *чим замазувати*; Телефонувала *хто податки збирає*; Дай *чим закусити*.

б) обстоятельственных распространителей: Поедем *где в прошлом году собирали*; Бритву купишь *где мама работает*; Киоск *где городской почтампт* // *Поклади де лампа стоїть*; *Постав де словники*; *Полетіли де почнуть новий сезон*;

Анализируемые номинации функционируют при *єсть* (имеется) / *нет* (не имеется) // *є* / *немає*, соответственно в прошедшем и будущем времени, а также при безлично-предикативных словах *надо*, *нужно* // *треба*: У нас *єсть чем снимать*; Нет *что вспомнить хорошего*; Будет *чем кормиться* // Колеса... Буде *чим везти*.

Расчлененные номинации лица могут функционировать в качестве обращений (Проходите в салон *кто купил билетик*; *Кто без тапочек* сидеть в раздевалке; *Кто на Курчатова выходит* приготовьтесь // *Хто записувався на масаж* подзвоніть Аліні Семенівні; Поверніть до бібліотеки *хто взяв Жирмунського*; *Хто забув годинника* зверніться до вахтера. Подобные конструкции сконцентриро-

ваны в обиходно-бытовой неофициальной речи, поскольку именно в ней создаются для этого благоприятные речевые ситуации, в обстановке магазинного и транспортного общения.

Для современной обиходной речи характерна постпозиция оди-ночного согласованного определения по отношению к своему определяемому. Контактная постпозиция определения – необходимая принадлежность устно-разговорной речи, одна из ее структурных характеристик¹⁸³. Линейная компоновка предложения, оформляющаяся по мере развертывания мысли, обуславливает первоначальное называние определяемого, а затем согласованного определения. Это служит цели обратить внимание слушающего прежде всего на объект речи, чтобы достичь адекватного понимания. Постпозитивным контактно расположенным согласованным определением может быть и качественное и относительное прилагательные в свободном и терминологическом употреблении, а также местоимения разных грамматических разрядов: Она была в пальто *красном*; Где наше зеркало *большое* исчезло? У них был лещ *жареный*, всякие салаты, картошка *молодая* (инженер, Киев); – Хотелось бы пожелать зрителям, чтоб у них была возможность *финансовая* посетить театр (режиссер, Киев); Объединяем территорию с садом, *самым старым нашим / университетским* (ботаник, Харьков) // – Вам не треба масла *дешевого* / жіночка продає (колхозница, Харьков); Поклади пелюшки на батарею *гарячу*; – Ось і хазяйка *молода*; за тим календарем *камінним* можна визначити час (журналист, Киев).

Весьма часто в контактной постпозиции выступает притяжательное местоимение, которое никогда не бывает ударным: – Он проел пенсию *свою* / теперь добирается до моей (вахтер, Киев); Где словарь *мой*? Бери чашку *свою* // Де окуляри *твої*? Куди ти поклала папку *свою*? Дайте слово аспірантці *нашій*; Земля знаходить господаря *свого* (агроном, Полтава).

Дистантная постпозиция согласованного определения – широко употребляемый в обиходно-литературной речи способ расположения определения. Обычно при таком порядке слов определение является информативно слабым, невыделенным. Иногда оно как

---

¹⁸³ Лантева О.А. Русский разговорный синтаксис. – М., 1976. – С. 207.

бы добавляется попутно в качестве дополнительного сообщения о признаке предмета, потребность в котором возникла в момент речи: Ему было трудно приспособиться: языка он *польского* не знал; Правила он вводит *собственные*; С весом для него *рекордным* он закончил соревнования // М'язи накачував *величезні*, готувався; В драму сюжети приносять *нові*, а актори *старі*; Я огірки купила *свіжі* (дешево) жінка спішила на поїзд (рабочая, Киев); Ванни приймаємо *мінеральні*, гуляємо в лісі (учитель. Ужгород).

Особенно ослаблено в такой позиции местоименное определение: *Дочку устраивали вашу* на работу; Знакомьтесь, *сын* единственный *мой*; *Свекровь*, бухнулась *моя* на колени // *Чашку* візьми *мою* у шафі; Коли *дружина* прийде *твоя* / розкажеш; *Родичів* запроси *своїх* на входини / хай подивляться.

В обиходно-бытовой речи функционируют весьма краткие тексты типа одиночных реплик или обмена репликами. Частотны реплики, построенные в форме вопросительного предложения, в котором в дистантной препозиции находится согласованное определение, выраженное прилагательным. Они прикреплены к определенной ситуации (магазинные стереотипы), значение существительного вполне ясно из контекста: *Молочные* есть *сосиски*?; . – *А свежих нет у вас* огурцов? – *Теплые* есть *колготки*, а? // *Український* є *хліб*? *Свіжу* привезли *рибу*? – *А італійські* є у вас *черевики*?

В дистантной препозиции может выступать и местоименное определение, происходит усиление информативной значимости местоименного слова: – *Какие* у вас *цифры* первые? Будут переводить на 234 (врач, Киев); – *Какие* там у нас *дела*? (В. Пьецух, Жена фараона); – *Какой* рекомендуете вы *крем*? // – У тебе *якісь* із собою є *документи*? – Ти *мою* принесла *сумку*? – Ти *свій* взяла *екземпляр*?

Коммуникативно значимым информативным центром в группе «определяемое + одиночное согласованное предикативное определение» выступает расположенное в дистантной препозиции предикатируемое определение. Обычный тип предложения констатирующе-бытийный с субъектом-существительным: *Интересный* был доклад? *Веселый* был день рождения; *Красивый* был *мужчина* // *Маленька* була *річечка*; *Товстий* був *чоловік*; *Грамотні* стали *діти*.

Часто прилагательное имеет при себе усилительное слово (наречия *очень* // *дуже*): *Очень хорошее* было настроение; *Очень большой* присудили срок; *Очень тяжелые* у нас вещи были с собой // *Дуже довга* була дорога; *Дуже гарні* у них були стосунки з сином; *Дуже цікава* була його стаття в «Мовознавстві» про це. Иногда усилительное слово при прилагательном находится в постпозиции: *Большой очень* будет магазин за углом; *Хорошая очень* тут у вас тусовочка; *Сухой очень* творог у нее сегодня // *Цікаві дуже* були хлопці на нашому курсі; *Приваблива дуже* перспектива роботи для нього за кордоном; *Поганий дуже* вже у мене холодильник.

В обиходной речи частотны словосочетания «определяемое + неодиночное определение». Атрибутивное определение-прилагательное выступает вместе с определительным местоименным членом, располагающимся в препозиции к определяемому существительному, а адъектив находится в постпозиции: *На столе стоит какой-то букет пышный* / в углу свечка; *Нет у вас какого-нибудь одеколончика дешевенького?* Они приняли *такое решение конструктивное* (инженер, Киев)// *Він давав якісь обіцянки дивні*; *Переможе на яких-небудь змаганнях спортивних*; *Така гра цікава* була між «Динамо» та «Карпатами»; Сюди, під'їжджай до *цього будинку п'ятиповерхового*.

К типизированным синтаксическим конструкциям разговорной речи принадлежат и предложения с нулевым глаголом, или «безглагольные модели, экспрессивно-динамически воспроизводящие действие»¹⁸⁴. Для обиходной диалогической речи характерны конструкции пространственного смысла с нулевым глаголом движения: *Ты куда? В дирекцию*; *Седина в бороду, а бес – в ребро* // *Завтра я в университет* / а потім на курси. Указателем направления перемещения в пространстве выступает существительное в вин. пад. с предлогом *в*, как в предыдущих примерах, а также с предлогом *через*. Данная синтаксема обозначает место, через которое направлено движение: *Я бегом через парк* и дома // *Ми через ліс* і в Броварах. Направление движения также выражается субстантив-

---

¹⁸⁴ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – С. 410.

ной словоформой вин. пад. с предлогом *на*: Мы сегодня *на каток*, а завтра в цирк / каникулы // Ты сьогодні *на Русанівку* чи *на Нивки*? Отправная точка движения обозначается род. падежом с предлогом *от// від*: Віра *від директора* / переказувала, щоб ти йшла до нього швидко. Словоформа род. п. в предлогом *до* указывает на предел распространения движения: Я *до базара* с вами / а потом пешком; *До «Дружбы народов»* пятнадцать минут / затем вверх по Неманской десять / *До «Арсенала»* на двадцатому; далі метро. / Словоформы род. падежа с предлогами *с, из // з* обозначают, откуда исходит движение: Я *с работы* / голодный, как волк; Света *из института* прямо в театр // *З річки* прийшли / аппетит нагуляли. Безглагольные конструкции этого типа частотны в пословицах: *С глаз долой – из сердца вон // Баба з возу – коням легче*. Субстантивная словоформа дат. п. с предлогом *по* обозначает место, по поверхности которого или вдоль поверхности которого совершается движение: Они на роликах *по Крещатику* // Нагору *по бульвару* до жовтого корпусу. Если существительное в данной позиции употреблено во множественном числе, то оно обозначает объект, по отношению к которому совершается движение: До обеда мы *по магазинам* / то есть на шопинге // Усю відпустку *по експедиціях* / пісні збирали.

Субстантивная словоформа в дат. пад. с предлогами *к//до* (род. п.) в конструкциях с нулевым глаголом движения обозначает лицо или место, к которым направлено движение: После работы я *к зубному*; Сначала *к мужу* в больницу, потом на базар // Ви *до мене?* – *До Володі* Скуратова у храм? Сідай (таксист, Черкасси).

Способ передвижения обозначается словоформой предл. пад. с предлогом *на*: Они все теперь *на иномарках*; Подростки *на роликах* // Я до неї *на трамвайі*; Він *на лижах* до электрички. Это же значение передается и субстантивной беспредложной словоформой твор. падежа: Ты в Москву *самолетом* или *поездом*? Я *восемьдесят первым* (автобусом) до метро; До аэропорта лучше *автобусом* // До Ніжина *електричкою*, а потім *маршруткою* у Дуболугівку; *Велосипедом* і в ліс, і на озеро; Вони своєю *машиною* до баби / в село (рабочий, Полтава).

В конструкциях с нулевым глаголом речи (*говорить, рассказывать, рассуждать, сообщать // говорити, балакати, розповідати, розмірковувати*) приглагольный член может быть выражен существительным или наречием. Субстантивная словоформа в вин. пад. с предлогом *про* называет объект речи (то, о чем говорится): Я ему *про Фому*, а он мне *про Ерему*; Он захлеб *про «Чайку»* во МХАТе; Она все время *про* свою *внучку*; и красивая, и поет / и отличница; Гнатюк *про оперу* в своем докладе // Це ви зараз *про сина*? Я *про Володю Івасюка, про його пісні, про його долю*; Дещо *про свої враження*; Він увесь час тільки *про себе*. Это же значение в русской обиходной речи передается и словоформой предл. падежа с предлогом *об*: *Об этом* я после доклада; *О мертвых* или хорошо, или ничего; Он все *о Джеймсе Бонде* и сериале; *Об этом лекарстве* в «Справочнике домашнего доктора» /я купила в переходе.

В качестве приглагольного члена при нулевом глаголе речи могут выступать наречия: Ты о путешествии *поподробнее*; О материале и методах *покороче* /в самом начале; Он *по-английски* свободно. Негритенок с деревенскими *по-русски // Яскравіше* про це; Жартома *про серйозне*.

Нулевой глагол со значением, близким к *играть*, выступает в конструкциях: существительное–местоимение со значением лица в имен. п. + нулевой глагол + субстантивная словоформа вин. п. с предлогом *в*, номинирующая игру: Он у нас и *в футбол*, и *в волейбол* / спортивный парень; Там дети и *в кошки-мышки*, и *в казака-разбойника // Хлопці тільки в карти / пенсіонери в доміно у дворі; Увечері я буду в теніс*.

В конструкциях с двумя приглагольными членами: объект действия, выраженный словоформой вин. п., и субстантивная беспредложная словоформа твор. падежа, обозначающая орудие средства действия в незамещенной синтаксической позиции могут восстанавливаться глаголы широкого семантического спектра: *чистить, мыть, стирать, натирать, покрывать, кормить // чистити, прати, мити, натирати, годувати, фарбувати* и т.п. Напр.: *Костюм надо щеткой*; *Поклеили обои, пол польским лаком*; *Голову я обычно шампунем // Цю пляму тільки порошком*; *Вона свою*

кішку *рибою* / та ще й морською; Ставні *зеленою фарбою*, а двері *жовтою*; Заголовок *фломастером* / інше просто друкуй.

К константным характеристикам обиходной речи относятся типизированные синтаксические конструкции, особым способом номинирующие предмет. Эти номинации выполняют функции субъекта и объекта действия, они ситуативно обусловлены и характерны только для породившей их конситуации.

Частотной моделью глагольных номинаций являются конструкции с *verbum finitum*, характеризующие лица и предметы по их действию. Эти лица и предметы не называются, они заданы ситуацией, спецификация их, важная и существенная, выражается глаголом, часто с приглагольными распространителями: *На вешалке в коридоре висит* / возьми и почисти; *По утрам собаку выгуливал* / встретил на остановке // *Одну хвилину балакав* / передає слово; *На підвіконні* / між рамами лежить / з'їж в обід; *На «Мерседесі» їздив* / посадили вже.

Эти номинации часто сочетаются с относительными местоимениями: *С кем он дружит* сейчас воспитанный., выдержанный; *Кто звонил тебе* какой-то странный голос; *На чем он играет* / не нравится мне совсем // *Треба порадитися* / *хто це знає*; *Хто біля обмінників* / *крутиться* / стурбувалися дуже; *Чим вони укриваються* / тепло, красиво; *Висвітить хто записався*.

Номинации, включающие инфинитив глагола и зависимое от него относительное местоимение, также продуктивны в обиходной речи: *Дай чем писать*; *Принеси мне во что завернуть*; *Дай на чем гладить*; *Поставь из чего чай пить*; *Человек он подневольный* / *будет ездить на чем прикажут* (рабочий, Москва) // *Не було чим зв'язати*; *Знайди чим сапати*; *Шукай на чому їхати*; *Чим писати* не забула? Инфинитивные номинации обслуживают преимущественно объектные отношения.

Распространенный тип конструкций в обиходной речи – безглагольные конструкции с общим констатирующим значением бытия или обладания, в которых есть личное местоимение или одушевленное существительное в родит. падеже с предлогом *у*: *У нас хорошие новости* / *деньги будут*; *У Вали щитовидка* и еще что-то

психическое; Тяжелое время у меня / на работе нелады / дома // У неї красиві сірі очі, чорні брови; У дядька гарна бібліотека; У нього багато статей на цю тему; У мене нерви / я повинна лікуватися. Местоименная словоформа родительного падежа с предлогом у входит и в разговорные конструкции типа: У меня заказаны билеты на самолет на 3-е; У тебя уже сданы экзамены / можешь ехать домой; У меня зазвонил телефон // У мене зіпсувався настрій одразу; У тебе що / зіпсувалася машина? У нас буде презентація нового словника; Так болят у нього ноги; У кого карточки повиймали?

Линейность обиходного синтаксиса обуславливает функционирование в обиходно-литературной речи конструкций с повторами. Повторенными компонентами могут выступать различные члены предложения: *Пошумят / пошумят* да и разойдутся / не впервой (журналист, Кемерово); Он у нее *военный / военный*, она и квартиру уже получила, и обставилась (телефонистка, Киев); *Не надо / все-все / не надо* не беспокойтесь (телемастер, Киев) // *Заспокойтеся усі, заспокойтеся; Я чую / я прекрасно чую / як ви кричите; Сядьте / будь ласка / сядьте* на місце (агроном, Черкасы). Однако чаще других членов высказывания повторяются глаголы-сказуемые, второй повторенный компонент имеет при себе зависимые приглагольные члены: Я об этом *читала / в «Комсомолке» читала*; Назар *старался / очень старался* получить пятерку; Мы можем *поговорить, поговорить* завтра // Він у Кисловодськ *їздить / кожного року їздить*; Я *дивився / цей матч із «Реалом» дивився*; У Львові *не люблять / не люблять* наш театр і все. Распространителем повторенного глагола могут быть существительные, удовлетворяющие обязательную валентность глагола: А он хоть *прочел / Потєбню прочел?* А Вера мне не *сказала / ничего не сказала*; Валя! *Выключи / газ выключи* // Я *думав / про тебе думав*; Ти *поговори / з Любою поговори*; Я не *можу зрозуміти / цю доповідь не могу зрозуміти*; Ми *прорахували / усі цифри прорахували*.

Неподготовленность устной обиходной речи обуславливает наличие в разговорных высказываниях актуализаторов *что // що, да // так, нет // ні, разве не так / чи не так* и т.п.: Утром наладил компьютер – *и вот на тебе!* – нет связи (связист, Владимир);

Их что? Увольняют? А поедем да? Автобусом?; А что, вечернего эфира не будет? (журналист, Москва); – Все село, что ли, в партию вступило? (шахтер, Кривой Рог) // Канівці / вони як раз і заселяли / При Столипіні чи що? Шукайте / де дві звізди (агроном, Черкасы); Гуляти будемо як? По повній програмі? Я не бачив, ні! Не бачив його в ресторані; Це що? Запис / так?

Устная речь обладает красочными, лексически разнообразными и достаточно экспрессивными видами модальных слов и частиц, напр.: *чай, как водится, видать // очевидно, так би мовити, звичайно*. Она непрерывно обогащается новыми их формами¹⁸⁵, сравн. жаргонное *в натуре* и т.п. В русской разговорной речи частотны безличные предложения типа: Его переехало трамваем¹⁸⁶.

Таким образом, для синтаксиса обиходно-литературного стиля русского и украинского языков характерна линейность в построении высказывания, основанная на принципе ассоциативного присоединения конструкций, составляющих обиходный текст. Обиходная речь – это не изолированная и самодостаточная система. Обиходная речь – это особая форма владения литературной речью, регулярно пополняемая просторечными и жаргонно-профессиональными элементами, употребляемыми и с различной степенью стилистической заданности, и нейтрализованно.

Соединение обиходных речевых средств с литературными по-разному реализуются в коррелирующих стилях русского и украинского языков. В русском обиходно-литературном стиле более частотны просторечные элементы, слэнг, жаргонизмы, профессионализмы, напр.: Представителя президента / *так елки ж твои дрова* / украли в Чечне (телемастер, Киев); Западные финансисты «скинутя» на кредит России / *все будет в норме* (банкир, Москва); Водитель и пассажир иномарки «насли» груженную фуру / *чтоб не терять ее из виду* / *сами прятались* (милиционер, Астрахань); Добились / *чего хотели* / *наехали* на «Газпром». Ему нужно / *нужно раскрутиться* как хозяину (инженер, Москва); Нетрезвые «водители» сыграли с ГАИ в очко. Идет охота на *водил* (Сегодня, 25/XII –

¹⁸⁵ Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1972. – С. 582.

¹⁸⁶ Вежбицкая Анна. Язык, культура, познание. – М., 1996. – С. 74.

98 г.); В Запорожье «кинули» полсотни болгар (Сегодня, 5/III – 99 г.); клево, не грузи, никакого напряжения, ничего побалдели, крутое дело, крутой парень (речь старшеклассницы, Москва).

В украинском обиходно-литературном стиле превалируют элементы литературной речи, роль просторечных элементов в нем часто выполняют русизмы, но не суржиковые (русское слово в украинской огласовке), а произнесенные по-русски, со ссылкой на источник; Словник цікавий, потрібний, «но по пять», як говорит в Одесі, или без нее: Такі інтриги усі перелаялися / просто якийсь *беспредел*; Сідай / *нет проблем* (таксист, Черкасси); Розбирати справи повинен суд / не депутати / *не царское это дело* (юрист, Киев); Вставити *стёкла* в під'їзді... Тоді в квартирі потеплішає / значно (инженер, Киев); Я не знаю / я думаю / шо вони собі беруть / Треба дивитися на *счётчик* (водитель, Ужгород); Я відношуся до *законопослушних* громадян (депутат, Киев); Ця ідея, говорячи по-російськи, *витає в воздухе* (дипломат, Киев).

В украинской обиходной речи частотны среди русизмов прежде всего служебные единицы (вводные слова, союзы, глаголы-связки), включаемые говорящим в обиходный украинский текст, напр.: – Ну, *наверно* / він не візьметься за цей зуб (рабочий, Киев); – Вам не треба дешевого масла? – *Спасибо* (крестьянка, Киевская обл.); Дійсно єсть документи / но робили цю операцію / гроші переказували на рахунок даже жінки Лазаренка. Що *касається* другого питання / Гроші як відмиваються! Ці факти *находяться* в стадії розслідування (юрист, Киев); Вони *являються* його представниками (агроном, Киев). Однако возможны и русские полнзначные слова в украинской огласовке: Нам на десятю годину в район на совіщаніє (ветеринар, Черниговская обл.); Під час перерви підемо на обід в *столову* (преподаватель, Нежин).

Набор функций, коммуникативных ситуаций общения, правила построения обиходного текста и другие релевантные признаки функционального стиля у русской и украинской речи одинаковы, специфика каждого из сопоставляемых стилей заключается в пропорциях соединяемых в нем элементов литературной речи и просторечия, жаргона, слэнга, а также их качественных характеристик.

Сфера разговорного общения охватывается обиходно-разговорной речью, которая характеризуется пестротой языкового состава. В русской обиходной речи на Украине частотны украинские номинации: *Час* расставить все по своим местам и покажет кто есть кто (журналист, Киев); В *поточном* году долги выросли. Шахтеры будут платить *поточные* налоги (депутат, Донецк); Эту *постанову* мы уже обсуждали. Вот что возмущает людей (депутат, Киев); Когда вышла на пенсию (сначала *нудьгувала*) потом занялась огородом (инженер, Харьков); – Ну, надо же / Мы сидели / пили самогон и все думали / что же это булькает кругом – а *це горилка була!* (рабочий, Чернигов); Эту *постанову* принимали без нас / нас не было (депутат, Киев); 25% *статутного* фонда на дивиденды / есть форма отчетности – наш *статутный* фонд (бухгалтер, Киев); Конечно /снижение *податкового тиску* дало бы возможность заводу нашему / встать на ноги быстрее (инженер, Запорожье); Сохранить те материнские *батьківські відносини* с Россией (депутат, Киев). Чаще всего в русскую разговорную речь на Украине включаются в обиходные тексты номинации украинского официально-делового стиля, говорящим известна соответствующая русская номинация, но они воспроизводят ее украинский коррелят, поскольку он больше «на слуху». Реже, но встречаются в русской разговорной речи на Украине и элементы украинского речевого этикета: – *Выбачайте*, задержался. Я по утрам обычно в Кривой Рог хожу (агроном, Днепропетровская обл.), а также украинские служебные слова: *Закриття* Чернобыльской станции *поза* всякого сомнения (инженер, Чернигов).

В условиях контактного функционирования русского и украинского языков в Украине возможно в одной коммуникативной ситуации использование обиходно-литературных стилей контактирующих языков, когда участники коммуникации пользуются родной обиходной речью (семья, коллеги по работе, случайные знакомые, теле- и радиоинтервьюируемые), городские стереотипы:

А.: – А как было вначале?

Б.: – Зразу був такий / хоч до рани прикладай.

А.: – А потом?

Б.: – Друзі / чарка / уже й жінка не така (продавці, Київ).

А.: – Боже / як ви мене дістали / і почав реготати.

Б.: – Так / все / я собираюсь/ Чемодан где? Я рада / я щаслива /
Быстро чемодан / коричневий.

А.: І куди ж ти? Без нього? На гастролі? Чи може до мами? (артистки, Київ).

Близость родных языков коммуникантов, определенный уровень знания языка собеседника обеспечивают нормальные условия коммуникации говорящими на русском и украинском языках.

Таким образом, набор коммуникативных функций русского и украинского обиходно-литературных стилей обуславливает специфические законы построения обиходных текстов, их отличия от текстов других функциональных стилей: подача информации блоками по принципу ассоциативного присоединения, сообщение в первую очередь информативно важного, выражение смысловых связей преимущественно способом соположения единиц, высокая вариативность лексических, фонетических, словообразовательных, синтаксических норм.

МЕТАЯЗЫК НАУКИ КАК ГУМАНИТАРНАЯ ПРОБЛЕМА

Прогресс научного знания привлек внимание ученых разных специальностей к вопросам языка науки. Все большая дифференциация научных исследований явилась причиной более мелкого дробления языков и диалектов, используемых как средство научного общения, каждый из которых совершенствовался по мере развития соответствующей научной дисциплины. В то же время взаимодействие различных наук привело к возникновению многочисленных новых понятий, терминов, нередко находящихся на границе смежных областей. Чрезвычайно возросло число новых школ и направлений. Все это обусловило тот факт, что проблемы языка науки приобрели в последнее время особую остроту: стала очевидной зависимость терминов и понятий от системы взглядов и представлений, свидетельствующих об общей методологической позиции исследователя как «носителя» определенного мировоззрения. Особенно актуальным вопрос изучения особенностей научного изложения и научной терминологии становится при сопоставительном исследовании контактирующих близкородственных языков.

Интерес к анализу языка науки стал одной из главных проблем не только лингвистической науки двадцатого века. Интерес этот возник на пересечении нескольких областей знания и человеческой деятельности и связан со сложным комплексом теоретических и практических задач.

Прежде всего, проблема языка науки соотносится с глобальными вопросами о границах могущества науки, с вопросами о том,

что, как и зачем мы изучаем, насколько достоверно наше знание и с какой точностью, однозначностью и полнотой способен его выразить созданный для этой цели язык.

Выход отдельной науки за пределы уже освоенной и разработанной проблематики, прежде всего, как нам представляется, свидетельствует о расшатывании устоявшейся научной парадигмы, фиксируя «новую реальность», для описания которой необходим новый инструментарий, новый язык описания – новый метаязык.

Своеобразие и специфика языка научных текстов позволяют исследовать как самостоятельное лингвистическое явление метаязык науки – «язык, предназначенный и используемый для описания другого языка, т. е. язык, объектом которого являются содержание и форма другого языка»¹⁸⁷. Как справедливо отмечает И.В. Арнольд, «для того, чтобы описать факты языка и установить существенные связи между ними, необходимо не только разработать эффективные методы исследования, но и найти рациональные способы вычленения подлежащих изучению элементов, эффективно представить полученные результаты, классифицировать и обобщить их. Поскольку любое знание должно быть выражено словами или другими знаками, все эти задачи выполнимы только при условии, когда процессы познания и интеллектуальной коммуникации обеспечены адекватно развитым метаязыком»¹⁸⁸.

С появлением нового метаязыка описания, позволяющего исследовать новые объекты и фиксировать получаемые при этом результаты, развиваются и новые методы анализа. Источниками же возникновения новых метаязыка и методов, по мнению Р.М. Фрумкиной, является не создание их заново, а заимствование, которое «ориентируется прежде всего на области, традиционно считавшиеся смежными. С другой стороны, характерна ориентация на области вовсе не смежные, но полагаемые в каком-либо отношении «эталонными»»¹⁸⁹. При этом указывается на относительность поня-

¹⁸⁷ Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. – М., 1991. – с.84.

¹⁸⁸ Там же. – С. 84.

¹⁸⁹ Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. – М., 1995. – С.84.

тий «смежность» и «эталонность». Так, математика, считавшаяся в период возникновения прикладной лингвистики эталоном для нее, утратила эту роль к настоящему времени. Или физика, бывшая долгое время эталоном для экспериментальной психологии, теперь утратила для нее свою значимость. Относительно «смежности» философии и лингвистики автор отмечает более сложный характер их взаимоотношений, обусловленный глобальностью и многоаспектностью изучаемых проблем в обеих дисциплинах: «В период поворота лингвистики к структурализму... всякая философия была для лингвистов именно «философией» в кавычках. Она была либо символом идеологизированных построений, либо расплывчатости как таковой. Позже, по мере освоения лингвистами направления, именуемого «лингвистической философией», в отношении лингвистов к некоторым философским школам произошли кардинальные изменения. Появилось нечто «философской лингвистики»...»¹⁹⁰.

Аналогичные процессы, выражающие общенаучный передел границ и сфер компетенции наук, которые к концу XIX в. казались уже вполне и окончательно определенными (например, таких, как биология, физика, этика и др.), обнаруживают «области не только соприкосновения, но и наложения наук», об общности интересов которых раньше нельзя было и подумать, например, биология и этика породили активно развивающуюся эволюционную этику¹⁹¹.

В течение длительной истории своего существования язык является предметом внимания и изучения не только лингвистики, но и истории, логики, философии, семиотики, информатики, кибернетики и других отраслей научных знаний. Говоря о языке как о предмете исследования перечисленных дисциплин, по сути мы говорим о разных проявлениях данного понятия, а значит, и о разных предметах исследования. Даже современная лингвистика, по сравнению с языкознанием прошлого века, имеет много предметов, обусловленных спецификой лингвистических объектов. Так, например, «объект, который конструирует для себя исследователь

---

¹⁹⁰ Там же, с. 87.

¹⁹¹ Руденко Д.И., Прокопенко В.В. Философия языка... // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С.118.

лингвистики текста, практически не пересекается с тем, который сконструирован морфологом»¹⁹².

С философией, логикой, литературоведением в лингвистике существуют давние контакты, с математической логикой, кибернетикой связи установлены не так давно, но их характер, как уже отмечалось, меняется. При этом связь языкознания с другими отраслями науки двусторонняя. С одной стороны, языковедческие проблемы могут перерасти в философские, идеологические, политические, естественнонаучные, с другой, общественные и естественные науки также влияют на формирование методов и выбор объекта исследования в языкознании. В последние годы логические и философские проблемы все чаще стали рассматриваться не как пограничные для предмета лингвистики, а как имеющие непосредственное отношение к решению ее актуальных задач¹⁹³.

Так, одной из проблем, вокруг которой сосредоточено внимание представителей различных отраслей науки, является проблема отношений сознания, мышления и языка. Вопрос о взаимосвязи и взаимодействии сознания – мышления – языка издавна вызывает интерес у философов, психологов и филологов. Некогда даже существовал запрет на изучение языка в контексте проблематики сознания. Но именно общность интереса к данной проблематике привела к возникновению такого направления в науке, как философия языка, где сознание и язык рассматриваются как такие аспекты социальной практики, которые сообщают мощный импульс преобразующей деятельности человека, освобождая эту деятельность от нетворческих, автоматизируемых форм¹⁹⁴. Здесь можно перечислить имена М.М. Бахтина, В.М. Жирмунского, В.А. Звегинцева,

---

¹⁹² Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. – М., 1995. – С.75.

¹⁹³ (См., напр.: Философия языка: в границах и вне границ/ Ю.С. Степанов, П. Серио, Д.И. Руденко и др. Т.1. – – Х., 1993. – 192 с.; Методологические основы новых направлений в мировом языкознании/ С.С. Ермоленко, Ю.А. Жлуктенко, Т.Г. Линник и др. – К., 1992. – 380 с. и др.

¹⁹⁴ Жоль К.К. Язык как практическое сознание (философский анализ). – К., 1990.

Вяч.Вс. Иванова, С.Д. Кацнельсона, Ю.М. Лотмана, Ю.С. Степанова, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского, Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, Л.Р. Лурии и др. Глубина анализа и широта обобщений придают этому опыту исключительную ценность.

Одновременно с изменением акцентов в языковедческих работах параллельно изменялись и направления в философских исследованиях. Содержание философских трудов вместе с рассмотрением вечных вопросов, связанных с проблемами существования, обоснования знания и т.д., касается и вопросов об инструментарии философа и методах философского рассуждения¹⁹⁵.

Перечень лингвистических проблем в свою очередь расширился, прежде всего, благодаря влиянию философии новейшего времени. Выход лингвистики к проблемам «язык и история», «язык и культура», «мысль и язык» не мог быть обеспечен методологическими и концептуальными средствами самой лингвистики: «слишком велик был разрыв между возможностями линнеевской парадигмы и глубиной, многозначностью и даже непреодолимостью поставленных проблем...»¹⁹⁶.

Западные и отечественные исследователи неоднократно указывали на существующее противоречие между континуальностью (непрерывностью) знаний и дискретностью языка, между непрерывной динамикой мысли и статичной запечатленностью ее в слове, между новым знанием и не успевшим обновиться языком¹⁹⁷. В связи с этим возникает целый ряд вопросов, один из которых – не может ли ясность, точность и креативная сила используемого языка быть стимулятором научной мысли.

С другой стороны, в век кибернетики неизбежно актуальной становится проблема формализации научного знания, а следовательно, и проблема формализации языка изложения научных данных, то есть проблема построения формализованных языков для представления содержания научных текстов в системе ис-

---

¹⁹⁵ Сокулер З.А. Проблема обоснования знания. – М., 1988.

¹⁹⁶ Руденко Д.И., Прокопенко В.В. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. – М., 1995. – С. 119.

¹⁹⁷ См., напр.: Гейзенберг В. Физика и философия. – М., 1963.

кусственного интеллекта, или разработка способов представления знаний. Понимая, что любая проблема информатики, искусственного интеллекта, экспертных систем, а следовательно, и проблема рационализации человеческой деятельности, имеет языковой аспект, отечественные и зарубежные представители компьютерной лингвистики изучают в естественном языке прежде всего его информационную природу, т.е. рассматривают язык не столько как «форму выражения» готовых мыслей, сколько как способ содержательной организации и представления знаний¹⁹⁸. Осознавая естественный язык «сложнейшим объектом для моделирования», которому свойственны внутренние противоречия¹⁹⁹, и понимая неизбежность определенных упрощений, огрублений языковой реальности, ученые все же стремятся к качественному лингвистическому обеспечению компьютеризации, к созданию адекватных моделей языкового общения, поскольку «лингвистическое обеспечение автоматизированных систем – это совокупность средств, позволяющих осуществлять компьютеризацию языковой деятельности, сопровождающей ... практически любую интеллектуальную деятельность человека»²⁰⁰, в том числе научную и деловую. Именно компьютерная революция дала толчок для изменения взгляда на язык и на лингвистическую теорию, порождающая грамматика существенно изменила

---

¹⁹⁸ См.: Компьютерная лингвистика: Сб. статей. – М., 1989.

¹⁹⁹ Городецкий Б.Ю. во вступительной статье к сборнику «Компьютерная лингвистика» упоминает перечисленные С. Маркусом «пятьдесят две оппозиции между научным и поэтическим языком» (например, объективность- субъективность, переводимость – непереводимость, дискретность значения – континуальность значения, отсутствие синонимии – бесконечность синонимических средств и т. д.), которые, по его мнению, «представляют, по сути, противоположные тенденции, присущие языку в целом... Да и сами поэтические и научные подязыки диалектически связаны: это механизмы, служащие целям открытия, познания мира. Язык . – незаменимый помощник в сфере рационального мышления, так же как и в сферах эмоционального общения. Язык – это фактор регулирования практически любой человеческой деятельности.» (Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // НЗЛ. – М., 1989. – С.8).

²⁰⁰ Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // НЗЛ. – М., 1989. – С.7.

взгляд на теорию описания языка, приблизив ее к задачам компьютерного века²⁰¹.

Несомненно, проблема языка науки – это проблема его связи с тем языком, на котором говорит человек и который является постоянным источником языка науки. И здесь также возникает ряд очень важных вопросов. Насколько «оторвался» язык науки от обыденного языка; можно ли делать «переводы» с языка науки на язык бытовых представлений? Как заметил В. Гейзенберг, «для физика возможность описания на обычном языке является критерием того, какая степень понимания достигнута в соответствующей области»²⁰². Тем более это относится к языку гуманитарных наук.

Язык науки – это язык повышенной компрессии смысла, поэтому уже высказанное научное утверждение можно перевести на обыденный язык, лишь увеличив во много раз длину текста, но «сделать новое научное утверждение на бытовом языке нельзя, так как увидеть новые логические связи между единицами знания можно только на том уровне, где есть предварительное абстрагирование и конденсация смысла»²⁰³.

Язык научного общения как средство формирования мысли, являясь необходимым звеном в процессе познания, имеет мировоззренческую направленность. Наиболее полно и последовательно это свойство проявляется в гуманитарных науках, в частности в языкознании. Хотя метаязык языкознания уже в значительной степени изучен в том, что касается собственно лингвистической терминологии и стилистических особенностей общенаучного языка, но метаязык как средство научного общения, метаязык в его методологическом аспекте еще не подвергались специальному исследованию. Хотя и в этом плане есть определенные наработки, сделанные в течение последних десятилетий.

---

²⁰¹ Степанов Ю.С. Изменчивый «образ» языка!.. // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. – М., 1995. – С.22.

²⁰² Гейзенберг В. Физика и философия. – М., 1963. – С.141.

²⁰³ Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки. На материале лингвистики. – М., 1987. – С.4.

Одним из примеров исследования данной проблемы можно назвать монографию Н.Б. Гвишиани «Язык научного общения (вопросы методологии)», в которой говорится о том, что вопрос о создании оптимального «языка» как основы научного общения встает в гуманитарных науках, «которые в наибольшей степени зависимы от идеологических предпосылок исследования»²⁰⁴. Автор исходит из того, что язык лингвистической науки, т.е. метаязык лингвистики, является «языком второго порядка», особой семиологической системой, которая используется тогда, когда говорят о языке же. Естественный человеческий язык при этом выступает как язык-объект, как предмет языковедческого исследования. Автор работы проанализировал метаязык как систему обозначений, наименований соответствующих понятий в реальной метаречи на материале английской филологической литературы. Поднимая вопрос о том, какими словами пользуются ученые в процессе формирования определенных мировоззренческих представлений о природе языка в рамках различных идейных течений в языкознании, почему исследователи предпочитают данные слова, а не другие, равнозначные, автор приходит к выводу о производности (несамостоятельном характере) метаязыка по отношению к концептуальным и методологическим основам данного направления исследования: «метаязык в общем и целом характеризует мировоззрение использующего его субъекта, т.е. систему его представлений об окружающем мире»²⁰⁵.

Положение о производности языка описания по отношению к определенному концептуальному содержанию может быть применено к гуманитарным наукам в целом, для которых существенным является мировоззренческий (а также идеологический) аспект.

Языкознание как гуманитарная наука изучает прежде всего язык как «непосредственную действительность мысли», как средство выражения мыслей и чувств людей, живущих в обществе»²⁰⁶.

---

²⁰⁴ Гвишиани Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии). – М., 1986. – С.5.

²⁰⁵ Там же, с. 209.

²⁰⁶ Будагов Р.А. Филология и культура. – М., 1980. – С.15.

В центре внимания, таким образом, оказываются общественные функции языка, взаимодействие языка и культуры общества и т.д. Специфика языкознания заключается в том, что его предмет – естественный язык – создан обществом и немислим вне общества: «Попытки оторвать язык от речи, может быть, и удобны для всякого рода абстрактных лингвистических спекуляций, особенно замешанных на формально-математической основе, но они ничего не прибавляют к нашим знаниям о языке...»²⁰⁷.

Метаязык по своей природе оказывается более «системным» по сравнению с языком-объектом. Само использование данной разновидности речи – научного языка – свидетельствует о вполне определенной ситуации общения, которая требует соблюдения соответствующих канонов речеупотребления и подчиняется твердо установленным законам. Таким образом, язык научного общения оказывается менее «естественным» по сравнению, например, с реализацией языка в регистре разговорно-бытовой речи, поскольку оно определяется в основных своих чертах коммуникативным заданием данного функционального стиля.

Метаязык науки представляет собой сложное явление: с одной стороны, в основе его лежат строго системные отношения между терминами как единицами, воплощающими в наиболее явном виде принцип единства выражения и содержания, с другой стороны, включает и общенаучную лексику, те слова и словосочетания, которые используются при описании различных аспектов научного исследования.

---

²⁰⁷ Филлин Ф.П. Об актуальных задачах советского языкознания // Вопр. языкознания. – 1981. – № 1. – С.5.

Функциональный аспект исследования стилистики и научных текстов близкородственных языков

Стилевая дифференциация языка осознается как одна из главных проблем науки о языке. Несмотря на многообразие подходов и решений некоторых принципиальных вопросов, стилистов объединяет стремление создать последовательно функциональную стилистику, т. е. тесно увязать лингвистические факты с экстралингвистическими, с целями, задачами, условиями и содержанием общения, с реальной речевой жизнью современного общества.

Требование функционального подхода к описанию языка было выдвинуто еще в тезисах Пражского лингвистического кружка, в которых утверждалось, что к лингвистическому анализу следует подходить с функциональной точки зрения, в соответствии с которой «... язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели»²⁰⁸. По словам В. Матезиуса, идея функционального подхода интегрировала, с одной стороны, идею функции И.А. Бодуэна де Куртене, с другой стороны, идею системы Ф. де Соссюра²⁰⁹. В одной из ранних работ Б. Гавранека было предложено определение стиля с позиций функциональной стилистики, который понимался автором как способ использования языка. Немного позже Б. Гавранек пишет о функциональном расслоении системы языка, о существовании в этой системе отдельных, хотя и не самостоятельных слоев, реализующихся в различных функциональных стилях²¹⁰.

Понимание языка как сложной, многоаспектной и многослойной системы, непосредственно связанной с условиями жизни общества, издавна было характерно для русской лингвистической традиции. В 70-х гг. XIX ст. А.А. Потебня в работе «Из записок

---

²⁰⁸ Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С.17.

²⁰⁹ Матезиус В. Куда мы пришли в языкознании // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. – М., 1965. – С.146.

²¹⁰ Гавранек Б. О функциональном расслоении литературного языка // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967.

по русской грамматике» изложил не только результаты частных и весьма специальных разысканий, но одновременно представил и свои взгляды на природу слова и предложения, на функции языка, на его развитие и совершенствование. Подобное понимание языка и его функций нашло отражение и в работах И.А. Бодуэна де Куртене, Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова и др.

Стилистическое расслоение языка и проблема его функционального изучения стали предметом дискуссии на страницах журнала «Вопросы языкознания» в 1954 г.²¹¹, в результате которой возобладали мнение, что стили – это типы функционирования, виды общественного употребления языка, обслуживающие разные стороны жизни и деятельности общества и отличающиеся друг от друга специфическими характеристиками, обусловленными различиями в тематике, целями высказывания, адресатом речи, условиями общения, содержанием и функциями речи.

Говоря о вкладе отечественных лингвистов в развитие функциональной стилистики, М.Н. Кожина замечает, что они обратили внимание на необходимость изучения не только стилистических ресурсов системы языка, но и на их употребление в различных сферах общения, поставили проблему разграничения стилей языка и стилей речи, проблему экстралингвистических факторов, разработали понятие системности художественной речи, вопрос историзма стилей, соотношение функциональных стилей и форм устной и письменной речи²¹².

Значительный вклад в развитие функционального подхода при изучении стилистических явлений принадлежит русским языковедам Л.В. Щербе, Г.О. Винокуру, В.В. Виноградову, М.Н. Кожиной, Г.В. Колшанскому, И.Р. Гальперину, В.Г. Гаку, В.Н. Ярцевой и многим другим. Украинские языковеды также уделяли серьезное внимание развитию функциональной стилистики, причем исследование стилистических особенностей речи производилось на матери-

---

²¹¹ Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1.

²¹² Кожина М.М. До основ функціональної стилістики // Теоретичні проблеми лінгвістичної стилістики. – К., 1972. – С.23.

але не только украинского, но и русского языков, поэтому часто параллельно со стилистическим анализом в работах украинских исследователей присутствует сопоставительный аспект. Анализу этих проблем посвящены работы И.К. Белодеда, А.С. Мельничука, Г.П. Ижакевич, М.А. Жовтобрюха, В.М. Русановского, В.И. Кононенко, Н.Г. Озеровой, С.Я. Ермоленко, Ю.С. Лазебника, И.И. Степанченко и многих других исследователей. В то же время в украинском языкознании пока еще нет фундаментальных, обобщающих работ по функциональной сопоставительной стилистике.

Сознательно избегая освещения существующих в современной лингвистической литературе типов классификаций стилей, ограничимся лишь констатацией того факта, что «если говорить о современных развитых литературных языках, то вторым по важности и по рельефности дифференциальных признаков выступает разграничение между стилем научного повествования (научный языковый стиль) и стилем художественной литературы (художественный языковый стиль)»²¹³. Из чего следует, что научный стиль, обладая свойственными лишь ему дифференциальными признаками, выделяется при любом подходе к классификации стилей и чаще характеризуется сопоставлением с основными чертами художественного стиля.

Несмотря на универсальность и специфичность исследуемого явления, при изучении научного стиля необходимо учитывать и тот факт, что «особенности, различающие перечисленные стили, являются не абсолютными, а относительными»²¹⁴. Поэтому закреплённость языковых средств за определенными стилями как проявление замкнутости стиля практически очень ограничена; количество языковых средств, используемых лишь в одном стиле, сравнительно невелико и не имеет решающего значения. Единицы языка в процессе их функционирования могут приобретать новые свойства. Кроме этого, в контексте они оказываются взаимосвязанными, и поэтому некоторые их свойства, например, определенные функционально-стилистические значения, возникают и

---

²¹³ Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. – М., 1967. – С.69.

²¹⁴ Там же.

существуют лишь в данном контексте и только при реализации определенного коммуникативного задания, характерного для конкретной сферы общения. Таким образом, одна и та же языковая единица способна обладать разными значениями в зависимости от сферы ее использования.

Можно утверждать, что наличие различных коммуникативных форм речи требует определенного отбора языковых средств, который, однако, не превращает данные формы речи в замкнутые системы. Это системы не застывшие, а такие, которые легко и свободно проникают одна в другую. Конкретные цели и задачи коммуникации приводят в действие определенные принципы отбора и соединения, придают тем же формальным языковым средствам разные функционально-стилистические характеристики, разные смысловые нюансы. Нейтральные средства в системе языка или языковые факты другого стиля могут приобретать стилистическую маркированность и значимость в конкретном факте речи. Так, например, современный научный текст как в украинском, так и в русском языках допускает элементы публицистической или бытовой лексики, хотя для стилевой характеристики такого текста эти элементы являются чужими, инородными, иностилевыми.

Поэтому исследователями неоднократно указывалось на то, что функциональный стиль создается неоднородными по степени стилистической выразительности единицами, которые являются результатом окказионального употребления нейтральных или стилистически маркированных средств, с одной стороны, или стилистическим приемом как обобщением, типизацией, сгущением объективно существующих в языке средств, с другой: «Свойство речи, которое мы интуитивно воспринимаем как функциональный стиль, создается не только стилистически отмеченными средствами, а всей организацией языковых средств, особенной в каждом отдельном виде речи»²¹⁵.

Таким образом, каждому стилю присущ ряд отличительных признаков, при этом, следует отметить, что решающая роль при-

---

²¹⁵ Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – Пермь, 1972. – С.30.

надлежит не столько их наличию (или отсутствию), сколько их соотношению (т.е. релятивности компонентов стиля) в пределах одного стиля или между стилями на конкретном историческом этапе. Лингвистическая реализация дифференциальных стилистических признаков в каждом тексте осуществляется похожим набором языковых средств. Определяющая роль принадлежит стилистически маркированным разноуровневым языковым единицам, однозначно указывающим на отнесенность текста к конкретному стилю (как, например, средства создания образности – для художественного стиля, терминологическая и абстрактная лексика – для научного и т. п.).

Одним из факторов, закрепляющим в языке все, что возникло под влиянием экстра и собственно лингвистических причин, есть стилистические традиции, которые – хотя и не в одинаковой степени – присутствуют в каждом из стилей (особенно в письменной форме). Научный стиль украинского и русского языков является одним из таких функциональных стилей, и, следовательно, все, сказанное выше, относится к нему так же, как и к другим функциональным стилям.

Анализируя и оценивая научный стиль как одну из функциональных разновидностей современных украинского и русского языков, необходимо учитывать и то, что он создается не только особыми, стилистически маркированными средствами, но также и явлениями, общими для литературного языка, целенаправленно организованными, специфически функционирующими, не так, как в разговорно-бытовой, общественно-публицистической или др. речи.

В самых общих чертах научный стиль характеризуют как «функционально-стилистическую совокупность языковых средств, элементы которой составляют некоторое неопределенное множество; при этом стилеобразующие элементы не соотносимы с элементами языка. Последние принимают участие в создании первых; это участие состоит в комбинировании элементов системы языка (всех ярусов) и создании специфических цепей при реализации стиля в речи»²¹⁶.

---

²¹⁶ Коваль А.П. Науковий стиль сучасної української літературної мови. Структура наукового тексту. – К., 1970. – С.14.

Основные функциональные факторы, определяющие сущность научного стиля, а именно цель и задачи коммуникации, не раз были объектом исследования как в специальных работах, посвященных анализу научного стиля²¹⁷, так и в работах, изучающих различные аспекты стилистики²¹⁸. Существует определение **главной функциональной направленности научного стиля**, предложенное В.В. Виноградовым, в соответствии с которым эта направленность состоит в терминологическом обозначении соответствующих понятий и явлений и логически обобщающей системе последовательного изложения²¹⁹. Позже, развивая высказанную мысль, академик В.В. Виноградов пишет: «Непосредственным предметом изучения для той или иной науки служит не само явление, не явление само по себе, но понятие о нем, созданное под определенным углом зрения»²²⁰.

Не менее важна и значима для сопоставительно-стилистического исследования и проблема связи языка науки с естественным языком, проблема влияния языка науки на свой материнский язык. Отмечая общность тенденций в стиле научного изложения, объясняемую общностью коммуникативного задания, В.Н. Ярцева задает вопрос: «Может ли развитие научного стиля направлять языки в сторону их сближения» и отвечает на этот вопрос утвердительно²²¹.

---

²¹⁷ См. работы: *Гнатюк І.С.* Мова сучасної української науково-популярної літератури // *Жанри і стилі в історії української літературної мови*. – К., 1989. – С.265-280; *Жовтобрюх М.А.* Науковий стиль української мови // *Мовознавство*. – 1968. – № 1. – С.3-13.; *Коваль А.П.* Науковий стиль сучасної української літературної мови. Структура наукового тексту. – К.,1970. – 306 с.; *Кожина М.Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – Пермь, 1972. и др.

²¹⁸ См. работы: *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963; *Ижакевич Г.П., Кононенко В.И., Пилинский Н.Н., Сиротина В.А.* Сопоставительная стилистика русского и украинского языков. – К., 1980. – 208 с.; *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. – М., 1977. – 223 с. и др.

²¹⁹ *Виноградов В.В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // *Вопросы языкознания*. – 1955. – № 1. – С.82.

²²⁰ *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – С.138.

²²¹ *Ярцева В.Н.* Развитие языка науки // *Наука и человечество*. – М., 1975. – С.92.

Близость лексических, синтаксических и собственно стилистических средств нехудожественных стилей (научного, официально-делового, публицистического (за исключением художественно-публицистической его разновидности)) отмечена и авторами сопоставительной стилистики восточнославянских языков²²². Л.А. Булаховский отмечал, что синтаксис научного и вообще рассудочного языка издавна имеет общеевропейский характер²²³.

Установленные близость, подобие, а иногда и аналогия объясняются рядом причин как исторического, так и современного развития украинского и русского языков, интенсивными процессами их контактирования. На наш взгляд, близость лингвистических средств выражения, используемых в научном стиле изложения, в близкородственных языках в большой степени обусловлена спецификой сферы их применения, коммуникативными задачами и условиями их использования. «Возрастающие многогранные контакты между ... народами всего мира непременно ведут к контактам языковым, к взаимообогащению языков и их систем. А это имеет прямое отражение как в научном стиле, так и в стиле художественной литературы, в устной речи ... Язык науки, пути его дальнейшего развития на основе все более возрастающей интернационализации науки является достаточно актуальным объектом исследования не только языковедов, ...но и ученых многих других специальностей. Взаимный обмен ...языковыми ценностями, освоение наиболее удачных из них, формирование на этой основе своих, специфично национальных элементов путем творческой активизации словообразовательных ресурсов национального языка – таковы самые общие закономерности развития научного стиля языка как в национальном, так и в международном плане»²²⁴.

Преобладание общих процессов в нехудожественных стилях близкородственных языков отчетливо прослеживается при сопо-

---

²²² Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков. – К., 1981. – С.15.

²²³ Булаховський Л.А. Виникнення української мови та її положення серед інших слов'янських. – К., 1948. – С.17.

²²⁴ Білодід І.К. Про порівняльну стилістику східнослов'янських мов // Теоретичні проблеми лінгвістичної стилістики. – К., 1972. – С.6.

ставлении процессов развития художественного стиля, в котором отчетливо выступают черты дифференциальные, национально-специфические. Вместе с тем тщательный сопоставительный анализ лингвистических средств выражения мысли в сфере нехудожественных стилей восточнославянских языков, помимо общих, вскрывает и специфические черты. Причину данной специфики видят в различии исторических, социальных условий и времени формирования научного, делового и публицистического стилей в украинском, русском языках²²⁵. Изучение как общих черт и процессов, так и национально-специфических особенностей научного стиля близкородственных языков . – одна из важных задач сопоставительно-стилистического исследования.

В изучении научного текста (впрочем, как и всякого другого) можно выделить два подхода: структурно-семантический, позволяющий составить по возможности полный реестр языковых средств данного стиля (например, терминологические системы, особенности их построения, состав и т.п.), и функционально-стилистический, который дает возможность проследить реализацию структурных типов языковых средств непосредственно в процессе коммуникации, в речи, с неизбежной коррекцией их семантического наполнения, «их возможностей и их специфики в условиях информационно-коммуникативного, познавательного и социально-эстетического взаимодействия в процессе общественной языковой практики»²²⁶.

Особо необходимо отметить важность дифференциации жанрового многообразия исследуемого материала и соотнесения стилевых характеристик научного текста с его жанровой направленностью. Эта отдельная ветвь функционально-стилистических исследований получила свое активное развитие в работах последних десятилетий, что связано с интересом к коммуникативной

---

²²⁵ Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков. – К., 1981. – С.18.

²²⁶ Матезиус В. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С.445.

направленности текста в лингвистике²²⁷. Подобный подход к рассмотрению конкретного текста порождает не только определенные преимущества, связанные с более четким приближением к объективно существующим формам функционирования языка, но и определенные проблемы, вытекающие из специфики научного творчества как свойства человеческого мышления²²⁸.

Возникновение и формирование научного стиля непосредственно связано с возникновением науки как таковой и желанием ученых выразить и донести свои мысли, результаты открытий другим.

Исторический аспект изучения научного стиля предполагает исследование в двух направлениях: 1) анализ текстов научного стиля изложения с точки зрения времени их написания и 2) анализ собственно исследовательских работ, посвященных изучению различных особенностей (лингвистических, психологических, статистических и т. п.) научных текстов в украинском и русском языках.

Этому вопросу достаточно внимания уделено в монографии М.М. Пещак «Розвиток давньоруського і староукраїнського наукового тексту», написанной на основе исследования структуры текста рукописных исторических памятников XI – XVII вв., в которой анализируются языковое оформление композиционной структуры научных произведений, способы включения чужого в авторский текст, особенности развертывания текста при наличии в нем таблиц и рисунков, языковые показатели деления древнерусских и староукраинских исторических письменных памятников на первичную и вторичную научную литературу и др.²²⁹.

Возникновение научного стиля изложения обусловлено экстралингвистически, связано, прежде всего, с развитием различных отраслей науки. «...Стиль научного изложения – категория строго историческая. В разных странах он создавался в разное

---

²²⁷ Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. – М., 1987.

²²⁸ См., напр.: Глазман М.С. Научное и художественное мышление. – М., 1973; Проблемы научного творчества в современной психологии. – М., 1971 и др.

²²⁹ Пещак М.М. Розвиток давньоруського і староукраїнського наукового тексту. – К., 1994.

время. Предпосылки для его оформления и дальнейшего развития определялись: 1) общим состоянием науки и научных знаний в данной стране, 2) степенью развития литературно обработанного языка, 3) большими мастерами – писателями и учеными, – которые обращались к родному языку в своих научных, исторических и критических сочинениях»²³⁰.

История научного стиля украинского языка начинается со 2-ой пол. XIX в., когда первый украинский общественно-политический и литературно-искусствоведческий журнал «Основа» (1861-1862 гг.) начал публиковать научно-популярные статьи по вопросам астрономии, природоведения, садоводства, животноводства и др., а львовское общество «Просвіта» издало первые брошюры популярного характера²³¹. Язык названных изданий напоминал разговорно-бытовую речь и, по словам И.К. Белодеда, имел характер скомпонованного под народный рассказ «говорения»²³². Данное сходство объясняется не столько желанием популярно, доступно изложить материал, заинтересовав читателя научной информацией, сколько отсутствием в украинском языке названного периода необходимых нормативных признаков научного стиля. Ведь для того, чтобы говорить об элементарных научных понятиях, необходимо иметь разработанный набор абстрактных формул (терминов, синтаксических конструкций, логико-композиционных структур), отсутствие которых придает изложению примитивный характер, поскольку неоднократно приходится обращаться к развернутым конкретно-чувственным ассоциациям и представлениям тогда, как достаточно определенного термина, словосочетания или языкового оборота абстрактной семантики.

Ста лет оказалось достаточно для того, чтобы украинский литературный язык создал универсальный научный стиль, который «в единстве всех жанров и разновидностей, со своей разветвленной системой разноотраслевой терминологии, богатством и гибкостью

---

²³⁰ Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. – М., 1967. – С.226.

²³¹ Курс історії української літературної мови/ За ред. І.К.Білодіда. – К., 1961. – Т.2. – С.273.

²³² Там же. – С.274.

синтаксической структуры, стройностью логических построений с успехом обслуживает все сферы человеческого познания»²³³.

Любое исследование, посвященное стилевой дифференциации украинского или русского языка, в той или иной мере уделяет внимание стилю научной прозы. При этом проблема стиля может рассматриваться как в общем, так и в частном плане, т. е. могут определяться характер стилей, предлагаться их классификации, стили могут описываться как некая совокупность или исследоваться отдельные особенности какого-либо стиля. Несмотря на это справедливым представляется и замечание Р.А. Будагова о том, что «научный стиль... еще мало изучен в лингвистике. Ученые больше интересовались научной терминологией и способами ее упорядочения, чем научным стилем в широком смысле, в его разнообразных проявлениях»²³⁴.

Функциональные семантико-стилистические категории и способы их представления в научных текстах

В связи с утвердившимся функциональным подходом к исследованию стилистических особенностей текста основополагающим стало понятие функциональной семантико-стилистической категории (ФССК).

Теоретические предпосылки для возникновения данного понятия были заложены в основополагающих трудах по функциональной грамматике. Так, А.В. Бондарко в работе «Грамматическая категория и контекст»²³⁵ говорит о возможности выделения в речи различных элементов, группирующихся в отдельные семантические комплексы. Автор утверждает, что, изучая грамматические

---

²³³ Гнатюк І.С. Мова сучасної української науково-популярної літератури // Жанри і стилі в історії української літературної мови. – К., 1989. – С.265.

²³⁴ Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. – М., 1967. – С.215.

²³⁵ Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л., 1971. – 115 с.

категории в их непосредственном функционировании в речи, нужно говорить не о другом уровне или аспекте, а об ином «измерении» – о функционально-семантическом плане или функционально-семантической сфере. В соответствии с задачей описания системы языка, исходным пунктом для анализа семантических комплексов А.В. Бондарко избирает морфологическую категорию²³⁶. Функционально-семантическую сферу, или «среду», автор определяет как внутриязыковое явление, не связанное с экстралингвистическими факторами (социолингвистическими, познавательно-коммуникативными и др.)²³⁷.

Необходимость выделить и изучить категории более широкого функционально-коммуникативного плана, охватывающие и внеязыковой аспект, и коммуникативную значимость лингвистических единиц, обусловила возникновение понятия функциональной семантико-стилистической категории, предложенного и разработанного М.Н. Кожиной и ее учениками²³⁸.

Определяя основные характеристики данного термина, М.Н. Кожина прежде всего акцентирует внимание на его выход «в реальность речевой действительности, в действительную (а не лишь потенциальную) коммуникацию»²³⁹ в отличие от функционально-семантического поля (ФСП); подобно ФСП эти категории реализуются в речи (текстах) системой разноуровневых языковых средств и имеют полевую структуру со своим ядром и периферией. Принципиальное же отличие функциональных семантико-стилистических категорий от функционально-семантического поля состоит в том, по мнению исследовательницы, что их организующим принципом является ориентация на «конкретные коммуникативные

---

²³⁶ Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л., 1971. – С.10.

²³⁷ Там же. – С.39.

²³⁸ Кожина М.Н., Дьякова С.В., Иванова Т.Б. О функциональных семантико-стилистических категориях научного текста // Дидактические принципы обучения и повышения эффективности преподавания иностранных языков аспирантам и научным работникам: Тезисы докл. и матер. для обсуждения. – М., 1985.

²³⁹ Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности. – М., 1989. – С.13.

цели (по-разному выражающиеся в той или иной определенной сфере общения)»²⁴⁰.

Система функциональных семантико-стилистических категорий, как и система языковых средств различных уровней, индивидуальна для каждого стиля. Различные коммуникативные цели и стратегии обуславливают и различный состав ФССК для научного и художественного или других стилей. Степень лингвистической наполненности ФССК является свидетельством полноценного стиля. С другой стороны, чем развитее система ФССК в конкретном стиле, тем четче определяются его дифференциальные признаки. Что, в свою очередь, свидетельствует о развитости литературного языка в целом²⁴¹.

Возникновение и развитие ФССК связано с процессом исторического формирования стилистической системы. Поэтому вполне закономерным представляется и сопоставление лингвистических средств реализации ФССК в родственных языках, каковыми являются русский и украинский.

В перечень основных функциональных семантико-стилистических категорий, как категорий текстовых (речевых), включают категории акцентности, оценки, авторизации (выражение в тексте авторского «Я», фактора «субъекта речи», «образа автора»), гипотетичности, обобщенности (абстрактности), объективности изложения, логичности, лаконичности, экспрессивности, стандартизованности, диалогичности. Состав данных категорий, их лингвистическое наполнение, частота употребления языковых средств их выражения, содержание каждой категории и насыщенность ею текста различны в каждом функциональном стиле.

Нетрудно заметить, что названные категории не являются оригинальными для лингвистики. Многие из них достаточно глубоко были изучены как стилевые черты, или стилистические приемы²⁴².

---

²⁴⁰ Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности. – М., 1989. – С.14.

²⁴¹ Русанівський В.М. Структура лексичної і граматичної семантики. – К., 1988. – С.192.

²⁴² См., напр.: Гречко В.К. Синтаксис немецкой научной речи. – Л., 1985. – С.8; Єрмоленко С.Я. Про вживання понять «стильовий» і «стилістичний» // Теоретичні

Данные понятия оказались весьма неопределенными и субъективно определяемыми, и поэтому подвергались критике²⁴³. ФССК как категории речевые имеют систему отличительных черт, о которых речь шла выше, средства выражения, полевую структуру, обладают разработанной методикой исследования. Хотя их перечень еще не окончателен.

Категория обобщенности (абстрактности)

Категория обобщенности (абстрактности) принадлежит к числу характеристик, определяющих научный стиль изложения. Данная категория свойственна любому тексту научного стиля независимо от его принадлежности определенной отрасли научных знаний. Хотя степень абстрактности различна в гуманитарных, естественных и технических дисциплинах, это не влияет на способы ее языкового выражения ни в русском, ни в украинском языках. К числу языковых средств, участвующих в выражении данной категории, относят:

1) термины, которые составляют основу любого научного текста. Поскольку терминологические системы сопоставляемых языков неоднократно являлись объектом специальных исследований²⁴⁴

проблеми лінгвістичної стилістики. – К., 1972. – С.123–135; *Троянская Е.С.* Некоторые особенности выражения отрицательной оценки в жанре научной рецензии (К вопросу о некатегоричности высказывания в научном стиле) // *Язык и стиль научного изложения (Лингвометодические исследования)*. – Л., 1983. – С.3–22; *Троянская Е.С.* Научное произведение в оценке автора рецензии (к вопросу о специфике жанров научной литературы) // *Научная литература. Язык, стиль, жанры*. – М., 1985. – С.67–80.

²⁴³ *Троянская Е.С.* Актуальные проблемы исследования функциональных стилей // *Лингвостиллистические исследования научной речи*. – М., 1979.

²⁴⁴ См., напр.: *Даниленко В.П., Канделаки Т.Л.* Русская терминология // *Развитие терминологии на языках союзных республик СССР. Общая проблематика*. – М., 1986. – С.179–208; *Кутина Л.Л.* Формирование языка русской науки. – М., 1964. – 205 с.; *Крыжановская А.В.* Сопоставительное исследование терминологии современных русского и украинского языков. – К., 1985. – 204 с.; *Панько Т.И., Кочан*

и по данной проблеме проводились и проводятся многочисленные конференции различных уровней, мы считаем возможным специально не анализировать терминосистемы обоих языков;

2) абстрактность научного изложения достигается в результате своеобразного использования общеупотребительных слов. Обобщенный характер научного текста проявляется в том, что почти каждое слово в нем выступает обозначением общего понятия или абстрактного предмета²⁴⁵. Приведенные примеры текстов, относящиеся к различным отраслям науки, свидетельствуют об обобщенном характере даже конкретной лексики (напр.: *Программисту нет необходимости в этом случае описывать в своей программе весь массив, он ограничивается описанием элементов максимальной записи этого массива* (Глушков 71)²⁴⁶ // *Зараз кожна освічена людина крім своєї рідної мови до певної міри володіє ще однією або навіть кількома іноземними мовами* (Білецький 12)).

Общеупотребительная лексика, попадая в специфическое семантическое пространство, каковым является научный текст, подвергается определенным семантическим преобразованиям. В данных текстовых условиях многие лексемы с конкретным значением реализуют, как правило, одно, но не основное значение. Что может приводить к возникновению лексем с ослабленным лексическим значением, которые могут функционировать наравне со знаками, подобно математическим символам, как, например, английская лексема *times*, используемая в английских технических текстах для обозначения умножения (*n times the length. – в n раз длиннее*)²⁴⁷. Данное явление мы предлагаем называть лексико-стилистической десемантизацией, хотя слово не совсем утрачивает свое значение, а

І.М., Мацюк Г.П. Українське термінознавство. – Львів, 1994. – 214 с.; Вовк А. Наукова мова і політика: 55 років української термінології в УРСР. Загальний огляд // Науково-технічне слово. – 1995. – №1. – С.26–29; Національні та інтернаціональні компоненти в сучасних терміносистемах/відпов.ред. Л.О.Симоненко. – К., 1993. – 238 с. и др.

²⁴⁵ Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1977. – С.160-161.

²⁴⁶ Список источников с условными сокращениями приводится в конце раздела.

²⁴⁷ Грязнухіна Т.О. Синтаксичний аналіз у системі автоматичної обробки російського наукового тексту // Мовознавство. – 1992. – №5. – С.53.

значение лишь частично ограничивается в пределах научного контекста. Для примера, сравним употребление слова *называть//называть*, лексическое значение которого в обоих языках описывается как 1) дать название, имя и т.п., 2) произнести имя, название, 3) сообщить, объявить²⁴⁸. В текстах научного стиля его значение чаще ограничивается до "есть, является", напр.: *Последовательность обобщенных функций $f_1, \dots, f_n$ ...называется сходящейся в K к обобщенной функции f ...* (Шилов 61) // *Мембраною називають нескінченно тонку матеріальну плівку, що не дає опору згинанню* (Нижник 10);

3) языковые формулы, подчеркивающие обобщенный, абстрактный характер изложения: *конечно, как правило, всегда // звичайно, завжди, всякий, кожний, як правило* и под. Напр.: *Дисципліна всегда несет в себе элементы принуждения, ограничивая свободу выбора вариантов поведения* (Травин 101) // *Як відомо, оптимальна довжина молекули ЮГ становить 2,1-2,2 нм* (Доп.,Б, 1990, №12, 50);

4) неопределенно-личные, безличные, пассивные конструкции, с помощью которых подчеркивается бессубъектность действия, его обобщенный характер (напр.: *Всякий раз, когда для какого-то события срок его наступления установлен, можно строить дальнейшие пути, отправляясь от этого события, как от начального* (Глушков 110) // *Для отримання необхідної інформації треба провести опитування покупців* (Шаров 27); *Якщо, наприклад, латинська мова визначається як «мертва», то при цьому береться до уваги, що зараз у неї відсутня соціальна база* (Білецький 18));

5) лексико-грамматические особенности глагольных форм:

а) глагольные формы с ослабленными лексико-грамматическими значениями времени, лица, числа, в результате чего возникает синонимия синтаксических структур, например, таких, как *модели используют, модели использованы, модели используются, модели использовали // моделі використовують, моделі використано, моделі використовуються, моделі використали*;

б) глаголы настоящего времени используются для описания свойств и признаков предметов и явлений, напр.: *Одной из задач*

²⁴⁸ См.: Словарь русского языка: В 4-х т. – Т.2. – М.,1986. – С. 354.

этого подразделения является координация деятельности отдела кадров, отраслевого отдела и руководства предприятия (Травин 32); ...историческая интерпретация выполняет двойственную функцию... (Кузнецов 49) // Якість алгоритму розв'язування задачі залежить від закону накопичення одноактних обчислювальних похибок (Калайда 16); Діяльність споживчих товариств ґрунтується на засадах самодіяльності та самоуправління (Жигалов 23);

в) глаголы в прошедшем времени в научных текстах приобретают вневременное значение, которое проявляется в принципиальной возможности синонимической замены синтаксических форм²⁴⁹, напр.: Для этого разработаны специальные пишущие машинки с перфопроставками (флексорайтеры) (Глушков 36) // Всі ці обставини зумовили необхідність і доцільність створення системи автоматизації та захисту котла... (АВП 1999, №1(8), 45). При этом все же следует указать, что нейтрализация прошедшего времени глагольных форм не является всеохватывающим явлением и распространяется лишь на те глаголы, которые используются для описания постоянных свойств, явлений, процессов. В случае использования глаголов прошедшего времени для передачи действительно состоявшихся ранее фактов, явлений, имеющих свои результаты, нейтрализации значения прошедшего времени не происходит, здесь прошедшее время имеет не абстрактный, обобщенный характер, а конкретный, напр.:

...развитие и уточнение учения о взаимоотношении сознательного и бессознательного моментов в творчестве автора были предложены Фр. Блассом (Кузнецов 49); Опыты проводили на белых крысах линии Вистар... (УБЖ91 107) // ...політична інкорпорація України до складу Росії набагато випередила вrostання господарських структур Української держави в Російську... (Смолій 8);

г) вневременное значение имеют глаголы и в грамматической форме будущего времени, напр.: Такой процесс прокатки будет иметь тенденцию к демпфированию корректирующих действий быстродействующего гидравлического нажимного устройства (АВП 49);

---

²⁴⁹ Кожина М.Н. Там же. – С.164.

б) преимущественное использование глаголов несовершенного вида, которые в научном тексте составляют 80%, а в художественном – 55%²⁵⁰, напр.: *Извлекали селезенку и тимус, осторожно измельчали и протирали...* (УБХ91 107); *В обычной жизни мы всегда ... прибегаем к помощи комплексного мышления* (Леонтьев 37) // *...він має квадратичну швидкість збіжності* (Калайда 167);... *інтеграційні процеси більш інтенсивно проходили на Слобідській Україні...* (Смолій 9);

7) местоимение *мы* // *ми* в обобщенном значении (см. параграф о категории авторизации).

Категория авторизации

Представленность в текстах данной ФССК тесно связана с проблемой индивидуализации научного стиля вообще и способов представления в текстах данного стиля личности автора в частности.

По мнению Ю. Кристевой, в научных текстах реальность отражается не с точки зрения автора, индивида и его способностей воспринимать и мыслить, а опосредованно, через «формы коллективного сознания», «моделируемые механизмы языка», подчиненные «логике кодифицированного дискурса» и «официальному лингвистическому коду»²⁵¹. Таким образом, речь субъекта научного текста, который чаще идентичен автору (или нескольким авторам), пронизана языком как «носителем конкретного и всеобщего, индивидуального и коллективного одновременно»²⁵².

Взгляд на автора научного текста, который «скрыт за некоей универсальной маской всеобщего субъекта и говорит от его лица, а не от своего собственного», является если не общепризнанным, то распространенным²⁵³.

²⁵⁰ Кожина М.Н. Там же. – С.165.

²⁵¹ Кристева Ю. Бахтин. Слово. Диалог и роман // Вест. Моск. ун-та. – Сер.9: Филология. – 1995. – №1. – С. 98.

²⁵² Там же. – С. 111.

²⁵³ Парахонский Б.А. Семиотический субъект и субъект познания // Логика, психология, семиотика: аспекты взаимодействия. – К.: Наукова думка, 1990. – С. 64.

Лингвистическая представленность автора во многом обусловлена прагматическими особенностями текста. По наблюдениям Т.В. Радзиевской, «автор, речевой субъект научного текста выступает в прагматически обусловленной роли или ролях, которые требует этот вид текста»²⁵⁴. В текстах, принадлежащих научному стилю, могут учитываться следующие прагматические целеустановки: с одной стороны, это передача какого-либо знания, сообщение определенного содержания (объективная модальность), которое квалифицируется автором как достоверное, истинное, правильное, соответствующее действительному положению дел, с другой стороны, интерпретация и пояснение интеллектуальной деятельности другого/других авторов независимо от его/их личностных качеств и характеристик (субъективная модальность).

Коммуникативная цель и прагматические характеристики ситуации, возникающие в пределах определенного текста, как бы наделяют автора, субъекта речи определенными функциями. В соответствии с выполняемыми функциями субъект может выступать в определенных прагматических ролях, «расслаиваться»²⁵⁵.

Категория авторизации реализуется в текстах системой разноуровневых языковых средств, в центре которых находятся личные местоимения, называющие субъект речи, автора, на периферии – глагольные формы.

Формы выражения субъекта в научных текстах обычно ограничиваются формами первого лица личных местоимений: индивидуализированным «Я» и авторским «Мы». При этом неоднократно указывается, что одной из отличительных особенностей языка текстов, принадлежащих научному стилю изложения, как в украинском, так и в русском языках является отсутствие в них личного местоимения *я*. Но в текстах гуманитарных наук, в отличие от естественных и технических, индивидуализированное *я* все же иногда встречается, о чем свидетельствуют проанализированные

---

²⁵⁴ Радзиевская Т.В. Текстовая коммуникация: Textoобразование // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. – М., 1992. – С. 81.

²⁵⁵ Степанов Ю.С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Изв. РАН. Серия литературы и языка. – Т. 40. – 1981. – № 4. – С.327.

тексты. В русском и в украинском языках на современном этапе развития гуманитарные тексты, на наш взгляд, фиксируют тенденцию текстового закрепления индивидуализации познавательного процесса. Но выявленные случаи использования личного местоимения первого лица единственного числа немногочисленны и поэтому не являются отражением общественной закономерности. Общая тенденция к деиндивидуализации научного стиля изложения является преобладающей и в текстах данных наук.

При этом считаем необходимым определить семантико-функциональные особенности использования авторского «Я». Местоимение *я* используется, когда автор выступает в роли субъекта рассуждения, мнения, как мыслитель-ученый, представляющий оригинальное осмысление фактов (напр.: *Исследования, которыми я занимался последние два десятилетия и первые результаты которых были представлены в работах, привели меня к выводу, что изложенная концепция нуждается в некотором уточнении* (Апресян 1995, 467); *На мой взгляд, гуманитарное познание является специфической формой вторичного отражения действительности, качественно отличающейся от естественнонаучного и общественного познания предметом и преимущественным использованием особых методов познания* (Кузнецов 128) // *Важливими складовими елементами як в об'єкті, так і в системі керування, на мій погляд, є певні технічні і біологічні засоби* (Тимофеев 10).

Речевой субъект выражен личным местоимением в форме первого лица единственного числа также и в контекстах, эксплицирующих личное отношение автора (речевого субъекта) к некоторому факту или дающих критическую оценку интеллектуальной деятельности конкретных персоналий. Такая форма представления речевого субъекта подчеркивает субъективность его мировосприятия и оценку фактов окружающей действительности: *Я уже заранее знаю, что они скажут...* (Леонтьев 3); *Я считаю этот методологический ригоризм одним из самых вредных явлений во всей философии* (Левин 128) // *...я знову ставлю далеко не риторичне питання...* (Смолий 11).

Чаще автор предпочитает форму мы, стремясь создать опору на плюралистичный характер данной формы. Местоимение мы в текстах научного стиля может функционировать для обозначения:

а) представителя определенной концептуальной парадигмы, представителя конкретной (научной) общности или целого поколения. С помощью уравнивания это можно выразить так: *Мы* (текстовое)=*Мы* (коллективному, собирательному). (Напр.: *Это мы помним, что именно постановка задач автоматического анализа текста сделала решение лингвистических вопросов глубоко личной деятельностью для целого поколения ученых . – как результат тех, кто вышел в науку на рубеже 50-60-х гг.* (Фрумкина 70) // *Структура слів у відомих нам мовах буває досить складною...Ми розрізняємо складні і складені слова* (Білецький 142));

б) отдельного автора, который является носителем определенного рассуждения и который использует для своего представления общепринятую конвенциональную форму *мы*, равную авторскому я. В таких случаях *Мы* (текстовое)=*Я* (авторское). Такой способ выражения субъекта речемыслительной деятельности является общепринятым и традиционным в русском и украинском языках (напр.: *Вот у Штейнталя-то мы как раз и находим психологизм в его классической форме* (Леонтьев 6); *Мы выбрали для изложения...; Всю совокупность обычных функций мы обозначим через E* (Шиллов 7,8); *На наш взгляд, в указанную схему товародвижения следует включить также выбор и организацию мест продажи...* (Кретов 45) // *Маючи на меті забезпечити в подальшому конкурентоздатність системи, ми зупинились на вітчизняній елементній базі МІКРОДАТ* (АВП 45); *Однак у практиці ми здебільшого маємо справу з процесами...* (Тимофеев 8); *Ми розглянули одне рівняння в частинних похідних* (Нижник 4));

в) либо может функционировать как мы инклюзивное, включающее помимо автора и читателя-коллегу, воспринимающего текст. В подобных случаях текстовое *мы* равно *мы*–реальному, называющему неединичного субъекта речи, существует возможность его потенциальной замены на «*мы с вами*», то есть *Мы* (текстовое)=*Я* (авторское)+*Вы*(читателя, адресата). Напр.: *Мы могли убедиться...;*

...Здесь мы вступаем в область бессознательного (Кузнецов 58) Мы видим, что в рассматриваемом случае... (Шилов 30); Пользуясь последним обстоятельством, мы можем в некоторых случаях расширять область определения функционала... (Шилов 56); Раз мы узнали этот закон, ...мы господа природы... (Кузнецов 157) // Все, що оточує нас, може бути класифіковано... (Тимофеев 4); Ми з'ясували основні особливості об'єкта і керуючої ним системи... (Тимофеев 12).

Автор в научных текстах представлен традиционно в роли некоторого субъекта познания, без ярко выраженных индивидуальных черт. Поэтому автор представляется как обобщенный речевой субъект, за которым стоит либо «подавляющее большинство», либо речевой субъект, выступающий как не-Я²⁵⁶. Неконкретизированный субъект речевого высказывания может быть обозначен следующими способами:

1) неопределенно-личными конструкциями типа *считается, называется/считается, дается и др.*, напр.: *Отбор фактов из теории обобщенных функций определяется в основном требованиями второй части...* (Шилов 7); *Хотелось бы по поводу дильтеевской индукции сделать следующее замечание* (Кузнецов 57); *Может показаться, что...* (Кузнецов 90); *Хотелось бы рассмотреть некоторые из них* (Кузнецов 134) // *Узагальненою функцією називається лінійний неперервний функціонал...* (Нижник 32); *Це підтверджується й обчислювальним експериментом...* (Калайда 17);

2) выражением неконкретизированного субъекта глагольной формой первого лица множественного числа повелительного наклонения, поскольку определить семантику субъекта однозначно не представляется возможным: *Будем называть основной функцией всякую вещественную функцию* (Шилов 11) // *Припустимо, що група людей...* (Тимофеев 5); *Відзначимо також книги...* (Нижник 5); *Домовимось позначати положення елемента...*; *Зупинимось на кожному з названих пунктів* (Тимофеев 5,25,45). Субъекта речевой деятельности в таких случаях можно охарактеризовать как «автор+адресат», при этом автор определяется как постоянный

---

²⁵⁶ Сахно С.Л. Свое-чужое в концептуальных структурах // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1991. – С.97.

компонент, адресат же допускает интерпретации: может быть равен самому автору, то есть автор обращается к себе *Мы* (авторское) (*Я+Я*); может быть равен *Вы* (читателя).

3) функциональными именами *автор, исследователь//автор, дослідник* и др., напр.: *Исследователь же находится в принципиально иной ситуации...* (Кузнецов 156) // *У цій брошурі ...автор розповідає про різноманітні системи керування...* (Тимофеев 3);

4) глагольной формой 3-го лица множественного числа: *Происхождение термина “герменевтика” связывают обычно с именем бога древнегреческой мифологии Гермеса ...; На втором уровне осмысления текста ставят задачу выявления смысла...* (Кузнецов 12,136) // *Під коректністю задачі в математичній фізиці розуміють наступне* (Нижник 26); *Розповідають, що в процесі проектування вежі...* (Калайда 17);

5) безличной формой глагола или личной в значении безличной, при функционировании которой субъект действия может быть лишь пассивным, так как «семантика таких глаголов несовместима с представлением об активном деятеле»²⁵⁷: *Следует заметить, что для достижения более полного отражения сущности экономической эффективности производства в этих условиях ее следует рассматривать в трех аспектах...* (Калина 7) // *Щодо цього твердження слід відразу зробити певні застереження* (Карпенко 50). *Нельзя не признать...* (Леонтьев 43) // *Слід зазначити, що розгляд складної системи...* (Тимофеев 5); *Коли виявлено розбіжність, необхідно вживати заходів, які б повертали матеріальний потік до заданої траєкторії руху і перетворення; Слід пам'ятати, що це поняття відрізняється...* (Тимофеев 16,17)

Использование различных средств создания неиндивидуализированного субъекта, неактивного отстраненного лица, как бы непосредственно не участвующего в научном диалоге, способствует формированию так называемого «фантома коллективного сознания», за которым стоят определенные взгляды²⁵⁸.

---

²⁵⁷ Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М., 1991. – С.174.

²⁵⁸ Николаева Т.М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С.160–161.

Таким образом, автор научного текста может быть представлен как субъект речи, выражающий свое субъективное мнение, акцентирующий внимание на своем мнении, вкладе, то есть как индивидуализированный субъект. Единственным способом лингвистической реализации данного вида субъекта научного текста является личное местоимение первого лица единственного числа *Я*. Но индивидуализированный субъект не является характерным способом представления автора в научных текстах русского и украинского языков. Традиционными и характерными видами представления автора в текстах научного стиля является выражение неиндивидуализированного субъекта при помощи личного местоимения первого лица множественного числа *Мы* во всем многообразии обозначаемого им субъекта и различных глагольных форм, отражающих неконкретность семантики производителя названного ими действия.

Научные тексты русского и украинского языков фиксируют аналогичные тенденции в выборе лингвистических способов представления автора, субъекта речи, способы, наиболее адекватно отвечающие общим стилистическим закономерностям, свойственным текстам данного стиля.

Категория акцентности

Специфика данной категории состоит в использовании лингвистических средств не с информативной целью, а с целью привлечения внимания читателя к особо значимым, по мнению автора, концептуальным фрагментам содержания.

Как показывают наблюдения, существует достаточно определенный и традиционно употребляемый набор лингвистических средств, используемых как в письменных, так и в устных текстах с целью акцентного выделения (см. работы Т.М. Николаевой, Т.П. Скориковой и др.), которые называются акцентуаторами²⁵⁹.

---

²⁵⁹ Данный термин принадлежит И.И. Сущинскому (см.: *Сущинский И.И. О коммуникативно-прагматической категории «акцентирование» (немецкий язык)*

Список используемых средств акцентного выделения достаточно разнообразен. К их числу относят отдельные слова (акцентирующие частицы, некоторые модальные слова, усилительные частицы), вводные и вставные слова и конструкции, различные по цели высказывания предложения (восклицательные, вопросительные), вопросно-ответный комплекс, особый словопорядок, графические средства, средства словесной образности. Исследователями данной текстовой категории выделены и описаны лексико-грамматические, синтаксические и собственно текстовые акцентуаторы, которые используются в тексте для выполнения единой коммуникативной задачи: «через подчеркивание важных, по мнению создателя текста, моментов содержания научного произведения привлечь к ним читательское внимание, активизировать его, убеждать адресата в истинности авторской концепции, добиваясь тем самым максимального взаимопонимания общающихся в сфере науки»²⁶⁰.

В качестве основных лингвистических средств акцентного выделения в русском и украинском языках функционируют:

1) некоторые семантические группы частиц: акцентирующие именно, как раз, и // *саме, якраз*, усилительно-ограничительные *даже, лишь, только, же*// *навіть, лише, тільки, ж* и др., усилительные частицы при отрицаниях *далеко не..., отнюдь не..., вовсе не..., ни в коем случае не...*// *далеко не..., зовсім не..., ні в якому разі...* и др., напр.: *Система товародвижения . – это не только транспортно-экспедиторские операции (хотя важность их несомненна)*(Шаров 40); *Именно Фреге была высказана идея о непротиворечивом языке...*(Кузнецов 92); *А вот оценка автора и его произведения связана с раскрытием бессознательных факторов...*(Кузнецов 49); *Некоторые из обычных, даже непрерывных функций вообще не имеют производных.*(Шилов 9) // *Що ж до системи керування, то її призначення полягає в...*(Тимофеев 9); *Людська мова . – це повідомлення*

// Иностранные языки в школе. – 1984. – №2. – С.9-13; Он же. Коммуникативно-прагматическая категория акцентирования и ее роль в вербальной коммуникации (на материале немецкого языка) // Вопросы языкознания. – 1987. – №6. – С.110-121).

²⁶⁰ *Иванова Т.Б.* Категория акцентности в аспекте культуры письменной научной речи // Типология текста в функционально-стилистическом аспекте. – Пермь, 1990. – С.27.

в звуковій формі про щось або про когось, повідомлення для когось і навіть для самого себе... Мовлення... складається з повнозначних слів, тобто таких, що мають значення не лише в сполученні з іншими словами... (Білецький 140);

2) **модальні слова со значенням уверенности в достоверности фактов** разумеется, безусловно, конечно, действительно, несомненно/безумовно, дійсно и др., напр.: *Такой метод применим, разумеется, и к классическим динамическим системам* (Глушков 151); *Понятно, что этот прием абстрагирования от реальных процессов понимания важен...* (Кузнецов 105) // *Зрозуміло, що носій співпадає із замиканням множини...* (Нижник 44); *Дійсно, носій різниці таких основних функцій буде лежати зовні носія F і тому функціонал F приймає на них однакові значення* (Нижник 47);

3) **степени сравнения прилагательных и наречий**. Исследователями давно установлено, что в числе прочих лексических компонентов, формирующих смысловую структуру текста, значительная коммуникативная нагрузка принадлежит и прилагательному, чем объясняется и незначительное количество избыточных прилагательных в научной литературе (по данным Г.Г. Полищук²⁶¹, избыточность не превышает 10 %). Анализ различных лексико-семантических групп прилагательных, осуществленный в работе Т.П. Скориковой, показал, что «прилагательные с различной степенью выраженности квалификативных (оценочных) сем обладают различными показателями акцентуемости: наибольшей акцентуемостью отличаются собственно оценочные прилагательные, среднюю акцентуемость имеют оценочно-характеризующие, наименьшую. – прилагательные, лишенные способности выражать оценку»²⁶². Напр.: *Главное произведение Витгенштейна...* (Кузнецов 92); *...показано существенное накопление продуктов перекисного окисления липидов...* (УБЖ91 110); *Но абстрактное мышление...*

---

²⁶¹ Полищук Г.Г. Прилагательное в разных стилях речи // Язык и общество. – Саратов, 1967. – С.73.

²⁶² Скорикова Т.П. Акцентно-семантические возможности прилагательного в устной научной речи // Научная литература: Язык, стиль, жанры. – М., 1985. – С.135.

не является наиболее совершенной формой мышления (Леонтьев 38) // При 200°C фізична границя витривалості в розплаві є істотно вищою, ніж умовна в аргоні (Доп.90 32); Останнім часом ... знаходить все більше визнання...; Це, найімовірніше, пов'язане з...; Найважливішими сферами прийняття фінансово-планових рішень є аналіз фінансового становища і пошук шляхів підвищення вартості архівів (Шаров 45);

4) сочинительные закрытые ряды с градационно-сопоставительным и отрицательно-противительным значением не только..., но и; не просто..., но и; не столько..., сколько; как ..., так и; не ..., а (но); а (но) не // не тільки..., але й; не просто..., але й; не стільки..., скільки; не..., а(але) и др., напр.: В этом случае важно не столько найти решение ..., сколько использовать все необходимые методы (Шилов 195); Но если для Бодуэна психика была качественно своеобразной формой отражения, если это для него – специфическая форма функционирования физиологического механизма, а не прибавление к этому механизму каких-то добавочных сущностей..., то для большинства «социологических» школ... (Леонтьев 10) // Після нескладних, але громіздких розрахунків одержимо... (Калайда 96); Ці різновиди мов існують або тільки в усній формі, або мають також і писемну форму; Скільки людей, стільки й зразків мовлення... (Білецький 15);

5) вопросно-ответный комплекс является одним из характерных для научных текстов русского и украинского языков средств акцентного выделения. Он используется во всех науках и встречается в тех фрагментах текста, которые содержат наиболее значимую для автора информацию или являются размышлениями автора по какому-либо интересующему его вопросу, напр.: В чем конкретно состоит вклад В.Гумбольдта в развитие интересующей нас проблематики? (Кузнецов 90); Что же является основным среди названных средств?..; Что же касается непосредственного расчета экономической эффективности промышленного производства, то может быть использована целая гамма частных показателей оценки эффективности производства... (Калина 12) // Чи можна, маючи такий план і засоби спостереження за його

виконанням, вже не турбуватись про керування об'єктом, а тільки стежити за його правильним функціонуванням? Ні. (Тимофеев 13); ..виникає питання про політичну оцінку Переяславської угоди 1654 р. Що це – “возз'єднання”, як донедавна стверджувалося в радянській історіографії, “приєднання”, “військова угода” чи “протекторат”?... (Смолій 5).

Вопросно-ответный комплекс предполагает двухкомпонентную структуру: а) вопрос, который может быть сформулирован одним или несколькими предложениями, и б) ответ. Но если вопрос в научном тексте обязательно имеет эксплицитное выражение, подтвержденное графически наличием вопросительного знака или вербально вопросительными словами-предложениями *спрашиваем, скажите* и подобными, то ответ нередко имеет имплицитный способ выражения. В таком случае о том, что это ответ, подсказывает структурно-композиционное размещение предложения или нескольких предложений ответа в постпозиции по отношению к вопросу.

Активность использования данного средства акцентного выделения проявляется, на наш взгляд, в тех фрагментах текста, где формулируется гипотеза, эксплицируется авторская точка зрения, его мнение, желание привлечь внимание читателя к определенной проблеме. Неслучайно, Т.Е. Милевская характеризует их как «монологические вопросы, привлекающие внимание к проблеме и последующему авторскому ответу»²⁶³, напр.: *Но как же можно определить интеграл от произведения обобщенной функции и пробной функции, не имея возможности действовать с значениями функции в отдельных точках? Ответ простой...* (Шилов 10) // *Перше і головне питання, яке виникає у дослідника, стосується подальших перспектив кристалізації і розвитку самобутніх рис української етнічної державності у складі Росії. Я не допускаю альтернативності у відповіді на це питання...* (Смолій 6);

---

²⁶³ Милевская Т.Е. Средства выражения речевого контакта в русском языке (вопросно-ответный комплекс в научно-популярном произведении): АКД. – Л., 1985. – С.7.

б) вводные слова, конструкции и предложения со значением выражения отношений между частями высказывания, напр.: Любопытно отметить, что в первом пункте задания ... (Глушков 67); Следует напомнить, что условие обращения в нуль частных производных является необходимым, но недостаточным условием экстремума (Глушков 82); Заметим сразу же, что еще менее вероятно... (Леонтьев 42); Следует отметить, что концентрация свободного Ca^{2+} ... (УБЖ90 112) // Выходить, щоб одержати голограму, треба когерентне світло лазера розділити на дві хвилі...; Отже, рух ідеальної нестисливої рідини є потенціальним...; Особливо слід наголосити на...; Розглянемо тепер приклад...; Треба відзначити, що поява методів оптимізації у часовій області... (АВП 25); На закінчення підкреслимо одну думку, яка досить часто висловлюється дослідниками і практиками стратегічного планування (Шаров 60); Як вже було відмічено, одним з важливих завдань стратегічного планування розвитку території є залучення до неї інвесторів... (Шаров 71).

7) восклицательные и побудительные предложения. На первый взгляд, может показаться, что наличие предложений с такими характеристиками в текстах научного стиля невозможно. Но, как свидетельствует проанализированный материал, побудительные предложения функционируют в обоих языках в текстах практически всех наук, напр.: Следует помнить, что семантика Фреге направлена против психологизма в логике... (Кузнецов 96); Проследим, как человек говорит (Леонтьев 44) // Тепер розглянемо приклад з практики виробництва (Тимофеев 8).

В украинском языке, в отличие от русского, с целью акцентировать внимание глаголы в форме первого лица множественного числа будущего времени используются чаще, особенно в точных науках, напр.: Визначимо в загальному випадку...; На завершення відзначимо...; Розглянемо одноточкові методи вищого порядку; Зуважимо, що цей спосіб знаходження кратних коренів... (Калайда 24,25,166,169).

Не единичны и случаи использования восклицательных предложений. Несмотря на их способность выражать эмоционально-

экспрессивные оттенки высказывания, которые, казалось бы, неуместны в текстах научного стиля, восклицательные предложения функционируют в современных русском и украинском языках в текстах гуманитарных и общественных наук, напр.: ...*в нашем представлении осел длинноухий (хотя это совсем не его существенный признак!)* (Леонтьев 37); // *Не чекайте дії від конкурентів!* (Шаров 33); *Можна говорити про бідність чи багатство (з нашого погляду!) культури того чи того народу, але не про бідність чи багатство їхніх мов; Скільки разів ми сумнівалися, в яких випадках «не» треба писати разом із прикметником, а в яких . – окремо від нього!* (Білецький 14, 141). Их использование также может рассматриваться как проявление личностного начала познавательного процесса, нашедшего отражение в научном тексте.

8) смысловые акцентуаторы, оформленные графически (типографским способом): курсив, разрядка, прямая/пунктирная линия и т.п., напр.: *Но если для Бодуэна психика была качественно своеобразной формой отражения, если это для него – специфическая форма функционирования физиологического механизма...* (Леонтьев 10). Перечисленные способы графического выделения отмечены нами лишь в текстах гуманитарных наук русского и украинского языков. Тексты точных и естественных наук не используют подобные средства акцентуации.

К данному способу выделения информации в научных текстах следует отнести и абзацное членение, поскольку начало каждого абзаца знаменует начало следующего смыслового блока, объединенного общей темой.

На наш взгляд, интересным представляется изучение нормы (определение меры) акцентуаторов в научных текстах и их качественных характеристик, проведенное в кандидатской диссертации Т.Б. Ивановой «Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах»²⁶⁴.

В результате сопоставления употреблений акцентуаторов в различных отраслях науки (физика, химия, биология, философия,

---

²⁶⁴ *Иванова Т.Б.* Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах. Дис .... канд.филол.наук. – Харьков, 1988. – 188 с.

языкознание) и в различных жанрах (монография, статья, учебное пособие) автор определила, что в текстах по гуманитарным отраслям знания отмечается самый большой процент функционирования акцентуаторов, в текстах по физике и химии – наименьший процент, но независимо от принадлежности текста гуманитарным, естественным или техническим наукам наблюдается увеличение употребительности акцентных средств в жанре учебного пособия. Данные выводы соответствуют и нашим наблюдениям.

Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности имеет полевою структуру. Исходя из частотности употребления и стилистической значимости акцентные средства делятся на ядерные и периферийные. Представленный список возможных средств акцентного выделения составлен в соответствии с полевою структурой данной категории.

Данные средства акцентного выделения семантически значимых фрагментов сообщения достаточно традиционны в обоих языках, они сложились в процессе развития научного стиля изложения и активно используются говорящими.

Категория лаконичности

Лаконичность принадлежит к числу противоречивых признаков научного изложения, которые не имеют однозначной оценки. С одной стороны, лаконичность высказывания обеспечивает его простоту, прозрачность, ясность. А стремление к ясности, по справедливому замечанию Л.А. Булаховского, это факт цивилизации. Исследователь цитирует парадоксальную мысль одного из французских социологов: «У дикунів нема нічого простого; щоб бути простим, треба бути цивілізованою людиною»²⁶⁵. Но с другой стороны, на что также указывает ученый, лаконичность может привести к примитивности, обесцениванию мысли: «Думка

---

²⁶⁵ Булаховський Л.А. Вибрані праці в 5-ти тт. – Т.1. Загальне мовознавство. – К., 1975. – С.424.

нерозвинена, примітивна буде короткі фрази»²⁶⁶; «грунтовна думка далеко не завжди вкладається в утерті форми короткої фрази, як і розвинений розум, у свою чергу, для сприймання чужої думки й не потребує такої вигладженої фрази, що в ній думки розташовуються не в плані логічно важливих зв'язків та ступенів залежності, а більш-менш плоскісно і, в зв'язку з цим, нерідко й просто плоско»²⁶⁷. Коммуникативную и познавательную ценность длинной фразы Л.А. Булаховский доказывает на основе многочисленных примеров, связанных с историей разных языков. Парадоксальность наблюдений состоит в том, что лаконичнее (с точки зрения количества и глубины передаваемых мыслей) оказывается именно длинная, сложная фраза, адресованная специалисту с определенным уровнем подготовки знаний, если ее сравнить с совокупностью популяризированных, упрощенных предложений, необходимых для выражения этих же мыслей, ориентированных на неподготовленного читателя. Таким образом, Л.А. Булаховский доказывает содержательную лаконичность именно длинной фразы. При этом необходимо учитывать и интеллектуальный уровень потенциального читателя: «Без запитання «ясні . – для кого» не можна дістати правильного уявлення по суті питання. Стиль, громіздкий з погляду людини невисокої освіти і малої словесної орієнтованості, може якраз бути найекономнішим, найзмістовнішим і цілком дохідливим для добрих фахівців. Навпаки, останніх може дратувати плоскість елементарної фрази з її зайвим топтанням на місці і в основі повільним розгортанням думки»²⁶⁸.

Сопоставление длины и лаконичности высказывания в различные периоды развития народа и его языка свидетельствует об их различном соотношении. Этот факт связывают и с особенностями менталитета, и с так называемым «духом эпохи» и многими другими явлениями. Так, сегодня можно констатировать и в украинском и в русском языках вытеснение длинной фразы, что обусловлено

---

²⁶⁶ Булаховський Л.А. Вибрані праці в 5-ти тт. – Т.1. Загальне мовознавство. – К., 1975. – С. 404.

²⁶⁷ Там же. – С. 406–407.

²⁶⁸ Там же. – С.407.

несомненным влиянием компьютерного стиля. Хотя данная тенденция по-разному проявляется в разных сферах научных знаний. Бесспорно она проявляется в точных и естественных науках. В то время как в текстах социально-гуманитарных дисциплин чаще преобладают объемные фразы с последовательным изложением мысли.

Суть категории лаконичности состоит в выборе из системы лингвистических средств именно тех, которые обеспечивают сжатость изложения в максимально сконденсированном виде. Лаконичность связана с такими функциональными семантико-стилистическими категориями, как обобщенность (абстрактность) и логичность (связь на уровне содержания), экспрессивность, акцентность, оценки (связь на уровне способа выражения).

Одним из средств достижения лаконичности в исследуемом стиле является стандартность научного текста. Это свойство предлагается многими исследователями в качестве основы для выделения отдельной ФССК стандартизованности²⁶⁹.

Функциональное назначение стандартизованности заключается в обеспечении оптимального восприятия научной информации, заключенной в сообщении (тексте). Стандартизованность – один из текстовых признаков, опирающийся на стереотип как нейрофизиологическое и психолингвистическое явление.

С целью стандартизации научного изложения используются следующие языковые средства:

- 1) термины как конденсированные знаки научных знаний;
- 2) семантическое ограничение общеупотребительных слов с целью достижения однозначности научного изложения;
- 3) использование дополнительных семиотических систем (символов, формул, графиков);
- 4) логическая последовательность изложения (см. «Категория логичности»);

---

²⁶⁹ Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности. – М., 1989. – С.23.

5) использование речевых формул, позволяющих сокращать изложение;

6) синтаксические средства, как, например, эллиптические конструкции.

Существование эллиптичности как грамматического и как стилистического факта исследовано достаточно всесторонне. Поскольку грамматические эллипсы являются узואльным свойством синтаксической системы и используются подсознательно²⁷⁰, поэтому говоря об эллиптических конструкциях, мы имеем в виду эллипсис, используемый со стилистической целью – сознательное сокращение изложения с целью достижения коммуникативного совершенства.

Категория логичности

Среди категорий, определяющих дифференциальные черты научного стиля изложения, независимо от оснований исследований данного вида текстов единогласно называется «подчеркнутая логичность изложения»²⁷¹. Именно последовательность изложения, логичность отличают научный стиль от других. При этом говоря о логичности как ФССК, имеют в виду и свойство, характерное для целого текста, то есть структурно-логическую схему последнего, и соответствующий характер развертывания этой схемы²⁷². Что в свою очередь отразилось на разграничении двух реализаций логичности: «логический конденсат целого текста» и «развертывание, ход мысли в тексте»²⁷³.

---

²⁷⁰ Булаховський Л.А. Там же. – С. 412–413.

²⁷¹ Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1977. – С.160.

²⁷² Котюрова М.П. Логичность научной речи // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. – Т.2. Стилистика научного текста (общие параметры). – Ч.2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. – Пермь, 1998. – С.63.

²⁷³ Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск, 1990. – С.39–43.

Оба понимания логичности в стилистике текста связаны с выделением логического компонента в процессе научного познания. Как ни странно, но в последнее время наряду с логичностью как отличительной чертой научного текста отмечают и факты нарушения последовательности, логичности изложения даже в таких «строго» научных текстах, как математика, физика и др.

Так, по наблюдениям Л.В. Славгородской, выяснилось, что уже в XVII в. «пространное изложение затрудняет внимание», что в научном тексте «не все достаточно описать словами, но, ради краткости, многое часто ... опускается. Авторы научных трактатов начинают заботиться об обозримости текста»²⁷⁴. Несмотря на это, логичность является отличительной чертой именно научных текстов, именно по отношению к текстам научного стиля говорят о подчеркнутой логичности (М.Н. Кожина²⁷⁵) и открытой логичности (А.Н. Васильева²⁷⁶). Это противоречие объяснимо, поскольку в пределах одного текста реализуется несколько принципов его организации, а именно логичность и иерархичность, которые принимают участие и в создании его смысла, внутренней организации, и в языковом выражении, внешней организации²⁷⁷. Нас прежде всего будут интересовать лингвистические средства выражения данной текстовой категории, то есть внешняя организация логичности, в современных русском и украинском языках.

При анализе языковых способов передачи логичности необходимо помнить о замечании, сделанном У. Вейнрейхом о том, что при изучении данного свойства текста учитываются лишь некоторые разделы логики, а именно «правила образования и обозначения, то есть те аспекты исчисления предикатов, которые в логике

---

²⁷⁴ Славгородская Л.В. Взаимодействие устной и письменной речи в сфере научного знания (исторический очерк) // Научная литература: язык, стиль, жанры. – М., 1985. – С.27–28.

²⁷⁵ Кожина М.Н. Указ. раб.

²⁷⁶ Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. – М., 1976. – 190 с.

²⁷⁷ Котюрова М.П. Там же. – С. 64.

выступают просто как подготовительные этапы для изучения выводимости, истинности и т.п.»²⁷⁸.

Процесс экспликации научных знаний предполагает предва- рительное выяснение взаимосвязи и иерархии понятий, составляющих эти знания. Совокупность логических (мыслительных) операций, с помощью которых осуществляется интеллектуальная обработка знаний и которые являются одним из объектов исследования в логике (конъюнкция, дизъюнкция, импликация и др.), опирается на предикацию. С помощью предикации создаются простые высказывания (предикаты), которые, в свою очередь, входят в более сложные высказывания. Производные (вторичные) логические операции – конъюнкция, дизъюнкция, импликация, – основываясь на предикации, обеспечивают установление иерархии составных частей научного знания. Производные высказывания возникают в результате сопоставления с основным (предикатом). На современном этапе развития логики выделяют следующие виды сложных высказываний: конъюнктивные, дизъюнктивные, имплика- тивные, модальные²⁷⁹.

Список лингвистических средств выражения данных видов вы- сказываний хорошо известен в обоих языках:

1) конъюнкция выражается утвердительными предложениями с союзом и//и, напр.: *...идея профессора Фройденталя очень интересна, и она разработана как будто во всех деталях* (Леоньев 43) // *У диференціальних спектрах поглинання дегазованих розчинів... спостерігається зменшення інтенсивності поглинання в області 420-500нм і з'являється широка смуга в області 600-700 нм* (Доп.90 27);

2) для выражения дизъюнкции используется союз или//чи (напр.: *...в одной из газет столбец кратких сообщений печателся попеременно обычным шрифтом (или уставом) и курсивом* (Леонтьев 54); *...что можно связать либо с большим количеством доступных для окисления субстратов, либо с меньшей антиоксидан- тельной активностью лимфоидных клеток селезенки* (УБЖ91 108);

---

²⁷⁸ Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в зарубежной линг- вистике. Вып. V. . – М., 1970. – С.170.

²⁷⁹ Переверзев В.Н. Логистика: Справочная книга по логике. – М., 1995. – С.40.

// За матеріал дослідження правила плідна частина плаценти корів (чи котиледони)... (Доп90 46);

3) реализация импликации происходит с помощью союза если..., то...//якщо..., то..., напр.: Если ранее интерпретация художественных произведений имела достаточный простор,...то в новых условиях ведется острая борьба вокруг принципов и методов толкования (Кузнецов 6) // Якщо $k1 > k6$, то виправданий синтез дитіокарбаматів при одночасному змішуванні реагентів у реакторі періодичної дії (Доп.90 33); Якщо підставити рівності... у вихідне рівняння..., то одержимо... (Нижник 18).

4) в создании модальных высказываний используются модальные слова, указывающие на различные дополнительные обстоятельства. В зависимости от используемых модальных слов В.Н.Переверзев выделяет следующие виды модальных высказываний:

а) алетичные – создаются на основании утвердительных высказываний с помощью слов *необходимо, возможно, случайно* // *необхідно, можливо, випадково*;

б) аксиологичные – с помощью слов *хорошо, плохо* // *добре, погано*;

в) эпистемичные – с помощью слов *знаю, верю, считаю* // *знаю, вважаю, сподіваюсь*;

г) деонтичные – с помощью слов *разрешено, запрещено* // *дозволено, заборонено*;

д) темпоральные – с помощью слов *в прошедшем, раньше, в будущем* // *в минулому, у майбутньому, раніше*.

Основываясь на существующих в логике классификациях логических отношений в высказываниях, учтя, что экстралингвистической основой научного текста являются научные знания, всесторонне изучив особенности лингвистических средств, передающих в тексте различные отношения между научными понятиями, М.П. Котюрова предложила классификацию логико-семантических отношений между понятиями. Выделив две группы отношений: 1) модально-логические и 2) предметно-логические, исследовательница объединяет в первую из них отношения, основанные на значениях а) бытия, существования, наличия, б) распростра-

ненности (в пространстве и во времени), во вторую – а) отношения квалификации предмета (с помощью введения его свойств, условную квалификацию и сопоставление с другими предметами), б) отношения зависимости (условия – следствия, причины – следствия, основания – вывода, цели). Перечисленные логико-семантические отношения выражаются в тексте с помощью общеупотребительных слов: глаголов, наречий, союзов и т. п.²⁸⁰.

Поскольку модально-логические отношения передаются автором, как известно, независимо от его желания благодаря глаголу-сказуемому, выполняющему эту функцию, здесь прежде всего анализируются те случаи, когда для выражения **МОДАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ** в тексте используются экзистенциальные глаголы бытия, существования, образованные от них причастия и словосочетания: *иметь место, находить место, быть, бывать, существовать, находиться; происходить, проявляться, осуществляться; осуществлять, проводить, производить, исполнять, делать; работать, изучать, исследовать, анализировать, рассматривать, касаться; нужно, необходимо, надлежит, стоит, следует // бути, бувати, перебувати, існувати, лежати; відбуватися, здійснюватися, проявлятися; здійснювати, провадити, проводити, виконувати, робити; працювати, вивчати, досліджувати, аналізувати, розглядати, торкатися; треба, потрібно, належить, варто, слід, необхідно* и др. Например: В работе исследованы уровни циклических нуклеотидов...; Резкое снижение содержания нуклеотида наблюдалось... (Докл.90 61); Процессы перекисного окисления липидов изучены... (УБЖ91 107); В античный период не было создано ни одной законченной теории герменевтического толкования; Это было время... (Кузнецов 6,7); Существует большой соблазн... (Кузнецов 97); В этой форме оно может служить определением обобщенной функции... (Шилов 131); Будем называть функционал... (Шилов 131); Она явилась практическим доказательством справедливости

---

²⁸⁰ Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). – Красноярск, 1988. – С.77-78.

общих теоретических предпосылок...(Леонтьев 55); Такой методики... не существует и существовать не может (Леонтьев 57) // ... функція описує тепловий або ж хвильовий процес...(Нижник 13); Це рівняння розв'язується зразу... (Нижник 15); Класичні рівняння математичної фізики мають такі типи...(Нижник 22); ...в цьому випадку згортка... існує і належить...(Нижник 64); ...високі гори не існували, та й не могли існувати...(Доп.90 18); Для визначення g^* необхідний кількісний опис процесу(Доп.90 34).

Предметно-логические отношения (отношения квалификации предмета) передаются с помощью синонимичных конструкций: *есть, является, составляет, считается, квалифицируется, состоит, имеет характер, характеризуется, отличается; использоваться, служить, выступать в роли(в качестве, в функции); относительно, как; включать, охватывать, объединять, входить в состав, принадлежать; делиться, члениться, подразделяться; существенный, важный, весомый, значительный // є, являти собою, становити, вважатися, кваліфікуватися, полягати, мати характер, характеризуватися, відзначатися; використовуватися, служити, виступати в ролі (в якості, у функції); щодо, стосовно, як; включати, охоплювати, об'єднувати, входити до складу, належати; поділятися, підрозділятися, членуватися; істотний, суттєвий, важливий, вагомий*. Например: ...соотношения являются отражением процессов, которые характеризуют обмен липидов... (Докл.90 59); Циклические нуклеотиды ... служат универсальными вторичными посредниками внутри клеток...(Докл.90 60); Логической формой его выражения является аналогия. К высшим формам понимания относятся понимания “целостной связности жизни”...(Кузнецов 57); Только дескрипции могут относиться к несуществующим предметам (Кузнецов 98) // Сама людина являє собою складну систему високої організованості... (Тимофеев 5); ...остання має довідковий характер...(Нижник 5); функція... представляє хвилю...(Нижник 15); Задача Коші для рівняння струни полягає в... (Нижник 16); Планування ...є корисним і необхідним у будь-якій системі суспільно-економічних відносин (Шаров 3); Планування – це природний міст між минулим та майбутнім (Шаров 5);

...питання про гірські споруди в дорифейський час залишається здогадним; В ранньому протерозої обстановка була істотно іншою (Доп.90 18); ...визначення оптимального розподілу витрати етилату в часі зводиться до знаходження... (Доп.90 35); .

Для выражения **предметно-логических отношений (отношений зависимости)** могут быть использованы следующие синонимические ряды: приводить, способствовать, являться причиной, создавать, вызывать, вести, определять, вытекать, порождать, влиять, оказывать влияние, обуславливать; из-за чего, вследствие чего, зависимо от чего, благодаря чему; итак, таким образом // приводити, призводити, спричиняти, спричинятися, створювати, викликати, вести, визначити, впливати, породжувати, впливати, справляти вплив, зумовлювати; через що, внаслідок чого, залежно від чого, завдяки чому; отже, таким чином. Например: ...рациональное познание здесь уже не может служить методом познания (Кузнецов 56); Постановка и решение проблемы... связаны с употреблением... (Кузнецов 94); Отсюда вытекает, что... (Кузнецов 109); Суждения и стратегия интерпретации ... оказывают влияние на выбор конкретных лингвистических форм... (Кузнецов 122); В связи с этим отличия...; ...большие величины отношений... свидетельствуют об интензивном протекании липолиза (Докл.90 59); Липидные перекисные соединения оказывают влияние на обменные процессы в клетке..., приводят к изменению состояния... (УБЖ91 107); ...ионы металлов... благодаря своим электронно-донорным свойствам... (УБЖ91 109) // У загальній постановці задачі інтерлінації ставиться аналогічно постановці задачі інтерполяції... (Калайда 89); Це приводить до таких початкових даних (Нижник 16); ...r+ та r- не залежать від перетворень (Нижник 20); В залежності від політичної кон'юнктури російські царі інколи відступали від... (Смолій 7); Виходячи з цього, можна стверджувати, що...; Залежності між товщиною кори і висотою рельєфу ... можуть бути використані... (Доп.90 20).

Принимая во внимание, что к какой бы отрасли науки ни относился текст, он прежде всего является речевым произведением, а это «множество предложений, связанных друг с другом логически-

ми отношениями»²⁸¹, поэтому значительная роль при выражении различных логических отношений принадлежит и синтаксическим средствам. Этим объясняется вывод, который встречается во многих исследованиях синтаксиса высказываний, о том, что «...вопрос о понимании языковых выражений может быть сведен к вопросу о понимании предложений...»²⁸².

Выделяя группы синтаксем на основе семантико-синтаксических отношений, И.Р. Выхованец анализирует первичные (предикативные и субстанциальные) и вторичные (атрибутивные, адвербиальные и модальные) синтаксемы. Особое внимание привлекает интерпретация простых осложненных предложений как формально-синтаксических и сложных трансформаций сложных предложений, выделение и описание вторичных предикатных синтаксем, а также предикатно-субстанциальных и сложных субстанциальных синтаксем. На многочисленных примерах, почерпнутых из украинских текстов, автор убедительно доказывает семантическую неэлементарность простых предложений, устанавливает систему языковых средств, передающих различные отношения, и проявляющих синонимические отношения²⁸³.

Примеры простых предложений с осложненной семантической структурой характерны для научных текстов как в русском, так и в украинском языках, напр.: *Лимфоциты – единственные из клеток иммунной системы, подверженные интерфазной гибели, происходящей в течение первых суток после действия радиации и наблюдаемой при облучении даже невысокими дозами; Согласно данным, представленным в таблице, внутриклеточная концентрация свободного кальция в лимфоцитах селезенки повышается более чем в три раза через 1 сутки после облучения животных и остается повышенной в два раза через 3 суток (Докл.90 61) // Незважаючи на велику кількість експериментальних і теоретичних досліджень та застосування у промисловості, вивчення закономірностей та особливостей цього ефекту потребує подальшого поглиблення; Таким*

---

²⁸¹ Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание.- М.,1991.- С.116..

²⁸² Там же. – С.115.

²⁸³ Выхованець І.Р. Граматика української мови. Синтаксис. – К., 1993. – С.245–278.

чином, згідно з даною моделлю, для збільшення ефективності прищеплення необхідно підвищувати швидкість ініціювання та зменшувати концентрацію можливих агентів передачі ланцюга (Доп.90 50).

Наиболее характерным средством лингвистического выражения семантико-стилистической категории логичности являются различные виды сложных предложений. И украинский, и русский языки имеют разветвленную систему сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных предложений, функционирование которых в текстах научного стиля описано во многих работах²⁸⁴, поэтому считаем возможным не останавливаться на их анализе специально. Приведем лишь некоторые примеры: причина – *Отже воно дає змогу здійснитися тому, що за інших обставин могло б і не статися*(Шаров 6); умови – *Планування «нормально» вписується в систему координаційних механізмів ринкової економіки, якщо воно узгоджується з принципами організації ринкового середовища* (Шаров 7); *Коли використовується досвід розвинутих країн світу, часто використовується термін «змішана економіка»* (Шаров 8); изъяснительные – *Інші принципи передбачають гарантії наявності у ринковому середовищі свободи загальної і господарської діяльності, тобто права зорганізувати особисте і господарське життя...* (Шаров 8); следствие – *Поскольку между пространствами K и Z существует взаимно-однозначное соответствие..., аналогичное соответствие можно установить и между линейными непрерывными ...*(Шилов 131) и др.

Все сказанное выше позволяет нам предложить еще одну классификацию категории логичности на локальную и текстовую, по аналогии с локальной и глобальной связностью, в основу которой положить принцип отнесенности данного свойства к тексту в

---

²⁸⁴ См., напр.: Глушко М.М. Синтактика, семантика и прагматика научного текста. – М., 1977. – 220с.; Коваль А.П. Науковий стиль сучасної української літературної мови. – К., 1970. – 306с.; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1977. – 223 с.; Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. – М., 1986. – 186с.; Непийвода Н.Ф. Мова української науково-технічної літератури (функціонально-стилістичний аспект). – К., 1997. – 303с.; Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. – М., 1976. – 263 с. и др.

целом или к его части, фрагменту. Проанализированные примеры представляют образцы реализации в тексте локальной логичности, выраженной в пределах фрагмента текста. Говоря о логичности текстовой, необходимо анализировать логические отношения конъюнкции, дизъюнкции и др. между частями текста. Но это может стать предметом другого исследования.

Категория модальности

Общепризнанным фактом является утверждение основным признаком модальности отношение говорящего (пишущего) к действительности, присущее в той или иной мере всякому высказыванию и выражаемое различными грамматическими, лексико-фразеологическими, синтаксическими, интонационными, стилистическими средствами. В связи с тем, что модальность характеризует язык с его деятельностной стороны, поэтому ее рассматривают как «самую сущность коммуникативного процесса»²⁸⁵. Но при этом, особенно в современных грамматиках английского языка (Джон Лайонз, Рэндолф Кверк и др.), языковеды избегают давать определение категории модальности, по всей видимости, рассматривая ее как данность, ограничиваясь лишь указанием грамматических форм, выражающих модальные отношения.

Вопрос определения статуса категории модальности разными языковедами решается по-разному, поскольку проблема модальности не может рассматриваться «в духе полного единства» и трудно избежать расхождений и столкновений разных взглядов²⁸⁶. Прежде всего модальность характеризуют как чисто грамматическую категорию, поскольку она является одним из признаков, определяющих основное грамматическое значение предложения. – предикативность (см. раб. А.В. Бондарко, В.В. Виноградова и др.).

---

²⁸⁵ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – С.113.

²⁸⁶ Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л., 1990. – С.67.

Характеризуют ее и как текстовую категорию (И.Р. Гальперин, О.И. Москальская, Л.И. Василенко и др.). Так, по мнению М.Н. Кожиной, данная категория может быть также включена и в список функциональных семантико-стилистических категорий²⁸⁷. Именно текстовая природа модальности способствует актуализации субъекта речи (автора), его персонификации в тексте, так как благодаря модальным средствам «у читателя складывается о нем непосредственное представление»²⁸⁸.

Авторы коллективной монографии «Теория функциональной грамматики» (1990), обобщив взгляды разных исследователей, определили перечень проблем, раскрывающих суть данной категории. На их взгляд, общим семантическим признаком модальных объектов является «взгляд говорящего», отсюда следует как минимум шесть типов значений, отражающих указанный общий признак: 1) авторская оценка высказывания с точки зрения реальности/нереальности (гипотетичности, вероятности и т.п.), 2) оценка отражаемой ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости, желательности, 3) оценка степени уверенности в достоверности сообщения, 4) целевая установка говорящего (коммуникативная функция высказывания), 5) значение утверждения/отрицания, отражающее наличие/отсутствие объективных связей между предметами, признаками, событиями, 6) эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания²⁸⁹.

Традиционным в лингвистике стало разграничение объективной и субъективной модальности (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, В.З. Панфилов, Дж. Попела), хотя все чаще встречаются исследования, в которых термином модальность однозначно обозначают лишь одну сторону данной категории, а именно отношение говорящего к сообщаемому, т.е. субъективную модальность из указан-

---

²⁸⁷ Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности. – М., 1989. – С.23.

²⁸⁸ Василенко Л.И. Структурно-семантическая роль модальных слов в тексте. – Минск: АКД, 1985. – С.11.

²⁸⁹ Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. – С.66–67.

ной диады²⁹⁰. Поскольку мы рассматриваем модальность как одно из текстовых свойств и поскольку текст позволяет эксплицировать как отношение его создателя к объективной действительности, так и особенности воспроизведения объективной действительности в самом тексте, поэтому считаем возможным говорить о разграничении и изучении лингвистических способов представления объективной и субъективной модальности в тексте, в данном случае тексте научном.

Вслед за Г.В. Колшанским **категорию объективной модальности** мы понимаем как тип модальных отношений, которые отражают характер объективных связей в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, как общую семантическую категорию высказывания, которая характеризует объективные связи, отражаемые как необходимые, возможные или действительные. По мнению Г.В. Колшанского, объективная модальность составляет основное ядро категории модальности²⁹¹.

Рассмотрение модальности как текстовой категории, по мнению О.И. Москальской, позволяет в пределах полимодального текста выделить тот или иной ключ, в терминологии автора. – модальную «тональность» текста, не упуская из вида модальную организацию текста в целом²⁹². Определение «тональности» текста возможно в объективной и субъективной модальности на основе выявления ведущих модальных отношений. Общей «тональности» научного текста с точки зрения объективной модальности посвящено исследование Л.М. Лапп²⁹³. Модальную «тональность» научного текста автор определяет на основе того, какие типы высказываний доминируют в тексте (действительностные, возможностные, необходи-

---

²⁹⁰ *Блох М.Я.* Теоретические основы грамматики. – М., 1986. – С.98; *Зильберман Л.И.* Модальность как текстообразующее средство // Он же. Лингвистика текста и обучение чтению английской научной литературы. – М., 1988. – С.44–48.

²⁹¹ *Колшанский Г.В.* К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. – 1961. – №4. – С.94–98.

²⁹² *Москальская О.И.* Грамматика текста. – М., 1981.

²⁹³ *Лапп Л.М.* Общая (текстовая) «тональность» научного текста с точки зрения объективной модальности // Функционирование языка в различных типах текста. – Пермь, 1989. – С.47–59.

мостные), и приходит к выводу, что «для научных текстов в целом характерна общая модальная «тональность» необходимости»²⁹⁴, что обусловлено экстралингвистическими основаниями научного стиля в целом – исследованием закономерных, необходимых связей в явлениях, событиях, процессах действительности.

Более точному определению характера «тональности» с позиции объективной модальности помогают языковые средства, передающие значение «необходимость» и «возможность», или совмещающие в своем значении данные семантические компоненты. При анализе языкового материала возникает определенная сложность экспликации и точного определения названных модальных значений. Объясняется это экстралингвистическими обстоятельствами. Ведь возможность того или иного события реальной действительности «коренится в закономерности объективно существующих связей действительности, что обуславливает в семантической категории «возможность» существование «скрытого» семантического признака «необходимость»»²⁹⁵.

Модификации модальных единиц (которыми автор называет лексические единицы, эксплицитно выражающие конкретное модальное значение), вне контекста передающие значение «возможности» в сторону значения «необходимость», а также эпизодичность появления в нем действительностных высказываний и высказываний со значением «чистой» возможности, являющихся в тексте иномодальными включениями, еще раз подтверждает системный характер научной речи, создавая тем самым, по мнению исследовательницы, единство стиля.

Проиллюстрируем модальные единицы «возможности/необходимости» с помощью сопоставительного материала русского и украинского языков. К таким лингвистическим средствам обычно относят:

---

²⁹⁴ Ланн Л.М. Общая (текстовая) «тональность» научного текста с точки зрения объективной модальности // *Функционирование языка в различных типах текста.* – Пермь, 1989. – С.58.

²⁹⁵ Там же. – С.53–54.

1) **союзы и предлоги**, с помощью которых оформляются отношения обусловленности, такие, как *если, чтобы, так как, для, при, вследствие // якщо, щоб, оскільки, внаслідок* и др., которые наиболее активно формируют значение “необходимости” в обоих языках во всех сферах научной деятельности, напр.: *Поскольку они помещаются в начале блока, то входит в блок (в результате выполнения оператора перехода) разрешается только через его начало* (Глушков 63) // *Якщо ми хочемо, щоб формула Даламбера давала двічі неперервно диференційовану функцію, то вимушені накласти умову, щоб G була двічі неперервно диференційованою...* (Нижник 17);

2) **знаменательные слова**, принадлежащие разным частям речи, главной функцией которых является выражение отношений **обусловленности**: *зависеть, обуславливать, вызывать // залежати, обумовлювати, викликати* и др., напр.: *Все модули МС являются двухпортовыми, что обусловлено необходимостью подключения каждого модуля к двум системным каналам* (Глушков 25); *Многократность использования донора предопределяется природой физического взаимодействия при переносе энергии, в результате которого акцептор оказывается в возбужденном T состоянии...*; *Смена продукции фактически означала необходимость полной замены оборудования* (Глушков 192) // *Одержані таким чином ... хромони... викликають позитивну реакцію...* (Доп.90 23); *Коректність цього визначення впливає із того, що...* (Нижник 58); *Перейдемо до питання про залежність похибки...* (Калайда 38);

3) **пассивные конструкции** при отсутствии указания на исполнителя действия, включающие семантический компонент постоянного признака, напр.: *Затем снова производится прогноз уже при новом управлении, снова вырабатываются предложения по улучшению управления и т.д., пока не получится удовлетворяющий результат* (Глушков 151); *Всякое познание основывается на понимании* (Кузнецов 75) // *...рівняння називається еліптичним* (Нижник 22); *Для рівняння теплопровідності та хвильового рівняння, розглядуваних в певній області G ...* (Нижник 25); *Вузли Чебишова розташовані на інтервалі (a, b)* (Калайда 39);

4) **будущее время глагола.** Данный способ передачи значения «возможности», «необходимости» характерен для текстов точных и естественных наук, причем в современном украинском языке преобладают формы сложного будущего времени, а в русском простого будущего, напр.: *Вначале мы построим систему областей... Для этого заметим...* (Шилов 59) // *Згортку двох узагальнених функцій ми іноді будемо позначати через «інтеграл»* (Нижник 50); *Все ж із функцією... ми пов'яжемо узагальнену функцію, яку будемо позначати...* (Нижник 69).

В научных текстах нас также будет интересовать **субъективная модальность**. Несмотря на то, что объектом научного познания является объективная действительность и соответственно именно о ней идет речь в любом научном исследовании, все же в содержательной стороне научного текста, относящейся к объективной действительности, при всем ее возможном разнообразии можно выделить стороны, несущие определенную информацию не только об отношении говорящего к сообщаемому, но даже и о личностных особенностях говорящего или пишущего, его жизненном опыте, умонастроении, особенностях мыслительных процессов и др.²⁹⁶

Соотношение объективного и субъективного в научных текстах имеет свою специфику. Бесстрастность, логичность, доказательность составляют типичные качества научных текстов в целом, на первый взгляд не оставляя места субъективно-оценочной модальности. Поэтому очень часто в таких текстах субъективную модальность определяют как нулевую. Но в то же время сомнение в правильности своих умозаключений является обязательным свойством подлинно научного подхода к объекту исследования и поэтому может рассматриваться как проявление модальности. Хотя, по наблюдению И.Р. Гальперина, «авторы научных работ редко выражают вербально свое отношение к собственным выводам»²⁹⁷. Таким образом, с одной стороны, используя языковые средства для выражения модального значения достоверности, автор отстраняет

---

²⁹⁶ Об этом направлении исследований см.: Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., За-чесова И.А. Речь человека в общении. – М., 1989. – С.121–131.

²⁹⁷ Гальперин И.Р. Там же. – С.115.

себя от сообщаемого, тем самым придавая сообщению значение объективности (поскольку модальные синтаксемы отличаются определенной семантико-синтаксической автономностью в предложении). Ведь целью любого исследователя прежде всего является объективность и достоверность передаваемой информации. С другой стороны, развитие компьютерной техники, определенные достижения в развитии и изучении искусственного интеллекта повысили долю и роль субъективного фактора в процессе научного познания. Индивидуальные знания конкретных интеллектуальных субъектов в форме определенных мыслей, ожиданий, предвидений соотносимы с «совокупностью прагматических контекстов естественного языка», логическая формализация которых является одним из основных заданий исследования искусственного интеллекта²⁹⁸.

Выразителями значения достоверности являются разнообразные языковые средства, которые отражают в каждом конкретном тексте соотношение объективных и субъективных знаний. Поэтому авторская оценка сообщаемого с точки зрения достоверности информации может находиться на шкале, с одной стороны которой находится отражение объективных знаний, с другой – субъективных. Соответственно, языковые средства, передающие значение «я знаю», содержат сему безусловности, уверенности, а «я считаю» – сему сомнения.

Необходимо помнить, что модальные отношения со значением достоверности не могут наблюдаться в высказываниях, отражающих реальное состояние изображаемых фактов, явлений, вещей. В таких случаях употребление показателей степени достоверности выглядит, по меньшей мере, некорректным. В высказываниях, обладающих статусом субъективных, языковые формулы, определяющие степень достоверности, весьма уместны: *Очевидно, что при продажах уникального комплектного оборудования эта цепочка будет предельно короткой, а при реализации массовых товаров (продукты питания, парфюмерия и т.п.). – максимально длинной* (Кретов 44) // *Целогічно передбачає децентралізацію рішень, розподілення*

²⁹⁸ Переверзев В.Н. Логистика: Справочная книга по логике. – М., 1995. – С.208.

влади, делегування економічної відповідальності суб'єктам господарювання. Очевидно, що процес переходу від командної економіки до ринкової буде тривалим і складним (Шаров 8).

Более того, наличие в тексте эксплицитно выраженной модальной рамки служит показателем статуса описываемого явления. При этом, по наблюдению Е.С. Яковлевой, высказывания, обладающие субъективным статусом, допускают изменения в оценке описываемого факта, явления вплоть до противоположной, в то время как высказывания с объективным модальным статусом не допускают каких-либо изменений оценки²⁹⁹.

К лингвистическим средствам выражения модального значения достоверности относят:

1) вставные слова и конструкции, подтверждающие или выражающие сомнение автора в оценке сообщаемого: *конечно; понятно; без сомнения; безусловно; не вызывает сомнения тот факт, что...; нет сомнения в том, что; очевидно; может быть; возможно; как видно; как свидетельствует; как правило; (хорошо) известно; ясно // звичайно; зрозуміло; безсумнівно; безперечно; без сумніву; не викликає сумніву той факт, що; немає ніякого сумніву в тому, що; очевидно; мабуть; можливо; схоже на те; як видно; як свідчить; як правило; (добре) відомо; загальновідомо и др., напр.: Конечно, для современного состояния российского оптового рынка готовых изделий эта статистика не очень показательна (Кретов 35); Совершенно очевидно, что для сложности Р объективно необходимых задач управления справедлив сделанный выше вывод о более быстром росте, по сравнению с числом занятых в экономике людей N (Глушков 10); Поскольку в основе лежит предположение, что людей нужно заставлять делать то, что необходимо для успеха предприятия, внимание, естественно, направлено на методы управления и контроля (Травин 115); Как известно, в АСУТП с пространственно распределенными по объекту датчиками... (Пути 111); При скорости вращения 3000 об/мин (50 об/сек) этот объем информации может быть считан или записан за 1/50 сек... (Глушков 25) Совре-*

---

²⁹⁹ Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). – М., 1994. – С.216.

менний системний аналіз, як правило, має дело с системами, характеризуючимися більшим числом (от нескольких сотен до многих десятков тысяч) параметрів різної природи (Глушков 150); Разумеется, масштаби існуючого опыта еще недостаточны для получения точных количественных результатов, однако... (Глушков 13); Из приведенного анализа ясно, что для микроминиатюризации устройств гальваніческой развязки необходимо применение бестрансформаторных взвешенных источников питания (Пути 116) // Як відомо, в таких регуляторах поплавков піднімає велике плече важеля... (Тимофеев 19); Як правило, в складній системі можуть бути виділені керовані елементи...; Безумовно, токар мусить володіти певними м'язово-руховими і рефлекторними можливостями для механічного впливу на важелі, маховики, кнопки, які передають верстату дію керування (Тимофеев 4); Відомо, що імовірність настання одного з n рівноімовірних незалежних подій $p=1/n$. (Тимофеев 24); Об'єктами дискретної дії є, звичайно, машинобудівні, а також приладобудівні підприємства (Тимофеев 11);

2) **модальні частини** неужели, ведь, ж (же), вряд ли, вроде, вроде бы // невже, адже, ж, наверяд, наверяд чи, наче, начевто, напр.: Исследователь же находится в принципиально иной ситуации (Кузнецов 156) // Кількість же розрядів числа рівні його логарифму з відповідною основою (Тимофеев 23);

3) **синтаксическіє конструкції, передаючі значення мисли (взгляда)**, в основі котрих глаголи думать, считать // думати, вважати, напр.: ...передаточная функция $F_{ij}(s)$ может трактоваться как реакция системы по i -му выходу на единичный импульс... (Глушков 139); В самом деле, нетрудно понять, что цели с большими коэффициентами важности являются наиболее полезными (а возможно, даже и необходимыми) для достижения конечных целей (Глушков 157) // Ми повинні вважати f та g двічі неперервно диференційованими... (Нижник 15); Ми бачимо, що задача Коші має один і лише один розв'язок при довільних початкових умовах; Проте природно вважати, що тип рівняння залишається той же самий (Нижник 17));

4) модальные глаголы и предикаты типа *мочь, иметь возможность, можно, должен (быть) // могти, мати змогу, можна, повинен*, напр.: *Поэтому при проектировании автоматизированных систем управления и систем обработки данных особое внимание должно быть уделено вопросам максимально возможной автоматизации подготовки исходных данных...* (Глушков 32); *Можно ли говорить о зависимости логических форм от конкретной предметной действительности...* (Кузнецов 162) // *Математична модель повинна адекватно описувати всі задачі оперативного рівня...* (АВП 23); *Відтак, були сформульовані вимоги до розроблюваної системи: поряд з виконанням захисних функцій і підтримання оптимального режиму горіння система має бути надійною, недорогою, орієнтованою на певний клас котлоагрегатів* (АВП 45);

5) грамматические способы выражения будущего времени, напр.: *Для обеспечения устойчивости регулирования добавляем член *ku*. Требуемый закон управления запишется в виде...* (Глушков 141) // *Використання показника економічності дасть можливість об'єктивно оцінити ефективність її реалізації ...*(АВП 23); *Яким би не був ступінь автоматизації функцій керування, ніколи не виявиться можливість повністю вивільнити людей з системи керування* (Тимофеев 30).

Различные языковые средства, выражающие те или иные модальные значения, выполняют данную функциональную нагрузку только в целом высказывании. Н.Ю. Шведова в связи с этим замечает: «Модальное значение есть специфическое значение синтаксического построения; оно может быть присуще только конструкции в целом»³⁰⁰. Текстовая модальность тоже присуща целому, окрашивая отдельные высказывания, она тем самым подготавливает читателя к восприятию субъективно-модального значения этого целого³⁰¹.

Поскольку научный текст является одним из основных компонентов в процессе научной коммуникации, средним звеном между автором и читателем, несомненно, что автор статьи, монографии,

---

³⁰⁰ Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 1958. – С.17.

³⁰¹ Гальперин И.Р. Там же. – С.122.

пособия будет апеллировать к своему читателю, призывая его в свидетели, соучастники, обращаясь к нему как собеседнику, которого необходимо убедить в достоверности, правильности определенных выводов. В связи с чем в различных текстах данного стиля прослеживается модальность со значением побуждения к какому-либо действию (к анализу, изучению, сопоставлению и т.п.), выражаемая с помощью эксплицитных и имплицитных лингвистических средств. В качестве средств, реализующих в тексте побудительную модальность, используются:

1) глаголы в повелительном наклонении, напр.: *Уточним, о каких задачах управления идет речь* (Глушков 9); *Приведем простой пример программы* (Глушков 44) // *Перейдем до розгляду...; Розглянемо їх; Припустимо, що ...* (Калайда 171); *Будемо вважати це добре відомим. Перейдемо безпосередньо до...* (Білецький 20); *Розгляньмо хоч би один приклад...* (Білецький 126);

2) предложения в неморфологизированной форме побудительности, напр.: *Возникает вопрос, а по какому закону изменяется эта сложность?* (Глушков 9) = Ответьте на вопрос; // *Може видатися дивним...* (Білецький 148) = 'Здивуйтесь';

3) фразы, передающие побуждения посредством структур, внешне не содержащих побудительной информации, напр.: *Легко заметить, что, будучи записанной в указанном виде, программа теряет наглядность* (Глушков 41) = 'Обратите внимание' // *Тут слід згадати ще про один різновид...* (Білецький 151) = 'Згадайте'.

В отношении определения «тонального» значения с точки зрения субъективной модальности научного текста основным для него будет утверждение автора (от сомнения до подтверждения) достоверности приводимых им научных данных.

Таким образом, личность автора, его мировоззрение, позиция, эмоциональный настрой, с одной стороны, и специфика (стиль, жанр) текста, с другой, представляют объективно-модальные и субъективно-модальные значения, характерные для конкретного произведения. В русском и украинском языках с этой целью используется практически одинаковый набор языковых средств. Основные отличия связаны с лексико-грамматическими особенно-

стями русского и украинского языков. Спектр модальных отношений, характерных для научных текстов, в обоих языках идентичен.

Категория оценки

Традиционно принято считать, что оценочное (эвалюативное) значение не является существенным признаком для текстов научного стиля и больше связано либо с их жанровыми особенностями³⁰², либо со способом изложения³⁰³. Таким образом, наличие оценочного момента в одних текстах является функциональной необходимостью и проявляется наиболее отчетливо, эксплицитно, в других текстах оценочные элементы не являются обязательными и, следовательно, проявляются менее явно. Но вместе с тем, анализ различных типов научных текстов приводит к выводу о том, что субъективное отношение автора к излагаемому материалу («авторская модальность»), то есть оценка, присущи научному произведению как таковому³⁰⁴. Это свойство научного текста является закономерным отражением особенностей научного мышления как следствия познания окружающего мира.

Суммируя результаты наблюдений за процессом познания и его психолингвистических особенностей, И. Сильдмяэ пишет, что «познание не пассивный процесс, оно самым тесным образом связано с отношением ... к познаваемому окружению»³⁰⁵, и при этом к своим знаниям человек прибавляет свое отношение – свое «Я». Сочетание знаний и своего отношения к ним образует «когитатив-

---

³⁰² Цвиллинг М.Я. Лексико-фразеологические особенности общественно-политического текста // Функциональные стили и преподавание иностранных языков. – М., 1982. – С.95.

³⁰³ Синдеева Т.И. Некоторые особенности композиционно-речевой организации жанра «научная рецензия» // Функциональные стили и преподавание языков. – М., 1982. – С.29.

³⁰⁴ Воробьева М.Б. Особенности реализации оценочных значений в научном тексте // Научная литература: Язык, стиль, жанры. – М.: Наука, 1985. – С.47.

³⁰⁵ Сильдмяэ И. Значение, смысл и мысль // Логико-семантические вопросы искусственного интеллекта: Труды по искусственному интеллекту, 3. – Тарту, 1980. – С.126.

ную структуру мышления»³⁰⁶. Поскольку научный текст выступает языковым отражением познавательного процесса, он содержит как само знание, т.е. закрепление результатов познания, так и отношение к этому знанию, т.е. их оценку.

Любой текст в широком смысле является уже сам по себе оценкой, поскольку автор, создавая его, высказывает свою точку зрения по тому или иному вопросу. Еще Ш. Балли писал: «...научный язык лишь с большими оговорками может рассматриваться как отражение сугубо объективной, безличной деятельности разума...»³⁰⁷. И в рецензиях, где оценка составляет цель автора, и в других жанрах научного стиля, в которых оценивание предшествует изложению новых идей или описанию новых объектов (статья, монография), для выражения оценки используются определенные языковые средства и приемы.

Семантическая близость данной ФССК с категорией акцентности подтверждается и набором лингвистических средств ее реализации. Отличие, по наблюдению М.Н. Кожиной, заключается лишь в распределении основных и второстепенных (или, в иной терминологии, центра /ядра/ и периферии) оценочных средств³⁰⁸.

При всем многообразии лингвистических средств, используемых для выражения оценки либо описываемого объекта, находящегося в центре анализа, либо точки зрения, мнения другого/ других исследователей, лексическое значение «оценки» располагается между двумя семантическими полюсами, соответствующими логической дихотомии «хорошо-плохо». На основании чего выделяются положительная и отрицательная оценки³⁰⁹. Присоединяясь

---

³⁰⁶ Сильдмяэ И. Гносеологическая структура текста и знаний // Семантика и представление знаний: Труды по искусственному интеллекту, 2. – Тарту, 1980. – С.116.

³⁰⁷ Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961. – С.114.

³⁰⁸ Кожина М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвистилистические особенности. – М., 1989. – С.16.

³⁰⁹ См., напр.: Александрова Н.А. Об оценке в научной дискуссии // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М., 1986; Бронникова О.Ю. Словообразовательные средства выражения оценки в русском языке. К проблеме национальной ментальности // Язык, познание, культура на современном этапе раз-

к мнению М.П. Котюровой, считаем, что характеристика оценки в научном тексте носит некатегоричный характер, в связи с чем используем термины «позитивная» и «негативная» оценки. При этом исследовательница, учитывая градуальный характер оценочности, говорит о трех видах оценки научного знания: нулевой, которая является «методологической квалификацией знания о субъективированном объекте», позитивной, соотносимой со «значимостью старого для получения данным автором нового», негативной – «с неприятием старого, восприятием его в качестве «помехи» в системе знания»³¹⁰. Несомненно, для того, чтобы оценивать, нужно от чего-то отталкиваться, то есть иметь нулевую отметку, от которой можно двигаться в противоположные стороны, все же мы не рассматриваем квалификативные суждения методологии, способов, приемов старого знания как оценочные (см. примеры, приводимые М.Н. Котюровой). Для нас понятие оценочности обязательно содержит субъективный компонент, то есть критическое отношение автора текста, субъекта познания, к результатам мыслительной деятельности, оценки качеств и результатов исследования. Поэтому если высказывание нейтрально, мы не считаем возможным говорить о его оценочности. Таким образом, семантика категории оценочности выражается в пределах «позитивное – негативное».

Для выражения **позитивной оценки** могут использоваться:

а) имена прилагательные, наречия, существительные, содержащие сему «положительной/качественной» характеристики, напр.: *На основе анализа вторичной информации можно получить*

вития общества. – Саратов, 2001. – С.166-168.; Воробьева М.Б. Указ.соч.; Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – М., 1990. – 170с.; Кудасова О.К. Роль стилистического приема в организации научного оценочного текста (на материале английской научной рецензии) // Язык и стиль научного изложения. – М., 1983. – С.23–33; Никонов В.М. Проблемы эксплицирования и интерпретации смыслов в языке/речи (к соотношению эмотивного, экспрессивного, оценочного и образного) // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: Материалы международного симпозиума. – Волгоград, 2000. – С.39–44 и др.

³¹⁰ Котюрова М.П. Выражение оценки научного знания // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. – Т.2, Ч.1. – Пермь, 1996. – С.238–247.

объективные данные, характеризующие конъюнктуру и общеэкономическое положение на рынке...; Хорошее знание уровня цен, действующих на рынках определенных видов продукции, позволяет предприятию оптимизировать выручку за готовую продукцию... (Кретов 30, 72); ... один из ведущих специалистов в области логики и семантики языка...; Следует также отметить важную для наших целей идею о неразрывной связи значения слова с его употреблением (Кузнецов 119); Одним из существенных оснований для выбора была...; Вторым важным основанием было...; Но самым главным... (Шилов 7) // Для эффективної діяльності людей, які працюють спільно при виробництві матеріальних благ та послуг в організаціях, важливішою умовою є чітке розуміння визначених цілей і завдань, методів їх здійснення. Інакше кажучи, щоб групі зусилля були успішними, люди повинні знати, чого від них очікують (Шаров 5); ...характерною ознакою утворення хромонового циклу є наявність... (Доп.90 23). Нередко такое значение усиливается использованием отрицательного префикса *не-*, формирующего у слова противоположное значение, напр.: Нетрудно проверить, что минимум этой функции достигается при $r = \dots$ (Глушков 129);

б) устойчивые синтаксические конструкции типа большое значение иметь, быть главным заданием // велике значення мати, бути головним завданням. Напр.: Для описания различного рода операций, выполняемых для элементов массивов, большое значение имеют операторы цикла (Глушков 59) // Тут велике значення має маркетингова стратегія, мають місце цінова і нецінова конкуренція (Шаров 32); Особливого значення вибір раціональної структури виробництва і управління для здійснення ефективної стратегії набуває на тлі приватизації майна державних підприємств (Шаров 57); Підкреслимо, що вирішення цих проблем є одним з головних завдань адаптації українських підприємств до ринкових умов (Шаров 44); Будова кетону I_e – продукту конденсації ... не викликає сумніву (Доп.90 23); Результати біологічного скринінгу підтвердили перспективність пошуку гіполідемічних... засобів... (Доп.90 24).

Для выражения **негативной оценки** используются:

а) имена прилагательные, наречия, содержащие сему негативной оценки, напр.: *Такая позиция сторонников концепции макромаркетинга нам представляется по крайней мере не совсем оправданной* (Кретов 11); *Плохая организация труда, неблагоприятные санитарно-гигиенические условия на производстве, неразвитость социально-бытовой сферы...* (Травин 99) // *Не треба розглядати цей процес догматично...* (Шаров 19); *...ця інформація використовується слабо*. Причини тому різні, але головна – недостатнє міждисциплінарне комплексування досліджень (Доп.90 18); *Літературні відомості про синтез сполук цього класу нечисленні* (Доп.90 22); *Однак цей ефект був нестійким...* (Доп.90 64); *Ап'юріорні оцінки в загальному випадку буває важко знайти, вони громіздкі, ними незручно практично користуватись...* (Калайда 14);

б) вводные и вставные конструкции, выражающие значение сожаления, неудовлетворенности, напр.: *К сожалению, простые аналитические (формальные) выражения для такого рода функций удается получать лишь в простейших случаях* (Глушков 124) // *На жаль, ця інформація використовується слабо* (Доп.90 18).

Иногда положительное и отрицательное выражаются сопоставлением достаточно традиционных для науки явлений, относящихся, с одной стороны, к новому, а с другой, к старому направлению исследований, напр.: *Этот новый подход к предпринимательству столкнулся со старой традиционной концепцией бизнеса, а именно, со стремлением к максимализации прибыли за счет массового производства и интенсификации усилий по сбыту произведенной продукции* (Кретов 8).

Особенностью функциональной семантико-стилистической категории оценки в различных жанрах научного стиля, на наш взгляд, является ее «смягченный», некатегоричный характер, чем и объясняется использование для ее выражения, прежде всего, эвфемизмов, с помощью которых удается избежать лишней категоричности, противоречащей нейтральности научного изложения. Поэтому, оценивая как позитивные, так и негативные явления, факты, результаты, используют описательные формулы: *В общем случае диаграмма модулей будет интересна нам только со следую-*

щей точки зрення..(Шилов 170) // Паралельно проходив інший, не менш симптоматичний процес – з України почався масовий відтік інтелектуальних сил у Росію (Смолій 11).

Некатегоричність оцінки виражається с допомогою:

1) речевих формул, акцентуючих на суб'єктивності оцінки, підчеркюваних неуверенність в правильності своєї оцінки і признаючи можливість альтернативних оцінок, напр.: Предложенная в работе классификация не является окончательной (УБЖ 109) // Запропонована в роботі схема використання вторинних енергоресурсів (ВЕР), на нашу думку, недоцільна...Хоча з погляду найбільш раціонального використання палива можна використовувати ВЕР... (АВП 31); ...міжнародні контакти діячів української культури були суттєво обмежені, якщо не зведені практично нанівець (Смолій 11) ...вона теж здебільше невідома... (Калайда 7);

2) формул, смягчаючих оцінку і висказування в цілому: относительно, немного, чуть, приблизительно, при условии, действительно, к сожалению // відносно, цілком, досить, приблизно, щось, децю, трохи, мабуть, правда, щоправда, справді, за умови, на жаль і др., напр.: Фактор времени неустрашимый, по-видимому, при восприятии и переработке неречевой информации... необязателен в случае информации речевой (Леонтьев 45) // Підраховано економічну ефективність від проведення реконструкції (щоправда, в розрахунок не взято до уваги витрати на оснащення печі приладами контролю й автоматизації); Він по-своєму мав рацію, маючи на увазі старі гімназичні підручники; В цьому він мав рацію лише почасти... (Білецький 135, 138);

4) с допомогою розміщення негативної оцінки поряд с позитивної і, наоборот, позитивної поряд с негативної. При этом протилежні оцінки не завжди протилежні логічески і синтаксически с помощью протилежних союзів, а иногда используются как дополняющие друг друга (напр.: На этих предпортовых и приграничных базах с большой пользой для предприятий-поставщиков и при минимальных дополнительных расходах могут проводиться расфасовка и переупаковка товаров... (Кретов 45) // Навпаки, на ринку монополістичної конкуренції... існують

можливості широкої диференціації продукту та послуг і слабкі можливості монопольного зговору з метою контролю цін (Шаров 32); Заслугою античних філософів було те, що вони створили формальну логіку як науку про закони правильного мислення, але їхня помилка полягала в тому, що вони намагалися побудувати граматику мови на основі цієї логіки (Білецький 139); Це найпростіша, але досить типова задача в обчислювальній математиці (Калайда 7).

Одним из стилистических приемов, с помощью которых выражается оценка, является литота, сущность которой состоит в отрицании признака, не свойственного объекту, то есть своего рода отрицание отрицания, «дающее в итоге формально равнозначное положительному, но фактически ослабленное утверждение»³¹¹, например: *Ничего невозможного в этом нет* (Леонтьев 45) // *Жоден з об'єктів не може не здійснювати задані перетворення...* (Тимофеев 9). При использовании данного приема отрицание превращается в утверждение, и негативное приобретает позитивную оценку, происходит своего рода трансформация оценки.

В работах, претендующих на оригинальность и серьезность, в которых автор лишь упоминает о научных разработках и достижениях, оценка может отсутствовать по ряду причин. Сам ход изложения подталкивает читателя к определенной оценке.

Сопоставительный анализ использования различных языковых средств в русском и украинском языках для выражения различных оценочных значений показал, что в научных текстах обоих языков в качестве основного средства используются качественные прилагательные и наречия в функции определения, что несомненно объясняется лингвистической природой и функциональной направленностью этих частей речи, обусловленной их сущностными характеристиками. Определенной активностью при выражении оценочных значений обладают и различные синтаксические конструкции.

Функциональная семантико-стилистическая категория оценки в разной степени представлена в различных жанрах научного текста. Наиболее полно она реализуется в рецензиях, в наименьшей

³¹¹ Скребнев Ю.М. Литота // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979. – С.132-133.

степени представлена в научно-методической и учебной литературе. В текстах статей, монографий оценочность наиболее явно проявляется в тех фрагментах текста, где представлено старое знание, с одной стороны, и новое, с другой, то есть тех фрагментах, где необходима демонстрация авторского мнения.

Категория экспрессивности

Вопрос о принадлежности/непринадлежности эмоционально-экспрессивных черт научному стилю в целом и конкретному тексту в частности имеет богатую историю и различное решение. Так, Т. Сэйвори считает, что научный способ изложения апеллирует исключительно к разуму и логике, поэтому совершенно исключает использование экспрессивных составляющих научный фон текста: «Эмоции только мешают научной объективности»³¹².

Другой подход, наиболее ярко выраженный в труде Ш. Балли «Французская стилистика», нашел свое распространение в трудах многих отечественных лингвистов³¹³. В соответствии с этим представлением об экспрессии научного текста одни ученые допускают вхождение в научный труд экспрессивных элементов, но только в качестве иностилевых, хотя и органически сочетающихся с целями и задачами данной работы³¹⁴. Другие лингвисты (М.Н. Кожина,

---

³¹² Savory Th. The language of science. – Ld., 1953. P.107. Такого же мнения придерживается и Чабаненко В.А., см.: Чабаненко В.А. Основы мовної експресії. – К., 1984.

³¹³ См., напр.: Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). – М., 1990. – 300с.; Кожина М.Н. Стилистика русского языка. Изд-е 3-е, перераб. и доп. – М., 1993. – 224с.; Милованова Н.Я. Экспрессивность в стиле научной прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1982. – 24 с.; Славгородская Л.В. Об использовании образных средств в языке современной физики // Функциональный стиль научной прозы. – М., 1980. – С.186–197; Славгородская Л.В. О функции адресата в научной прозе // Лингвостилистические особенности научного текста. – М., 1981. – С.93–103 и др.

³¹⁴ См., напр.: Разинкина Н.М. О возможности сосуществования эмоционального и логического в английской научной литературе XIX в. // Стилистико-грамматические черты языка научной литературы. – М., 1970. – С.7-18; Разинкина Н.М.

О.А. Падохина) считают, что эмоционально-экспрессивное начало «в общем-то даже нельзя рассматривать ... как иностилевое; тем более, что в контексте научной речи они приобретают своеобразные функции, вытекающие из специфики научного мышления и общения»³¹⁵.

В ряде работ, посвященных функционально-речевым проблемам экспрессивности и эмоциональности научного текста³¹⁶, доказывается, что функциональный критерий, реализуемый в речевой и идейной структуре текста, тем или иным способом может служить различительным ядром принадлежности/непринадлежности того или иного языкового факта научному функциональному стилю. В случае возникновения или актуализации некоей особой смысловой нагрузки, способствующей реализации авторского замысла, включающего в себя референцию национальной культуры (культур) и исторически оправданного текстового окружения, концептуальный каркас научного знания данной личности, задачи, поставленные перед текстом (вольное или невольное «прогнозирование читателя» и жанровая соотнесенность), – в этом случае, на наш взгляд, можно говорить о вращении элементов экспрессии в научный стиль и выполнении ими своих особых задач в конкретном научном тексте.

Поэтому, определяя отличительные свойства, характерные для научного стиля в целом, говорят о его эмоционально-экспрессивной нейтральности. Но при этом все же указывают на определенную экспрессивность и в научном тексте. «Известно, что каждый стиль характеризуется наличием ведущих, органически вытекающих из задач того или иного стиля лингвистических признаков и

Внутристилевая адаптация элементов устной разговорной речи в письменных литературно-книжных текстах (на материале английской научной литературы) // *Язык научной литературы*. – М., 1975. – С.87–111; *Разинкина Н.М.* О понятии стереотипа в языке научной литературы (к постановке вопроса) // *Научная литература. Язык, стиль, жанры*. – М., 1985. – С.33–47.

³¹⁵ *Язык и стиль научной литературы*. – М., 1977. – С.24.

³¹⁶ См.: *Милованова Н.Я.* Указ. работы; *Падохина О.А.* О роли эмоциональных и экспрессивных средств в языке научной литературы (на материале французской лингвистической литературы к.ХІХ – ХХ вв.): АКД. – Л., 1982. – 16 с. и др.

суммой подчиненных лингвистических признаков. Возможно, что экспрессивность – эмоциональность относится к числу подчиненных признаков и находит некоторое сопротивление со стороны других стиливых черт научной речи. Но то, что элементы эмоционального способны проникать в научную литературу, а проникнув, сосуществовать, «уживаться» с элементами нейтральными в эмоциональном отношении, несомненно. ... В подлинно научном стиле... экспрессивность . – эмоциональность естественна и необходима, так как она обычно усиливает, оттеняет уже аргументированную логически мысль автора»³¹⁷.

К средствам экспрессивности, используемым в научных текстах, относят:

1) **усилительные и ограничительные частицы, местоимения, количественные наречия:** *лишь, только, исключительно, абсолютно // лише, тільки, надзвичайно, абсолютно* и др., напр.: ... *обобщенная функция |x| имеет полюсы только при...* (Шилов 88); *Тогда и только тогда машина сможет... опознать...* (Леонтьев 17); *Мы говорили только о двух путях...* (Леонтьев 23) // *Остання має довідковий характер, що особливо цінно...* (Нижник 5); *Ми розглядаємо тут лише малі коливання струни* (Нижник 8); *Відзначимо лише, що...* (Смолий 5); *Дуже часто, особливо коли система керування призначена для виконання складних функцій...* (Тимофеев 17); *Особливо зупинимось на самому понятті про інформацію...* (Тимофеев 22); *...навіть повна автоматизація керування може дозволити функціонування об'єкта без втручання людини лише протягом обмеженого проміжку часу* (Тимофеев 31); *...сейсоприймач зареєструє тільки спрямований вниз хвильовий потік...* (Доп.90 15);

2) **емоціонально-експресивні прикметельні та наречієві,** напр.: ...*Наглядное представление о поверхности в n-мерном пространстве затруднительно* (Шилов 169); *...он просто-напросто ликвидировал саму стіну...* (Леонтьев 23) // *Серед книг з ухилом в математичну строгість та загальність відзначимо першокласні*

---

³¹⁷ Милованова Н.Я. Наблюдения над средствами экспрессивности научной речи // Исследования по стилистике. – Вып.5. – Пермь, 1976. – С.142.

книги... (Нижник 5); ...в ньому яскраво прослідковуються...Обидві сторони урочисто декларували... (Смолій 5);

3) прилагательные и наречия в превосходной степени, напр.: ...здесь моделирование носит крайне относительный характер... (Леонтьев 16); *Сейчас пути такой интериоризации хорошо исследованы и уж во всяком случае совершенно убедительно показаны на материале...*(Леонтьев 24); Наименьшее замкнутое множество, вне которого основная функция равна нулю... (Шилов); Весьма важным является свойство полноты пространства... (Шилов 65); // ...визнання за нею якнайширших прав...; Воно найбільш яскраво підтверджує згадану вище тезу... (Смолій 6); Шляхом удосконалення керування можна домогтися... найвигіднішого режиму... (Тимофеев 9).

Следует заметить, что использование превосходной степени в текстах, принадлежащих гуманитарным, техническим, естественным наукам в русском и украинском языках, встречается нечасто, при этом частота употребления простой и составной форм практически одинакова.

Говоря о лингвистических средствах, создающих эмоционально-экспрессивную окрашенность научного текста, следует помнить, что сами эти средства приобретают эмоционально-экспрессивную окрашенность лишь в пределах определенного контекста и поэтому их нельзя квалифицировать как эмоционально-оценочные: *плохой, хороший, одобрить, положительно, отрицательно // поганий, хороший, схвалити, позитивно, негативно* и др. «Реальная окраска и конкретное назначение слова в речи определяются той смысловой перспективой, в которую слово оказывается «вдвинутым» в каждом отдельном случае»³¹⁸. Приобретенная эмоционально-экспрессивная оценка в подобных случаях накладывается на номинативное, понятийное значение слова, но не сводится к нему. Именно поэтому такие слова, в которых «оценка, притом не эмоциональная, а интеллектуальная, составляет само номинативное содер-

---

³¹⁸ Сорокин Ю.С. К вопросу об основных понятиях стилистики // ВЯ. – 1954. – №2. – С.79.

жание слова», не определяются как эмоционально-оценочные³¹⁹. Например: *Наше построение допускает значительный произвол в выборе лестницы Хермандера...* (Шилов 163); *Это относится... и к эквивалентам в области идеального, в области духовного мира человека...* (Кузнецов 25); *... это можно объяснить специфической субклеточной локализацией ключевых ферментов глюконеогенеза...* (Докл.90 59) // *У ПЦР вже не можна розглядати окремі найпростіші системи регулювання...* (Тимофеев 21); *...об'єктивною реальністю є логічне домінування вищого рівня планування у межах організації...* (Шаров 18); *На фоні більш легкого протікання експериментального діабету...* (Доп.90 65). Как показывают примеры, в русском и украинском языках лексемы, обладающие эмоционально-экспрессивным потенциалом, становясь частью терминологических словосочетаний, становятся в данных словосочетаниях нейтральными. Таким образом, возможность их рассмотрения как эмоционально-экспрессивных средств в условиях научного контекста зависит от того, являются ли они частью, компонентом терминологического словосочетания, в пределах которого данный потенциал нейтрализуется.

4) **экспрессивные синтаксические конструкции**, к которым относятся вопросно-ответные комплексы, парцелированные конструкции, риторические вопросы, сегментированные конструкции, лексические повторы с синтаксическим распространением, восклицательные предложения и др. Общим структурным признаком данных конструкций, обуславливающим их экспрессивные возможности, является синтагматическая расчлененность речевой цепи. Функционирование средств научного синтаксиса достаточно глубоко изучено в научно-популярных текстах научного стиля³²⁰. Они рассматриваются как средства выражения и компоновки

³¹⁹ Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. – М., 1982. – С.71–72.

³²⁰ См., напр.: Кириченко Н.В. Особенности функционирования форм страдательного залога в русской научной речи (краткие страдательные причастия) // Лингвостилистические исследования научной речи. – М., 1979. – С.97–110; Факторович А.А. Выражение смысловых различий посредством эллипсиса. – Харьков, 1991. – 88с.

событийных, предметных и эмоционально-оценочных компонентов текста³²¹. С точки зрения коммуникативной организации указанные конструкции могут рассматриваться как типизированные, регулярно воспроизводимые экспрессивные элементы («типическая экспрессия», по М.М. Бахтину)³²².

Как показывают материалы исследований, средства экспрессивного синтаксиса используются и в научных статьях, монографиях, пособиях, принадлежащих к различным сферам научной деятельности. Среди синтаксических средств создания эмоционально-экспрессивного тона научного изложения в современном русском и украинском языках выделяются:

а) **вопросно-ответный комплекс**, напр.: *Какие общие тенденции выделяют представители отдела стратегического планирования? Прежде всего учитывается динамика национального рынка труда...*(Травин 177); *По каким основным каналам собирается и аккумулируется информация о «человеческих ресурсах»? Прежде всего в процессе найма на работу через заявки-анкеты, результаты тестирования и интервью* (Травин 183); *Но мыслим ли мы в действительности именно такими понятиями? Мыслим.* (Леонтьев 37) // *Інформація про конкурентів. Де її взяти? Питання дуже складне взагалі, а особливо для умов України. Можна назвати такі джерела інформації...*(Шаров 33).

На наш взгляд, именно вопросительное предложение как компонент вопросно-ответного комплекса содержит максимальную степень экспрессии комплекса в целом. Такую функционально-стилистическую нагрузку возможно объяснить как коммуникативными особенностями данного вида предложений, так и прагматическими целями высказывания.

б) **риторические вопросы**, напр.:

Компании интересно знать, что думают ее работники о бизнесе, о содержании работы, условиях и оплате труда и т.п. (Тра-

---

³²¹ Кириченко Н.В. Функционирование средств экспрессивного синтаксиса в текстовой структуре научно-популярного произведения // Типология текста в функционально-стилистическом аспекте. – Пермь, 1990. – С.50.

³²² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С.267.

вин 187) // Функція планування в організації здійснюється на основі оцінки існуючого становища..., виходячи з якого треба відповісти на питання «куди ми хочемо рухатись» (якими повинні бути цілі організації і що може заважати їх досягненню), та «як ми хочемо це робити» (які конкретні завдання треба вирішити членам організації, щоб досягти бажаного результату) (Шаров 11); Деякі елементи цієї науки викладаються в курсі рідної мови, але ці елементи не дають правильного уявлення про сучасне мовознавство, яке є не менш корисною наукою, ніж так звані «точні» (а хіба наука може бути «неточною?»)...(Білецький 135). Следует отметить, риторические вопросы крайне редко встречаются в текстах точных наук обоих языков и активно используются в социально-гуманитарных науках.

в) **побудительные конструкции**, напр.: Рассмотрим подробнее процедуры найма...(Травин 183); Поставим в соответствие каждой основной функции... функцию... (Шилов 38); Давайте еще раз сформулируем это убеждение (Леонтьев 23); А теперь вспомним, для чего, собственно, мы предприняли весь этот обширный экскурс (Леонтьев 29) // Розглянемо складові діагностичного етапу стратегічного планування ; Виділимо у зовнішньому оточенні мікрота макросередовище стосовно організації (Шаров 24, 26); Перейдемо до розгляду загальних одноточкових ітеративних методів вищого порядку (Калайда 171); Пояснимо це на прикладі (Тимофеев 36);

г) **вводные и вставные конструкции, придающие тексту эмоционально-экспрессивную выразительность**, напр.: Общеизвестно, что, поставив перед человеком соответствующую цель, можно увеличить его «отдачу» (Леонтьев 22); Может быть, можно «вызубрить» все словарные значения того или иного слова? Конечно, невозможно (Леонтьев 57); Можно, естественно, определить также произведение обобщенной функции f на любую ... функцию...(Шилов 21); ...при воздействии сублетальными дозами происходят, повидимому, нарушения в функционировании системы...(Докл.90 62) // Один вельмишановний (це без будь-якої іронії!) філолог-класик... (Білецький 135); Об'єктами дискретної дії або, точніше, переважно дискретної дії є, звичайно, машинобудівні підприємства (Тимофеев

11); У другому відрізу Δ перетинаються (можливо, й не усі), тобто... (Калайда 70) *Дійсно, згадані інваріантні... є фундаментальними системами...* (Калайда 99).

Таким образом, если экспрессивность художественных текстов состоит в наивысшей степени образности, то экспрессивность научных текстов (не только русского и украинского языков) состоит в доказательности, достигаемой прежде всего точностью использования лексем и логичностью изложения. М.Н. Кожина назвала такую экспрессивность интеллектуальной³²³. Хотя в художественном и научном стилях современных русского и украинского языков используется аналогичный набор языковых средств для передачи эмоционально-экспрессивных значений, существенное отличие заключается в цели их использования. Если в художественном стиле они функционируют как средства создания образности целого произведения, то в текстах научного стиля их функциональное назначение обусловлено коммуникативно-прагматическими намерениями автора представить, доказать свою научную идею.

Категория гипотетичности

Существование категории гипотетичности в текстах научного стиля обусловлено экстралингвистически, самой природой научного познания, творческим характером мышления. Формирование научного знания невозможно без предположений, допущений, гипотез. Поэтому исследователи неоднократно отмечали важную роль выдвижения гипотез в различных отраслях знаний. При этом в философии, психологии, науковедении существуют свои определения данного понятия, каждое из которых подчеркивает важный для них аспект этого сложного феномена.

Философы характеризуют гипотезу как научное допущение или предположение, истинное значение которого неопределенно³²⁴. Уточнением данного определения можно считать следующее

³²³ Кожина М.Н. *Стилистика русского языка*. – М., 1977. – С.168.

³²⁴ *Философский энциклопедический словарь*. – М., 1983. – С.115.

толкование: гипотеза – «это научное предположение (догадка, проблематическое суждение), истинностное значение которого в данный момент неопределенно, сомнительно или остается неизвестным»³²⁵. Таким образом, гипотезу понимают либо как метод развития научного знания, состоящий из нескольких этапов (выдвижение предположений и их последующая проверка), либо как один из структурных элементов научной теории. В любом случае, ведущим признаком гипотезы рассматривается ее динамичность, что еще раз подчеркивает невозможность рождения нового знания без формулировки предположений, поэтому гипотезу называют «синонимом нового знания», это «некое объяснение, и следовательно, – знание»³²⁶.

Сложность и многоаспектность проблемы гипотезы подтверждается многочисленными и разнообразными ее классификациями, некоторые из них представлены М.Н. Кожиной и Т.Н. Плюскиной³²⁷.

Для нашего исследования важны выводы о специфике гипотезы в различных отраслях знаний. Обычно называют три разновидности текстов по характеру различий в них гипотезы: естественнонаучные, точные и социально-гуманитарные. Но несмотря на существенный перечень различий гипотетичности в перечисленных видах текстов³²⁸, важен вывод о том, что «в целом гипотезы в лингвистике и естественных науках в принципе не отличаются друг от друга, а их различия касаются преимущественно плана распространенности отдельных типов гипотез, а также техники обоснования»³²⁹.

Данная функциональная семантико-стилистическая категория охватывает систему языковых средств, с помощью которых в тексте эксплицируется гипотеза как один из этапов научного

---

³²⁵ Гипотеза в современной лингвистике. – М., 1980. – С.9, 15.

³²⁶ Там же. – С.3.

³²⁷ Кожина М.Н., Плюскина Т.Н. Функциональная семантико-стилистическая категория (ФССК) гипотетичности в русских научных текстах // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. – Т.2. Стилистика научного текста (общие параметры). – Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. – Пермь, 1998. – С.196–198.

³²⁸ См.: Гипотеза в современной лингвистике. – М., 1980. – С. 4–5, 78–80, 126, 129, 214, 262–263.

³²⁹ Кожина М.Н., Плюскина Т.Н. Там же. – С.202.

познания. Выдвижение гипотезы, дальнейшая проверка (возможно, вплоть до ее отрицания) . – эти когнитивные действия связаны с различными видами мыслительных операций таких, как обобщение старых знаний, допустимость существования новых (изменение или дополнение старых), соотнесение новых знаний со старыми, констатация (обобщение) новых знаний. Перечисленные виды мыслительных операций отражают такие психологические свойства автора текста, как неуверенность, неопределенность, что, соответственно, создает некатегоричность изложения.

Категория гипотетичности является объектом исследования во многих работах по грамматике, в которых она чаще рассматривается в пределах категории модальности и соотносится с модальными значениями предположения (М.Б. Будильцева, Н.А. Шмелькова), возможности (С.И. Небыкова, Т.И. Полянских), потенциальности (В.К. Гречко) и др. И все же гипотетичность и модальность существенно отличаются друг от друга прежде всего тем, что модальность – категория собственно языковая, грамматическая³³⁰, гипотетичность же является функциональной семантико-стилистической категорией, эксплицирующей в целом тексте процесс познания, что позволяет считать ее категорией когнитивной³³¹.

Значение гипотетичности по-разному может проявляться в научном тексте, что во многом определяется характером гипотезы. Основными разновидностями гипотезы являются концептуально-авторская и частичная. Концептуально-авторская гипотеза охватывает весь текст или значительные его части, эксплицируя все основные этапы формирования гипотезы. Частичная гипотеза отличается краткостью выражения, одним из ее вариантов является конкурентная гипотеза (гипотеза оппонента). Выделяют также гипотезу-обобщение (синтезирующую гипотезу), в которой происходит объединение авторской гипотезы и гипотезы оппонента³³².

---

³³⁰ См., напр., определение модальности в: Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С.303–304.

³³¹ Кожина М.Н., Плюскина Т.Н. Там же. – С.222.

³³² См. классификацию гипотез в работе: Плюскина Т.Н. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в русских научных текстах XVIII–XX вв.: АКД. – Пермь, 1996. – С. 9.

Нам представляется интересным проанализировать лингвистические средства выражения гипотетичности в научных текстах русского и украинского языков. Установлены следующие языковые средства выражения гипотетичности:

1) **лексемы со значением предположения.** В эту группу включаем слова независимо от их частеречной принадлежности: *гипотеза, предположение, предполагать, допускать, допустимо // гіпотеза, припущення, припустити* и др., напр.: Положим $f(r)=r$; тогда мы получим... (Шилов 44); Это дает нам возможность утверждать, что... (Докл.90 59); Эти результаты позволяют предположить, что... (Докл.90 62); Можно предположить, что наблюдаемые изменения отражают снижение содержания лимфоидных клеток... (УБЖ90 111); Предположим, что требуется оценить вероятное время... (Глушков 152) // Легко переубедиться, что у випадку простого кореня а... (Калайда 169); Припустимо, що в околі простого кореня... (Калайда 171); Допустимо, для простоти, що струна рухається в одній площині... (Нижник 7); Припустимо тепер, що керування верстатом забирає тільки певну частину робочого часу робітника... (Тимофеев 27);

2) **синтаксические конструкции, передающие гипотезу или напоминающие читателю о ней** (напр.: Результаты проведенных исследований подтверждают значительные изменения выхода клеток из селезенки... (УБЖ90 111); Одним из наиболее значительных построений в этой области... (Кузнецов 12); Согласно развиваемым в последнее время представлениям о том, что... (Леонтьев 49) // З останньої умови впливає, що в деякому колі можна змінити x виразити через y ... (Нижник 18); Наведені два приклади показують, що як саме поняття функції, так і дії над ними потребують узагальнення (Нижник 29); Аналізуючи його основні статті, можна з певністю стверджувати, що... (Смолий 6); Отже, якщо розв'язання частини завдань керування передається наступному рівневі, то відповідна цільова функція, як ми вже домовились, буде... (Тимофеев 32);

3) **конструкции с частицей пусть, пускай // нехай.** Данные лингвистические средства более характерны для текстов технических и

естественных наук. В текстах социально-гуманитарных наук, как показывает анализ русского и украинского материала, практически не встречаются, напр.: *Пусть $f(x)$ – ограниченная (измеримая) финитная функция...* (Шилов 9) // *Нехай $\rho(x)$ – лінійна цільність струни...* (Нижник 7); *Нехай тепер замість абсолютних похибок... відомі їх середньоквадратичні...* (Калайда 11);

4) сложноподчиненные предложения с придаточными условиями, оформленные с помощью союзов если..., то, пусть(пускай)..., тогда // нехай...тоді, якщо... то передают либо условие, при наличии которого только и возможно то или иное явление, предположение, либо проблематичность самого явления, напр.: *Если бы не подвижнический труд древних герменевтов и комментаторов, мы сейчас не знали бы о многих античных авторах почти ничего* (Кузнецов 15); *Если предположить, что понимание языковых выражений есть знание..., то привлекательным становится путь...* (Кузнецов 113) // *Якщо ми уявно розріжемо в деякій точці x струну на дві частини, то вплив правої частини на ліву зведеться до дії сили $T(x)$ ...* (Нижник 7); *Якщо ці методи застосовувати по чергово, то матимемо послідовність двосторонніх наближень кореня a* (Калайда 168); *Отже, якщо розв'язання частини завдань керування передається наступному рівневі, то відповідна цільова функція, як ми вже домовились, буде...* (Тимофеев 32);

5) вопросительные предложения (как собственно вопросительные, так и содержащие косвенный, не прямой, вопрос) активно используются как для экспликации гипотезы, так и для того, чтобы подчеркнуть гипотетичность описываемого явления. Например:

а) не прямые вопросы, с помощью которых формулируется гипотеза, напр.: *Вопрос о понимании именных выражений... может иметь самостоятельный интерес...* (Кузнецов 115) // *Знову ж таки виникає питання про політичну оцінку Переяславської угоди 1654р.* (Смолий 5);

б) вопросительные предложения, организующие комплекс «вопрос – ответ», напр.: *Действительно ли всякий научный текст лишен модальности, т.е. отношения говорящего/пишущего к действительности...? По нашему мнению, основанному на обзоре и*

анализе значительного количества научной литературы на английском языке... в гуманитарных текстах нередко прослеживается отношение автора к высказываемому (Кузнецов 65) // Який фізичний зміст має така класифікація? . – Розглянемо інтеграл потенціалу за об'ємом... (Нижник 23).

Научные тексты, проанализированные нами, показали явное предпочтение использования различных вариантов вопросительных предложений как средства создания гипотетичности в текстах социально-гуманитарной сферы обоих языков. В точных и технических науках к данному средству создания гипотетичности прибегают редко.

6) формы сослагательного наклонения глагола могут иметь значения предположительности, возможности, обусловленности³³³, значение проблематического предположения. Таким образом, гипотетичность как отражение в тексте отношения автора к высказыванию с точки зрения предполагаемого, допустимого и т.п. помогает разграничить гипотетическое и достоверное знание, а сослагательное наклонение при этом придает научному тексту гипотетическую тональность, напр.: *Наконец, хотелось бы обсудить вопрос о критериях понимания языковых выражений* (Кузнецов 109); *В первую группу можно было бы включить...* // *Цю властивість характеристичного многочлена можна б взяти за означення еліптичних рівнянь* (Нижник 22); *Це могло б бути тоді, коли розв'язувана задача...* (Калайда 4);

7) синтаксические конструкции со значением условности (напр.: *Снижение количества лимфоцитов тимуса и селезенки уже в первые сутки после облучения крыс... может быть предпосылкой для разработки тест-реакций...* (УБЖ90 110) // *Тому необхідна така модифікація методу дотичних, щоб це був метод другого порядку...* (Калайда 169);

8) вводные и вставные слова, словосочетания и конструкции со значением предположения, допущения и под. Они реализуют различные оттенки предположительности: от неполной уверенности до высокой степени достоверности предположения, напр.:

³³³ Лингвистический энциклопедический словарь, – М., 1990. – С.321.

Возможно, это указывает на значительную интенсивность процесса...; Эти изменения в начальный период следует объяснить, вероятно, наличием мощной системы... (УБЖ91 108) // ...це, мабуть, трохи краще... (Білецький 122); Очевидно, розв'язання задач...пов'язане з виконанням певного набору логічних...операцій... (Тимофеев 31).

В русском и украинском языках система вводно-модальных слов достаточно разнообразна, что позволяет использовать их для выражения всех существующих оттенков гипотетичности.

Принимая во внимание тот факт, что любой текст является цельнооформленной единицей, следует учитывать некоторую искусственность вычленения лингвистических знаков из текстовой ткани. Данная процедура является в то же время необходимой для демонстрации реализации той или иной функциональной семантико-стилистической категории в научном тексте. Это иногда отражается в актуализации одной из особенностей за счет нейтрализации остальных. Иными словами, часто анализируемые примеры содержат лингвистические средства, актуализирующие не одну, а несколько ФССК, что, на наш взгляд, еще раз подтверждает целостность любого текста как одну из его необходимых грамматических характеристик. В то же время наблюдения показывают, что гипотетичность, как и другие текстовые категории, реализуется обычно не каким-то отдельным лингвистическим средством, а их совокупностью в небольшом текстовом фрагменте.

Список источников с условными сокращениями

АВП Автоматизація виробничих процесів. Всеукраїнський науково-технічний журнал. – К., 1999. – №1(8).

Апресян А.Д. О языке толкований и семантических примитивах // А.Д. А. Избранные труды: В 2-х тт. – М., 1995. – Т. 2. – С. 466 – 483.

Білецький А.О. Про мову і мовознавство. – К.: АртЕк, 1997. – 224 с.

Глушков В.М. Введение в АСУ. – К.: Техніка. – 1972. – 312 с.

Докл. Доклады АН УССР. Серия Б. Физико-математические и технические науки. – 1990. – № 12.

Доп. Доповіді АН УРСР. Серія Б. Геологічні, хімічні та біологічні науки. – 1990. – № 12.

Жигалов Жигалов В.Т., Шимановський Л.М. Основи менеджменту і управлінської діяльності. – К.: Вища шк., 1994. – 223 с.

Калайда Калайда О.Ф. Чисельні методи (основи обчислювальної математики). – К.: Видавничо-поліграфічний центр “Київський університет”, 2000. – 249 с.

Кретов Кретов И.И. Маркетинг на предприятии. – М.: АО «Финстантинформ», 1994. – 181 с.

Кузнецов Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: МГУ, 1991. – 192 с.

Леонтьев Леонтьев А.А. Языкознание и психология. – М.: Наука, 1966. – 80 с.

Нижник Нижник Л.П. Лекції з математичної фізики. – К., 1972. – 76 с.

Смолій Смолій В.А. Україна і Росія в другій половині ХУІІ–ХУІІІст.: самобутність та інтеграція // Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку. – К., 1991. – С. 5–12.

Тимофеев Тимофеев Б.Б. Автоматизовані системи керування. – К.: Знання, 1968. – 50 с.

Травин Травин ВВ., Дятлов В.А. Основы кадрового менеджмента. – 2-е изд. – М.: Дело, 1997. – 336 с.

УБЖ 90 Украинский биохимический журнал. – 1990. – № 4. – Т. 62.

УБЖ 91 Украинский биохимический журнал. – 1991. – № 6. – Т. 63.

Фрумкина Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С.74–117.

Шаров Шаров Ю.П. Стратегічне планування в соціально-технічних системах і в місцевому самоврядування. Навчальний посібник. – К. – Дніпропетровськ, 1996. – 88 с.

Шилов Шилов Г.Е. Математический анализ. Второй специальный курс. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 208 с.

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ СТИЛЬ СОВРЕМЕННЫХ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Производственно-технический стиль современных русского и украинского языков обслуживает чрезвычайно важную социальную сферу общественно-полезной созидательной деятельности человека – сферу промышленного производства, содержание которой составляют стандартизированные технологические процессы, регламентируемые нормативно-технической документацией: технологическими картами, производственными и тарифными разрядами, номенклатурой продукции производственных отраслей и стандартами ее качества, тарифоквалификационными справочниками и др., а цель состоит в производстве соответствующего принятым стандартам высококачественного общественного продукта путём точного соблюдения технологического процесса при максимально высокой организации труда и минимальной трудоёмкости, выражаемых экономическими показателями эффективности производства, производительности труда и других терминов экономической теории.

Важными признаками современного промышленного производства, влияющими на изменение содержания труда, является, как известно, взаимообусловленное развитие науки и техники (научно-технический прогресс), с середины двадцатого века принявшее форму научно-технической революции (НТР), при которой наука получила статус непосредственной производительной силы: «Научно-техническая революция – коренное, качественное преобразование производительных сил на основе превращения

науки в ведущий фактор развития общественного производства, непосредственную производительную силу... Резко ускоряет научно-технический прогресс; оказывает воздействие на все стороны жизни общества... Возникла под влиянием крупнейших научных и технических открытий, возросшего взаимодействия науки с техникой и производством»³³⁴. Научно-техническая революция изменила структуру производительных сил и роль человека в общественно-полезной деятельности: «... научно-техническая революция есть коренное преобразование науки и техники, их связей и общественных функций, ведущее к универсальному перевороту в структуре и динамике производительных сил общества в смысле изменения роли человека в системе производительных сил на базе комплексного технологического применения науки как непосредственной производительной силы, проникающей во все составные части производства и преобразующей вещные условия жизни человека»³³⁵.

Одной из форм соединения науки с производством выступает особый тип промышленных предприятий, позволяющих сокращать время внедрения новой техники, – научно-производственные объединения, в состав которых «входят научно-исследовательские, технические, проектно-конструкторские организации, опытные производства и заводы серийного выпуска»³³⁶. Наука и производство в современном обществе представляют начальное и конечное звено одной цепочки³³⁷. Так, например, организованный в 1924г. Государственный институт «Стальпроект» по проектированию агрегатов сталелитейного и прокатного производства для черной металлургии участвовал в разработке и создании уникальных металлургических печей и др.

Интеграция науки с техникой и производством находит отражение и в дефинициях названий ведущих отраслей производства, например: **металлургия** (от греч. metallurgēō – добываю руду, об-

³³⁴ Советский энциклопедический словарь. – М., 1980. – С. 877.

³³⁵ Человек – наука – техника. – М., 1973. – С. 352.

³³⁶ Советский энциклопедический словарь. – С. 877.

³³⁷ *Непийвода Н.Ф.* Науково-технічний стиль української мови. – АДД. – К., 1997. – С. 7.

рабатываю металл) – область науки и техники и отрасль промышленности, охватывающая процессы получения металлов из руд или других материалов, изменения их химического состава, структуры и свойств металлических сплавов, придания металлу определенной формы»³³⁸; **технология** (от греч. *téchnē* – искусство, мастерство, умение и *-логия*) – совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материала или полуфабриката, осуществляемых в процессе производства продукции. Задача технологии – выявление физических, химических, механических и других закономерностей с целью определения и использования на практике наиболее эффективных и экономичных производственных процессов³³⁹; важнейшие эксплуатационные характеристики металлов и сплавов – «прочность, пластичность, электропроводность и другие их свойства, закономерности их изменения при механических, тепловых, химических и других видах воздействия являются объектом **металловедения**, которое разрабатывает также научные основы получения металлических материалов с заданными свойствами»³⁴⁰.

Возникшая в начале XX в. **электроника** – наука о взаимодействии электронов с электромагнитными полями и о методах создания электронных приборов и устройств (вакуумных, газоразрядных, полупроводниковых), используемых для передачи, обработки и хранения информации³⁴¹ – вызвала бурное развитие **электронной** промышленности, которая в постиндустриальном обществе информационных технологий приобрела статус одной из основных отраслей промышленного производства, определивших научно-технический прогресс народного хозяйства: «Электронная промышленность разрабатывает и производит приборы и устройства для систем обработки и передачи информации, автоматизированных систем управления процессами производства и движения, для научных исследований и др.»³⁴².

---

³³⁸ Советский энциклопедический словарь. – С. 804.

³³⁹ Советский энциклопедический словарь. – С. 1388.

³⁴⁰ Там же. – С. 804.

³⁴¹ Там же. – С. 1556–1557.

³⁴² Там же. – С. 1557.

Ср. также дефиницию понятия **электротехника** в словаре энциклопедического типа: «**Электротехника** – отрасль науки и техники, связанная с применением электрических и магнитных явлений для преобразования энергии, получения веществ, обработки материалов, передачи информации и охватывающая вопросы получения и преобразования электроэнергии и практической деятельности человека. Значение электротехники определяется возможностью концентрированного получения значительных количеств электрической энергии, сравнительной простотой ее передачи на расстояние и легкостью преобразования в энергию других видов: **электротехническая промышленность** изготавливает изделия, применяемые для производства, передачи, преобразования и потребления электрической энергии»³⁴³ и т.д.

Важной чертой современной промышленной индустрии периода научно-технической революции является и **международное научно-техническое сотрудничество** в области научных разработок, совместного осуществления крупных технических проектов, а также торговля лицензиями на производство продукции, технологические методы и т.д.

Определение понятия *производственная сфера*. Регламентация структуры сферы производства

Понятие *производственная сфера* входит в систему понятий экономики, в которой термин *сфера производственная* определяется следующим образом:

«*Сфера производственная* – совокупность отраслей народного хозяйства и видов деятельности, создающих материальные блага в виде продуктов, энергии, и форме перемещения грузов, хранения продуктов, сортировки, упаковки и других функций, являющихся продолжением производства в сфере обращения. Труд, затраченный

---

³⁴³ Советский энциклопедический словарь. – С. 1558.

на *предприятиях сферы* производственной, овеществляется в материальных благах-средствах производства или предметов потребления»³⁴⁴.

Признак регламентируемости всех аспектов видов деятельности распространяется также на объем, структуру и границы производственной сферы народного хозяйства. Сам порядок отнесения отраслей народного хозяйства, предприятий и пр. к сфере производства регламентируется государственным классификатором: «Порядок отнесения отдельных отраслей, предприятий и видов деятельности к **производственной сфере** определен общесоюзным классификатором «Отрасли народного хозяйства»³⁴⁵.

Состав отраслей народного хозяйства и видов деятельности производственной сферы.

Согласно указанному классификатору, действующему, как и многие другие стандарты и классификаторы, на территории постсоветских государств, к производственной сфере относятся:

- * промышленность
- * сельское и лесное хозяйство
- * грузовой транспорт
- * связь (по обслуживанию предприятий производственной сферы)
- * строительство
- * водное хозяйство (в части производственной деятельности)
- * геология и разведка недр (в части глубокого разведочного бурения нефти и газа)
- * торговля
- * материально-техническое снабжение и сбыт
- * закупка сельскохозяйственных продуктов.

Последние три области деятельности (торговля, материально-техническое снабжение и сбыт, закупка сельскохозяйственных продуктов) относятся к производственной сфере на основании существенной доли производственных функций (хранение товаров, упаковка, сортировка и т.п.).

---

³⁴⁴ Краткий энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 318.

³⁴⁵ Краткий энциклопедический словарь. – С. 318.

В соответствии с указанным классификатором отраслей народного хозяйства к производственной сфере относятся также органы управления производственными предприятиями.

О социальной актуальности производственной сферы общественной деятельности свидетельствует и развитие одного из четырёх самостоятельных направлений кинематографии – научно-производственного кино (наряду с научно-популярным, учебным и научно-исследовательским), которое ведёт свою историю с 20-х годов прошлого столетия и пропагандирует «новые технические достижения, передовые технологии и методы труда»³⁴⁶.

В заключение представленной в самых общих чертах характеристики промышленной индустрии в условиях научно-технической революции, содержания труда и структуры производственной сферы подчёркнем, что содержание общественно-полезной деятельности, которое заключается в точном соблюдении строго регламентированного нормами, стандартами, технологическими картами и другими нормативно-техническими документами технологического процесса, обуславливает и релевантные для данной сферы деятельности коммуникативные признаки информативности, точности, объективности, стандартизованности, регулярности семантико-парадигматических отношений единиц лексической системы современных производственно-технических разновидностей русского и украинского языков.

Производственно-технический функциональный стиль как подсистема литературного языка лингвистически отграничена от других функциональных подсистем. Сопоставление совокупности стилистически значимых языковых средств в русском и украинском языках представлено в данном разделе³⁴⁷.

По известному определению Р.А. Будагова, языковой стиль в лингвистическом плане формируется «совокупностью признаков, часть из которых своеобразно, по-своему, повторяется в других стилях, но определенное сочетание которых отличает один языковой стиль от другого»³⁴⁸.

³⁴⁶ Советский энциклопедический словарь. – С. 877.

³⁴⁷ См.: *Кожин А.Н.* и др. Функциональные типы русской речи. – М., 1982. – С. 91.

³⁴⁸ *Будагов Р.А.* Литературный язык и языковой стиль. – М., 1967. – С. 68.

Речевые формы (письменная и устная) и реализация функционального стиля «как определенной категории стилистики»³⁴⁹ обнаруживает известное своеобразие и несходство, которые, как подчёркивает цитируемый выше автор, «должны быть отнесены не к языковым, а к речевым стилям... с их более зыбкими градациями»³⁵⁰.

На неправомочность смешения понятий «стиль языка» и «стиль речевого произведения, текста» обращал внимание Д.Н. Шмелёв, подчёркивая, что «наше представление о стиле существует как представление об определённой системе норм, от которых, как от всяких норм (языковых), владея ими, можно и в известных случаях отступить»³⁵¹.

Среди лингвистических стилеобразующих признаков выделяются ведущие и подчиненные, факультативные. Первые обусловлены задачами того или иного стиля, обслуживающего определенную сферу общения; вторые отличаются степенью употребительности, назначением, зависимостью от авторской индивидуальности³⁵². Отличие указанных групп признаков проявляется в том, что «если ведущим признакам не ставятся количественные пределы, то для подчиненных, и в особенности факультативных, они обязательны»³⁵³.

---

³⁴⁹ Там же. – С. 220.

³⁵⁰ Будагов Р.А. Литературный язык и языковой стиль – С. 220.

³⁵¹ Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М., 1977. – С. 44.

³⁵² См., напр., о факультативных экспрессивных средствах в научном стиле: Кожин А.Н. и др. Функциональные типы русской речи. – С. 102–103.

³⁵³ Гальперин И.Р.К проблеме дифференциации стилей речи // Проблемы современной филологии. Сб. статей к 70-летию акад. В.В.Виноградова. – М., 1965. – С. 70.

Лексика производственно-технических стилей современных русского и украинского языков

Состав и источники формирования

Стилеобразующие лингвистические признаки охватывают специфический для каждой функционально-стилевой разновидности выбор равноуровневых языковых средств выражения релевантных для данной сферы деятельности значений, обусловленных коммуникативной целесообразностью, целями и содержанием общения.

Отбор и организация лексического состава производственно-технической сферы современных русского и украинского языков подчиняется принципам объективности, максимальной информационной насыщенности, компактности, стилевой однородности, стандартизованности и экономности изложения, нормативности языковых единиц.

Лексический состав производственно-технических стилей современных русского и украинского языков «выполняет свои особые функции и проявляет свои особые закономерности»³⁵⁴, располагает своим фондом терминов, специальных оборотов профессионального характера, лексико-фразеологических средств и речевых формул³⁵⁵.

Центральным средством языкового выражения прагматических компонентов точности, информационной насыщенности и компактности, объективности является терминологическая лексика, призванная служить наименованием понятий «в системе понятий данной научной или производственной области»³⁵⁶. Пред-

---

³⁵⁴ Пумпянский А.Л. Функциональный стиль научной и технической литературы // ВЯ. – 1977. – №5. – С. 91.

³⁵⁵ Солганик Г.Я. Заметки о языке научно-технических журналов // Русская речь. – 1967. – № 5. – С. 46.

³⁵⁶ Климовицкий А.Я. Некоторые терминологические вопросы работы над терминологией науки и техники // Современные проблемы терминологии в науке и технике. – М., 1969. – С. 60.

назначенность термина быть знаком специального понятия³⁵⁷ обуславливает ряд выделяемых в терминоведении и терминологии специфических признаков единиц этого типа, в том числе и аспектов их нормативности – логическую, содержательную, лингвистическую нормативность термина³⁵⁸.

Специальная лексика, обслуживающая производственно-техническую сферу деятельности, представлена:

* общенаучной (математической, метрологической, физической и др.) терминологией;

* экономической терминологией;

* общетехнической терминологией;

* узкоспециальной терминологией отраслевых производств;

* общеупотребительной лексикой.

Специальная лексика производственно-технических стилей современных русского и украинского языков получила богатое лексикографическое описание в одно- и двуязычных (преимущественно русско-украинских) словарях так, в новейшем «Большом русско-украинском политехническом словаре», содержащем около 160 000 слов и терминологических словосочетаний, представлена терминология традиционных и новых, быстро развивающихся отраслей (компьютерной техники, радиоэлектроники и квантовой электроники, автоматике, ядерной физики, связи, космонавтики, химии полимеров и др.), а также «теоретических дисциплин, тесно связанных с производственными процессами: математики, физики, химии и т. д. В словаре содержится также основная терминология по экономике и организации производства»³⁵⁹. Словарь охватывает такие отраслевые терминологии производственной сферы: деревообрабатывающая, кожевенно-обувная, пищевая, текстильная, нефтегазовая промышленность, нефтеэнергетика, фармацевтическая промышленность, косметическая и парфюмерная промышленность, лесное хозяйство, сельское хозяйство, терминологию химии

---

³⁵⁷ Даниленко В.П., Скворцов Л.И. Нормативные аспекты унификации терминологии // Культура речи в технической документации. – М., 1981. – С. 6.

³⁵⁸ Там же. – С. 6.

³⁵⁹ *Большой русско-украинский политехнический словарь*. Под ред. А.С. Благовещенского. – К., 2002. – С. 5.

и химической технологии, технологию каучука и резины, машиностроения, металлургии, металлообработки; железнодорожного транспорта и судостроения, дорожного строительства; радиоэлектроники, теплотехники, холодильной и криогенной техники, измерительной техники и метрологии.

Экстралингвистический признак специализации труда в производственно-технической разновидности языка получает выражение в тенденции **семантической точности, дифференциации** номенклатурных названий профессий и специальностей, всех звеньев производственного процесса, технологий, оборудования, – приборов, устройств, механизмов и их деталей. Тенденция семантической точности, дифференциации в отраслевых терминологиях реализуется в использовании композитных дериватов и многокомпонентных терминологических сочетаний. Ср. ряд неоднословных (преимущественно 3-х и 4-х компонентных) номинаций с ядерным компонентом, дифференцирующих родовые названия: **монтажник // монтажник, сварщик // зварник: монтажник микромодулей // монтажник мікромодулей; монтажник наружных трубопроводов // монтажник зовнішніх трубопроводів; монтажник оборудования атомных электростанций // монтажник обладнання атомних електростанцій;**

Монтажник оборудования связи // монтажник обладнання зв'язку; монтажник приборов и аппаратуры автоматического контроля // монтажник приладів і апаратури автоматичного контролю; монтажник радиоэлектронной аппаратуры и приборов // монтажник радіоелектронної апаратури і приладів; монтажник строительных машин и механизмов // монтажник будівельних машин і механізмів;

Сварщик – электросварщик – газосварщик – газоелектросварщик // зварник – електрозварник – газозварник – електрозварювальник; газоелектрозварювальник: газоелектрозварник.

Ср. также дифференциацию видового термина **монтажник оборудования связи / монтажник обладнання зв'язку: монтажник связи-антенщик // монтажник зв'язку-антенник; монтажник связи-кабельщик // монтажник зв'язку-кабельник, монтажник**

*связи-линейщик // монтажник зв'язку-лінійник, монтажник связи-спайщик // монтажник зв'язку-паяльник*³⁶⁰.

Сравним функционирование этих номинаций в рекламных текстах: Требуется **электросварщики** от 20 до 50 лет, на постоянную или временную работу в цех частного машиностроительного завода по реконструкции производственного цеха и установке нового оборудования; **электросварщики**, от 20 до 50 лет, на постоянную работу устойчиво работающему частному предприятию на работы по реконструкции производственного цеха и установке нового оборудования; **газосварщики** 5 разряда в механосборочный цех. З/п 1200 грн.; **газоэлектросварщик** требуется фирме на постоянную работу. Муж 25–40 лет. ОР. З/п: ставка + %. Обращаться с 9.00 до 18.00 в будние дни // **газоэлектросварщики** с ОР требуются на производство; **газоэлектросварщики** с опытом сантехнических работ требуются срочно сантехническому предприятию на постоянную, хорошо оплачиваемую работу. (ж. «Вакансії для фахівців», 02/2005, 53). В украинском языке сложноаффиксальные названия профессий, содержащие три корневых морфемы, как показывают наблюдения, допускают позиционное варьирование первого и второго компонентов, ср.: **газоэлектросварник – электрогазозварник**, а также вариативность суффиксальных морфем – прилагательной **-льник** и прилагательно-субстантивной **-ник**. Так, например, под рубрикой «робітничі спеціальності: вакансії провідних компаній» на одной странице помещены объявления: **газоэлектросварника** 4, 5, 6 розр. Запрошує на постійну роботу швейне підприємство «Юність». З/п за домовленістю.; **газоэлектросварники** (аргон) потрібні ЗАТ «Панна» на постійну роботу. З/п 900-1200 грн./міс.; **газоэлектросварювальники** потрібні на роботу ТОВ «Сванта С». Надається житло. Гарантоване працевлаштування. ТОВ «Центр зайнятості та нерухомості» «ЛіК»; **электрогазозварник** потрібен ВАТ «Гермес». М.Київ, вул. Сім'ї Хохлових.11/22. ВАТ» Завод «Ленінська кузня» запрошує на роботу робітників 3–6 розряду: складальників, **електросварників на автоматичних та**

³⁶⁰ Горпинич В.О. Російсько-український професійно-технічний словник. – Дніпропетровськ, 1997. – С. 37–38.

напівавтоматичних машинах; рубачів суднових, газорізальників, стропальників, машиністів кранів/кранівників. Гарантована оплата праці (ж. «Пропоную роботу: вакансії для фахівців» 02/2005, част. I, с.110-111); Закрите акціонерне товариство «Алеко-сервіс» на постійну роботу запрошує фахівців: шихтувальників кузовів легкових автомобілів, **електрогазоварників**, секретаря-архіваріуса. За довідками звертатися за адресою:... (там же, част. II, с.53).

Функционально-стилевой окраской производственно-технического стиля в анализируемых языках характеризуются составные наименования устройств, опорный компонент которых выражен производным от префиксальных глагольных основ субстантивом с суффиксом **-к-**: *установка* (помещение, устройство) // *установка*;

Установка беспроводная // *установка бездротова*; *установка ветросиловая* // *установка вітросилова*; *установка водоочистительная* // *установка водоочисна*; *установка силовая* // *установка силова*; *установка сортировочная* // *установка сортувальна*; *установка тортовая* // *установка тортова*; *установка теплосиловая* // *установка теплосилова*; *установка турбинная* // *установка турбінна*; *установка углепомольная* // *установка вуглемельна*, *установка флотационная* // *установка флотаційна*; *установка целевая* // *установка цільова*; *установка электросиловая* // *установка електросилова*³⁶¹.

Способом расчленённой номинации дифференцируются также названия производственных процессов: *сверление отверстий* // *свердління отворів*; *сверление отверстий в наклонных плоскостях* // *свердління отворів у похилих площинах*; *сверление полых деталей* // *свердління порожнистих деталей*; *сверление по разметке* // *свердління за розміткою*³⁶².

Стилевой окраской производственно-технических разновидностей современных русского и украинского языков маркированы:

1. Составные номинации структурных единиц отраслевых производств (заводов, фабрик, цехов и др.);

³⁶¹ *Виробничий термінологічний бюлетень*. – № 5. – К., 1935. – С. 71.

³⁶² *Горпинич В.О.* Російсько-український професійно-технічний словник. – Дніпропетровськ. – 1997. – С. 117.

2. Составные номенклатурные названия профессий;
3. Составные номенклатурные названия материалов, механизмов, устройств, приборов и их деталей, в том числе заключающие числовую, буквенную, комбинированную буквенно-числовую маркировку;
4. Номенклатурные названия продукции, включающие числовую, буквенную, комбинированную буквенно-числовую маркировку;
5. Узкоспециальная терминология технологических процессов различных отраслей производства;
6. Микрогруппы экономической терминологии, связанные с параметризацией отраслевых производств, и некоторые другие.

Несмотря на привлекательность однословного терминоозначивания на национальной основе, авторы названного «Словника» справедливо подверглись критике за нарушение принципов однозначности термина в пределах терминосистемы и регулярности семантико-парадигматических отношений: однословные украинские образования на *-ня* – соответствия двусоставных терминов русской производственной терминологии – «дают полное смешение цехов, заводов, фабрик, отделений и мастерских, так как везде составным терминам с этими словами и прилагательными производственный словарь дает украинские «соответствия» на *-ня*, напр.: *завод солодовенный* – *солодо(і)вня*; *отделение солодовенное* – *солодо(і)вня*; *цех жестяной* – *бляхарня*; *завод жестяной* – *бляхарня*; *мастерская жестяная* – *бляхарня*; *завод литейный* – *ливарня*; *цех литейный* – *ливарня*; *фабрика чулочная* – *панчішнія*; *мастерская чулочная* – *панчішнія* и т.п.»³⁶³.

Таким образом, способ расчленённой номинации, использование составных наименований является существенной лексико-семантической характеристикой функциональных разновидностей русского и украинского языков, обслуживающих производственную сферу общения.

---

³⁶³ *Виробничий* термінологічний бюлетень. – К., Вид-во Всеукраїнської Академії Наук, 1935. – С. 8.

Используемые в той или иной сфере языкового общения способы номинации, доминирование той или иной возможности названия нового «отражается на соотношениях, существующих внутри тех лексико-семантических рядов слов, к которым примыкает новое обозначение, причем отражается по-разному... При возникновении составных наименований происходит нарушение формально-лексической регулярности вследствие увеличения в языке числа единиц, целостность значения которых вступает в противоречие с расчленённостью формы <...>. Составные наименования способствуют большей регулярности семантико-парадигматических отношений в лексике», – подчёркивает Д.Н. Шмелёв³⁶⁴.

Образование составных наименований как аналитических форм лексем реализует семантическую тенденцию к регулярности с симметричным распределением дифференцированных семантических признаков, т.е. образующих, так сказать, заполненную иерархически организованную лексико-семантическую парадигму, они могут быть признаны одной из форм проявления семантико-парадигматической регулярности лексики функциональных разновидностей современных русского и украинского языков.

Экономическая терминология отраслевых производств

Содержание общественно-полезного труда, его параметры и результаты в условиях промышленной индустрии регламентируются обязательными к применению установленными нормами, требованиями и правилами, закреплёнными в нормативно-технических документах.

Нормативно-технические документы, закрепляющие нормы, требования, правила деятельности в определённых областях производства, называются **стандартами**³⁶⁵. Стандарты как нормативно-

---

³⁶⁴ Шмелёв Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М., 1977. – С. 105–106.

³⁶⁵ Краткий экономический словарь. – С. 308.

технический документ имеют характер закона: «Все стандарты являются обязательными в пределах установленной сферы их действия и условий применения. Несоблюдение ГОСТов, РСТов и ОСТов преследуется законом»³⁶⁶.

Стандарты дифференцируются а) по категориям, или сферам действия; б) по видам: *государственные стандарты* (ГОСТ) (действуют на всей территории и во всех отраслях), *отраслевые стандарты* (ОСТ), *стандарты предприятий (объединений)* (СТП). Выделяются стандарты на общие технические требования, основные параметры, типовые технологические процессы, конструкции, марки, методы контроля, правила приёмки и хранения и т.д.

В связи с постоянным развитием науки и техники срок действия стандартов ограничен: не реже, чем через пять лет стандарты пересматриваются. Индустриальное промышленное производство характеризуется стандартизацией и унификацией технологических процессов. **Технологический процесс** – совокупность приёмов и способов получения, обработки или переработки сырья, материалов, полуфабрикатов или изделий, осуществляемых в промышленности, строительстве и других отраслях. Под технологическим процессом понимают такие операции добычи, обработки, переработки, транспортировки, складирования, хранения, которые являются составной частью производственного процесса. В результате осуществления технологического процесса происходит качественное изменение обрабатываемых объектов.

Разработка технологического процесса является одним из этапов подготовки и освоения производства новой техники.

В большинстве отраслей промышленности многие технологические процессы типизированы, в них предусматривается применение унифицированного оборудования и стандартной оснастки. В целях унификации технологических процессов в стране действует государственный стандарт «**Единая система технологической документации**»³⁶⁷.

---

³⁶⁶ *Краткий экономический словарь*. – С. 308.

³⁶⁷ Там же. – С. 330.

Понятие «строгое и точное соблюдение в процессе производства требований к технологии изготовления продукции, которые содержатся в операционных технологических картах или других технологических документах», репрезентирует термин **технологическая дисциплина**³⁶⁸.

При отсутствии государственных стандартов на продукцию или при необходимости дополнения, ужесточения установленных в существующих стандартах требований разрабатываются **технические условия**: «Технические условия (ТУ) – документ, содержащий требования к качеству продукции, ее изготовлению, контролю, приёмке, транспортированию и хранению, эксплуатации (применению), а также гарантии предприятия-поставщика... Перечень видов продукции, на которые ТУ утверждаются предприятиями и организациями, определяется вышестоящей организацией. Проекты ТУ перед утверждением согласовываются с основными потребителями или заказчиком, с головной организацией по стандартизации, с предприятием – изготовителем продукции, а по отдельным видам продукции – с органами государственного надзора, внутренней и внешней торговли... ТУ регистрируются в органах Госстандарта»³⁶⁹.

Экстралингвистические признаки производственно-технической сферы деятельности (регламентированность временных, количественных, качественных и других параметров производственного процесса и его результатов – существеннейшие признаки содержания качественно-полезного труда в условиях современного промышленного производства) получают языковое выражение в ряде составных терминов с компонентами **норма, норматив, нормативный** // **норма, норматив, нормативный**: *норма времени, норма выработки, норма обслуживания, норма времени обслуживания, норма численности персонала, норма расхода материальных ресурсов, норматив предельного уровня запасов, нормативный метод учёта затрат на производство, нормативные методы (в управлении и планировании), нормативное хозяйство-предприятия* // *норма часу, норма виробітку, нормативні запаси сировини.*

---

³⁶⁸ *Краткий экономический словарь.* – С. 71.

³⁶⁹ Там же. – С. 330.

Норма времени определяет необходимые затраты времени на изготовление единицы продукции (выполнение определённого объёма работ) одним или группой рабочих соответствующей квалификации»³⁷⁰, это регламентированная величина затрат рабочего времени на производство единицы продукции, которая устанавливается с учётом определённых климатических и организационно-экономических условий и включает нормируемые элементы рабочего времени: основное, вспомогательное; организационного обслуживания; технического обслуживания и др. Она определяется на основе расчётов и хронометражных измерений и выражается в человеко-часах (минутах, днях)³⁷¹.

Норма выработки определяет «количество продукции, которое должно быть произведено работником (бригадой) соответствующей квалификации в единицу времени (час, рабочую смену) при определенных организационно-технических условиях»³⁷², выражается в натуральных единицах (в тоннах, килограммах, метрах, штуках) и «является величиной, обратно пропорциональной норме времени»³⁷³.

В отраслях промышленности и производства с аппаратурными процессами (в химической, металлургической, нефтеперерабатывающей промышленности и др.), в текстильной промышленности для определения плановой численности основных рабочих применяется параметр **норма обслуживания**, которым регламентируется «максимальное число рабочих, необходимое для обслуживания одного агрегата в течение смены, или количество механизмов, приборов, обслуживаемых одним работником, в определённых организационно-технических условиях»³⁷⁴. Во всех отраслях промышленности этот параметр применяется для определения плановой численности вспомогательных рабочих и младшего обслуживающего персонала (электромонтёров, контролёров, рабочих-

---

³⁷⁰ *Советский энциклопедический словарь*. – С. 911.

³⁷¹ *Краткий экономический словарь*. – С. 181.

³⁷² *Советский энциклопедический словарь*. – С. 911.

³⁷³ *Краткий экономический словарь*. – С. 181.

³⁷⁴ Там же. – С. 181.

смазчиков, транспортных рабочих, комплектовщиков и др.). **Нормы обслуживания** дифференцируются по сфере действия: **обще-промышленные, отраслевые, местные нормы обслуживания**³⁷⁵.

Важную роль в снижении трудовых затрат и себестоимости единицы продукции в числе других факторов играет сокращение *длительности производственного цикла*, а также совершенствование системы материально-технического обеспечения производства, оптимальные размеры *производственных запасов*.

Норматив длительности производственного цикла регламентирует «период времени между моментами начала и окончания производственного процесса применительно к конкретному изделию (предмету труда) в пределах одного предприятия»³⁷⁶; **норматив предельного уровня запасов** – установленный по отношению к объёму реализуемой продукции норматив запасов товарно-материальных ценностей (терминологическое словосочетание *производственные запасы* номинирует понятие «часть оборотных средств предприятий, находящаяся в сфере производства»)³⁷⁷.

Система терминологический словосочетаний с доминантами *норма, норматив* устанавливает количественную и качественную меру различных элементов производства. Термин **нормативное хозяйство предприятия** обозначает совокупность, «комплекс технико-экономических и информационных актов (методических указаний, методик, инструкций и регламентов, справочников и классификаторов, прейскурантов цен и номенклатур – ценников технических условий и стандартов и т.д.), являющихся методически правовой основой для формирования норм и нормативов»³⁷⁸.

---

³⁷⁵ *Краткий экономический словарь*. – С. 181.

³⁷⁶ *Советский энциклопедический словарь*. – С. 911.

³⁷⁷ *Краткий экономический словарь*. – С. 183, 184.

³⁷⁸ Там же. – С. 185.

Ю.С. ЛАЗЕБНИК,
А.Н. ТУПИЦКАЯ, Т.М. ГОЛОСОВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОПОСТАВИТЕЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Место художественного стиля в общей стилистической системе языка

Стилистическую систему языка составляет совокупность его стилей как исторически сложившихся разновидностей, которые вместе с закрепленными за ними речевыми средствами, а также приемами их употребления выделяются благодаря существованию различных сфер применения языка³⁷⁹.

Существует целый ряд фундаментальных исследований, посвященных анализу стилистических систем русского и украинского языков. Среди авторов, которые занимались решением этих проблем, – Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, И.К. Белодед, М.Н. Кожина, А.Н. Кожин, Г.П. Ижакевич, Н.Н. Пилинский, В.И. Кононенко и др.

Художественный стиль (иными словами – стиль художественной литературы, художественно-беллетристический стиль) представляет собой отдельную проблему, к которой различные исследователи относятся по-разному.

---

³⁷⁹ *Ефимов А.И.* Задачи сравнительной стилистики восточнославянских языков. – М., 1963. – С. 7–8.

Хотя большинство исследователей склоняются к мысли о том, что художественный стиль – сложнейший конгломерат, который воплощает в себе все возможности, все богатство национального языка. В художественном стиле совершенно логичным и последовательным оказывается то, что недопустимо в других стилях, а именно – «соединение несоединимого». Здесь, в контексте литературной речи, обретают полные права диалектизмы, жаргонизмы и т.п., если это обосновано с точки зрения художественного изображения действительности. Несмотря на строгую и достаточно разветвленную градацию – жанровые отличия (проза, поэзия, драматургия), художественный стиль можно рассматривать как нечто единое – целостную категорию литературного языка, поскольку во всех своих проявлениях художественные элементы выполняют единую функцию. Художественная коммуникация – это не столько «передача информации», сколько возможность оказать влияние на реципиента.

Это, в свою очередь, определяет основную задачу художественного стиля – отражать действительность посредством художественного образа, который, это общепризнано, не лишен известной доли субъективизма. Поэтому наиболее показательными признаками элементов художественного стиля являются выразительность и эмоциональность.

В рамках различных функциональных стилей параллельно развиваются письменные и устные жанры. Художественный же стиль существует исключительно в письменной форме³⁸⁰. С этим связано то, что не имея соответствия, художественный стиль черпает ресурсы других функциональных стилей и языка фольклора. Благодаря этому стиль художественной литературы можно рассматривать как зеркало, отражающее развитие других функциональных стилей, и одновременно – орудие их дальнейшего развития³⁸¹.

Отличает художественную речь принципиальная экспрессивность. Особенность позиции художественного стиля по отноше-

---

³⁸⁰ Русанівський В.М. Структура лексичної і граматичної семантики. – К., 1988. – С. 167.

³⁸¹ Там же. – С. 167.

нию к другим стилям языка состоит в том, что он является источником экспрессивных элементов и влияет на формирование и совершенствование других стилей³⁸².

В отличие от других, достаточно безличных стилей, в художественном стиле особенно важен «образ автора» – адресанта коммуникативного процесса. Его отношение не только к языку, но и к окружающей действительности, то есть экстралингвистические факторы, оказывают огромное влияние на построение текста, выбор тех или иных художественных языковых средств – синонимов, антонимов, омонимов, паронимов, стилистических фигур. Те или иные писатели часто прибегают к использованию ресурсов так называемой «авербальной» образности – эвфонии, ритмомелодики, оригинальному графическому построению текстов.

В художественном стиле для выполнения функции художественной коммуникации задействованы все языковые уровни – лексический, фразеологический, синтаксический. Именно поэтому подавляющее большинство исследований по стилистике либо посвящены проблемам художественной речи, либо написаны на материале художественных произведений. И это, не в последнюю очередь, касается исследований по сопоставительной стилистике.

Так, авторский коллектив монографии «Сопоставительная стилистика русского и украинского языков» (К., 1980), в состав которого входили такие известные учёные, как Г.П. Ижакевич, В.И. Кононенко, Н.Н. Пилинский, В.А. Сиротина, проявил пристальное внимание в процессе анализа стилистических систем двух близкородственных языков именно к художественному стилю, что связано с «весьма значительным удельным весом дифференциальных стилистических черт в художественных стилях сопоставляемых языков».

Стилистика в качестве отдельной, независимой области языкознания утвердилась сравнительно недавно. В начале XX века осуществлялись некоторые попытки рассматривать стилистические исследования как отдельную науку. Ш. Балли был одним из первых,

---

³⁸² Троянская Е.С. Актуальные проблемы исследования функциональных стилей. – В кн.: Лингвостилистические исследования научной речи. – М., 1979. – С.11.

кто «положил краеугольный камень» стилистики как полноправной науки. До него в стилистике романских языков преобладало мнение, что объектом стилистики, в первую очередь, должна быть художественная речь. Подобные взгляды отстаивал Лео Шпитцер, ученик Фосслера, который практически не разграничивал такие понятия, как «литературный язык» и «язык художественной литературы». Поэтому можно с уверенностью утверждать, что стилистика художественной речи имеет богатую, хотя и достаточно неупорядоченную историю.

Как уже было отмечено, стилистика Ш. Балли в своё время опровергла это общепризнанное мнение, утверждая, причем иногда в слишком прямолинейной форме, что стилистика языка не имеет ничего общего со стилистикой отдельных писателей. В центре внимания стилистики, по его мнению, должно быть рассмотрение разнообразных «оттенков» близких по значению высказываний.

В наши дни эти две диаметрально противоположные точки зрения не противопоставляются настолько активно, как на том этапе развития стилистики, поскольку стиль творческой индивидуальности – достижение национальной литературы³⁸³. В общем русле современной стилистики развиваются и мирно сосуществуют как сугубо теоретические штудии, затрагивающие в первую очередь, проблему стилистических ресурсов языка как системы, так и более частные исследования по «отдельным» стилям и даже стилям «отдельных личностей». На современном этапе развития этой науки, когда круг исследуемых проблем расширяется день ото дня, учёные для достижения своих целей обращаются к самым различным методам: от «стилестатистического до психологического». Так, Ч. Остуд рассматривает стиль именно как психологическую проблему.

Такое положение вещей на современном стилистическом фронте объясняется не только и не столько плюралистичностью лингвистической мысли, сколько основной тенденцией развития наук гуманитарного профиля – стремлением их к интерференции. Данный случай – это иллюстрация того, что на развитие лингвисти-

---

³⁸³ Виноградов В.В. О языке художественной литературы – М.,1959. – С. 83.

ки огромное влияние оказывает философия. Многие современные лингвисты стремятся рассматривать язык как художественную деятельность, мастерство, процесс творческого самовыражения. Если последователи Ш.Балли видели в языке строго упорядоченную стилистическую систему, то есть своего рода «объект анализа», то последователи Лео Шпитцера (наиболее яркого представителя этого направления) относятся к языку как к субъекту деятельности. Их концепции основываются на изучении индивидуальной речи. Здесь, уже в который раз, можно процитировать высказывание Бюффона, которое, кстати, достаточно часто используется в качестве эпиграфа во многих монографиях по стилистике: «Стиль – это человек».

В славянской филологии эта точка зрения также имела и имеет своих приверженцев. Подобного рода слишком широкое понимание стиля и соответственно стилистики представлено в монографии А.В. Чичерина «Очерки по истории русского литературного стиля». Автор определяет стиль не только как «единство содержания и формы», но и как отработанное до ясности мышление, чувство писателя, как его орудие при восприятии мира, как раскрытие тех возможностей, которые заключены в слове, как идейное влияние на людей и созидание культуры³⁸⁴.

В современной русской стилистике наиболее распространена точка зрения В.В. Виноградова, которую разделяют множество стилистов и которая представляет собой синтез синхронического и диахронического методов.

В.В. Виноградов определяет индивидуальный стиль писателя как систему «индивидуально-эстетического использования свойств данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения»³⁸⁵.

На сегодняшний день можно говорить о 4-х основных направлениях стилистических исследований:

---

³⁸⁴ Чичерин А.В. Очерки по истории русского литературного стиля. – М., 1977. – С. 4.

³⁸⁵ Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М., 1959. – С. 85.

- интуитивный
- описательный
- сравнительный
- гештальт-психологический³⁸⁶.

Различные направления, различные стилистические школы, можно сказать, функционируют в различных «системах координат». Оформившись в качестве самостоятельной науки, стилистика должна была определиться с тем, что же является для нее «точкой отсчёта». Большинство исследователей, представляющих самые различные направления, пришли к выводу, что таким понятием должно стать понятие «норма». Если в центре внимания Ш. Балли «стиль как отклонение от индивидуальной речи», то Л. Шпитцер изучает, в первую очередь, «индивидуальные стилистические отклонения от нормы».

Замечания о стиле как нарушении нормы встречаются, однако, не только у исследователей-лингвистов, но и у самих творцов. Так, А.С. Пушкин отмечал, что писатель «должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы»³⁸⁷.

Так или иначе, но практически все стилисты склоняются к мысли, что стилистически значимы именно отклонения от нормы. Хотя само понятие «норма» на сегодняшний день не имеет чётко определенных границ. Так, О.С. Ахманова дает такое определение нормы: «1. Общепринятое употребление в речи языковых средств, совокупность правил (регламентаций), которые упорядочивают употребление языковых средств в речи индивида» (литературная норма определяется автором как «норма, которая определяет образцовое употребление языковых средств»). «2. Язык, который противостоит речи как система (инвариант), который определяет всё разнообразие речевых реализаций»³⁸⁸.

Особенно неоднозначно трактуется понятие «норма» по отношению к такому «ненормативному явлению», как стиль худо-

³⁸⁶ Родзевич Н.С. Питання стилю в сучасному англо-американському мовознавстві. – В кн.: Питання теорії мови у зарубіжному мовознавстві. – К., 1976. – С. 198.

³⁸⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – М.–Л., 1949. – Т. 11. – С. 66.

³⁸⁸ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – С. 270–271.

жественной литературы. С точки зрения сопоставления различных языков, определенной значимостью наделены соотношения понятий «норма – вариант», а также «вариант – ошибка». Если ошибка повторяется регулярно, то, по-видимому, ее появление не случайно, и этому факту можно найти объяснение как в психолингвистическом, так и в социолингвистическом аспектах. Объяснить этот факт можно с точки зрения учёного-лингвиста и с точки зрения обычного носителя языка. Причем это, последнее, объяснение интересно само по себе и, как материал для дальнейших исследований. Г.М. Яворская в этом случае оперирует понятием «вторичное» (т.е. вторичное) пояснение. Его отличительной чертой является то, что оно не всегда может быть убедительно обосновано с привлечением рациональных аргументов – аргументов науки. Скорее всего, «вторичные» пояснения можно определить как попытки осмысления явлений. Эти попытки, за очень редким исключением, являются следствием неосознанных или не полностью осознанных процессов³⁸⁹.

Само понятие «норма» предполагает сознательное отношение к языковым явлениям. А активность языкового сознания, в свою очередь, провоцируется разного рода коммуникативными барьерами. Что касается индивидуальной речи, наиболее актуальны психологические барьеры, а с точки зрения сопоставительного анализа двух языков, особую актуальность приобретают социальные барьеры. В истории украинского языка можно выделить три этапа, которые характеризуются активизацией языкового сознания. Выделение этих этапов особенно важно для рассмотрения вопросов становления языковой нормы, а также определения степени стандартизации литературного языка.

1. Конец XVIII – 40-е годы XX века. Это этап формирования норм нового литературного языка. В дискуссиях этого периода речь шла, в первую очередь, о выборе нормы, ее основных параметрах и принципах становления.

---

³⁸⁹ Яворська Г.М. Прескриптивна лінгвістика і моделювання лінгвістичної свідомості. – Мовознавство. – 1997. – № 1. – С.31.

2. В 20-х годах XX века, на новом этапе развития украинского языка, когда кардинальным образом изменились социолингвистические условия функционирования языка, вопросы «нормы» обретают «новую» актуальность. Однако на этом этапе особое внимание уделяется уже разработке (научно обоснованной), а также внедрению нормы.

3. Современный этап (конец 80-х гг. XX в. – начало XXI в.) характеризуется пристальным вниманием со стороны лингвистов к проблемам «нормы» украинского языка. Но в наши дни отправная точка языковедческих дискуссий – проблема «пересмотра» нормы.

Практически все языки, в нашем случае это касается украинского, с момента, когда они осознаются как средство национального возрождения, становятся на путь прямого заимствования из других языков. Однако, переступив определенную культурную черту, этот язык начинает тщательно охранять границы своего языкового «суверенитета», заимствуя только то, что не противоречит его структуре ни в синхроническом, ни в диахроническом планах. С одной стороны, язык оставляет полностью «открытой» для проникновения и другого рода влияний свою семантическую структуру, и, с другой стороны, «ставит основательные фильтры для материальных носителей семантики»³⁹⁰.

Что касается осознанного и неосознанного подходов к выбору речевых средств (а именно – проблемы выбора, его причин и параметров, наиболее актуальна для стилистики), то можно сослаться на известного современного исследователя в области «стилистических ценностей» – экспрессивные и импрессивные. Первые могут быть расценены как более или менее неосознанные, основывающиеся, по его словам, на «социо-психофизиологии выражения». В отличие от них, «импрессивные» – это явления сознательные и обдуманые³⁹¹. Такой подход наиболее перспективен именно для изучения художественного стиля, в котором осознанные и неосознанные элементы употребления языка и языкового творчества очень тесно переплетены и не всегда поддаются строгой классификации.

---

³⁹⁰ Русанівський В.М. Указ. работа. – С. 218.

³⁹¹ Родзевич Н.С. Указ. работа. – С. 205.

Если сравнивать с историей «нормирования» в украинском языке, то в языке русском мы не увидим такой строго прослеживаемой «этапности», за исключением, может быть, стилистической дискуссии между шишковистами и карамзинистами в начале XIX века. В основном этот процесс в русском языке осуществлялся спокойно и без революционных подъемов, что связано, по-видимому, с отсутствием кардинальных изменений в статусе языка; на каком-то этапе государственность имперского типа сменяется государственностью «просоциалистической».

Исторически сложилось так, что украинский и русский языки далеко не всегда находились в равных условиях, с точки зрения социального статуса. А развитие языка, как известно, в огромной степени зависит от его официального статуса (в наши дни речь идет о «государственности» языка). С этим фактором связано, в первую очередь, функционирование стилистической системы. Официальный статус, имперская государственность русского языка (конец XIX – начало XX века) спровоцировал частичную канцеляризацию литературной нормы. В то время, как в русском языке официально-деловой стиль имел разветвленную структуру, в украинском языке он практически отсутствовал. Вакантное место занял «суржиковый» вариант, скомпонованный по принципу калькирования. Отсутствие такого важного уровня стилистической структуры определило развитие системы в целом, в том числе – оказало значительное влияние на стиль художественной литературы.

В 20–30-е годы XX в. многие языковеды-украинисты склонялись к мнению, что основной тенденцией развития литературной нормы украинского языка должно стать его отграничение от русской литературной нормы. «Все, що хочете, аби тільки не було схоже на російську чи на польську мову, аби тільки «своєрідне», «своє», «одмітне»³⁹². Неизменным ресурсом своего, оригинального в таких случаях всегда является народная речь, имеющая богатую образность и во все времена выступающая в роли источника для деятелей художественной культуры. Как писала О. Курило, «для української літературної мови є єдина можлива підстава – народна

³⁹² Синявський О. Норми української літературної мови. – Харків, 1931. – С. 5.

мова: елемент, що з його тепер твориться українська інтелігенція, це українське селянство, – тільки воно може дати обличчя українській літературній мові»³⁹³.

Однако живой язык – гибкая система, которая не терпит насильственного вторжения. В нём все, даже наиболее кардинальные, изменения происходят постепенно. Многие новшества лингвистов не приживаются, отторгаются естественной тканью языка, и если украинская научная речь, развивающаяся по принципу стандартизации, предполагает некое законопослушание по отношению к литературной норме (то есть в этом стиле речи возможно планомерное введение нормативных параметров, здесь явно преобладают импрессивные стилистические ценности, по П. Гиро, то художественного стиля все это касается в гораздо меньшей степени. Художественный стиль украинского языка изначально ориентирован на народную речь, что очевидно особенно в результате сравнения с другими языками. Так, Н.И. Толстой в результате проведенного им комплексного изучения славянских языков приходит к выводу, что «роль фольклорной традиции и фольклорного языка в становлении национальных литературных языков может быть отмечена у македонцев, в меньшей мере – у украинцев, болгар, словаков, белорусов и лужичан»³⁹⁴. В русском же литературном языке преобладают или, по крайней мере, играют очень важную роль церковнославянские языковые традиции. Некоторые такого рода «заимствованные тенденции» сильны и по сей день.

Именно в этом аспекте, что касается фольклорных традиций, особо актуальны вопросы о соотношении социального и индивидуального в художественной речи. Если в период формирования этноса фольклор полностью берёт на себя исполнение функций художественной речи, то позднее ситуация кардинальным образом меняется: взаимодействие фольклора и художественной литературы оказывается не таким прямолинейным. «На стадії народності етнос володіє не тільки безіменним, не індивідуалізованим

---

³⁹³ Курило О. Уваги до сучасної української мови. – К., 1923. – С. 28.

³⁹⁴ Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. – М., 1988. – С. 20.

словесним мистецтвом. Можна сказати, що художня література народжується разом з її авторами»³⁹⁵.

Общечеловеческий процесс художественного творчества находится в постоянном диалектическом противоречии с материалом творчества – языком. Ведь особенности номинации у каждого народа свои, а это накладывает определённый отпечаток на особенности мышления. Соответственно, в каждом действительно художественном произведении взаимодействуют две тенденции – универсализм, поскольку истинные человеческие ценности, о которых так или иначе идет речь в произведении искусства, едины для всех народов, и другая тенденция – отражение национальной специфики (имеется в виду не только и не столько национальный колорит, сколько специфика менталитета народа).

Г.О. Винокур в своём исследовании о языке «Горя от ума» сделал интересное замечание. По его мнению, во всяком выдающемся художественном произведении «язык отражен тройко – как живая речь, как литературная норма и как произведение искусства»³⁹⁶. Тем самым исследователь задает три аспекта стилистического изучения текста. Если первые два тяготеют к классической стилистике (можно сказать, что первый аспект – стилистика речи, второй – стилистика языка), то третий, креативный, аспект – аспект индивидуальной речи. Таким образом, если в центре внимания – творчество одного писателя, то такой подход позволяет частично снять противоречие между двумя различными направлениями, которые прослеживаются в развитии стилистики как науки.

Таким образом, и это касается в первую очередь стиля художественной литературы, стиль – это не отклонение от нормы (даже у самых оригинальных писателей процент значимых отклонений не слишком велик), а система осмыслений многообразных возможностей языка в его художественной функции – процессе художественной коммуникации.

---

³⁹⁵ Русанівський В.М. Указ. работа. – С. 210.

³⁹⁶ Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.,1959. – С. 257.

Универсальные поэтические структуры как объект сопоставительно-стилистического исследования

Универсально-поэтический уровень является наиболее глубинным объектом сопоставительной стилистики. На этом уровне зафиксированы принципы поэтического мировидения, которые своеобразно представлены в близкородственных языках. Принципы поэтического мировидения воплощаются в трёх компонентах универсально-поэтического уровня – поэтическом слове (ПС), поэтической модели мира (ПММ) и в поэтическом языке (ПЯ). Поэтому для задачи конструирования объектов сопоставительной стилистики важными оказываются следующие направления:

- описание универсальных типов ПС;
- выявление принципов порождения ПММ и описание ее структурных разновидностей;
- создание теоретической модели ПЯ и исследование способов ее идиостилевой реализации.

Дальнейшее практическое сопоставительное исследование и будет состоять в проекции данных объектов на русскую и украинскую поэтическую речь.

Поэтическое слово

К проблеме определения ПС. В поэзии «знак моделирует свое содержание»³⁹⁷. Поэтому содержанием ПС является поэтический объект. Последний, как писал А.П. Чудаков, «возникает в сознании только вместе со словом и только в одном – авторски данном речевом обличье». Он «слит именно с этим словом, неотрывен от него, остается с ним и в нём... Предмет как первоматерия видения в поэзии сильно теснится словом, на эту роль претендующим»³⁹⁸.

---

³⁹⁷ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.,1970. – С. 31.

³⁹⁸ Чудаков А.П. Предметный мир литературы. К проблемам категорий исторической поэтики. – В кн.: Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.,1986. – С. 289.

Структура ПС как номинативного средства («образ мира, в слове явленный») обусловлена, таким образом, особенностями поэтической гносеологии. Поэтический взгляд на мир – это взгляд «изнутри», он отмечен «предельным сближением говорящего и предмета речи»³⁹⁹. Поэтическое сообщение характеризуется экспансией авторской точки зрения на мир: «из объекта возникает субъект»⁴⁰⁰. Все это актуализирует семантические средства вовлечения поэта в структуру слова. Если из объекта возникает субъект, то **что** возникает из слова в акте его превращения в поэтическую номинацию? Или: каким образом субъект возникает из объекта?

Именованье – значит давать вербальную версию представления об обозначаемом. Любая номинация, несущая в себе свидетельство «личного авторского восприятия как неустранимый смысл»⁴⁰¹, является частью полного (в идеале) описания объекта и служит его (описания) субститутутом. «Каждое слово, – отмечал А.Н. Веселовский, – было когда-то метафорой, односторонне-образно выражавшей ту сторону или свойство объекта, которая казалась наиболее характерною. Поэтическая номинация, которая основывается на одном признаке, выдвинутом субъектом, в гносеологическом плане как раз и моделирует образ «первого» – антропоморфного – слова, а в целом, писал ученый, поэзия возвращает язык к той работе, которую он когда-то проделал, «образно усваивая явления внешнего мира»⁴⁰².

Поэтическое слово – «неточное слово». Отсюда вытекают следующие признаки поэзии как моделирующей системы: индуктивность поэтического объекта (редукция его к какому-либо признаку) и – соответственно – синекдохичность ПС (слово, не исчерпывающее объект номинации). ПС – это меньше, чем слово, так как в сопоставлении с его общеязыковым эквивалентом выявляется

---

³⁹⁹ Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М., 1986. – С. 17–18.

⁴⁰⁰ Кодуэлл К. Иллюзия и действительность. Об истоках поэзии. – М., 1969. – С. 259.

⁴⁰¹ Ревзина О.Г. От стихотворной речи к поэтическому идиолекту. – В кн.: Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста. – М., 1990. – С. 35.

⁴⁰² Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989. – С. 276–277.

несовпадение словесного образа первого с предметным представлением; но ПС – и **больше, чем обычное слово**, так как оно не только иносказательно указывает на всё обозначаемое, но и моделирует процесс его познания, а также содержит в себе информацию о когнитивном состоянии поэта, создавая в итоге «сравнительно обширное значение при помощи единичного... словесного образа»⁴⁰³.

Итак, то, что возникает из слова и содержит в себе точку зрения поэта на объект, есть внутренняя форма (ВФ) слова. Г.О. Винокур писал о том, что «определение предмета поэтики... должно ... свестись к предметному описанию структуры слова и к отысканию в ней таких моментов, которые и делают это слово поэтическим»⁴⁰⁴. ВФ и есть тот компонент, который, являясь средоточием поэтического в языке и языкового в поэзии, придает слову статус поэтической номинации.

Таким образом, в структуре ПС наличествует определенное семантическое расстояние – между значением и смыслом, денотативным компонентом и ВФ. Тем самым ВФ выступает фактором синекдохизации слова, усложнение семантической структуры которого за счёт ВФ оборачивается сужением его денотативного значения.

Процессы понимания мира, его словесного моделирования, а также апостериорного осмысления результатов номинативной деятельности – неоднозначны и сложны, поэтому ВФ не сводится лишь к «ближайшему этимологическому значению слова» (пусть, даже и способному к образному употреблению)⁴⁰⁵, которое, фиксируя первое впечатление человека о предмете, представляет собой мотивирующий признак, лежащий в основе его (предмета) названия. Подобную ВФ, по А.А. Потебне, имеют «названия вещей по заключенным в них... признакам»⁴⁰⁶. Наряду с данным типом ВФ, которая осуществляет «плавную поэтическую связь слова с

---

⁴⁰³ Потебня А.А. Из записок по теории словесности. – Харьков, 1905. – С. 59.

⁴⁰⁴ Винокур Г.О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. – М., 1990. – С. 70.

⁴⁰⁵ Там же. – С. 132.

⁴⁰⁶ Потебня А.А. Из записок по теории словесности. – Харьков, 1905. – С. 209.

бытием»⁴⁰⁷, А.А. Потебня выделял ещё два, что в дальнейшем послужит определенным ориентиром в разработке типологии ПС. Учёный считал, что ВФ обращена не только к миру, но и к человеку и языку: ВФ, таким образом, может возникнуть и как результат интерпретации значения (обозначаемого) слова «накопившимся в душе запасом мысли»⁴⁰⁸, который «не имеет ничего общего с этимологией... слова». И как следствие способности одного значения становится смысловым знаком (означающим) другого значения⁴⁰⁹.

Поэтому, определяя онтологическую функцию ПС как моделирование индуктивного образа объекта, следует отметить, что вербальная интерпретация конкретного предмета детерминирована семантической структурой (отношениями слово – образ – денотат) слова, так что каждый тип ПС отмечен особым варьированием синекдохичности как основного признака поэтического слова.

Типы ПС

Критерий классификации. Простейшим типом ПС является синекдоха, реализующая функцию (которая приобретает в поэзии оттенок иносказательности) идентификации предмета речи по индивидуализирующей детали, признаку.

Наиболее полно выражая изначальную способность слова к дроблению предметов действительного мира, синекдоха тем самым кладется в основание иных семантических механизмов поэтической иносказательности – метафоры и метонимии: принцип синекдохичности служит средством расчленения объекта, его иносказательного представления, а метафора и метонимия – способами обозначения (наряду с прямым) синекдохического признака, что усиливает иносказательность ПС.

---

⁴⁰⁷ Бибихин В.В. Принцип внутренней формы и редуционизм в семантических исследованиях. – В кн.: Языковая политика и теория языка. – М., 1978. – Вып.2. – С. 56

⁴⁰⁸ Потебня А.А. Мысль и язык. – Харьков, 1892. – С. 178.

⁴⁰⁹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Харьков, 1888. – С. 5, 7.

Поэтому универсальная модель ПС может быть представлена как слово, семантика которого порождается во взаимодействии различных принципов: ракурсов видения объекта и способов его номинации, то есть как динамическое триединство «синекдоха – метафора – метонимия».

Итак, универсальное поэтическое слово реализуется в следующих вариантах, в части из которых синекдоха имплицитруется, а в остальных типах – модифицирует семантику метафоры и метонимии: синекдоха, метафора, метонимия, метафора-синекдоха, метафора-метонимия, метонимия-синекдоха.

Поэтическое слово – это слово динамической семантической структуры, которую образует взаимодействие ВФ и денотативного компонента, смысла и значения.

Относительно «непоэтического», семантически статичного слова ВФ предстает либо как этимологический рефлекс, либо в качестве полустёршегося образа, либо как результат индивидуальной апперцепции значения, в любом случае – в непересекающихся с ним плоскостях. В ПС ВФ появляется как результат антропоморфизации семантики слова посредством вписывания в него точки зрения на обозначаемый объект, способа его (объекта) смысловой интерпретации. Динамическая семантика ПС характеризуется отношениями взаимосубституции, взаимопревращения между ВФ и значением слова. Эти отношения строятся по принципу большее/меньшее (меньшее становится большим и наоборот) и приводят к тому, что прямая номинация становится иносказательной, а исчерпывающая – неполной. Так порождается синекдохичность как вектор внутренней трансформации ПС. В зависимости от способа взаимодействия ВФ и значения, их взаимоналожения, выделяется несколько типов ПС. Среди них – ПС с одним доминирующим компонентом (слова центробежной семантики – синекдоха, метафора, центростремительной – метонимия) и двумя (метафора-синекдоха, метафора-метонимия, метонимия-синекдоха).

Синекдоха – наименее тропеизированное слово, поскольку здесь иносказательный образ объекта достигается лишь его индуктивным моделированием, которое осуществляется прямой номинацией.

ВФ синекдохи есть слово, обозначающее весь предмет, частью описания которого и является синекдоха. Сравни: винокуровское определение ПС как знака, который обозначает не только самый предмет, но также и слово, обычно данный предмет называющее⁴¹⁰. В случае синекдохи объект не просто разбит на куски⁴¹¹, каждый из этих кусков – в мощном потоке антропоморфизации – стремится стать целостным, самостоятельным объектом, возвыситься до уровня гоголевского «Носа» – гипертрофированной, утратившей свои семантические истоки и способность интерпретироваться двояко, синекдохи.

Семантически это движение можно представить как стремление поэта избавить свою синекдоху от ВФ, которое, впрочем, несколько ограничено денотативной семантикой слова. Сопоставления синекдохи с прямыми номинациями смежных объектов как раз и приводят к тому, что индуктивно представленный объект становится разнозначным им.

Так синекдоха перестаёт быть синекдохой: происходит поглощение целого объекта его частью. Последняя не отсылает к целому, а нейтрализует и замещает его. Таким образом, синекдохой моделируется объект центробежной динамики, безудержно расширяющийся и стремящийся достичь границ локализации своего исконного вместилища.

Однословная метафора, не осложнённая ни синекдохической фокусировкой, ни метонимической мотивацией – следствие того, что человек «вынужден смотреть на вещи по-орлиному зорко и объясняться мгновенными... озарениями. Это и есть поэзия. Метафоризм – стенография большой личности, скоропись её духа»⁴¹². В условиях скорописи действительно нет возможности описывать метонимически структурированное пространство или совмещать узуальную номинацию объекта с метафорическим обозначением

---

⁴¹⁰ *Винокур Г.О.* Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. – М., 1990. – С. 327.

⁴¹¹ *Якобсон Р.* Работы по поэтике. – М., 1987. – С. 334.

⁴¹² *Пастернак Б.Л.* Об искусстве: Охранная грамота и заметки о художественном творчестве. – М., 1990. – С. 116.

его части. Времени остается лишь на то, чтобы назвать «выполненный восприятием объект»⁴¹³.

ВФ слова-названия мгновенного восприятия является его (слова) денотативное значение, сквозь призму которого, как сквозь трафарет, виден текстовый денотат слова. Воспринимается этот денотат в редуцированном виде – настолько, насколько позволяет онтологическая конфигурация прямого значения. Поэтому данный тип ПС также синекдохичен: он моделирует объект, денотатом которого оказывается признак, присущий лишь пересечению двух денотатов. То есть объект, порождаемый семантической структурой ПС метафоры, не является двуликим. Исходный объект в контексте не бинарной, но однословной метафоры становится лишь истоком, на основе которого образуется новый объект.

Так ВФ ПС-метафоры не поглощается значением, как в случае синекдохи, но само становится значением слова. Как отмечала В.Н. Телия, «всякая метафора проходит через стадию образности..., но образно-ассоциативный комплекс, сыграв роль фильтра (или трафарета), может уйти во внутреннюю форму языкового средства, а может приобрести статус художественного изображения мира – его инобытия»⁴¹⁴.

Если ПС-синекдоха стремится перестать быть синекдохой, то метафора, наоборот, стремится к синекдохическому исходу. ПС-метонимия также ориентирована на синекдоху: это синекдоха наоборот. Если структура последней моделирует динамический переход к целому, то семантика метонимии предполагает обратный путь – от целого к части. Поэтому слово, становясь в поэтическом контексте метонимией, начинает обозначать не только что-то смежное своему общеязыковому денотату, но и что-то меньшее по своим масштабам.

В синекдохе наличествует стремление к нейтрализации ВФ слова, важно само его (слова) прямое значение, вобравшее в себя ВФ. В метонимии же важна ее ВФ, в которую фокусируется денотатив-

---

⁴¹³ Там же. – С. 297.

⁴¹⁴ Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира. – В кн.: Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 196.

ное значение слова, в результате чего моделируется объект центростремительной динамики.

Метонимически образ мира воплощает в себе один из принципов поэтического мировидения – передачу атмосферы бытия, «той окружающей среды, охватывающей формы, куда погружены и где не тонут отдельные описанные предметы»⁴¹⁵. Поэт писал о том, что мы видим не предметы, а колышущийся занавес, их закрывающий⁴¹⁶. Семантическая структура ПС-метонимии как раз и моделирует такое бытие, в котором функцию занавеса выполняют слова, не соотносящиеся с «точечными» денотатами, но обозначающие состояния природной среды: эти явления и называются поэтом – как то, что по закону априорной синекдохизации доступно непосредственному восприятию. «Предметы за занавесом» угадываются благодаря ВФ метонимии, а метонимический перенос в целом, объединяющий обозначаемое и его смысл, становится приёмом создания «движения и трепета» бытия.

Метафора-синекдоха – результат тотальной синекдохизации мира, «когда любая на выбор (подробность) годится в свидетельство состояния, которым охвачена вся переместившаяся действительность»⁴¹⁷. Данный тип ПС порождается в контексте, в котором с прямой номинацией объекта соседствуют экспликации случайных, не имманентных для данного денотата апперцептивных представлений, ассоциаций, сопряженных с осмыслением взаимосвязи обозначаемого с другими явлениями действительности.

Когда одно и то же обозначающее соотносится с миром денотатов посредством двух одновременно действующих механизмов – как метафоры, так и метонимии, то такой эстетический знак одновременно оказывается и самим собой, и своей формой, и своим содержанием.

---

⁴¹⁵ Пастернак Б.Л. Об искусстве: Охранная грамота и заметки о художественном творчестве. – М., 1990. – С. 364.

⁴¹⁶ Иванов Вяч. Вс. Колыхающийся занавес. Из записок о Пастернаке и изобразительном искусстве. – В кн.: Мир Пастернака. – М., 1989. – С. 56.

⁴¹⁷ Пастернак Б.Л. Охранная грамота. – В кн.: Избранное. – М., 1985. – С. 174.

Метафора-метонимия как тип ПС обозначает два объекта, становящихся подобными по причине их пространственной смежности. Ономаσιологическая структура метафоры-метонимии чрезвычайно усложнена, характеризуется высокой степенью функциональной транспозиции (обратимости) компонентов словной структуры. Последняя образуется в результате взаимоналожения двух семантических моделей мира, в одной из которых (метафора) ВФ являет прямое значение обозначающего, а в другом (метонимия) – тот объект, который метонимически обозначен и апостериори угадывается за словом. Итак, метафора-метонимия моделирует поэтический объект, внутренне зеркальный по своей структуре. Структура данного объекта подобна двум зеркалам, отражающим друг друга и создающим бесконечную перспективу отражений.

Если однословная метафора – результат свертывания бинарной (метафоры-синекдохи), то **метонимия-синекдоха** – это материализация, развёртывание механизма синекдохизации, который определяется как стремление части (обозначаемого ПС-синекдохи) к поглощению своего целого (ВФ синекдохи). Этот процесс развёртывается в метонимически организованном пространстве, в котором в отношении синекдохизации вступают объекты, оказавшиеся смежными в авторской модели мира. Метонимия-синекдоха, эта миропорождающая модель, компоненты которой взаимообратимы, создается соположением двух обозначающих разномасштабные объекты слов. Одно из этих слов стремится перестать быть синекдохой (функция которой была ему приписана семантикой конструкции творительного сравнения). Оно моделирует объект, расширяющийся до границ объекта, который, в свою очередь, моделируется словом, стремящимся стать синекдохой.

Каждый из компонентов является ВФ другого, порождая в итоге объект, в котором целое стремится к воплощению в какую-то из своих частей, а часть становится универсальным образом всего целого. Метафора-синекдоха моделирует тот ракурс мировидения, когда в поле зрения поэта оказывается лишь один – ближайший предмет, за которым сразу предстаёт бесконечное пространство⁴¹⁸.

⁴¹⁸ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 185.

Структура поэтической модели мира

ПММ в любом национальном языке сохраняет универсальные принципы своей структуры, которые лишь подвергаются вариативным трансформациям – в зависимости от семантического, стилистического и образного потенциала языка. В основе ПММ лежат семантические версии (образы) естественных предметов и явлений, возникшие как результат действия свойственных поэту способов структурирования мира. Модель появляется из взаимопритяжения сходных образов объектов.

Так исподволь зарождается семантическая доминанта, односторонним и вполне определенным образом формирующая поэтическую модель мира. И так достигается цель поэта, а она, по В. Гумбольдту, состоит в том, чтобы «превратить колоссальную массу отдельных, отрывочных явлений в нерасторжимое единство и организованное целое»⁴¹⁹. Об этом же есть и у Г. Гегеля: «Всё, что избирает поэзия, она представляет как замкнутую внутри себя и поэтому самостоятельную целостность»⁴²⁰. Формулировки «неосторожное единство», «замкнутая целостность» как раз и характеризуют конститутивное структурное свойство ПММ: последнюю можно определить как мир всеединства.

Мир всеединства, по Вл. Соловьеву, – это материя, которая «максимально реализовала свойственное ей многообразие и вместе с тем одухотворилась, прониклась началом единства... Это многообразие, объединённое в единое целое»⁴²¹.

Образно поэтический мир всеединства можно представить в виде замкнутого круга. Ср.: поэзия – это «замкнутый круг... чувствований, называемых объектами действительности»; «Поэт, из какого бы объекта он ни исходил, всегда стремится к тому, чтобы ... обнимать в полноте весь круг родственных с ним явлений..., связывая воедино целый мир явлений»⁴²².

⁴¹⁹ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М., 1986. – С. 170.

⁴²⁰ Гегель Г.В.Ф. Эстетика. – М., 1971. – С. 356.

⁴²¹ Соловьев Вл. Лекции по истории философии. – *Вопр. филос.* – 1989. – № 6. – С. 62–63.

⁴²² Гумбольдт В. Указ. работа. – С. 174.

«Родственные явления», составляющие замкнутый круг поэтической модели, следует интерпретировать в том смысле, что в ПММ в отдельных ее частях «раскрывается и изображается одно основополагающее определение, возвещающее о себе как о всеохватывающем единстве, связующем целостность всего особенного»⁴²³, понимая под «основополагающим определением» наличие четко очерченного (монологического, по М.М. Бахтину) воззрения на мир, которое экстраполируется на отдельные элементы материи, являясь единым и единственным способом их восприятия и понимания. Поэзия, писал А.А. Потебня, заменяет множество восприятий единством представления⁴²⁴. Поэтому поэзия возникает с синекдохи – с моделирования индуктивного образа любого объекта; продолжается же она тогда, когда данному объекту ставится в соответствие другой объект, и их индуктивные образы – несмотря на онтологические различия объектов – репрезентируют единый, априорный им обоим, способ их словесного воплощения. «Мало... чтобы предмет был остро (т.е. индуктивно – Ю.Л.) и необычно увиден», – писал А.П. Чудаков. Надо, чтобы создалось «вещное поле как условие единства художественного мира», где каждый предмет был бы включен во всеобъемлющую целостность. Поэтический объект поэтому – продолжает исследователь, – это, прежде всего, элемент системы, который выражает некое единое начало, «а уж потом – нечто, изображающее внеположенные художественной системе явления»⁴²⁵.

Итак, ПММ моделируется путём однотипного обозначения определённой совокупности объектов; это набор денотатов, относительное множество и онтологические различия которых нейтрализованы единым принципом их восприятия и вербального моделирования; это одно и то же, увиденное в разных объектах, или это разные объекты, увиденные в едином ракурсе, сквозь одну и ту же семантическую призму. Как писал Пастернак, миру, который он

---

⁴²³ Гегель Г.В.Ф. Указ. работа. – С. 366.

⁴²⁴ Потебня А.А. Мысль и язык. – Харьков, 1892. – С. 203.

⁴²⁵ Чудаков А.П. Предметный мир литературы. – С. 263, 269.

построил, «мешает развалиться сила сцепления, заключающаяся в сквозной образности всех его частиц»⁴²⁶.

Определение ПММ включает в себя два аспекта – онтологический и гносеологический: **что** – то сходное (одинаковое), что выделяется в различных объектах (или приписывается им) и **как** – ракурс, принцип, призма мировидения. Способ их соотношения в конкретной модели обуславливает ее структуру, определяя то, как именно следует понимать порождающее ядро ПММ («основополагающее определение»). Преобладание гносеологического компонента означает, что это «определение» воссоздаётся лишь на мета-языковом уровне – речь идёт о некоторой идее мира, которая существует в совокупности метонимически связанных индуктивных образов. Онтологическая ориентация ПММ подразумевает локализацию ее порождающего ядра на собственно языковом уровне – речь идёт об образе определённой конфигурации, которым поэт «насыщает» вокруг себя мир, что обуславливает метафорическую связанность индуктивных образов внутри ПММ.

Таким образом, ПММ – это совокупность поэтических объектов (которые восходят к различным денотатам), охваченных единым принципом мировидения. Два вида бытия этого принципа – «физический» и «метафорический» – обуславливают существование двух типов ПММ – метафорический (идея мира «сгущена» в словесный образ, вписываемый в различные объекты) и метонимической (идея мира реализуется в ряде метонимически связанных образов). В первом доминирует идея поэтической модели как набора ключевых слов: образ-метафоризатор редуцирует различные денотаты к семантически сходным образам; во втором – идея многоликого мира, каждый элемент которого расслаивается на ряд взаимосмежных объектов, что расширяет пространство его бытования.

ПММ метафорической структуры. В основе ПММ лежит образ-метафоризатор как «постоянное сказуемое к переменчивым подлежащим»⁴²⁷. Конфигурация ракурса мировидения (**как**) совпадает здесь с тем, **что** видится поэту в каждом объекте метафориза-

⁴²⁶ Пастернак Б.Л. Охранная грамота. – М., 1985. – С. 194.

⁴²⁷ Потебня А.А. Из записок по теории словесности. – Харьков, 1905. – С. 314.

ции, и **что** однозначно задаёт возможные ассоциации. Повторяясь в различных предметах, образ-метафоризатор связывает их воедино, в замкнутый, с единой исходной точкой, мир, состоящий из семантически сходных образов.

ПММ метонимической структуры. Если метафорическая модель образуется наложением онтологического компонента (опорного образа) на гносеологический (способ мировидения), то метонимическая структура детерминирована гносеологически – не тем, что уже зафиксировано в языковой семантике, но тем, что предшествует языку и превосходит его. При порождении метонимической модели мира художественное познание, осуществляемое в индивидуальных ассоциациях, не сдерживается онтологическими барьером – и замыкается заданными априори образами-метафоризаторами: в метонимической модели властвует лишь некий принцип мировидения – семантическая призма, включающая при столкновении с определенными объектами механизм вписывания в картину действительного мира целого вороха ассоциаций, мотивов и образов.

Если структуру метафорических моделей мира определяет соотношение между одним (несколькими сходными) ключевым словом и потенциально безграничным числом денотатов, в результате чего многообразие реального, к примеру, пейзажа сводится к нескольким универсальным образам, то в метонимической модели количество индуктивных образов «на выходе» значительно превышает число объектов моделирования «на входе».

Поэтический язык

В конкретных национально-языковых реализациях ПЯ наблюдается динамическое равновесие между универсальным механизмом развертывания ПЯ и способом обозначения его (языка) внутренней формы. Данный способ определяется как образными традиционно-поэтическими и идиостилевыми приоритетами (сте-

реотипами), так и лексико-семантическими (синонимическими, метафорико-метонимическими) ресурсами данного национально-го языка.

Концепция ПЯ вырастает из концепции ПММ, а именно: ПММ, интерпретированная в динамическом, деятельностном аспекте, и есть ПЯ. И наоборот, ПЯ, воспринятый статично, в виде замкнутого и неподвижного «круга», есть ПММ.

Таким образом – онтологически – истолкованный ПЯ может быть определен как «определенное мирозерцание»⁴²⁸, как «замкнутый словесно-идеологический кругозор»⁴²⁹, наконец, как «вторичная моделирующая система, в основе которой лежит естественный язык»⁴³⁰.

ПЯ – вторичная моделирующая система с «онтологическими притязаниями, которая характеризуется определенной познавательной мощностью. По этому поводу Б.А. Успенский и Ю.М. Лотман писали, что языки культуры должны обладать двумя свойствами: способностью описывать максимально широкий круг объектов, объявляя при этом остальные несуществующими, и системностью как инструментом воздействия на аморфную стихию»⁴³¹. Данные функции предполагают некоторые структурные черты ПЯ, а именно: наличие в нем единого центра – транслятора смыслов и способность к саморазвитию. Подобный взгляд на ПЯ (кодирующий механизм с функцией создания поэтического мира всеединства) означает его трактовку, отличную от методов осознания поэтического языка в современной лингвистической поэтике. Там концепция ПЯ строится «снизу» – исходя из свойства языковых единиц, которым приписывается статус поэтических.

Именно в русле такого подхода и возможен вопрос: «Чем отличается в целом ПЯ XX века от ПЯ XIX века?»⁴³². Если же поставить

---

⁴²⁸ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 66.

⁴²⁹ Бахтин М.М. Слово в поэзии и прозе – *Вопр. литер.*, 1972, № 6. – С. 76.

⁴³⁰ Лотман Ю.М. Структура художественного текста... – М., 1970. – С. 49.

⁴³¹ Успенский Б., Лотман Ю. О семиотическом механизме культуры. – В кн.: Труды по знаковым системам. – Тарту, 1971, Вып. 5. – С. 158–159.

⁴³² Ковтунова И. Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX веке. – В кн.: Очерки истории языка русской поэзии. – М., 1990. – С. 7.

вопрос иначе: что такое ПЯ? – тогда и факт эволюции поэтического словника, фонограмматических особенностей поэтической речи окажется не релевантным, и не все образные, выразительные средства языка, а также слова-интенционалы войдут в состав ПЯ, и вообще, значимым для определения ПЯ выявится поиск семантического ядра ПЯ, производным от которого будет степень его (ПЯ) «онтологических притязаний».

Всё это, вкуче с определением ПЯ как определенного мирозерцания и способа сочетания мыслей, означает, что истолкование ПЯ осуществляется через включение его в методологически адекватную ему «гумбольдтовскую парадигму языка», в которой последний понимается как развивающийся по своим внутренним законам интеллектуальный феномен: «не столько проявление сознательного творчества, сколько непроизвольное истечение самого духа».

Первым шагом в исследовании ПЯ в таком парадигмальном контексте будет следующая дефиниция: ПЯ – язык с единой ВФ. По отношению к ПЯ возврат к этой идее означает уход от попыток интерпретации переливов индивидуальных смыслов и поиск некоей, априорно предполагаемой, стабильной основы ПЯ – его семантических универсалий, инвариантов⁴³³ того, по Гумбольдту, сквозного формирующего начала в языке, которое пронизывает все его элементы. Имея в виду различные способы соотношения онтологического и гносеологического в ПММ, наличие двух типов моделей – центростремительной семантики (метафорическая) и центробежной семантики (метонимическая), в качестве ВФ ПЯ могут выступать и «ключевая метафора», которая задает определенную амплитуду уподоблений и аналогий, порождая частные метафоры, и некое «целое», которое находит себе «выражение», но не имеет своей постоянной «внешности». В любом случае речь идет о знаковом аналоге того «основополагающего определения», которое объединяет все компоненты ПММ.

---

⁴³³ Библихин В.В. Принцип внутренней формы и редукционизм в семантических исследованиях. – В кн.: Языковая политика и теория языка. – М., 1978. – С. 2–64.

Понятие ВФ и воплощает идею ПЯ как организованного целого, представляя каждую отдельную номинацию как часть процесса языкового истолкования мира. Таким образом, ВФ языка – не результат суммирования сходных индуктивных образов, но важнейший атрибут ПЯ в целом, проявляющийся в виде одинакового колорита, какой ... приобретают названия разнороднейших предметов.

Единицы ПЯ – это ряд ПС (синекдохических номинаций), ВФ которых (как форма преобразования действительных объектов) либо метафорически, либо метонимически восходят к ВФ ПЯ.

Из факта «кружения» единиц ПЯ вокруг единой ВФ вытекает, что ПЯ – это безальтернативный язык, язык как средство воплощения поэтического типа мировидения. Последнее является монологическим по своей природе, определяясь М.М. Бахтиным как установка на единство в многообразии, соответственно создание ПЯ, писал учёный, «требует единообразия всех слов, приведения их к одному знаменателю»⁴³⁴.

Таким образом, ПЯ – это язык с неизменной ВФ при высокой степени синонимичности (взаимозаменяемости) своих единиц.

Взаимозаменяемость единиц ПЯ оборачивается их взаимной нейтрализацией. Важным для поэта оказывается одно: чтобы в каждой последующей номинации – ради сохранения единства поэтического мировидения – воспроизводилась бы ВФ ПЯ в целом: и наоборот, в контексте всей ПММ относительно безразлично, какой именно денотат будет трансформирован ключевым словом. Поэтому ПЯ сквозь призму своей ВФ – это «поэзия без стихотворения»⁴³⁵, это больше идея языка как моделирующей системы (его онтологическая предрасположенность), нежели как совокупность своих средств. Как писал О. Мандельштам, «стихотворение живо внутренним образом... Ни одного слова ещё нет, а стихотворение уже

---

⁴³⁴ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972. – С. 341.

⁴³⁵ Косиков Г.К. Комментарии. – В кн.: Барт Р. Избранные работы. – М., 1989. – С. 593.

звучит»⁴³⁶. В некотором смысле, поэзию читать не надо: достаточно одного слова, чтобы понять, что будет дальше. В поэзии, отмечал В. Гумбольдт, «первое слово уже предполагает существование всего языка»⁴³⁷. Так прочерчивается линия от ВФ слова к ВФ языка: первотолчком, открывающим ПЯ, служит творение слова, в котором фиксируется идея языка в целом (наличествует как бы инстинктивное предчувствие всей системы), а далее целью ПЯ становится его саморазвитие. Итак, ПЯ – это саморазвивающаяся из своей ВФ система, это язык, содержащий в себе свой внутренний принцип развития.

Источник самовозрастания ПЯ кроется в диалектике «первого слова», которое, с одной стороны, является сгустком авторских интенций, а с другой – содержит в себе зародыш дальнейшего развития языка, логику его образной траектории в моделировании ПММ.

Развёртывание определённой ПММ как процесс самовозрастания ПЯ сопровождается всё усиливающейся «слепотой» поэта: его сознание начинает определяться не бытием, но языком, подобно Музе, диктующим стихотворение (И. Бродский).

Начальные единицы соответствующего ПЯ, ещё несущие на себе отпечаток авторской интенции и имеющие своим истоком впечатления от созерцания действительного мира, созданы механизмом метафоры-метонимии, предполагающим наличие отчетливой онтологической мотивировки для создания метафоры. Однако затем детерминирующим становится уже не реальная смежность объектов, вызывающая их взаимопроникновение, но и метонимический потенциал языка как самостоятельной символической организации, которая навязывает индивиду образ мышления и восприятия действительности. Таким образом, саморазвитие ПЯ «от первого слова» связано с изменением роли его единиц: от функции средств фиксации индивидуальных ассоциаций к функции объективных алгоритмов воплощения внутренней формы ПЯ.

---

⁴³⁶ Мандельштам О.Э. Слово и культура. – В кн.: Сочинения в 2-х томах. – Т. 2. – М., 1990. – С. 171.

⁴³⁷ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 314.

СПЕЦИФИКА ВНЕШНЕТЕМПОРАЛЬНОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ СТИЛЕ (ТЕКСТЕ)

Языковая временная семантика в лингвистических исследованиях последних лет рассматривается как широкая сфера языковых / речевых отношений различных категорий (грамматических, функционально-семантических, текстовых), т. е. как область пересечения, иногда концентрации аспектуального, собственно темпорального, таксисного и другого аналогичного содержания, где центральное место принадлежит глагольной единице, потенциальные функциональные возможности которой и определяют указанные грамматические отношения.

Наряду с этим языковая грамматическая темпоральная организация русского и украинского языков имеет определённые отличия, выраженные разным набором глагольных грамматических форм для передачи прежде всего внешнетемпорального (грамматического) содержания. Указанные различия обуславливают и определённую специфику функционирования таких форм в структуре как русского, так и украинского художественных текстов и как следствие – различные функциональные особенности грамматической темпоральной системы таких языков. В этом случае речь идет, в первую очередь, об особенностях выражения различного как внешнетемпорального, так и внутритемпорального содержания в передаче тех или иных временных отношений.

Более широкая формальная система будущего и прошедшего грамматических темпоральных форм украинского языка обуславливает, соответственно, большие функциональные возможности в

выражении аспектуальной длительности, кратности, а также – таксисных темпоральных отношений, что ярко выражается в функциональной сфере речи персонажей, в меньшей степени – авторского повествования.

Ср. в русском языке:

*Но, должно быть, в прекрасную пору, когда ещё цветение и увядание деревьев **говорило** мне не о жизни и смерти, но о конце и начале учебного года! Оно **голубело** тогда, это **дерево**, оно **было** голубое и стройное, и кровь, в которой тогда **думалось**, что не жидкость она, а свет, **зарёю всходили над ним** и всему пейзажу пясти **придавала** сходство с японской акварелью (Ю. Олеша).*

В абзаце реализуются одновременные таксисные отношения при функционировании глагольных форм прошедшего времени несовершенного вида *говорило, думалось, придавала* и т. п.

И в аспекте будущего:

*«... комната где-то и будет **ярко освещена** солнцем, **будет** сунит таз **стоять** у окна, в тазу **будет плясать** окно, и Валя **будет мыться** над тазом, **сверкая** как сазан, **плескаться, перебирать** клавиатуру воды... (Ю. Олеша).*

Семантику одновременности в русском языке реализуют прежде всего аналитические формы будущего времени *будет стоять, будет мыться* и т.д.

В украинском языке, как в рассмотренном контексте, длительные одновременные отношения передаются как аналитическими, так и синтетическими глагольными единицами в будущем временном плане.

Ср.:

- *Тихо, тихо! **Ходитимемо** в трьох лісках.*
- *До трьох лісків! До трьох лісків! – кричали діти разом, а Слава з утіхи аж забув плакати.*
- *А де одолян? – нагадав Ромка.*
- *Вже у трьох лісках **будемо** одоляну **шукати** (Н. Кобринська).*

Здесь грамматическую семантику будущего времени формируют соответствующие глагольные формы *ходитимемо* и *будемо шукати*, обуславливающие длительные одновременные действия.

При этом их соотношение детерминирует различные во временном протекании действия: более длительное *ходитимемо* и менее длительное *будемо шукати*.

Что касается прошедшего внешневременного аспекта, то здесь в украинском художественном тексте функционируют наряду с формами собственно прошедшего – лингвистические единицы давно-прошедшего темпорального плана.

См.:

– *Іване! Іване! Де твої діти, де? Ти хвалився, що не даси їх до хлопської школи! Іване! Іване! Ти вже на правді, а ми на кривді, але... але... Ти хтїв був їх мати міністрами...* (С. Ковалів).

Здесь прошедшие одновременные действия передаются глагольными формами как собственно прошедшего *хвалився*, так и давнопрошедшего времени аспектов *хтїв бути*.

Вместе с тем функциональные возможности внешнетемпоральных отношений прошедшего, настоящего и будущего авторского повествования и речи персонажей в русскоязычном художественном тексте потенциально содержат все временные характеристики рассмотренных лингвистических форм, и в зависимости от контекста глагольная временная система прошедшего и будущего, равно как и настоящего, реализует то или иное темпоральное грамматическое содержание, что подчёркивает практически адекватная переводимость глагольных языковых единиц.

В структурно-системной организации художественного текста функционирующие глагольные формы обуславливают сложные, не всегда равноправные взаимоотношения такого типа категорий и отдельных категориальных значений, а также одновременно с этим специфические текстовые грамматические трансформации, возникающие вследствие таких отношений. Специфика указанных трансформаций в текстах близкородственных языков, где отличия временных значений не настолько очевидны, как, например, в типологически различных языковых системах, состоит прежде всего в особенностях тех лингвистических элементов, с которыми глагольные единицы вступают в текстовое взаимодействие, формируя грамматику-контекстуальные комплексы.

Для русского и украинского языков грамматическая трансформация определяет, прежде всего, формирование грамматико-контекстуальных комплексов с детерминантами иного внешнетемпорального значения, образуя специфическую оппозицию, например: *Вчера иду...*, нивелируемую на уровне общего смысла такого контекста (переход формы настоящего времени *иду* в аспект прошедшего). Это своего рода стереотипные конструкции языковой грамматической транспозиции.

С позиций функциональной грамматики в таком случае речь идет о взаимодействии языковых элементов различных языковых уровней, которые формируют функционально-семантическую категорию и соответственно функционально-семантическое поле темпоральности.

В русской и украинской текстовой организации внешнетемпоральная транспозиция обуславливается следующими факторами:

1) комплексным взаимодействием глагольных единиц на уровне макроконтекста (ССЦ, абзац), что расширяет их функциональные возможности за счёт потенциальных реализаций других функционально-семантических категорий (таксис, аспектуальность, локализованность / нелокализованность и под.).

2) спецификой художественного текста как комплексной организации авторского повествования, речи персонажа и несобственно-прямой речи.

Особенности временных грамматических текстовых транспозиций в художественном тексте рассматриваемых языков наиболее ярко выявляются при взаимодействии глагольных единиц различных типов в изложении событий, представленных в художественном тексте: авторского повествования и речи персонажей. Но в таком случае происходит не собственно перенос во времени, а скорее выявляется концентрация внимания на определённой ситуации, которая является более актуальной в восприятии эпизода общей повествовательной системы художественного текста.

См.:

Червь дремал, он не шевелился в разжатой руке. От него пахло рекою, свежей зеленью и травой, он был небольшой, чистый

и короткий, наверно, детёныш ещё, может быть уже худой маленький старик.

– Отчего ты живешь? – говорил Егор. – Хорошо тебе или нет? (А.Платонов).

В рассматриваемом абзаце глагольная внешнетемпоральная система презенсного аспекта речи персонажа *живешь* под влиянием претериальной системы речи автора (*дремал, не шевелился, пахло, говорил*) трансформируется и переходит в аспект прошедшего.

И в украинском художественном тексте:

Папуа цікаво розглядався, ідучи, а після запитав:

– Чому тут, над дорогою, не ростуть ніякі інші дерева, лише ті лапаті каштани?

– Тому, – відповів професор, – що ми так хочемо, щоб росли каштани, а не інші дерева, бо каштани гарні і дають найкращу тінь (О. Гаврилук).

Здесь также репрезентируются аналогичные временные трансформации – переход презенсных форм речи персонажа в прошедший временной план авторского повествования.

Если же в речи персонажей функционируют формы прошедшего времени, то под влиянием претериальной системы речи автора происходит темпоральный разрыв и формируются ретроспективные, перфектные отношения. Ср.:

– Слушайте, Эйхбаум, – сказал Король, – когда вы умрете, я похороню вас на первом еврейском кладбище у самых ворот. Я поставлю вам, Эйхбаум, памятник из розового мрамора. Я сделаю вас старостой Бродской синагоги. Я брошу специальность, Эйхбаум, и поступлю в ваше дело компаньоном. У нас будет двести коров, Эйхбаум. Я убью всех молочников, кроме вас. Вор не будет ходить по той улице, на которой вы будете жить. Я выстрою вам дачу на шестнадцатой станции..., Эйхбаум, вы ведь не были в молодости раввином. Кто подделал завещание, не будем говорить громко. И зять у вас будет Король, не сопляк, а Король, Эйхбаум ... (И. Бабель).

В рассматриваемом контексте под влиянием формы *сказал* авторского повествования глагольная система собственно прошедшего времени *были* и *подделал* переходят в план давнопрошедшего.

В украинском языке прослеживаются аналогичные внешнетемпоральные трансформации:

Наїхала поліція, пішли допити, там же на тирлі. Допит обвинуваченого був не довгий: він спокійно одмовив, що це він порізав прикажчика, а коли його спитали: «За віщо? – він одмовив просто:

– А як же? Він казав, що дасть гроші, і не дав... Він повинен був дати... (О. Гончар).

Здесь взаимодействие глаголов прошедшего времени речи автора и речи персонажей обуславливает также аналогичную транспозицию в аспект давнопрошедшего, что подчёркивает и функционирующая форма давнопрошедшего времени, семантика которой обобщает события речи персонажей.

Вместе с тем наличие глагольных единиц давнопрошедшего времени как в речи персонажей, так и в авторском повествовании детерминирует и определённую специфику указанной транспозиции в украинском художественном тексте. Так, функционирование глаголов давнопрошедшего времени в авторском повествовании и в речи персонажей как правило релятивно, т.е. соотносимо с глагольной единицей собственно прошедшего внешнетемпорального аспекта. Поэтому при наличии глагольных единиц давнопрошедшего темпорального аспекта в двух типах речи своеобразно устанавливаются последовательные во времени отношения собственно прошедшего и давнопрошедшего, где плюсквамперфектную ориентацию имеет временной аспект речи персонажа, а собственно перфектную – авторское повествование. Ср.:

Дід частенько сідав був, та не поїхав через сімейні обставили (А. Малишко).

Речь персонажа в рассмотренном контексте для украинского художественного текста определяет более поздние временные отношения, нежели внешнетемпоральная система авторского повествования: сначала *зібрався був, не поїхав*, а потом уже *сідав був и говорив*.

При наличии локализатора в системе художественного текста его семантика также влияет на грамматические темпоральные транспозиции, как и в языковой системе, что наиболее ярко репрезентируется в художественных текстах эпической претерериальной

системы. Здесь реализация семантики локализованности способствует, с одной стороны, выдвигению в темпоральном восприятии на первый план повествовательных событий того или иного типа речи.

Так, в результате взаимодействия претериальной системы речи автора и системы настоящего речи персонажа, актуализированной в презенсном аспекта при функционировании детерминантов локализованности соответствующего значения, в структуре русского языка художественного текста семантика настоящего усиливается, что предопределяет транспозицию прошедшего авторского повествования в план настоящего речи персонажей.

Вместе с тем такого типа глагольная транспозиция в украинском художественном тексте имеет и определенную специфику, детерминированную особенностями функционирования таких грамматических трансформаторов, как наречия времени *сейчас*, *теперь* в русском языке и *тепер*, *зараз* в украинском языке, которые являются ведущими формами передачи презенсной актуализации.

Если обратиться к установлению соотношения внешнетемпоральных значений указанных лексических единиц двух близкородственных языков, то русской лексеме *сейчас* соответствует в украинском языке две – *зараз* и *тепер*, в то время как наречию *теперь* – одно слово *тепер*. Это, на первый взгляд, несущественное различие в значении языковой системы для общего смысла высказывания с указанными детерминантами обоих языков играет важную роль при установлении грамматических трансформаций, возникающих в процессе передачи авторского повествования и речи персонажей в художественном тексте.

Так, общая семантика формы *теперь*, как справедливо, отмечает И.А. Мельчук, в русском языке дифференцируется в семантике как актуального настоящего, так и неактуального (узуального) настоящего⁴³⁸, в то время как в украинском языке такая узуальная и неузуальная дифференциация не представлена.

Это, в свою очередь, и обуславливает различную актуализацию момента условного настоящего мира художественной действи-

---

⁴³⁸ Мельчук И.А. Русский язык в модели «смысл – текст». – Москва–Вена, 1995. – С.70–76.

тельности, а, следовательно, репрезентирует в какой-то мере специфику внешнетемпоральной транспозиции речи персонажа и авторского повествования в русских и украинских художественных текстах при наличии указанных локализаторов.

Ср. в русском языке:

*Чтобы не думать дальше, мужик **ложился** вниз и как можно скорее **плакал** льющимися неотложными слезами.*

*– Будет тебе **сокрушаться-то**, мещанин! – **останавливал** его Сафонов. – Ведь здесь ребёнок **теперь живет** иль ты **не знаешь!**, [что] скорбь у нас должна быть аннулирована! (А. Платонов).*

В рассмотренном контексте конструкции с детерминантом *теперь живет, теперь не знаешь* формируют узуальные действия персонажа и, как результат, не усиливают момент речи персонажа, что обуславливает временную транспозицию этого типа речи в план прошедшего авторского повествования.

Или:

*Чиклин здесь **вышел** на высокое крыльцо и **потушил** фонарь активиста – ночь и без керосина **была** светла от свежего снега.*

*– Хорошо вам **теперь**, товарищи? – **спросил** Чиклинъ*

*– Хорошо – сказали со всего оргдвора. – Мы ничего **теперь не чуем**, в нас один прах остался (есть **теперь**) (А.Платонов).*

Здесь при наличии детерминанта локализованности настоящего темпорального аспекта *теперь* собственно презенсная система речи персонажей усиливается, на ней актуализируется восприятие момента настоящего, и как следствие – частичная трансформация претериальной системы авторского повествования в план настоящего временного плана речи персонажей.

Ср., в украинском художественном тексте:

*– Мамо, мамо! Руки **болять**...*

*– А ноги як, **ти чуєш** ноги?*

*– Ні, мамо, **не чую**, боліли, а **зараз не чую**.*

*– Ну, одпочинем... Здіймай **черевики** (Д. Маркович).*

В рассмотренном контексте также прослеживаются аналогичные темпоральные отношения, но обусловленные функционированием детерминанта *зараз*, т.е. – частичный переход прошедшего

временного аспекта авторского повествования в презенсную систему речи персонажа.

Детерминант настоящего временного плана *тепер* украинского языка в функциональном аспекте значительно ограничен, поскольку именно в речи персонажей лишается ярко выраженной семантики актуализации момента речи, формируя скорее значение узуальности в условном настоящем мира художественной действительности, а следовательно, не трансформирует внешнетемпоральную систему авторского повествования, а присоединяет к ней речь персонажей, подчеркивая собственно прошедшее.

См.:

– *Дурний ти, – відказав Джон. – Розуміється, це хочуть робити. Тепер у нас в кожній іншій державі є яких по півмільйона людей, що нічого більше не роблять, лише вчаться убивати. Усього тепер є тридцять мільйонів людей, що вчаться це робити* (О.Гаврилюк).

Здесь сочетания глагольных единиц презенсного аспекта *є, не роблять, вчаться*, под влиянием детерминанта *тепер* частично теряют собственную актуализацию и переходят в аспект настоящего неактуального, а при сочетании с глагольной формой авторского повествования *відказав* выражают план собственно прошедшего текстового аспекта, формируя одновременные таксисные отношения.

Такая временная дифференциация подчёркивается и нормативным значением указанных детерминантов-локализаторов в текстах официально-делового стиля. Как указывают Л.М. Паламарь и Г.М. Кацавец, слова *тепер, зараз* имеют различное лексическое значение: *тепер* – выражает настоящее время, а *зараз* – характеризует момент разговора, речи, конкретное мгновение⁴³⁹.

Именно поэтому чаще функцию актуализатора настоящего вместо формы *тепер* наряду с формой *зараз* выполняет:

а) обстоятельство *вже*, которое в языковой системе представляет вместе с семантикой перфектности значение результативности в настоящем, актуализируя в таком случае презенсный аспект.

б) конструкции типа *оце + глагол настоящего времени, оце вже + глагол настоящего времени*.

⁴³⁹ Паламарь Л.М., Кацавец Г.М. Мова ділових паперів. – К., 1998. – С. 14.

в) реже – сочетание указанных выше конструкций с детерминантом *тепер*.

Эти лингвистические элементы реализуются в украинских художественных текстах, прежде всего, за счет более широкого введения, по сравнению с русскими художественными терминами, элементов разговорного стиля в языковую систему речи персонажей.

– *Може і оман є в нашім городі?* – **запитала** цікаво Ольга. – *В нашім городі є так багато всякого зілля.*

– *Чому ні! Он там у куті з великим листям, що так високо росте, що має великий жовтий цвіт.*

– *Так то оман?* – **дивувались** діти. – *Тоді було того так багато, а **тепер не є вже** якомсь.*

– **Вже** десь **має** втікати до другого городу (Н. Кобринська).

В данном контексте актуализируется момент настоящего речи персонажа вследствие функционирования внешнетемпоральной конструкции *вже має*, сочетающейся с глаголом настоящего времени *є*.

Или:

– **Розгорнула хустку і сказала:**

– **Оце йду робити** (С. Тудор).

Здесь семантика презенса речи персонажа актуализируется за счёт реализации указателя момента настоящего *оце*, подчеркивающего состояние в момент речи, что частично и обуславливает транспозицию прошедшего авторского повествования.

Следует также обратить внимание и на тот факт, что при сочетании детерминанта *тепер* с глагольными единицами настоящего времени, передающими психическое и физическое состояние, транспозиция авторского повествования в презенсный аспект всё же происходит, поскольку в этом случае усиливается восприятие состояния персонажа и указанный конкретизатор презенса выступает как взаимозаменяемый, синонимичный форме *зараз*. Ср., например, в предыдущем примере: *Ні, мамо, не чую, боліли, а **зараз не чую** // Ні, мамо, не чую, боліли, а **тепер не чую**.*

Естественно, что более ярко транспозиция системы прошедшего времени речи персонажа как в русском, так и в украинском

художественных текстах выявляется при наличии актуализаторов презенсного темпорального аспекта в двух типах речи. Ср., в русском художественном тексте:

Она и сейчас вся дрожала, эта тонкая девушка, с нежной внешностью, с волей закаленного бойца.

– Я даже **не знаю** его имени и **теперь не знаю**, хотя никогда не забуду его. Он всегда будет (и **есть**) передо мной, такой сильный, мужественный, прекрасный (Б.Полевой).

Здесь актуализация презенсного аспекта происходит вследствие реализации детерминантов *сейчас* и *теперь*, т.е. соответствующей внешнетемпоральной семантики в двух типах речи.

И в украинском художественном тексте:

– А ви не на весілля? – **казала** вона **тепер** до одного чоловіка, що **стояв** спертий на воротах.

– Там для мене нема місця.

– Та ви свої?

– Бути, та **не є**, замучили небіжечку сестру та **тепер беруть** уже другу (Н. Кобринська).

В этом контексте также происходит усиление презенсного аспекта при помощи локализаторов соответствующей семантики, приводящей к определенной транспозиции претериального аспекта авторского повествования.

При наличии показателя иного внешнетемпорального аспекта – прошедшего, будущего (в речи автора или в речи персонажа) как правило происходит временной разрыв и формируются проспективно-ретроспективные отношения в художественных текстах обоих языков.

См., для русского художественного текста:

– Дело очень просто, Магнус...ведь вы предупреждали (предупрежденным являюсь) Меня? **Завтра** мой Топпи **укладывает** чемоданы и я **еду** в Америку продолжать дело с консервами, – говорил я ему (Л. Андреев).

Здесь наличие детерминанта будущего внешнетемпорального плана *завтра* переводит презенсную временную организацию в аспект будущего по отношению к претериальной системе автор-

ского повествования, нивелирующего таким образом собственно текстовую транспозицию аналогичных форм в план прошедшего темпорального аспекта общей претериальной текстовой системы.

И в украинском художественном тексте:

Порались удвох на кухні. Марія допомагала. Магда казала:

– *Ти не журися (журиться), щось знайдемо. Йдемо завтра до Хани...* (С. Тудор).

В рассмотренном контексте также формируется темпоральный разрыв и выражаются проспективно-ретроспективные отношения, трансформирующие презенсную временную систему речи персонажа.

Реализация же конкретизатора прошедшего временного аспекта, формирующего претериальный грамматико-контекстуальный комплекс, обуславливает дополнительную внешнетемпоральную транспозицию презенсных форм речи персонажей в план не просто прошедшего, под влиянием претериальной системы авторского повествования, а в аспект давнопрошедшего временного плана, что характерно как для русского, так и украинского художественных текстов. См.:

– *«Или», – засмеялся Клаус. – Пусть это не патриотично, но я люблю и продукты, и питьё, сделанные в Америке или во Франции...*

– *Я приготовлю для вас ящик настоящих французских сардин. Они в оливковом масле, очень пряные. Масса фосфора... знаете, я вчера смотрю ваше досье...* (Ю. Семёнов).

Здесь грамматико-контекстуальный комплекс *вчера смотрю* речи персонажа в сочетании с глаголами прошедшего времени авторского повествования обуславливает грамматическую транспозицию презенсной системы в план не просто прошедшего, а давнопрошедшего временного аспекта.

И в украинском художественном тексте:

– *Бідолашна! Я **вчера** дивлюся на неї в прачечній: біда, тоненька така. Мабуть, з благородних... – глибокодумно **сказав** конокрад* (Д. Маркович).

Тут взаимодействие глаголов прошедшего времени речи персонажа с формой аналогичной языковой темпоральной семантики

авторского повествования обуславливает трансформацию презентной временной системы речи персонажа в аспект давнопрошедшего темпорального плана, т.е. *сказав* после того как *вчора дивився*.

Таким образом, внешнетемпоральная транспозиция в русском и украинском художественном текстах имеет определенную специфику, обусловленную особенностями семантики детерминантов-конкретизаторов, а также более широким включением в речь персонажей элементов разговорного стиля в украинском художественном тексте.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТИЛЕЙ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Реальная дифференциация языка, нашедшая отражение в выделении основных функциональных стилей, требует как изучения стилистически значимых средств различных языковых уровней, так и условий их употребления в иностилевом окружении. Для каждого функционального стиля существует своя система норм, которые могут сознательно или неосознанно нарушаться, заменяться нормами, характерными для другого функционального стиля. Намеренное нарушение норм того или иного стиля связано с иллюкативными целями говорящего.

Взаимодействие является объективным процессом, в котором участвуют все без исключения объекты действительности, оно имеет разнообразные формы проявления. Межстилевое взаимодействие наблюдается в различных видах современного искусства: музыке, изобразительном искусстве и т.п. Результатом его выступают не некие гибридные образования академического стиля с масскультом, традиционализмом и модерном, а стилистически выдержанные произведения с определенными культурными аллюзиями из других стилей, намеренно вводимые адресантом, автором, субъектом для эффективного общения с адресатом, эстетическим воздействием на него.

Для системы функциональных стилей существенную роль играет взаимодействие противопоставленных по своим признакам книжно-письменных и устно-разговорных языковых средств. Это глобальное противопоставление предполагает рассмотрение «близких, соотносительных, параллельных или синонимических

средств выражения более или менее однородного значения»⁴⁴⁰ с точки зрения их функциональной дифференциации.

Между стилями нет четких границ, как и между жанрами, типичными для того или иного функционального типа или стиля речи. Можно выделить ядро типичных языковых средств (лексических, синтаксических, словообразовательных) для того или иного стиля, отметить их специфику, однако границы между функциональными разновидностями речи размыты. Трудно установить четкие ряды синонимических средств, выступающих яркими маркерами разных типов речи.

Однако следует попытаться определить свое и чужое в каждом из типов речи, выявить черты, характерные и нехарактерные для языковых разновидностей, причины, обусловившие употребление последних в несвойственных им сферах речи.

Любое слово, оборот может войти в другой стиль, но с иной функцией информации, выразительности, образности, синонимичности, социального задания. Конечно, можно и нужно выделять ядро наиболее характерных языковых средств, а для некоторых стилей (официально-делового), жанров в пределах определенного стиля, наиболее эмоциональных, с наиболее повторимым языковым выражением»⁴⁴¹.

Совпадающие по форме единицы различных функциональных стилей не являются функционально тождественными, а различаются ролью и местом в их системах. Для каждого стиля характерен свой отбор лексики для определенного жанра, концентрация, частотность определенных лексем или тематических групп, сочетаемость лексем. Изменение лексической сочетаемости языковых единиц – естественный и неизбежный процесс, зависящий от непрерывного применения языка в самых разнообразных сферах жизни общества.

---

⁴⁴⁰ Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. – ВЯ, 1955, № 1. – С. 66.

⁴⁴¹ Брагина А.А. Роль нормы в речевом общении. – В кн.: «Русский язык и литература в общении народов мира» – М., 1990. – С. 38.

«Будучи средством общения людей, находящихся в разнообразных отношениях друг с другом, обращающихся друг к другу опять-таки в самых различных целях и с весьма неодинаковой «информацией», язык как бы приспосабливается (понятно, его приспосабливают люди, пользующиеся им) к наиболее полному и адекватному выражению этих различий. Типы речи различаются тем, чего в них не может быть из представляемых языком лексических и грамматических ресурсов»⁴⁴².

Для современных русского и украинского языков существенно прежде всего распределение языковых средств по трем основным сферам их применения. Функциональная дифференциация языка, предложенная Д.Н. Шмелевым и принятая многими лингвистами, включает в себя разговорную речь, художественную речь и «специальную» речь, куда входят такие функционально-речевые стили, как официально-деловой, газетно-информационный, научный и публицистический.

Характер использования языковых единиц в текстах официально-делового, научного стилей, ограниченных предписываемой формой изложения, при всем разнообразии содержащейся в них информации, отличается от функционирования их в речи художественной и разговорной, обладающих известной свободой в их выборе.

Распределение языковых средств в соответствии со сферами их употребления обусловлено их функционально-стилистической прикреплённостью. Ср. синонимический ряд *доллар – валюта – зелёный – бакс – капуста*, члены которого имеют четкую стилевую маркированность, функциональная нагруженность их сужается по нисходящей. Или: *В случаях выявления более 2% бактериологического брака (бомбажа) в одной партии консервов администрация магазина обязана прекратить реализацию консервов данной партии* («Санитарные правила для предприятий продовольственной торговли») и *Если в консервах обнаружен брак, их нельзя продавать* (разговорная речь). Существует несомненная обусловленность

---

⁴⁴² Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. – М., 1989. – С. 15.

оформления высказывания его темой, связанной с назначением данного высказывания.

Маркированными языковыми средствами выступают не только отдельные лексемы, но и словосочетания. Ср., выражение идентичного смысла – отношений possessивности – в разговорной художественной речи *братов мотоцикл // сусідчин півень* и в официально-деловом, научном и др. «строгих» стилях *мотоцикл брата // півень сусідки*. Притяжательные прилагательные являются сигналами стилистически окрашенных языковых средств, родительный принадлежности занимает господствующее положение в научном и деловом стилях. Или же стилистически нейтральное предложение *Самолёт садится* и его стилистический вариант книжной окраски, связанный с профессионально-деловыми потребностями речи: *Самолёт идёт на посадку // Українські підприємства витрачають на хабарі 5% середньорічних прибутків* (нейт.) и *Середній розмір витрат підприємств на хабарі в країнах колишнього СРСР становить 5,7%* (День, 11/XI – 1999 г.) (книжн.).

Каждый функциональный стиль языка располагает своими категориями ясности, красоты, точности, уместности, находящими вербальное выражение, законами чистоты свойственных ему жанров.

Функция оценки и стилевой организации текста выступает как основная в стилистической синонимике. Эмоциональное выражение оценки основывается на различной стилевой закреплённости маркированных синонимических слов (выше нейтрального: высокое, поэтическое, книжное, ниже нейтрального: разговорное, просторечное, жаргонное и др.), что является основанием положительной или отрицательной квалификации обозначаемого объекта, напр.: *недуг – болезнь – хворь // корективи – зміна*. Сочетаемость в тексте требует стилистического согласования слова с текстом, иначе происходит стилистическая транспозиция.

Переход из научного стиля в публицистический стиль, разговорную речь таких лексем, как *доминировать, синхронный, корреляция, аккумулировать // концентрувати, локальний, оптимальний, ліміт* и т.п., является причиной изменения лексической их сочетаемости, возможности функционирования в сложном тексте терми-

нологической лексики и разговорных слов, напр., в газетной речи сочетание финансовых терминов и разговорной лексики: Отличительными чертами *фиктивных импортных контрактов* являлись как раз *авансовые платежи*, которые за границу переводили «*фирмы-однодневки*», специально созданные для обхода ранее введенных ограничений (Изв., 25/III – 1999 г.) // Влада виявила цілковиту неспроможність провести будь-які *соціально-орієнтовані реформи*, та й просто *підтримувати порядок* у державі (Голос України, 12/X – 1999 г.).

Разговорная речь достаточно контрастно противопоставлена научному и официально-деловому стилям. С другой стороны, несомненно ее влияние на язык публицистики и язык художественной литературы. Наиболее ярко проявляется взаимодействие контрастных языковых стилей, напр., научного и обиходной речи, официально-делового и языка художественной литературы. Очевидна, напр., малая контрастность научного и официально-делового стиля в использовании предоставляемых языком лексических и грамматических ресурсов. Строгие сферы языка (научный, официально-деловой, публицистический стили) и нестрогие сферы (разговорная речь, художественная речь) по-разному соблюдают правила построения текста, дифференцированно относятся к нарушению этих правил.

Публицистика – это такая сфера языка, где могут своеобразно переплетаться и вступать во взаимодействие многие особенности научного и официально-делового стилей, с одной стороны, и разговорной речи и языка художественной литературы, с другой⁴⁴³.

Вероятно, только официально-деловой стиль не терпит нарушения канона. В других сферах языка отступления от канона, целесообразные или нет, возможны в той или иной степени. Существование определенного канона подтверждается именно тем, что в текстах того или иного стиля всегда легко различимы неканонические иносферные элементы.

Для некоторых стилей характерна разнонаправленная тенденция ориентироваться и на строгие сферы (научный, официально-

---

⁴⁴³ Русский язык в его функционировании. Уровни языка. – М., 1996. – С. 190.

деловой стиль) и на разговорную речь, эта тенденция ярко проявляется, например, в публицистике, ср.: Ельцин снова делится *суверенитетом* и *дает возможность* регионам что-нибудь «отхватить» от центра (Изв., 29/IV – 1999 г.) // Протягом останніх тижнів урядовці активно створюють *під себе* політичні структури (Укр. слово, 14/X – 1999 г.).

Грамматические средства языка не распределены симметрично по типам речи или по функционально-речевым стилям. Можно выделить отдельные синтаксические конструкции, сигнализирующие об определенном типе речи – большая часть таких конструкций обнаруживается в разговорной речи, многие из них воспроизводятся и в художественной речи, а некоторые свободно выступают в научном изложении и в публицистике. Однако значительную часть грамматических средств трудно объединить в соответствии с их функционально-стилистической характеристикой. Кроме того, на их употребление накладываются лексические ограничения (соответственно тематические), диктуемые назначением высказывания. Так, напр., в конструкциях типа: «если..., то...», не содержащих указания на какую-либо обусловленность объединяемых этим «дистантным союзом» предложений, а только служащим для противопоставления и сопоставления их содержания (ср. тогда как..., в то время как... // тоді як..., у той час як...) легко угадывается научный стиль речи. Но именно назначение высказывания устраняет значение условия и определяет значение сопоставления – главную роль при этом (в плане выражения) играет лексика⁴⁴⁴.

Каждая функциональная разновидность языка использует не весь словарь данного языка, а лишь некоторую его часть.

Сублексикон функционального стиля живого, развивающегося языка дифференцированно используется в подстилях, или в подтипах, функционально-стилистических сфер. Например, научный стиль – это и собственно научный стиль, научно-популярный и дидактический («учебный»). В официально-деловом стиле выделяются

---

⁴⁴⁴ Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. – М., 1989. – С. 29.

такие подтипы: законодательный, административно-канцелярский, дипломатический.

Сублексикон определенного стиля обладает различной степенью проницаемости его границ чуждыми лексическими элементами, ср., напр., Конечно, многие теперь рвутся «*на халяву*» стать собственниками успешных предприятий, которые создавались годами напряженного труда (Изв., 23/IV – 1999 г.), *Уж полночь близится*, а Бергмана все нет (там же) // Вони «*відмили*» близько семи мільярдів доларів (Укр. слово, 124/X – 1999 г.); Влада всіляко «*розкручує*» на державних каналах радіо і телебачення своїх претендентів на президентську булаву (Голос Укр., 15/X – 1999 г.).

Наибольшим ограничениям подвержены строгие сферы языка и прежде всего официально-деловая речь. Её потенциальный словарь, по всей вероятности, самый «лимитированный» среди тезаурусов письменной разновидности языка, напр.: Региональные расчетно-кассовые центры (РКЦ) обязаны списывать деньги с корреспондентских счетов филиалов банков даже в том случае, если в предъявленном исполнительном листе указан другой филиал или головная контора банка (Вестник Банка России, 17/VI – 1999 г.); 10 апреля 1998 г. Комиссией Государственного Антимонопольного комитета (ГАК) было рассмотрено дело по признакам нарушения законодательства о рекламе в отношении компании «Еврошоп» (Изв., 14/VII – 1999 г.). Ср. также словосочетания, имеющие ярко выраженную маркированность официальной речи: права потребителя, штрафные санкции, нормативы по эксплуатации, соответствие наличности показаниям счетчика, противозаконная деятельность, злоупотребление служебным положением // аудиторська перевірка, автентичність підпису, банківський переказ, надати в безоплатне користування, бездефіцитний бюджет, злочинна бездіяльність.

В некоторых языковых сферах лексикона более открыты, ср., напр., словосочетания из официально-делового стиля (дипломатический подстиль) в публицистике: Когда «*высокие договаривающиеся стороны*» не знают, когда оно наступит, переговоры становятся более похожими на игру в прятки (Изв., 10/III – 1999 г.);

У нападающей стороны были уже «надколоты и подшиты» некоторые компроматы на действующих членов кабинета (Изв., 17/III – 1999 г.); Ныне *пребывающий под следствием* и в бегах (там же) // Уряд Швейцарії змушений терміново переглядати *правила функціонування* власного банківського співтовариства (Укр. слово, 14/X – 1999 г.); Югославія значною мірою є самодостатнім економічним механізмом (там же).

В художественном и публицистическом стилях, текстах обиходно-разговорной литературной речи могут встретиться малоупотребляемые лексемы (от специальных терминов до диалектных слов). «Восприимчивость нестрогих функциональных сфер к «чуждым» лексическим элементам, которые здесь способны преодолевать характер инородных вкраплений, «инкрустаций» и адаптироваться к новым условиям существования, превращаясь в органические составляющие, заметно сказывается на объеме их словарей. Эти аннексии сильно размывают границы сублексиконов нестрогих функциональных регистров языка»⁴⁴⁵. Авторы художественных текстов иногда совершенно сознательно идут на смешение жанров и стилей. Михаил Зощенко говорил так: «Я пытался соединить жанры. Я взял облегченную форму: юмористический рассказ в реалистической манере. Я взял живых людей, дал им живые реалистические характеры, поместил их в реальную обстановку. Так получился рассказ, который вы знаете. То же самое проделал я и с языком»⁴⁴⁶.

Научная терминология проникает в художественный стиль как через газетно-публицистический стиль, так и непосредственно из определенных терминосистем в произведениях, посвященных людям науки. Ситуационные включения терминов, обусловленные требованиями темы и жанра сообщения, способствуют расширению сферы функционирования того или иного терминологического слова, проникновению его в другие функциональные стили, напр., статья в «Известиях» под названием «Алмазный мой венец» об истории открытия якутских алмазов знакомит читателя

---

⁴⁴⁵ Русский язык в его функционировании. Уровни языка. – М., 1996. – С. 238.

⁴⁴⁶ *Известия*. – 19 августа 1999 г. – С. 7.

с такими геологическими терминами, как *кимберлитовая трубка*, *кимберлит*, *силл*, *пиропы*, *пикроильмениты*, *рудное тело*, *цирконы*, *цирконий*, *кальциты* (Изв., 18/IX – 1999 г.); Название статьи представляет собой аллюзию-название книги В. Катаева. Если название мемуаров В. Катаева демонстрирует метафорическое употребление прилагательного *алмазный*, то в названии статьи оно функционирует в своем прямом значении.

Приемы ввода терминов в газетно-публицистические жанры представляют собой текстовые разъяснения краткие или развёрнутые, точные или приблизительные, ср. в упомянутой выше статье: В то время кимберлитовые алмазоносные трубки (*голубая порода, в которой могут содержаться алмазы*) были известны только в Южной Африке. Кимберлит может располагаться в виде *горизонтальных залежей – силл*. У алмазов есть определенные *минералы-спутники* пиропы, пикроильмениты. Синтаксически подобные приемы разъяснения термина представляют собой приложения, обобщающие слова при однородных членах, вставные конструкции. Напр.: Обеспечение максимального первичного профицита бюджета (*то есть превышения доходов над расходами*) (Изв., 24/III – 1999 г.).

Часто разъяснения термина сопровождаются ссылками на авторов этих терминов или авторитетных лиц, часто употреблявших их в своей речи, напр.: Снижение не поддающегося количественным расчётам общественного потенциала, который *Лев Гумилёв называл пассионарностью* (Изв., 5/XI – 1999 г.). Возможны также вербальные определения тех терминосистем, из которых взяты термины, функционирующие в иностилевом окружении, напр.: В правительстве искусственно формируется положение, *которое в велосипедном спорте называется «гонкой преследования»*: в затылок Владимиру Путину дышат как минимум два претендента на его пост (Изв., 6/XI – 1999 г.); *«Неорганизованная торговля»* (именно так на официальном языке именуется «челночный» бизнес) на государственном уровне упорно не осознается как прочная статья доходов (Изв., 27/XI – 1999 г.).

В художественных текстах научные термины употребляются и с информационной целью, и как стилистическое средство, ср., напр.,

романы Д. Гранина «Иду на грозу», «Зубр», произведения О. Гончара, П. Загребельного.

Если в 60-е – 70-е годы в газетно-публицистический стиль, разговорную речь, художественную литературу активно входили термины из области точных наук и высоких технологий, то в 90-е годы их заменили термины из области финансов, экономики, банковской деятельности: *клиринговые средства, спонсор, лизинг, валютный тендер, конвертация, приватизация, менеджер, аудит // мониторинг, депозит, брокер, картельна угода, депозитарій, инвестор, ипотека, реструктуризация, трани, фінансова інфраструктура* и т.п.

Антропоцентрический характер языка, его предназначение и ориентация на человека проявляется и в таком языковом феномене, как проникновение медицинской терминологии в другие функциональные стили, постоянное расширение сферы ее функционирования с определенным стилистическим заданием, напр.: У аудиторией понемногу вырабатывается *иммунитет* к такого рода *манипуляциям* (Изв., 19/III – 1999 г.); Но один, даже самый большой банк не может стать *панацеей от всех финансовых болезней* (Изв., 24/III – 1999 г.); Кредиты России будут *давать в час по чайной ложке* (там же); *Силён синдром* полного пренебрежения опасностью (Комс. правда, 26/III – 1999 г.); Благодаря информационно-аналитической системе *держим руку «на пульсе»* в западных странах – соседках (там же).

Термины в художественных стилях, кроме информативной функции, функционируют как стилистическое средство, особый знак, элемент кода, неизвестного читателю, то есть своего рода инкрустация. Им свойственна некая изолированность. Термины, которые вводятся в определенные жанры и типы речи (статья на производственную тему, киноочерк, телевизионная передача о научном коллективе) «привязаны» к этим контекстам, локальны. Ср., общебиологические термины в статье о возможной эпидемии гриппа: *вирус, эпидемия, пандемия, штамм, вакцина, антитела, поверхностный белок, мутант, инфекционные агенты, иммунитет, фитонциды* (Изв., 7/X – 1999 г.), астрономические термины в статье «Возвращение тунгусского метеорита»: *планетная система,*

периодическая комета, солнечная орбита, планетология, межпланетное пространство, астероидные потоки (Изв., 8/X – 1999 г.).

В некоторых сферах языка наблюдается метафоризация термина, основой которой является «бытовое» представление о нем, включающее лишь часть дифференциальных признаков, составляющих его содержание. Использование терминов в качестве метафор с начала XX в. становится характерной особенностью публицистики как функционального стиля, ищущей метафорические ресурсы для обозначения различных фрагментов действительности. Для обозначения социальных феноменов используется математическая (Послевыборная ротация кадров – *перемена мест слагаемых*, от которой не меняется результат – Изв., 24/X – 1999 г.), техническая (*лавина неликвида, перекачка денег, корабль мечты*), медицинская терминология (*социальный недуг, валидол для народа, интенсивная терапия налогоплательщиков*), термины, обозначающие природные явления (*инвестиционный, общественный климат, климат развала, климат доверия, прятать деньги за бугром*), спортивная терминология (тяжёлая «*подковёрная*» борьба, противоборство «*в партере*») // «*тримайте удар*» в Раді Європи.

Через устную речь специалистов разного профиля термины (фразеологизмы и клише) проникают в другие функциональные стили. Использование терминов в метафорическом переосмыслении в языке публицистики связано с ассоциативным характером мышления и вызвано глубинными потребностями обмена информацией в обществе. Напр.: Проверили химический состав «*адской смеси*» (взрывчатого вещества – *Н.О.*); Эту «*адскую смесь*» производят в одном из тренировочных лагерей (Изв., 30/XI – 1999 г.); Именно в них террористы чаще всего закладывали свои «*адские машины*» (Изв., 3/XII – 1999 г.). Разговорная речь также нередко прибегает к образно-расширительному употреблению терминов: *заикнуться, остаточная деформация, система без обратной связи, стерильная обстановка.*

Функционируя вне пределов своей терминосистемы в текстах других функциональных стилей, термин может приращивать не только смыслы, но и приобретать какие-то новые грамматические

характеристики, способность к необычной лексической сочетаемости. Напр., в рекламном стиле возможно (хотя и запрещено законом «О рекламе») использование терминов в превосходной степени, в том числе путем употребления слов «самый», «только», «лучший», «абсолютный», «единственный» и т.п.⁴⁴⁷

В частотной метафоре сохраняется ещё ощущение процесса, вербально выражаемое ремарками *образно говоря, образно выражаясь*.

Свободный обмен мнениями на политические или научные темы обуславливает проникновение лексем, относящихся к той или иной терминосистеме, в устную речь, «терминологически точные обозначения могут в той или иной мере вторгаться в разговорную стихию речи»⁴⁴⁸. Напр.: – А вот пиаровец, *специалист по связям с общественностью*, из филолога выйдет (преподаватель, Москва); – Клубы потихонечку *реанимируются* (культуролог, Киев).

В устную речь проникают количественные знаки в связи с расширением каналов точной («научной») информации (численные характеристики времени, расстояния, веса, стоимости, температуры воздуха, номерами транспортных маршрутов) и с усилением регламентирующего влияния на личность надличностных институций, напр.: – Начало спектакля *в девятнадцать тридцать*; – С вас *восемь пятьдесят*, в курице *два семьсот*; – За бортом минус *двенадцать //* – Живе він у будинку *вісім дріб один*, на Пушкінській; – Їдете до «Лук'янівської», далі тролейбус номер *шістнадцять*.

Разговорная речь – это единственный вид словесного общения, который не ориентируется ни на какие письменные образцы, допускает любые темы разговора, свободно трансформируясь от более специальных тем до обиходно-бытовой тематики, стилистический регистр разговорности сохраняется, несмотря на изменение лексической наполняемости текста.

Разговорная речь является источником пополнения других функциональных стилей экспрессивными элементами, прежде всего лексическими. В другие стили попадают в первую очередь те

---

⁴⁴⁷ *Известия* – 5 ноября 1999 г. – С. 3.

⁴⁴⁸ *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект* – М., 1989. – С. 10.

факты разговорной речи, которые наделены экспрессивностью в ней самой. Напр.: *Чрезвычайка* не вводится (Сег., 20/III – 1999 г.); Итоги последнего аукциона по продаже объектов «*незавершёнки*» (там же); Выведение «*железки*» (железной дороги – Н.О.) из-под влияния губернатора (Изв., 1/IV – 1999 г.) // *етнічні чистки*, *столічна тусовка*.

Многие факты разговорной речи, будучи в ней нейтральными, попав в другие функциональные стили, могут получить в них экспрессивное звучание, напр.: *Уж больно* обнаглели американцы (Изв., 25/III – 1999 г.); Ядерное оружие Белоруссии *не по карману* (там же); *Царёк* местных таможенников предложил *убираться прочь* и ударил пограничника (Изв., 27/IV – 1999 г.); Спортсмены *обирали ларёчников* (Изв., 15/X – 1999 г.); *Нынче* президент Татарстана отдыхал, когда российская армия вошла в Чечню (там же).

Для современной деловой и газетно-публицистической речи характерно своеобразное совмещение различных рядов слов, относимых, с одной стороны, к разговорной, с другой – к высокой или книжной лексике. Эти слова перестают быть противопоставленными друг другу в плане стилистических разграничений, стилистическая окраска в ряде случаев становится экспрессивно-оценочным элементом их семантики. Ср. в одном тексте: отношения между *субъектами экономики*; недавние «*зачистки*» в Новороссийске; *специфика* преступлений; *цыплят по осени считают* (Изв., 17/III – 1999 г.); Разгар *эвакуации* домашнего *скарба* и живности хозяев (там же); Каждый *претендовал на лавры победителя*, но при этом успешно *спихивал* на других *вину* в провалах (Изв., 23/XI – 1999 г.).

Стилистическая нейтрализация в деловой и газетно-публицистической речи книжных и разговорных элементов словаря приводит к перемещению внутри синонимических рядов, между членами которых возникают новые парадигматические отношения. Появляется возможность конкретного совмещения разностильных синонимов: Правительству *попеняли* в очередной раз на отсутствие программы действия, *упрекнули* в бездействии (Изв., 17/III – 1999 г.); Они «*вышли в тираж*», *потеряли форму* – и литературную, и интеллектуальную (Изв., 16/IV – 1999 г.).

В современных славянских языках наблюдается активное вовлечение в письменную речь новых пластов разговорной и вообще сниженной лексики. Использование этой лексики в тексте газет, часто вызванное стремлением к преодолению газетного штампа, приводит к изменению их первоначальной стилистической окраски: *задумка, подмога, подсобить, компромат, раздрай, втихаря // блекота, гидко, фальшивка, геть, сверблячка, підставити*.

Во многие сферы речевого общения еще с 20-х годов XX ст. в различных дозах проникли жаргонные, просторечные слова, на первоначальную стилистическую окраску которых наслаивались новые экспрессивно-стилистические оттенки. Напр., слово *жильё* в Словаре Ушакова помещено с пометой «просторечное», сейчас оно употребительно даже в официально-деловом стиле. Напр.: Высший совет по нравственности *не сегодня – завтра* может оказаться узаконенным (Изв., 12/III – 1999 г.). Время от времени, для того, чтобы *«выпустить пар»*, он открывает границу (Изв., 17/III – 1999 г.); Всего было отмечено к *«отработке»* 937 человек (Сегодня, 19/III – 1999 г.).

В последние годы экстралингвистические факторы обусловили криминализацию лексиконов различных функциональных стилей, криминальный жаргон обрушился на разговорную речь, а через неё вылился на газетные полосы, страницы публицистических и художественных произведений. Криминальная лексика и фразеология не выступает в качестве источника синонимии нейтральных слов, она номинирует присущие криминальному миру реалии, вторгающиеся в нормальную жизнь далёких от этого мира людей. Криминализация общества выступает причиной криминализации языка. Напр.: Мандат перестал быть привлекательным для криминальных *«авторитетов»* (Изв., 10/III – 1999 г.); Уралмашевские бизнесмены своим мешком денег хотят *«поставить на счётчик»* местную власть (Изв., 16/III – 1999 г.); Хозяева имеют надёжную *«крышу»*, то есть связаны с армией (Изв., 17/III – 1999 г.); Жизнь *«по понятиям»* привела в СИЗО еще одного кузбасского мэра (Изв., 20/III – 1999 г.); Начинал производство *«важняк»* из столичной прокуратуры; *«Разборки»* накануне выборов в Верховную Раду Украины;

Наезд на депутата и его исчезновение (Сегодня, 18/III – 1999 г.) // Справа про «*відмивання*» грошей (Укр. слово, 11/III – 1999 г.); А це прізвисько, «*кликуха*», яка закріпилась за ним в кримінальних колах Києва (Грані, 15/IX – 1999 г.).

Криминальну семантику розвивають нейтральні лексеми, приоб'єднуючи нові, переносні значення, функціонуючи поряд з словами, входять в лексикони наукового, офіційно-делового, публіцистического стилей. В письмений речі таке їх функціонування виділяється частіше всього при допомозі кавчечок, напр.: Вони можуть спробувати остаточно «*подсадить*» європейських кредиторів Росії, попутно розвалив всі види європейсько-російських альянсів (Изв., 24/III – 1999 г.); Варіант реструктуризації банківської системи, передбачаючий «*зачистку*» всіх російських неплатежеспособних банків (Изв., 20/IV – 1999 г.); Він відчуває, що його «*кинули*», що з ним обошлись як з людиною другого сорту (Изв., 23/IV – 1999 г.); «*Крутой*» відправив ветерана в нокаут власної башкою (Сегодня, 27/IV – 1999 г.); В'єтнамці під заблудившихся грибників не «*косят*» (Изв., 29/VI – 1999 г.) // Українські гроші «*наслідили*» на Антигуа й Барбуді; Танковий «*переділ*». Оздоровчі гроші (День, 11/XI – 1999 г.).

Совмещення різноманітних стилістических засобів в одному і тому ж тексті⁴⁴⁹ призводить до функціонування в одному і тому ж семантическому полі (напр., номінацій обов'язкових осіб) лексем різноманітної стилевої приналежності і стилістическої окраски. Ср., напр.: Споры між *губернатором*, мэром, прокурором, місним авторитетом (Комс. пр., 3/IX – 1999 г.). Розплодившиєся милицескіє «*кряши*» успішно конкурують з *криміналітетом* (Изв., 26/III – 1999 г.); У нас система «*откачки*» бюджетних засобів прочнее *егіпетської піраміди* (Сегодня, 12/V – 1999 г.) // Київський міський голова – «*мер*» усіх міст України (Сільські вісті, 27/IX – 1999 г.).

В публіцистический стиль і язык художественної літератури активно проникає через просторечіє жаргонна лексика, елементи молодіжного сленга, іспользуєміє переважно в усній

---

⁴⁴⁹ Грамматическіє іспользования. Функціонально-стилістический аспект. – М., 1989. – С. 15.

общении, которое отражается и в письменной речи. Напр.: Оттачивались жанр журналистской провокации и искусство *дезы* (дезинформации, журналистский сленг – Н.О.) (Изв. 19/III – 1999 г.); Кремль *под колпаком* у Скуратова (Изв., 24/III – 1999 г.). Начинать *раскручивать* новые фигуры (Изв., 16/IV – 1999 г.); *Ящик* (телевизор – Н.О.) требует от человека веры и верности (Изв., 23/IV – 1999 г.); Его обидчик уселся в «*тачку*» и рванул с места (Сегодня, 27/IV – 1999 г.). Иностранность острохарактерных лексических элементов отчётливо ощущается, жаргонизмы в других речевых стилях выделяются в устно-разговорных формах интонационно, а в письменных разновидностях речи графически. Иногда они сопровождаются вводными словами: *как нынче говорят, как теперь называют, как говорят мои студенты (дети, ученики и т.п.)* и т.д. – Всем всё, *как говорят, «по фигу»*, потому что власть вне контроля (Изв., 22/V – 1999 г.); Они «*накопали*» на министра какой-то компромат (Изв., 28/V – 1999 г.); Они подверглись издевательствам со стороны «*дедов*»-старослужащих (Изв., 16/IV – 1999 г.); – Вот вам сразу, *как говорят студенты*, вопрос «*на засыпку*»: сколько стоит проезд в метро (Изв., 22/X – 1999 г.); Административными рычагами он в свою пользу «*разруливает*» все возможные ситуации (там же); Рейтинговое состязание с «*отвязанным*» телеведущим (там же) // – Ви мене вже «*дістали*» (Укр. слово, 30/X – 1999 г.).

Иногда в текстах одного функционального стиля прямо указывается на другую функциональную разновидность языка, из которой заимствована та или иная номинация денотата, даётся её толкование, напр.: Заключить пакт о ненападении элит. *На политическом сленге* это еще называется «водяным перемирием»: если в джунглях пожар, то у воды спасаются и лев, и антилопа-гну, и охотник, и предмет охоты. Никто никого взаимно не пожирает (Изв., 13/XI – 1999 г.); «Средства идут на «партийное строительство» Эти деньги *на американском политическом жаргоне* называются «мягкими». Из «мягкого» фонда оплачивается реклама, пропагандирующая достижения и программу партии (там же).

Газетно-информационный дискурс может содержать узкоспециальные термины, заимствованные из различных терминосистем,

разъяснения которых осуществляются при помощи синонимов из обиходной речи: В юриспруденции есть понятие *ненадлежащий истец*. Этим термином обозначается юридическое или физическое лицо, желающее остановить через суд творящееся, по его мнению, беззаконие, но не имеющее правовых оснований в это беззаконие вмешиваться. В быту мы легко обходимся без этого термина, говоря: врачу *«исцелися сам»*, *«чья бы корова мычала»* или даже *«сам дурак»* (Изв., 3/XII – 1999 г.).

Среди жаргонизмов лексических, функционирующих в нестрогих стилях литературного языка, выделяются семантически изменившиеся слова, которые развивают значения, отсутствующие при их употреблении в текстах строгих стилей, напр.: Преимущества такой транспортировки экспортных грузов перед *«трубой»* (трубопроводом – Н.О.) (Изв., 10/III – 1999 г.); *«Труба»* – дело всегда надёжное (о транспортировке каспийской нефти через Украину – Н.О.) (Сегодня, 30/X – 1999 г.); Повлияла и экономическая ситуация (в первую очередь *«труба»* Баку – Джейхан) (Изв., 24/XI – 1999 г.); Валюта Национального банка Украины ушла *«налево»* (Изв., 21/IV – 1999 г.); *Настучи* на ближнего своего (Сегодня, 20/III – 1999 г.). Выбор определенного слова или выражения может диктоваться обстоятельствами или нормами, принятыми в обществе⁴⁵⁰.

Иллокутивные цели говорящего (субъекта речи) обуславливают введение в тексты строгих стилей элементов сниженной фразеологии, фонетики, словообразования, напр.: Ослабить *налоговую удавку* на шее среднего класса (Сегодня, 18/III – 1999 г.); Вопросы собственной традиции по поиску многочисленных заговоров *«мировой закулисы»*, автор сослался на данные иностранных источников (Изв., 24/III – 1999 г.); Если бы тогда, в августе, Путин не решил начать *«мочить бандитов в сортире»*, сегодня в России могло не оказаться не только Чечни (Изв., 23/XI – 1999 г.) // Як *полоскати мізки* виборців (Сільські вісті, 21/V – 1999 г.); Та *шило* все частіше *вилазить із мішка* (там же).

Фонетические особенности сниженной лексики в письменной речи находят спорадическое отражение, напр.: Между антиамери-

⁴⁵⁰ Вежбицкая Анна. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 100.

канской истерикой и намерением «вдарить» по агрессору – громадная дистанция (Изв., 16/IV – 1999 г.). Сниженная лексика характеризуется и наличием в своем составе слов с эмоционально-оценочными словообразовательными элементами, напр., для названий лиц в газетной речи. Ср. нейтральные *назначенец* – *управленец* – *думец* // *урядовець* и номинации *думак*, *важняк*, в которых при помощи суффикса –ак (-як) выражается отрицательная коннотация (*думак* – депутат Государственной Думы, *важняк* – важное лицо). Жаргонные наименования лица могут представлять собой сложносокращенные слова: *старлей* (старший лейтенант), *нардеп* (народный депутат): *Нардепам* гарантируется неприкосновенность (Изв., 5/XI – 1999 г.).

Весьма частотны в строгих стилях субстантивы женского рода с суффиксом -к-, образованные от глаголов несовершенного вида: тусоваться – *тусовка*, развлекать – *развлекаловка*, раскручивать – *раскрутка*, засвечивать – *засветка*. Этот суффикс также функционирует в существительных, образованных путем стяжения словосочетаний «прилагательное + существительное» от основы прилагательного: *оборонная* промышленность – *оборонка*, *аварийная* машина – *аварийка*; *страшный* фильм – *страшилка*, *пленарное* заседание – *пленарка*, *нефтяная* промышленность – *нефтянка*, *гуманитарная* помощь – *гуманитарка*, *незавершённое* строительство – *незавершёнка*, *железная* дорога – *железка* // *районна* газета – *районка*, *вечірня* газета – *вечірка*, кондитерська промисловість – *кондитерка*, *поіменне* голосування – *поіменка*. Ср. употребление их в текстах: Если Транссиб останется обычной «железкой», монополию на трансконтинентальные перевозки приобретёт Китай (Изв., 10/III – 1999 г.); Переориентировавшись с «оборонки» на «гражданку», физики доказали свой универсализм (Изв., 30/VI – 1999 г.); Нигде от подделки не убережешься: ни на *оптовке* (оптовый рынок), ни в приличных магазинах (Комс.пр., 17/IX – 1999 г.). Стилизация обиходной речи в публицистическом стиле изредка осуществляется и за счет просторечных морфологических элементов, напр., склонения несклоняемых субстантивов, просторечных глагольных форм и т.п.: *Кина* не будет (заголовок в «Известиях», 26/XI – 1999 г.).

В текстах, представляющих собой жанры строгих стилей, встречаются разговорные синтаксические конструкции, представляющие собой как отдельные предложения, так и словосочетания, с инверсионным порядком компонентов в них, элементами парцелляции: Правительство обещает: мест «на зонах» хватит для всех (Изв., 17/III – 1999 г.); В последние года четыре эта тактика себя неизменно оправдывала (Изв., 24/III – 1999 г.); – Ну какие теперь отставки – вы же слышали, что президент полностью поддержал правительство (Изв., 31/III – 1999 г.); – Жить-то на что будем? (Изв., 16/IV – 1999 г.); Остается дожидаться итогов весенней сессии МВФ – и считай денежки. Уж больно всё хорошо. (Изв., 27/IV – 1999 г.); И вот теперь накатил новый – куда более грозный (Изв., 5/XI – 1999 г.); Вы сомневаетесь, что мы воюем с террористами? Что, и теперь всё ещё сомневаетесь? (Изв., 6/XI – 1999 г.). Иностранные элементы в научном тексте проявляются и в лексико-грамматической их сочетаемости, ср., смысл «много» в научном тексте: Главная беда российской авиапромышленности заключается в том, что ее (авиапромышленности) оказалось слишком много (Изв., 24/XI – 1999 г.). Подобное нарушение лексико-грамматической сочетаемости более характерно для нестрогих сфер языка. Ср. противоположный смысл в этом же научном дискурсе: *Меньше промышленности* (там же).

Взаимодействие стилей как объективный процесс предполагает и обратное явление: влияние строгих стилей языка на нестрогие стили – разговорную речь, публицистический и художественный стили. «Нельзя забывать о постоянном взаимодействии всех функциональных стилей в системе единого литературного языка»⁴⁵¹. Научный, деловой стили речи оказывают все большее влияние на лексику разговорной речи, сублексиконы публицистического и художественного стилей. Напр.: Объективно *форвардная* статистика непрозрачна. Проблема «замороженных» валютных *фьючерсов* (Изв., 17/III – 1999 г.); *Мотивы такой рокировки* с точки зрения политической логики рассматривать сложно. Скорее они, мягко говоря, из области *психологии* (Изв., 6/XI – 1999 г.).

⁴⁵¹ Будагов Р.А. Человек и его язык. – М., 1974. – С. 42.

Проникновение в обиходную речь терминов, «книжных возвышенных слов» отмечал в начале 20-х годов А.М. Селищев, который приводил такие примеры употребления книжных слов в разговорной речи: Какие *предпосылки* для этого? Мы еще не знаем, *поскольку секретарь отсутствует* (речь рабфаковца)⁴⁵².

Введение элементов газетного стиля в художественный текст при изображении обиходно-литературной речи персонажей – один из видов трансформационного влияния одного стиля на другой. В разговорной речи персонажей возможны маркированные словосочетания газетного стиля: *в духе, на благо, под знаком // на адресу, по лінії, в порядку* и т.п. – *А чувство долга* или, там, *обязанностей*, перед другими – как с этим? Должны вы кому-нибудь что-нибудь? – вынужден он пояснить вопрос (М. Харитонов, Приближение); – Их там столько! Могли бы завалить *деликатесным продуктом* Париж (А. Приставкин, Синдром пьяного сердца); – Ему люди поверили, самые талантливые поверили, выделились из *государственного сектора*, создали кооперативы, стали наживать добро, готовы были за хорошую цену кинуть и здания, и станки, и механизмы... (Ю. Кувалдин, В садах старости) // Я вирішив діяти в дусі здорового нахабства (П. Загребельний, Переходимо до любові); Наївність на рівні дитячого садка (там же).

В сублексиконах разговорной речи, публицистического и художественного стилей стали частотными субстантивы на *-ия, -ция, -ация // -ія, -ція, -ація*, имеющие оттенок книжности, которые через язык средств массовой информации проникают в активный словарь носителей языка: *Рекомендации* по распределению *функций* власти (Сегодня, 2/IV – 1999 г.); Внебюджетный фонд *компенсаций* потерь (там же); *реализация* объектов в процессе *приватизации* (там же); Эстетическая *рефлексия*, подробная *документация*, *аннотация* книги // *кращі традиції, виїзна комісія, демонстрація* фільму «Титанік».

В художественном стиле книжные слова в обиходной речи персонажей часто выступают как средство экспрессии, с целью создания стилистического эффекта (юмора, иронии). Стилистический

⁴⁵² Селищев А.М. Язык революционной эпохи. – М., 1928. – С. 47.

эффект столкновения различных языковых экспрессивных источников формирует ироническое повествование. Напр.: – У вас, Серафим Ярополкович, в голове *сущий ералаш*. Тут дело идет о конце собственного Я, поскольку бессмертия не существует, о роли, так сказать, моего семени в истории, а он об этих толкует, о *государственном капитализме* (Ю. Кувалдин, В садах старости); – У меня тоже был интеллеktуал, писатель. Я ему говорю: *диагноз* мне очевиден, оболочка *защитного равновесия* прохудилась. А они: что это значит (М. Харитонов, Приближение); – Надежда, ты чего сегодня не помылась, у нас *гигиена!* – беззлобно заводит беседу Верка. – Придет *санэпидстанция*, смотри! *Штрафанут* из-за тебя (Л. Петрушевская, Надька) // *Наївність на рівні дитячого садка*. Десять днів, які сколихнули Митька Череду (П. Загребельный, Переходимо до любові).

Взаимодействие стилей – это слом инерции стилей, введение стилиевых языковых средств одного стиля в другой должно быть мотивированным. Влияние художественного стиля на другие функциональные стили (газетно-публицистический, научный и т.п.) проявляется и в прямой цитации художественных текстов, их трансформации и переосмыслении. «В области культурно значимых объектов и концептов языки обладают особенно богатым словарным запасом. Культурное развитие отражается не только в лексических, но и в грамматических структурах⁴⁵³. Ср., напр., литературные аллюзии в публицистическом стиле: Может собственных «Билл Гейтсом» земля российская рождать (Изв., 30/IV – 1999 г.) (из М.В. Ломоносова); Страна наша какая-никакая, но всё же не Страна Дураков и народ наш какой-никакой, а все-таки не Буратино (А. Большунов, Станет ли в России жить хорошо?) (литературные аллюзии и в тексте, и в названии книги): Геннадий Зюганов, подобно Винни-Пуху, не пожелал, выбирать между мёдом и сгущённым молоком и пообещал отставку правительства (Изв., 12/V – 1999 г.); Дон-Кихот пытался победить ветряную мельницу, а Счётная палата ВР – корыстолюбие украинских чиновников; Я здесь сижу, чего же боле... (заголовок в газете о пушкинском конкурсе чтецов-

⁴⁵³ Вежбицкая Анна. Язык. Познание. Культура. – М., 1996. – С. 72.

заклученных); Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи крыш (Сегодня 14/V – 1999 г.); Наш паровоз вперёд рванул (заголовок в «Известиях», 25/V – 1999 г.) // Ні до кого в світі прихилитись... (цитата из Т. Шевченко в качестве заголовка статьи в газ. «Сільські вісті», 16/XI – 1999 г.).

Весьма частотны в строгих сферах литературного языка и такие элементы художественного стиля, как собственные имена популярных персонажей, вымышленные топонимы, выступающие различными номинациями знаковых явлений, напр.: Экономический *Бармалей* или мифы о банкротстве (Изв., 13/V – 1999 г.); Дороги, супермаркеты, спутниковая связь остались для них мечтой о *Нью-Васюках* (Изв., 27/ XI – 1999 г.); Talisman с родины *Мимино* (26/XI – 1999 г.).

Восприятие публицистического дискурса, содержащего литературные аллюзии, вплоть до прямой цитации, реципиентом зависит от подготовленности адресата, его способности настроиться на эмоциональную волну автора. Знание упомянутых исторических реалий, литературных, музыкальных, художественных источников адресантом и адресатом обеспечивает адекватное восприятие языковой картины мира. Ср., напр.: Нужно заработать на модернизацию оборудования, действующего с *«времен очаковских и покоренья Крыма»* (Изв., 24/XI – 1999 г.); *Уходит с Запада душа* (Б. Пастернак); *Мне нравится, что вы больны не мной* (М. Цветаева) – заголовок в «Известиях», 26/XI – 1999 г.; *Тень, знай своё место!* (там же); Тени вполне довольны жизнью: они наперегонки *играют в слона и моську*, и отъедают друг у друга клочки своих игрушечных рейтингов (там же); *Дума уходит в былое* (заголовок в «Известиях», 7/XII – 1999 г. о предпоследнем заседании Госдумы, ср. А.И. Герцен «Былое и думы»).

Часто адресанты публицистических, научных дискурсов, преследуя иллюкутивные цели определенного порядка, указывают на источник литературных аллюзий, если они не уверены абсолютно в адекватном восприятии их адресатом и могут давать этому источнику развёрнутую характеристику, напр.: Сами собой вспоминаются горькие пушкинские строки: «Такие смутные мне мысли

всё наводит / Что злое на меня уныние находит / Хоть плюнуть да бежать» (Изв., XIV – 1999 г.); В прошлом столетии гениальный русский мыслитель и болезненно-экстатический мистик Владимир Сергеевич Соловьев написал стихотворение, в котором резко, на грани эмоционального срыва, спрашивал родную страну: «Каким ты хочешь быть Востоком: Востоком Ксерокса или Христа?» (там же); Дебаты произвели эффект коллективного прозрения, описанный еще Э.Т.А. Гофманом в сказке про Крошку Цахеса (Изв., 2/XII – 1999 г.).

Художественный стиль влияет на другие стили не только цитацией художественных текстов, но и функционированием тропов в строгих стилях речи, где обычно они не употребляются, научном, официально-деловом. Элементы художественной речи, знаковые культурные номинации в функциональных стилях: развернутые метафоры, литературные реминисценции свидетельствуют об определенной культурной основе автора и соответствующем уровне духовного развития адресата. Напр.: в научном стиле *Всеобщая брокерская эйфория* заставляет участников рынка сегодня скупать по всему миру ценные бумаги. Одним словом, не рынок, а праздник какой-то, народное американское гуляние, «*бычье*» *родео* (Изв., 24/III – 1999 г.); Глава Госстроя *завёл старую песню* о необходимости сделать льготы по платежам за коммунальные услуги адресными (Изв. 23/IV – 1999 г.); Найдется ему – бюрократу – в России *хлебное место*. Народ скопом был превращен в *камикадзе перестройки* (Комс. правда, 6/V – 1999 г.); в официально-деловом стиле: *Газовые тучи, нависшие над* Нацбанком Украины в связи с заявлением о якобы нецелевом расходовании кредита, *начали* рассеиваться после официального заявления (Изв., 12/V – 1999 г.); Министр на переговорах *взял тайм-аут*, чтобы проконсультироваться с Москвой (Изв., 9/VI – 1999 г.) // Для стародавнього Києва, «*матері міст руських*», орієнтиром щодо розвитку туризму може слугувати Рим. До вічного міста щоденно прибувають 600–800 туристичних автобусів (Хрещатик, 11/XI – 1999 г.); *Хмари над «Брацлавом»*. Брудна гра довокola підприємства по виробництву доїльної апаратури (Сільські вісті, 16/XI – 1999 г.).

В украинский публицистический стиль вошли крылатые выражения из произведений О. Гончара: *найвища краса – краса вірності; людина і зброя; твоя зоря; ніщо мені так не пахне, як наш степ, цвіт слова народного*; П. Загребельного – *переходимо до любові*.

Межъязыковое контактирование способствует проникновению иноязычных иностилевых элементов в определенные функциональные стили, напр., иноязычный термин *ноу-хау* в газетной речи функционирует в наши дни как кириллицей, так и латиницей: Используются ли отечественные *ноу-хау* при спасательных операциях (Комс. пр., 26/III – 1999 г.); Зная характер надёжных схем «*ноу-хау*» людей, контролирующих ОРТ, можно предположить, что задачей-минимумом является финансовая блокада «Моста» (Изв., 18/XI – 1999 г.). Или ср. в научном тексте: Верификация формального синтаксиса *a la* Хомский (Семантические примитивы и универсалии); Эти иноязычные элементы служат средством трансмиссии культур.

Особенно ярко межстилевое взаимодействие проявляется в тексте одного автора, когда он выступает в различных ипостасях – публициста и писателя, учёного и публициста, дискурсы которого отражают картину мира. Языковая ментальность классического учёного в какой-то степени космополитична (в положительном понимании), различные же варианты ментальной репрезентации возможны в публицистической картине мира. Межстилевое взаимодействие в дискурсах одного и того же автора (научных и публицистических) связано с иллюкутивными целями адресанта, с прогнозированием влияния на эмоции и сознание читателя через определенный жизненный факт. Влияние на научного адресата осуществляется благодаря самой информации научного дискурса. Публицистический адресат воспринимает подобную информацию, вербализованную лексическими единицами с эмоциональным семантическим потенциалом, которые, проходя через весь дискурс, вызывают у адресата определённое чувство.

Межстилевое и межъязыковое взаимодействие особенно ярко проявляется при контактировании родственных языков, какими выступают русский и украинский языки. Межъязыковое

взаимодействие исследуемых языков в пределах одного функционального стиля много и плодотворно исследовалось выдающимися украинскими лингвистами Л.А. Булаховским, И.К. Белодедом, Г.П. Ижакевич, Т.К. Черторижской и их учениками. Украинская русистика вошла в мировую славистику именно работами по русско-украинскому языковому взаимодействию в области лексики, фразеологии, грамматики, стилистики. В области стилистики это взаимодействие проявляется во взаимовлиянии функциональных стилей одного языка с аналогичными функциональными стилями другого языка.

Однако наблюдается и такой языковой феномен, когда функциональный стиль одного языка влияет на другой функциональный стиль другого языка. Например, в русский текст газетно-публицистического стиля включается иноязычный иностилевой элемент (вкрапление из украинского художественного текста), чем достигается усиленная экспрессия: Станут ли наши ток-шоу на «стрімке українське крило»? (Сегодня, 14/IV – 1999 г.).

В русский публицистический стиль органично входят номинации из украинского официально-делового стиля: *Верховная Рада*, *Рух* и т.п., напр.: Формирование в *Верховной Раде* большинства; *Рух* – правая рука демократии. Народный *Рух* Украины под управлением Юрия Костенко проведёт 18 декабря учредительный съезд (Изв., 30/X – 1999 г.). Об органичности вхождения таких лексем в русскую речь свидетельствуют и производные от них слова в русском публицистическом лексиконе: Организация вернётся к традиционному *руховскому* уставу (Изв., 30/XI – 1999 г.). Ср. также *руховец*, *руховка*, а также аббревиатуры *ВР* (Верховная Рада), *НРУ* (Народный Рух Украины): Блок направил аналогичное обращение в *ВР*, он просит депутатов поддержать обращение (Изв., 30/XI – 1999 г.).

Иногда подобные украинские официальные номинации в русском газетном дискурсе переводятся: Спикер Александр Ткаченко, представляющий *Селянскую (Крестьянскую)* партию (Изв., 25/I – 2000 г.).

Частотны русские литературные аллюзии в украинских публицистических текстах, напр.: Чабанів на переправі не міняють

(заголовок в газ. «Сільські вісті», 16/XI – 1999 г.); Належне буде віддано тим «народним вітіям», хто агітував за нього (ср. у Пушкіна «О чём шумите вы, народные витии» (там же). Иногда прямо указывается на источник литературной иноязычной аллюзии: Російський геній називав свою країну «страной рабов» («Сільські вісті», 16/XI – 1999 г.).

Обиходная речь на одном языке может влиять на более строгие речевые сферы другого языка как отдельными вкраплениями, так и – шире – выступая речевой партией отдельных персонажей, напр., в русском газетном тексте просторечная обиходная украинская номинация: Тогда и обнаружили мастерски оборудованную «схованку», замаскированную под крышу грузового отсека (Сегодня, 18/III – 1999 г.). В русскую обиходную речь могут проникать синтаксические структуры, свойственные украинскому официально-деловому стилю: *Я не есть* постоянный сотрудник администрации, *я не есть* председатель холдинга (предприниматель, Москва, выступление по ОРТ).

В романе В. Сосюры «Третья рота» русская обиходная речь широким потоком льётся из уст действующих лиц – родных, земляков великого украинского поэта, органически вплетаясь в украинский художественный стиль: – *Вань, а Вань!* Когда ж мы поженимся? – питала Поля. Він процідив крізь зуби: *Видно сову по полёту*, какова она. Ліза відповідала: *Не он, а я его* водила. Управитель покликав до себе: *Что же вы, Володя, как нежная девица.* Я позвонил Розвалу, он перед вами извинится. Идите наверх. Я кажу йому: *Как у вас здесь тихо и бело. Хочется бросить всё и остаться у вас.* Капитан, у якого тускло блищать погони, каже: – Вы думаете, что денкиницы издеваются. *Это всё враки.* ... Национальной спецификой антропоцентричных образов объясняется этот феномен в украинском художественном дискурсе. В этом случае можно говорить о межкультурной коммуникации, сопоставляя культурные и языковые нормы, действующие в разных культурах⁴⁵⁴. Межкультурное взаимодействие наблюдается в различных видах искусства конца XX

---

⁴⁵⁴ *Вежбицкая Анна.* Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – С.43.

века, в том числе прикладных. «Мода на пороге третьего тысячелетия предстала перед нами в образе Великой Барахолки, гигантского Second Hand из стилей, образов разных эпох, национальных традиций и безумств лидеров моды, смешанных в невероятном калейдоскопе»⁴⁵⁵.

Для создания украинского колорита речевой партии персонажа, говорящего по-русски, в его устную речь включаются фонетические элементы, свойственные украинской обиходной речи: На одном из киевских концертов мне сказали «на *шо* же вам это надо, не будем идти у зрителя на поводу...» (Изв., 4/XII – 1999 г.); Блестящий, сотканный из украинской *мовы* и современного русского говора язык, парадоксальное остроумие (Изв., 15/I – 2000 г.); Говядина взбесилась. А *шо* сало? (Столичн. нов., 12/XII – 2000 г.); Эта фамилия не была известна «*широкому загалу*». Г-на Балашова *гнобили* за пресловутую «десятину» (Изв., 20/XII – 2000 г.); Одни и те же песни исполняли то на «*мове*», то на русском (Изв., 26/XII – 2000 г.).

В газетно-публицистической русском дискурсе возможно функционирование русских фразеологизмов, трансформированных при помощи включения украинских компонентов, для осуществления иллокутивных целей адресанта. Свято «*місто*» пусто не бывает (Изв., 29/IX – 1999 г.). Компонент русского фразеологизма заменён омонимичным украинским.

Русское просторечие влияет на газетные украинские тексты, актуализируя калькирование книжных русских фразеологических единиц, таких как *під мухою*, *на всі сто*, *по-крупному* и т.п.⁴⁵⁶

Для воссоздания языкового колорита эпохи современные авторы используют функциональные стили разных языков. Например, язык пьесы «Стальова воля» Максима Курочкина, воссоздающей воображаемый быт польско-украинского городка времён Б. Хмельницкого, соткан из церемонных средневековых полонизмов, украинского языка и современного русского говора.

---

⁴⁵⁵ *Известия*. 3 декабря 1999. – С. 7.

⁴⁵⁶ *Радзівівська Т.* Процес текстотворення у білінгвістичній мовній ситуації. *Slavia orientalis*. – 1999, № 3. – С. 456.

Таким образом, межстилевое взаимодействие в сопоставляемых русском и украинском языках нельзя ограничивать внутриязыковыми рамками, в которых взаимодействуют функциональные стили. Оно дополняется межъязыковым взаимодействием контактирующих языков, когда определенный стиль одного языка оказывает влияние на стиль другого языка, не коррелирующий с ним. Межстилевое взаимодействие в таких социально-исторических условиях функционирования языков органично переплетается с межъязыковым взаимодействием в контактирующих стилистических системах, являющихся своеобразным результатом культурной глобализации.

Для нотаток

Для нотаток

Наукове видання

Басова Галина Дмитрівна
Голосова Тетяна Михайлівна
Лазебник Юрій Станіславович
Озерова Ніна Григорівна
Синиця Ірина Анатоліївна
Стоян Людмила Макарівна
Тупицька Ганна Миколаївна

ЗІСТАВНА СТИЛІСТИКА

РОСІЙСЬКОЇ І УКРАЇНСЬКОЇ МОВ

Монографія

Відповідальний редактор *Н.Г. Озерова*

Дизайнер обкладинки *Катерина Ананко*
Макетування й комп'ютерне верстування *Євгенія Нестеренко*

Підписано до друку 30.10.2014 р.
Формат 60 x 84 1 / 16. Папір офсетний.
Гарнітура Minion Pro. Друк офсетний.
Обсяг 17,52 ум. др. арк. 22,20 обл.-вид. арк.
Наклад 300 прим. Зам. № 1384.

Видавничий дім Дмитра Бураго
Свідоцтво про внесення до державного реєстру
ДК № 2212 від 13.06.2005 р.
04080, Україна, м. Київ-80, а / с 41
Тел. / факс: (044) 227-38-28, 227-38-48;
e-mail: info@burago.com.ua, site: www.burago.com.ua